

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

6

1975

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

6

Ноябрь — Декабрь

1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев, С. А. Арутюнов,**
Н. А. Баскаков, С. И. Брук, Л. М. Дробижева, Г. Е. Марков, Л. Ф. Моногарова,
А. П. Окладников, Д. А. Ольдероргге, А. И. Першиц, Н. С. Пилищук
(зам. главн. редактора), **Ю. И. Семенов, В. К. Соколова, С. А. Токарев,**
Д. Д. Тумаркин (зам. главн. редактора), **К. В. Чистов**

Ответственный секретарь редакции **Н. С. Соболь**

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

ЕВРОПА: МИР, БЕЗОПАСНОСТЬ, ДРУЖБА НАРОДОВ

В конце июля — начале августа 1975 г. в Хельсинки состоялось совещание на высшем уровне, посвященное проблемам безопасности и сотрудничества в Европе. В нем участвовали руководители 33 европейских стран, а также США и Канады, подписавшие исторический Заключительный акт. Как справедливо отмечал в своем выступлении на совещании в Хельсинки Л. И. Брежnev, положения, закрепленные в этом документе, «служат интересам народов, служат интересам людей независимо от их рода занятий, национальности, возраста, рабочих, тружеников села, лиц интеллектуального труда, каждого человека. Они проникнуты уважением к человеку, заботой о том, чтобы он жил в условиях мира и уверенно смотрел в завтрашний день»¹.

Весь советский народ приветствует разультаты совещания в Хельсинки, видит в Заключительном акте приемлемую для всех государств Европы, как капиталистических, так и социалистических, программу для обеспечения мира и сотрудничества. Оба эти понятия — «мир» и «сотрудничество» — диалектически взаимосвязаны, дополняют одно другое. Альтернативой им является война — этот бич, это проклятье, на протяжении столетий висевшее черной тучей над народами Европы и сеявшее смерть, разрушения, болезни, ненависть, отравленные семена реванша, национализма, ксенофобии, расизма и им подобных социальных зол. На войне наживались только господствующие классы, капиталисты, торговцы оружием, народы же терпели от войны неописуемые бедствия: война пожирала десятки миллионов людей, огромные материальные ценности.

Достаточно сказать, что, по подсчетам специалистов, людские потери от войн в европейских странах (убитыми и умершими от ран и болезней) составили в XVII в. 3 млн 300 тыс. чел., в XVIII в. — 5 млн 372 тыс. чел., в XIX — начале XX в. (до первой мировой войны) — 9 млн. 336 тыс., в первой мировой войне — 20 млн. чел., между двумя мировыми войнами — 1 млн. 336 тыс. чел. и во второй мировой войне — 50 млн. чел. (из них 20 млн составили потери одного только Советского Союза). Таким образом, за три с половиной столетия Европа потеряла в войнах свыше 72 млн. чел. Что касается материальных потерь, то только в первую мировую войну они исчислялись в 260 млрд долларов, а во вторую мировую войну — 3300 млрд долларов.

Захватнические войны, а такими было большинство войн в Европе, служили разъединению народов, их обособлению, тормозили их духовное и материальное развитие, потворствовали звериным инстинктам, нагромождая искусственные препятствия на пути дружбы и сотрудничества народов, вели к их порабощению, к геноциду. Утверждения, что война ускоряет технический и промышленный прогресс, укрепляет биологические качества народов «путем отсеивания более слабых особей» — подобного рода людоедские утверждения ничего общего не имеют с научной истиной. Они особенно чудовищны, если подумать о тех потерях, которые понесут люди в случае возникновения нового мирового кон-

¹ «Правда», 2 августа 1975 г.

фликта. Как отмечает Г. Киссинджер в своем труде «Ядерное оружие и внешняя политика», успешная ядерная атака против США привела бы к полному уничтожению 50 наиболее крупных промышленных центров, 40% населения, до 50% основных строений и около 60% промышленности. Еще большие потери потерпели бы от ядерной войны страны Европы, где концентрация населения и промышленных объектов значительно выше, чем в США. Нетрудно представить, к каким губительным последствиям для народов нашей планеты привела бы термоядерная война, вспыхни она в любой точке земного шара.

Война всегда была проклятьем для человечества. Лучшие умы в прошлом изыскивали пути к укреплению мира на земле. Жан-Жак Руссо горячо приветствовал в 1778 г. предложение аббата Сен-Пьера установить «вечный мир». «Если когда-нибудь какая-либо моральная истина и была доказана,— писал Руссо,— то мне представляется, что это — общая и частная польза сего проекта. Преимущества, которые были бы результатом его осуществления, и для каждого государства, и для каждого народа, и для всей Европы огромны, ясны, неоспоримы...». Другие мыслители считали всеобщий мир недостижимым идеалом. Вольтер, например, назвал планы такого мира «чистейшей химерой, столь же неприемлемой для государей, сколь для слонов и носорогов». Порой агрессоры выдавали свои проекты порабощения других народов за стремление к всеобщему миру, хотя на практике он оборачивался «миром кладбищ». Классовый характер общества порождал завоевательные войны, народы на протяжении столетий питали страх и недоверие к соседям, опасаясь подчинения и порабощения. Нормой международной жизни стала знаменитая римская пословица: «Желаешь мира — готовься к войне».

Казалось бы, уроки первой мировой войны должны были бы научить государственных деятелей той простой истине, что агрессивные войны не только сеют смерть и разрушения, но и жестоко наказывают тех, кто их порождает. Нельзя сказать, что в период между двумя мировыми войнами не говорилось на различных уровнях о необходимости упрочения всеобщего мира. Много слов было сказано об этом с трибуны Лиги наций, созывались конференции по разоружению, существовало даже Паневропейское движение. Советский Союз делал все от него зависящее, чтобы обеспечить прочный мир на основе разоружения, ненападения и невмешательства во внутренние дела государств. Однако его усилия не увенчались успехом. Государственные деятели капиталистических стран не вняли голосу разума. Ослепленные ненавистью к Советскому Союзу, к коммунизму, они своими уступками поощряли Гитлера к развязыванию второй мировой войны. Но даже крах гитлеровской кровавой авантюры не отбил у некоторых западных политиков желания уничтожить социализм. Последовали мрачные годы «холодной войны». Совещание в Хельсинки и принятый им итоговый документ означают крах этой бесплодной и безрассудной политики. Как подчеркивают Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета и Совет Министров СССР, «общеверопейское совещание государств, созванное в результате инициативы стран социалистического содружества, поддержанной странами Европы, а также США и Канадой, подвело коллективно необходимый политический итог второй мировой войны, подтвердило бесплодность и вредность политики с позиции силы и «холодной войны». Вместе с тем оно открыло новые возможности для решения центральной задачи нашего времени — упрочения мира и безопасности народов»².

Дух Хельсинки — это победа разума над политическим авантюризмом, выигрыш всех, кому дороги мир и безопасность на нашей планете.

Единогласно принятый в Хельсинки представителями европейских

² «Об итогах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе», «Правда», 7 августа 1975 г.

государств и подписанный США и Канадой Заключительный акт призывает европейские народы и их правительства соблюдать принципы суверенного равенства, уважать права, присущие суверенитету, не применять силу и не угрожать применением силы, соблюдать нерушимость границ и территориальную целостность государств, стремиться к мирному урегулированию споров, не вмешиваться во внутренние дела государств, уважать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений, признать принцип равноправия народов и их право распоряжаться своей судьбой, развивать сотрудничество между государствами, добросовестно выполнять обязанности по международному праву.

Большое значение имеют разделы Заключительного акта, в которых рассматриваются возможности развития сотрудничества в таких областях, как наука, техника, культура и образование. В реализации этих возможностей особо активную роль призваны сыграть ученые различного профиля, в частности этнографы и антропологи.

Развитие сотрудничества в области науки и техники открывает перед странами Европы возможность способствовать быстрому научно-техническому прогрессу и поставить этот прогресс на службу народов. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечислить намеченные области сотрудничества: сельское хозяйство, энергетика, новая технология, рациональное использование ресурсов, транспортная техника, физика, химия, метеорология и гидрология, океанография, сейсмологические исследования, исследования в области гляциологии, вечной мерзлоты и проблем жизни в условиях холода, электронно-вычислительная, телекоммуникационная и информационная техника, космические исследования, медицина и здравоохранение, исследования в области охраны окружающей среды.

Заключительный акт предусматривает расширение контактов как по государственной и общественной линиям, так и по линии личных и семейных связей, улучшение условий для туризма на индивидуальной и коллективной основах. Большая программа намечена и в области расширения различных форм информации.

В разделе «Сотрудничество и обмены в области культуры» страны, подписавшие акт, заявляют о том, что они совместно ставят перед собой следующие цели:

- а) развивать взаимную информацию с целью лучшего ознакомления с достижениями культуры друг друга;
- б) улучшать материальные возможности обменов и распространения культурных ценностей;
- в) благоприятствовать доступу всех к соответствующим достижениям культуры;
- г) развивать контакты и сотрудничество между деятелями культуры;
- е) изыскать новые области и формы культурного сотрудничества».

Страны намереваются, в частности:

«совместно изучить, в случае необходимости с привлечением соответствующих международных организаций, возможность создания в Европе и структуру института данных в области культуры, который собирал бы поступающие от стран-участниц данные и предоставлял их своим корреспондентам по их запросам, и созвать с этой целью совещание экспертов из заинтересованных государств;

— поощрять в рамках их культурной политики подходящими для них способами дальнейшее развитие интереса к культурному достоянию других государств-участников, сознавая, что каждая культура имеет достоинства и ценность;

— стремиться улучшать необходимые условия для рабочих-мигрантов и их семей, с тем чтобы они могли сохранять связи со своей национальной культурой и осваиваться в новой культурной среде».

Вопросу о рабочих-мигрантах, общее число которых превысило в западно-европейских странах 10 млн человек, Заключительный акт посвящает большой раздел.

Государства-участники согласились:

«следить, насколько это возможно, за тем, чтобы рабочие-мигранты пользовались теми же возможностями, что и граждане принимающей стороны, в отношении получения подходящей работы в случае безработицы;

— относиться благожелательно к тому, чтобы рабочие-мигранты получали профессиональную подготовку и, насколько это возможно, бесплатно обучались языку принимающей стороны по месту работы;

— закрепить право рабочих-мигрантов по возможности регулярно получать информацию на своем родном языке как о стране происхождения, так и о принимающей стране;

— обеспечить детям рабочих-мигрантов, проживающих в принимающей стране, доступ к обычному для этой страны образованию на тех же условиях, что и для детей этой страны, и позволить, кроме того, преподавание родного языка, национальной культуры, истории и географии;

— иметь в виду, что рабочие-мигранты, особенно получившие квалификацию, возвращаясь в свою страну по прошествии некоторого времени, могут способствовать восполнению нехватки квалифицированной рабочей силы в стране происхождения;

— облегчать, насколько это возможно, воссоединение семей рабочих-мигрантов».

Многообразны и многообещающи перспективы сотрудничества в области культуры, открывающиеся перед народами Европы.

Государства-участники согласились:

«Поощрять поиски новых областей и форм культурного сотрудничества, содействуя в этих целях заключению между заинтересованными сторонами, где это необходимо, соответствующих соглашений и договоренностей, и в этой связи благоприятствовать:

— совместному изучению вопросов политики в области культуры, в частности ее социальных аспектов, а также ее связи с политикой в области планирования, градо-строительства, образования, окружающей среды и культурных аспектов туризма;

— обмену знаниями по вопросам культурного разнообразия с тем, чтобы способствовать таким образом лучшему пониманию заинтересованными сторонами такого разнообразия там, где оно встречается».

В условиях капитализма острой проблемой стало положение национальных меньшинств в европейских странах. Поэтому нельзя не приветствовать следующего параграфа Заключительного акта, непосредственно относящегося к данному вопросу:

«Государства-участники, признавая вклад, который национальные меньшинства или региональные культуры могут вносить в сотрудничество между ними в различных областях образования, намерены в случае, когда на их территории имеются такие меньшинства или культуры, способствовать этому вкладу с учетом законных интересов их членов».

Привлекает внимание также раздел, озаглавленный «Иностранные языки и цивилизации», в котором намечаются меры, способствующие сближению народов путем взаимоизучения цивилизаций и языков. Впервые в истории Европы такая проблематика становится объектом международного соглашения. Этот раздел, учитывая его значение для укрепления дружеских отношений между народами, мы приводим полностью:

«поощрять изучение иностранных языков и цивилизаций в качестве важного средства для расширения общения между народами, для их лучшего ознакомления с культурой каждой страны, а также для укрепления международного сотрудничества и с этой целью стимулировать в пределах своей компетенции дальнейшее развитие и улучшение обучения иностранным языкам и разнообразие из выбора на различных уровнях обучения, обращая надлежащее внимание на менее распространенные или менее изучаемые языки, в частности:

— усиливать сотрудничество, направленное на улучшение качества преподавания иностранных языков путем обмена информацией и опытом разработки и применения современных эффективных методов обучения и технических средств, приспособленных к нуждам различных категорий обучающихся, включая методы ускоренного обучения, и иметь в виду возможность проведения на двусторонней или многосторонней основе исследований новых методов обучения иностранным языкам;

— поощрять сотрудничество между соответствующими учреждениями на двусторонней или многосторонней основе в целях более полного использования возможностей современных средств обучения иностранным языкам, осуществляющее, например, в форме сравнительных исследований, проводимых их специалистами, и, при наличии договоренности, в форме обменов или передачи аудиовизуальных материалов, а также материалов, используемых при написании учебников, и информации о новых типах технической аппаратуры, применяемой при обучении языкам»;

— способствовать осуществлению обменов информации относительно опыта подготовки преподавателей иностранных языков и расширять на двусторонней основе обмены преподавателями и студентами-лингвистами, а также содействовать их участию в летних курсах иностранных языков и цивилизаций, где такие организованы;

— поощрять сотрудничество между экспертами в области лексикографии в целях определения необходимых терминологических эквивалентов, особенно в области научных и технических дисциплин, с тем чтобы содействовать общению между научными учреждениями и специалистами;

— содействовать более широкому распространению изучения иностранных языков в средних учебных заведениях различных типов и увеличению возможности выбора из большого числа европейских языков и в этой связи рассматривать, где это уместно, возможности расширения набора и подготовки преподавателей и организации необходимых учебных групп;

— поощрять представление в высших учебных заведениях большого выбора языков для студентов-лингвистов и расширение возможностей для других студентов изучать различные иностранные языки, а также содействовать, где это желательно, организации лекций по языку и цивилизации — на основе специальных договоренностей, где это необходимо, — проводимых иностранными преподавателями, в частности из тех европейских государств, языки которых менее распространены или менее изучаются;

— содействовать в рамках образования взрослым дальнейшей разработке специализированных программ, отвечающих разносторонним интересам и потребностям, для обучения иностранным языкам граждан своих стран и для обучения языку принимающей страны интересующихся этим взрослых граждан из других стран и поощрять в этой связи сотрудничество между заинтересованными учреждениями, в создании программ для обучения по радио и телевидению или ускоренными методами, а также, где это желательно, в определении конкретного назначения таких программ, имея в виду достижение сравнимых уровней подготовки по языкам;

— поощрять сочетание, где это уместно, обучения иностранным языкам с изучением соответствующих цивилизаций, а также прилагать дальнейшие усилия для стимулирования интереса к изучению иностранных языков, включая подходящие внеклассовые мероприятия».

Мы затронули лишь некоторые аспекты совещания в Хельсинки, которые могут оказать непосредственное влияние на этнокультурные процессы в Европе. В совещании участвовали государства большие и малые, с различным государственным строем и внешнеполитической ориентацией. И то, что государствам-участникам удалось в конечном итоге преодолеть разобщенность и достигнуть согласованных решений по столь обширному кругу вопросов, послужит вдохновляющим примером для последующих усилий на пути к дальнейшему упрочению мира в Европе и других частях света.

Советские люди гордятся тем вкладом, который внесла и вносит в борьбу за укрепление всеобщего мира Коммунистическая партия Советского Союза. Программа мира, выработанная XXIV съездом КПСС, нашла отклик в сердцах народов всех континентов и успешно претворяется в жизнь.

«Итоги совещания, — говорится в документе Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, — создают предпосылки для существенного расширения и активизации сотрудничества между европейскими государствами в области экономики, науки, техники, охраны окружающей среды и в других сферах экономической деятельности, а также и в гуманитарных вопросах, таких, как обмены в области культуры, образования, информации, контакты между людьми. Развитие сотрудничества в общеевропейском масштабе при соблюдении законов и традиций каждой страны будет способствовать укреплению фундамента мира и безопасности на европейском континенте, упрочению взаимопонимания между государствами, между народами Европы. С другой стороны, развитие такого сотрудничества позволит всем народам континента более успешно иrationально использовать материальные и духовные ценности, находящиеся в их распоряжении»³.

Верные девизу, выдвинутому Л. И. Брежневым — «Если хочешь мира, борись за мир» — советские люди и впредь будут неустанно бороться за укрепление мира во всем мире, за дружбу между народами, за их экономическое и духовное развитие, за сближение наций, за социальный прогресс.

³ «Об итогах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе», «Правда», 7 августа 1975 г.

Ж. Б. Логашова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД ЖЕНЩИНЫ

В декабре 1972 г. XXVII сессия Генеральной Ассамблеи ООН объявила 1975 год Международным годом женщины. Программа Международного года женщины, принятая Экономическим и Социальным Советом ООН в мае 1974 г., предусматривала следующие основные цели: посвятить 1975 год усилиению деятельности, направленной на достижение равноправия между женщинами и мужчинами, на обеспечение широкого участия женщин в политической и экономической жизни, в культурном развитии своих стран, на признание важности их растущего вклада в укрепление дружественных отношений и взаимопонимания между народами, мира во всем мире. Центральная тема Международного года женщины — «Равноправие — Развитие — Мир».

Принятие такого решения свидетельствует о признании огромных заслуг женщин в деле социального прогресса и направлено на укрепление единства прогрессивных сил земного шара в борьбе за права тех, кто дает жизнь и растит будущее поколение.

«Эти гуманные идеи,— говорится в Приветствии ЦК КПСС советским женщинам,— близки и дороги советским людям. За их торжество самоотверженно боролись многие поколения революционеров нашей страны, среди них немало передовых женщин»¹.

Вопрос о положении женщин в обществе всегда волновал лучшие умы человечества. Единственно верный, научно обоснованный путь решения женского вопроса был найден основоположниками научного коммунизма. Они вскрыли классовые корни женского вопроса и доказали, что неравноправное положение женщин в обществе и семье обусловлено социально-экономическими причинами. «Общественный прогресс может быть точно измерен по общественному положению прекрасного пола»,— писал К. Маркс². Величайшая заслуга в теоретической разработке женского вопроса и его практическом разрешении принадлежит В. И. Ленину. В многочисленных программных документах, выступлениях и письмах В. И. Ленин подчеркивал, что решение проблемы равноправия и освобождения женщин неразрывно связано с революционным преобразованием общества. Так, в речи на I Всероссийском съезде работниц в 1918 г. В. И. Ленин указывал: «Не может быть социального переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительно го участия... Из опыта всех освободительных движений замечено, что успех революции зависит от того, насколько в ней участвуют женщины»³.

Первые же декреты и законы Советской власти, разработанные при непосредственном участии В. И. Ленина, установили для женщины равенство политических и гражданских прав с мужчиной, создали возможность для осуществления ее вековой мечты — социального и духовного

¹ «Советским женщинам», «Правда», 8 марта 1975 г.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 32, стр. 486.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 185, 186.

раскрепощения. 29 октября 1917 г. был принят декрет о восьмичасовом рабочем дне, призванный, в частности, облегчить положение трудящихся женщин. В декабре 1917 г. декретами об облегчении расторжения брака и о гражданском браке ликвидировано унизительное для женщины неравенство супругов в семейном праве. Брак отныне становится добровольным союзом свободных и равных людей: женщины располагают равными с мужчинами имущественными и родительскими правами, правом свободно избирать профессию, получать образование. Введение равной оплаты за равный труд сломало вековые устои эксплуатации женского труда. Первая Конституция РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г., законодательно закрепила провозглашенное революцией равенство политических и гражданских прав женщин и мужчин.

В работах В. И. Ленина и в партийных документах неоднократно указывалось, что для полного и фактического освобождения женщины и для действительного ее равенства с мужчиной необходимо, во-первых, ликвидировать частную собственность на орудия и средства производства, так как при ее сохранении женщина даже в демократической стране не становится равноправной. Во-вторых, женщина должна активно участвовать в труде на благо общества. Лишь при соблюдении этих двух условий она займет такое же, как мужчина, положение в обществе — так определил В. И. Ленин пути решения проблемы фактического женского равноправия⁴.

В Международный год женщины правительства и общественные организации всего мира особенно пристально изучают опыт Советского Союза и братских стран социализма, успехи которых неопровергимо свидетельствуют, насколько стремительнее становится движение народов по пути прогресса, когда в экономическую, политическую и культурную жизнь общества наравне с мужчинами включаются действительно равноправные женщины. При проведении в жизнь гуманных идей Международного года женщины четко выявляются достижения нашей страны в решении женского вопроса. Именно эти достижения в настоящее время дают мощный импульс интернациональному делу борьбы за равноправие женщин. Как отмечают многие общественные деятели, Международный год женщины дает единственную в своем роде возможность сосредоточить внимание на искоренении дискриминации женщин, пока еще столь распространенной в мире, и добиться того, чтобы женщины полнее и активнее участвовали в экономической, социальной, политической жизни нашей планеты.

Некоторые документы Международной организации труда (МОТ), в частности Конвенция о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности (1951 г.) и Конвенция о дискриминации в области труда и занятий (1958 г.), явились определенными вехами в достижении общественного признания прав женщин. Однако, во-первых, до сих пор еще не все государства подписали эти Конвенции (например, Конвенцию, принятую в 1951 г., подписали всего 60 государств, из них 12 социалистических), во-вторых, хотя права женщин на труд, образование, равное положение в семье и обществе записаны в конституциях многих стран мира или отражены в законодательных актах, провозглашение равноправия, как показывает международная практика, не означает еще его обеспечения. Только активное участие женщин в общественно-производительном труде обеспечивает полное и подлинное равенство.

В странах капитала воплощение этих идей в жизнь связано с большими трудностями. Даже в экономически развитых государствах женщины фактически не имеют равных с мужчинами прав, хотя в последнее время участие женщин в общественном производстве значительно уве-

⁴ «Женщины Страны Советов», «Коммунист», 1975, № 4, стр. 9.

личилось. Если в начале XX в. женщины, занятые в общественном производстве, составляли 20% самодеятельного населения⁵, то в настоящее время, по данным МОТ, во всем мире из 1,6 млрд. трудящихся 564 млн. составляют женщины (34% трудовых ресурсов мира, в том числе 38% в развитых и 32% в развивающихся странах).⁶

Самая высокая доля участия женщин в общественном производстве — в Советском Союзе. Она непрерывно возрастает и к 1975 г. составила 51% общей численности рабочих и служащих и 52% работающих колхозников⁷. В других социалистических странах она колеблется от 42 до 49%. Широкое участие женщин в общественном производстве становится возможным благодаря тому, что государство берет на себя заботу о подрастающем поколении⁸ и выделяет значительные суммы на социальное обеспечение и на создание условий, позволяющих женщине совмещать обязанности труженицы, матери, гражданки. В последние годы в СССР происходят большие изменения внутри семьи. У женщин становится больше свободного времени не только благодаря развитию сферы обслуживания и внедрению бытовой техники, но и потому, что мужчины стали принимать больше участия в воспитании детей и в ведении домашнего хозяйства. Как отмечалось на XXIV съезде КПСС, цель политики партии состоит в том, «чтобы советская женщина получала новые возможности и для воспитания детей, и для большего участия в общественной жизни, отдыха и учебы, для более широкого приобщения к благам культуры»⁹.

В капиталистических странах удельный вес женского труда в общественном производстве значительно ниже удельного веса женского труда в общественном производстве СССР и других социалистических стран. Так, в 1972 г. в США женщины составляли 38% всех работающих (в 1950 г. — 30%, в 60-х годах — от 33 до 36%), а в Канаде — немногим более 33% (в 1962 г. — всего 27%)¹⁰. Социологические исследования, проведенные во многих странах мира, показывают, что трудовая активность женщин обусловлена прежде всего общественно-экономическими условиями. Исследования показали также, что женщины в большинстве стран имеют доступ лишь к ограниченному кругу профессий и занятий, чаще всего менее квалифицированных и соответственно более низкооплачиваемых. Но и за равный труд оплата женщин составляет 50—80% заработной платы мужчин. По данным Международного бюро труда, разрыв в заработной плате мужчин и женщин составляет во Франции 17%, в Швеции — 24%, в Японии — более 50%.

При изучении проблемы занятости женщин недостаточно оперировать только количественными показателями. Чрезвычайно важно учитывать, в каких отраслях и видах деятельности заняты преимущественно женщины, какой сложности, квалификации и общественной значимости их труд. Небезынтересно отметить, что даже в Секретариате ООН на долю женщин приходится большая часть низкооплачиваемых должностей: они составляют примерно 80% сотрудников категорий общих служб (технический персонал) и только 20% сотрудников категорий специалистов.

⁵ В. Б. Михалюк, Использование женского труда в народном хозяйстве, М., 1970, стр. 10; см. также Е. Лагадинова, Положение женщины — критерий общественного прогресса, «Проблемы мира и социализма», 1975, № 7.

⁶ Хельви Л. Сипила, Положение женщины в мире. Достижения последних 30 лет, «Курьер ЮНЕСКО», апрель 1975 г., стр. 6.

⁷ См. «Женщины в СССР. Статистические материалы», «Вестник статистики», 1975, № 1, стр. 86, 87.

⁸ Например, в СССР в детских садах и яслях в 1973 г. было 10,5 млн. детей, в летних дошкольных учреждениях отдыхало 5 млн. детей (Там же, стр. 93).

⁹ «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 75.

¹⁰ «Равная оплата за равный труд», «Курьер ЮНЕСКО», апрель 1975 г., стр. 10. См. также: «Year book of labor statistics, 1967», Geneva, 1967, p. 84, 85, 93, 131.

В Советском Союзе женщины играют важную роль во всех сферах жизни: 92,5% всех трудоспособных женщин занято в народном хозяйстве или обучается с отрывом от производства в высших и средних специальных учебных заведениях. В промышленности они составляют 49% всех работающих, в сельском хозяйстве — 44%, в здравоохранении, организациях физкультуры и социального обеспечения — 85%, в просвещении и культуре — 73%, в науке и научном обслуживании — 49%¹¹. Необходимой предпосылкой широкого вовлечения женщин в различные отрасли народного хозяйства является повышение их общеобразовательного и профессионального уровня. Если в 1926 г. почти 60% женщин страны были неграмотными¹², то уже к концу 30-х годов неграмотность была в основном ликвидирована. В настоящее время на 1000 женщин 739 имеют образование не ниже среднего (среди мужчин — 737). В 1973/74 учебном году женщины составили 50% студентов высших учебных заведений¹³.

В период с 1928 по 1961 г. доля женщин в тех профессиях, которые требуют высшего и среднего специального образования, поднялась с 29 до 59%. Общая численность женщин с высшим и средним образованием за это время возросла в 70 раз. В 1973 г. в народном хозяйстве СССР среди специалистов с высшим и средним специальным образованием женщины составляли 59%¹⁴. Особенno показателен стремительный рост числа женщин — руководящих работников (в 33 раза), инженерно-технических работников (в 151 раз), научных работников (в 40 раз)¹⁵.

Следует отметить, что профессиональная структура женского труда в нашей стране не имеет ничего общего с формальным равенством мужчин и женщин, с обязательным «равным представительством» обоих полов в каждой профессии. Главное требование партии состоит в том, чтобы женщины в массе своей выполняли работу не менее квалифицированную, чем мужчины, но одновременно трудились в благоприятных для их здоровья условиях. Объективным требованием современного этапа социального и научно-технического прогресса является изменение содержания и характера труда женщины на производстве и в быту, повышение удельного веса творческих, управленических функций, сокращение механических непродуктивных занятий.

Как сказано в Приветствии ЦК КПСС советским женщинам, «социализм, освободив трудящиеся массы от эксплуатации и угнетения, впервые в истории обеспечил активное участие женщин в социально-политической жизни, в развитии производства, науки и культуры. Женщинам всех наций и народностей нашей страны открыты пути для получения образования, проявления способностей и дарований. Нет такой сферы общественной деятельности, где бы вдохновенно и творчески не трудились наши славные женщины»¹⁶.

В феврале 1920 г. В. И. Ленин, обращаясь к рабочим и работникам в связи с выборами в Московский Совет, писал: «... надо, чтобы женщины-работницы все больше и больше участия принимали в управлении общественными предприятиями и в управлении государством. Управляя, женщины научатся быстро и догонят мужчин. Выбирайте же больше женщин-рабочниц»¹⁷. Заявив равное положение с мужчинами в народном хозяйстве, женщины деятельно участвуют в управлении государством. Так, в Верховный Совет СССР последнего созыва было избрано 475 женщин (234 — в Совет Союза и 241 — в Совет Национальностей),

¹¹ «Женщины в СССР. Статистические материалы», стр. 86.

¹² «Женщины и дети в СССР. Статистический сборник», М., 1969, стр. 71.

¹³ «Женщины в СССР. Статистические материалы», стр. 90.

¹⁴ Там же, стр. 88.

¹⁵ См. сб. «Производственная деятельность женщин», Минск, 1972, стр. 17.

¹⁶ «Советским женщинам», «Правда», 8 марта 1975 г.

¹⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 40, стр. 157—158.

что составляет 31% всех депутатов. Среди депутатов в местные советы 1039 тыс. женщин, т. е. почти половина общего числа депутатов. В то же время в парламентах капиталистических стран число женщин весьма невелико. Так, например, в конгрессе США 94-го созыва женщины составляют только 3% (17 человек), бундестаге ФРГ — 5,4% (30 человек)¹⁸.

Опыт Советского Союза и других социалистических стран имеет особенно большое значение для развивающихся стран Азии и Африки. В этих странах в связи с развертыванием борьбы за экономическую независимость и социальное обновление особую важность приобретают проблемы полного и рационального использования всех трудовых ресурсов, широкого вовлечения женщин в сферу материального производства. В развивающихся странах, вступивших на путь коренных социально-экономических преобразований, промышленное строительство и развитие системы образования открывают перед женщиной новые перспективы, постепенно меняют традиционное отношение к ее труду, определяют возможности ее участия в общественном производстве. По данным МОТ, в 1970 г. экономически активное женское население в странах Африки составляло 41 млн. чел., в 1975 г. оно достигло 46 млн. чел., в странах Восточной Азии — соответственно 168 и 180 млн. чел., в Южной Азии — 129 и 142 млн. чел. В последние годы увеличилась доля женщин среди работающих в различных государствах Азии и Африки. Так, в Африке она составляет 30%, но в некоторых странах Северной Африки не превышает 12%, в Восточной Азии — около 39%, в Южной и Юго-Восточной Азии — от 12 до 21%¹⁹.

Под воздействием упорной борьбы трудящихся за свои права издаются новые законы об охране труда женщин, запрещающие использовать их на тяжелых, вредных для здоровья работах²⁰. В АРЕ закон от 22 августа 1966 г. предоставляет работникам промышленных предприятий и государственных учреждений право на оплачиваемый месячный отпуск по беременности и родам, дополнительный часовой перерыв на кормление ребенка и обязывает администрацию строить детские учреждения, открывать центры бытового обслуживания. Трудовые законодательства Сирии и Алжира предусматривают равную оплату труда мужчин и женщин, отпуск для работниц по беременности и родам. Согласно кодексу о труде Гвинейской Республики, принятому в 1960 г., замужняя женщина может без согласия мужа выбирать себе профессию и вступать в профсоюз. В 1967 г. в Иране закон об охране семьи также предоставил право замужней женщине работать независимо от воли мужа. Ранее, в 1963 г., иранские женщины получили избирательные права, им было разрешено не носить паранджу. В Афганистане с 1971 г. жена имеет право при некоторых условиях потребовать развода — раньше это было привилегией мужчины. В Сенегале в 1972 г. Национальной Ассамблей страны был принят Устав семьи, способствующий эмансипации женщин.

Женщины принимают все более активное участие и в политической жизни своих стран. Как свидетельствует Каролин Диоп, вице-председатель Национальной Ассамблеи Сенегала и заместитель генерального секретаря Африканской конференции женщин, почти во всех странах Африки — в Гвинейской Республике, Береге Слоновой Кости, Замбии, среди депутатов парламента много женщин²¹. Таким образом, в некоторых развивающихся странах положение женщин улучшилось, однако, согласно законодательству многих стран, например Иордании, Туниса, Мали, жена по-прежнему обязана повиноваться мужу и осуществление

¹⁸ «Женщины в СССР. Статистические материалы», стр. 84.

¹⁹ См. «Равная оплата за равный труд», «Курьер ЮНЕСКО», апрель 1975 г., стр. 10.

²⁰ См. Р. Смирнова, Международный год женщины и «третий мир», «Азия и Африка сегодня», 1975, № 3.

²¹ «Новости ЮНЕСКО», 1975, № 3, стр. 10.

женой права на труд требует ясно выраженного или подразумевающегося согласия супруга.

В настоящее время в связи с трансформацией хозяйственных укладов, созданием и укреплением государственного сектора в развивающихся странах обострилась проблема квалифицированных кадров. Серьезным препятствием на пути привлечения женщин к трудовой деятельности является то, что женщины в этих странах в большинстве своем неграмотны. Усилиями правительства достигнут некоторый прогресс, и за последнее десятилетие в Тропической Африке и арабских странах, где процент неграмотных особенно высок, неграмотность среди женщин несколько снизилась: в Тропической Африке с 88,5 до 83,7% и в арабских странах с 90,7 до 85,7%²². Опыт некоторых стран Азии и Африки (Гвинейская республика, Алжир, Танзания, Сомали, Иран) показывает, что существует несколько путей разрешения проблем, возникающих в этой связи. К ним относится и систематический набор женской молодежи в профессиональные школы и учебные группы при предприятиях, и обучение взрослых работниц в вечерних школах и на курсах. Однако, хотя во многих странах ликвидации неграмотности среди взрослых уделяется большое внимание, охват женщин соответствующими формами обучения остается сравнительно низким. Причины не только в общем уровне развития страны, но и в удаленности школ, занятости женщин домашним хозяйством, ранних браках, консервативности господствующих взглядов, все еще недостаточной «емкости» школ, курсов, кружков, ведущих занятия по ликвидации неграмотности, и т. д.

И все же можно говорить о некотором прогрессе: женщины развивающихся стран теперь стали получать специальное образование в области медицины, естественных наук, права, искусства и т. д. По данным ЮНЕСКО, в 1972 г. из каждого 100 студентов мира, обучавшихся в высшей школе, 39 — женщины. В Африке женщины составляют 23% всех студентов, в Азии (кроме Китая) — 28%, в Океании — 32%, в Латинской Америке — 36%²³.

В 1975 г. активно проводилась работа по повышению социального статуса и культурного уровня женщин, по вовлечению их в борьбу за национальную независимость, против колониализма, империалистической агрессии и апартеида. На это была направлена деятельность национальных комиссий и комитетов по проведению Международного года женщины, созданных по рекомендации ООН.

О большом значении, которое придается мероприятиям, проводимым в рамках Международного года женщины в нашей стране, свидетельствует то, что комиссию по проведению Международного года женщины возглавил член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуров. На первом заседании комиссии, посвященном обсуждению программы проведения Международного года женщины в СССР, было заслушано выступление кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева о взаимосвязи эмансипации женщин в капиталистических и развивающихся странах с борьбой за международную безопасность и разоружение, за национальную независимость. Выступившая на этом заседании заместитель председателя комиссии, председатель Комитета советских женщин В. В. Николаева-Терешкова говорила о заботе Коммунистической партии и Советского правительства о женщинах, о той большой роли, которая отводится активному участию женщин во всех областях коммунистического строительства²⁴.

²² Хельви Л. С и п и л а, Указ. раб., стр. 6.

²³ См. «Исследование ЮНЕСКО. Высшее образование: международные тенденции, 1960—1970», «Курьер ЮНЕСКО», апрель 1975 г., стр. 11. Для сравнения отметим, что в Северной Америке в 1972 г. на долю женщин приходилось 42% обучавшихся в высших учебных заведениях, а в Европе — 44% (Там же).

²⁴ «Правда», 25 декабря 1974 г.

О масштабности и разнообразии мероприятий, намеченных комиссией по проведению Международного года женщины в СССР, говорит широкий круг организаций, участвующих в осуществлении намеченного плана. Это — Советы депутатов трудящихся, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Комитет советских женщин, Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, Комитет молодежных организаций, Советский комитет защиты мира, общество «Знание», министерства, ведомства, академии наук СССР и союзных республик, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, творческие союзы, Государственный комитет Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию, ТАСС, АПН, редакции газет, журналов и др.

В течение 1975 г. Международная демократическая федерация женщин и ее национальные организации проводили семинары, коллоквиумы, конференции по вопросам положения женщин. По инициативе бюро Организации солидарности народов Азии и Африки в Александрии 8 марта открылся Международный симпозиум женщин стран двух континентов. Он проходил в рамках мероприятий Международного года женщины. Симпозиум явился важным шагом на пути подготовки к Всемирному конгрессу женщин (Берлин, 20—24 октября). В этом симпозиуме приняли участие посланцы более 70 стран. В форме свободной дискуссии обсуждались доклады по таким вопросам, как участие женщин в борьбе за национальное освобождение, за укрепление независимости всех стран, за демократию, мир и социальный прогресс. Плодотворным был обмен мнениями о роли женщин в борьбе с неграмотностью, в подъеме здравоохранения, в развитии культуры своих стран.

В Азии, Африке, Латинской Америке, а также в странах Европы состоялись семинары на темы «Образование женщин как фактор, способствующий их участию в жизни своих стран», «Ликвидация дискриминации женщин в области образования, равноправный доступ к различным профессиям и продвижение по службе», «Проблемы женщин сельских районов», «Роль женщин в воспитании подрастающего поколения в духе мира и дружбы» и др.

В августе в Москве состоялся Международный симпозиум на тему «Законодательное регулирование участия женщин в политической, экономической и общественной жизни». В том же месяце в Минске была проведена Международная встреча «Женщины в борьбе против фашизма, за прочный и справедливый мир на земле». Участники встречи еще раз подтвердили, что женщины видят свой долг в борьбе за национальную независимость против колониализма, расизма, апартеida, в неуставной поддержке борцов против фашизма во всех его проявлениях.

В октябре 1975 г. в Москве состоялась Всемирная встреча девушек, собравшая более 400 представителей национальных женских, молодежных, студенческих организаций и молодежных секций профсоюзов из 111 стран мира. Главная тема встречи — «Женская молодежь в современном обществе и ее участие за свои права, за мир, за национальную независимость и развитие, за социальный прогресс».

Крупнейшим событием в рамках Международного года женщины явилась Всемирная конференция ООН в Мехико (19 июня — 2 июля 1975 г.)²⁵. Участники более чем ста делегаций выступили с изложением точки зрения своей страны или своей организации на современное женское движение. Как сказала на заключительной пресс-конференции в Мехико глава советской делегации В. В. Николаева-Терешкова, встреча в мексиканской столице стала крупным вкладом в международное женское движение, в решение задач укрепления мира, в развитие сотрудничества между народами, в ликвидацию очагов напряженности,

²⁵ См. Хуан Кабо, Что показала конференция в Мехико, «Новое время», 1975, № 28, стр. 8, 9; «Конференция в Мехико», «Советская женщина», 1975, № 8, стр. 2.

фашизма, колониализма, расизма. На конференции был принят главный документ — «Мехико 1975». Декларация о равенстве женщин и их вкладе в развитие и мир». В Декларации отмечается, что проблемы женщин являются составной частью комплекса социально-экономических проблем и могут быть решены только в обстановке мира и сотрудничества между народами и на основе глубоких преобразований прогрессивного характера в обществе. Только при этом условии можно добиться реального равенства женщины с мужчиной, повысить ее роль во всех сферах общественной жизни. В Декларации подчеркивается ответственность женщин в укреплении мира и налаживании взаимопонимания между народами, прекращении гонки вооружений, прогресса в деле разоружения. Она призывает женщин мира крепить единство в борьбе против империализма, неоколониализма, расизма, апартеида, сионизма, агрессии и захвата силой чужих территорий. Декларация провозглашает право женщины на участие в политической, общественной и экономической жизни, на труд и равную с мужчинами заработную плату, на образование. За принятие Декларации голосовали 89 делегаций, две delegations — США и Израиля — голосовали против, 19 — воздержались.

На конференции был принят также Всемирный план действий, разработанный ООН, который содержит практические рекомендации правительствам и международным организациям по ликвидации неравноправия женщин, привлечению их к активной политической и хозяйственной жизни. План определил конкретные задачи в деле эмансипации женщин на десятилетний период — с 1975 по 1985 г. и наметил пути их выполнения. В плане действий, принятом всеми делегациями (кроме представителей КНР), подчеркивается, что решающую роль в защите прав человека и достижении полного равноправия мужчин и женщин должно сыграть широкое международное сотрудничество, основанное на мире, справедливости и равенстве для всех, установление новых и справедливых экономических отношений между государствами, ликвидация экономической зависимости, колониализма, фашизма, расовой дискриминации.

Кроме этих двух основных документов, конференция приняла резолюции «Об участии женщин в укреплении международного мира и безопасности, в борьбе против колониализма, расизма, расовой дискриминации и иностранного господства»; «Палестинские и арабские женщины»; «Положение женщин в Южной Африке, Намибии и Южной Родезии», «Женщина и здоровье», а также другие документы, касающиеся экономического, социального и правового положения женщин.

Огромный интерес у участников конференции вызвал опыт осуществления фактического равноправия женщин в социалистических странах. Это нашло отражение в ряде принятых документов. В частности, подчеркивалась необходимость признания материнства одной из важнейших социальных функций женщины; указывалось, что государство должно взять на себя ответственность за охрану здоровья матери и ребенка и оказание помощи в воспитании детей, как это делается в социалистических странах.

Документы, принятые конференцией, свидетельствуют о том, что современное женское движение в целом достигло высокого политического и социального уровня, что женщины мира выступают как могучая сила, играющая огромную роль в революционных процессах, в национально-освободительном движении, в борьбе за мир, всеобщую безопасность народов и социальный прогресс.

С 20 по 24 октября 1975 г. в Берлине проходил Всемирный конгресс, посвященный Международному году женщины. На нем обсуждались первоочередные задачи мировой общественности по осуществлению главных целей, провозглашенных Годом женщины, по претворению в жизнь

Всемирного плана действия, принятого на Конференции ООН в Мехико. Во Всемирном конгрессе участвовали две тысячи представителей 140 стран, более 80 международных и региональных организаций, люди разных национальностей, вероисповеданий и политических убеждений.

На конгрессе обсуждались следующие проблемы: равноправие женщин в обществе, женщины и труд, проблемы занятости, выбора профессии, квалификации, оплаты труда, вклад женщин в общественную, политическую и экономическую жизнь; семья, защита матери и ребенка, борьба за мир и безопасность народов.

К собравшимся на конгрессе обратился с речью первый секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер. Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза Л. И. Брежнев в Приветствии к участникам конгресса отметил, что «демократическое женское движение внесло и продолжает вносить огромный вклад в упрочение всеобщего мира, в борьбу за социальный прогресс и национальное освобождение народов, в дело интернациональной солидарности со всеми, кто подвергается империалистическому диктату и агрессии»²⁶.

На конгрессе приняты важные документы: Заключительный отчет, в котором закреплены позиции участников конгресса по главным обсуждавшимся вопросам, показана возрастающая роль женского демократического движения за укрепление мира и безопасности народов; Заявление конгресса, где подчеркивается, что он проходил в обстановке значительных успехов, достигнутых в борьбе за мир и безопасность, за свободу и национальную независимость; Призыв к женщинам мира — повышать активность и влияние в общественно-политической жизни, крепить единство миролюбивых сил и международную солидарность.

Как отмечал Л. И. Брежnev, в последние десятилетия «большой размах приобрели демократические движения, в которых участвуют широкие слои населения»²⁷. Особая роль в этих движениях принадлежит созданной в 1945 г. Всемирной демократической федерации женщин. Деятельность женщин в демократических движениях получила высокую оценку международного Совещания коммунистических и рабочих партий (Москва, 1969 г.), констатировавшего в своих документах, что «важной чертой нашей эпохи является массовое участие женщин в классовой борьбе, в антиимпериалистическом движении, в частности в борьбе за мир»²⁸.

Успех мероприятий, проведенных в рамках Международного года женщины, дает основание верить, что он явится новым шагом на пути дальнейшей активизации деятельности Международной демократической федерации женщин, других женских организаций и всей миролюбивой прогрессивной общественности в борьбе за подлинное равноправие женщины и счастье детей, за мир, прогресс, демократию.

THE INTERNATIONAL WOMEN'S YEAR

The article is devoted to the International Women's Year promulgated on the recommendation of the 27th Session of the UN General Assembly. Stress is laid upon the position of women in the USSR and on the role played by Soviet women in every sphere of activity in the course of the building of Communism.

²⁶ «Правда», 20 октября 1975 г.

²⁷ Л. И. Брежнев, Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1. М., 1970, стр. 108.

²⁸ «Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г.», М., 1969, стр. 309.

Г. П. Васильева

ЖЕНЩИНЫ РЕСПУБЛИК СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА И ИХ РОЛЬ В ПРЕОБРАЗОВАНИИ БЫТА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Вопрос о статусе женщин в современном обществе, о возможностях широкого участия их в экономической, социальной и культурной жизни своей страны, в борьбе за укрепление мира во всем мире — один из наиболее важных и сложных вопросов наших дней.

Миллионы женщин активно борются за свои права в капиталистических и развивающихся странах. Это широкое движение встречает горячую поддержку демократической общественности, о чем свидетельствует и решение XXVII сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций о провозглашении 1975 года Международным годом женщины.

В СССР женскому вопросу всегда уделялось много внимания¹. В настоящее время советские женщины — активные участницы строительства коммунистического общества. Особенно разительные изменения в положении женщин произошли у народов отсталых окраин царской России — в республиках Средней Азии, в Казахстане, на Кавказе и т. д. Социалистические преобразования народного хозяйства и культуры оказали огромное влияние на все стороны жизни народов Средней Азии и Казахстана; изменился их быт, другим стало мировоззрение, в частности коренным образом изменились традиционные представления о месте женщины в обществе. Чрезвычайно важно подчеркнуть то обстоятельство, что сами женщины осознали свою новую роль в общественной и производственной жизни, в решении общегосударственных задач. В настоящее время почти половину квалифицированных специалистов народного хозяйства указанных республик составляют женщины.

Чтобы увидеть, насколько вырос удельный вес женщин в составе рабочих и служащих интересующих нас республик за годы Советской власти, приведем такие данные: в 1922 г. в Узбекистане среди рабочих и служащих женщин было всего 16%, а в 1970 г. — 41%, в Казахстане соответственно 15 и 47%, в Киргизии 11 и 47%; в Таджикистане 5 и 38%, в Туркмении 12 и 39%².

В 1970 г. в системе просвещения и культуры Узбекистана работало 53%, а в здравоохранении, физкультуре и социальном обеспечении 74% женщин³, в Казахстане соответственно 70 и 85%, в Киргизии 64 и 84%, в Туркмении 56 и 73%⁴.

¹ См. об этом: «Женщины Страны Советов», «Коммунист», 1975, № 4, стр. 7—14.

² «Женщины в СССР. Статистические материалы», «Вестник статистики», 1975, № 1, стр. 87.

³ «Народное хозяйство Узбекской ССР», 1971 г. Статистический ежегодник, Ташкент, 1972, стр. 225.

⁴ «Народное хозяйство Казахстана в 1973 г. Статистический сборник», Алма-Ата, 1975, стр. 164.

⁵ «Народное хозяйство Киргизской ССР», 1971 г. Юбилейный статистический сборник, Фрунзе, 1973, стр. 191.

⁶ «Туркменистан за 50 лет. Статистический сборник», Ашхабад, 1974, стр. 129.

Известно, что среди работников здравоохранения женщины составляют значительное большинство. По данным, приведенным в «Вестнике статистики» за 1975 г., численность женщин-врачей в среднеазиатских республиках и в Казахстане в настоящее время значительно превышает численность врачей-мужчин. В Казахской ССР женщин-врачей в 1973 г. было 70, в Киргизской 67, в Узбекской и Туркменской по 57, в Таджикской ССР 56% от общей численности врачей, между тем как до революции во всей России женщин-врачей всех специальностей было 2,8 тыс. чел., или 10% общей численности врачей⁷.

Неуклонно растет число специалистов-женщин, занятых в промышленном производстве. Так, например, если в 1928 г. в промышленности Киргизии работало всего 6% женщин, то в 1970 г. их было уже 50%⁸; аналогичные процессы происходили и в других республиках Средней Азии и в Казахстане, и к 1970 г. в Казахстане было занято в промышленности 47%⁹, в Узбекистане и Туркмении по 45%¹⁰, в Таджикистане в начале 1962 г. тоже 45% женщин¹¹.

В 1970/71 учебном году в высших и средних специальных учебных заведениях республик Средней Азии и Казахстана обучалось женщин: в Узбекистане соответственно 40 и 42, Казахстане 51 и 52, Киргизии 49 и 60, Туркмении 34 и 39% от общего числа всех учащихся¹².

Наконец, и в области науки женщины также занимают достойное место. По сведениям, приведенным в тех же статистических сборниках, в науке и научном обслуживании в 1970 г. было занято: в Узбекистане 42% женщин, Казахстане 39, Киргизии 43, Туркмении 37, в Таджикистане в 1962 г. также 37%¹³.

Женщины Советского Востока активно участвуют в общественной жизни страны. Так, среди депутатов местных Советов, избранных 15 июня 1975 г., женщины составляют в Киргизской ССР 47,9%. В Узбекской 47,5, Казахской 47,4, Таджикской 46,7 и в Туркменской ССР 44,8%¹⁴. Только из одного Узбекистана в Верховный Совет СССР девятого созыва было избрано 27 женщин¹⁵.

В республиках Советского Востока, как известно, наиболее отсталыми в прошлом были женщины коренных национальностей. В процессе достижения равноправия им пришлось за сравнительно небольшой отрезок времени пройти сложный и очень трудный путь.

В первые годы Советской власти удельный вес женщин местных национальностей, занятых в народном хозяйстве, даже по сравнению с общим, также довольно небольшим, процентом женщин, участвующих в общественном производстве, был чрезвычайно низким. Так, в Киргизии в 1926 г. работало всего 1,4% (300 чел.) женщин-киргизок, а в после-

⁷ «Женщины в СССР...», стр. 89.

⁸ «Народное хозяйство Киргизской ССР», стр. 191. В 1950 г. здесь работало уже 41% женщин.

⁹ «Народное хозяйство Казахстана», стр. 164.

¹⁰ «Народное хозяйство Узбекской ССР», стр. 225; «Туркменистан за 50 лет», стр. 129.

¹¹ «Народное хозяйство Таджикской ССР в 1962 г. Статистический ежегодник», Душанбе, 1963, стр. 278.

¹² «Народное хозяйство Узбекской ССР», стр. 301; «Народное хозяйство Казахстана», стр. 228; «Народное хозяйство Киргизской ССР», стр. 200; данные о процентах женщин-специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве Туркмении, см.: «Туркменистан за 50 лет», стр. 196.

¹³ «Народное хозяйство Узбекской ССР», стр. 225; «Народное хозяйство Казахстана», стр. 164; «Народное хозяйство Киргизской ССР», стр. 191; «Туркменистан за 50 лет», стр. 129; «Народное хозяйство Таджикской ССР», стр. 278.

¹⁴ «Правда», 21 июня 1975 г.

¹⁵ М. А. Суслов, Речь на торжественном заседании ЦК Компартии Узбекистана и Верховного Совета УзССР, посвященном 50-летию Узбекистана, «Правда Востока», 22 октября 1974 г.

военные годы процент киргизок только среди работниц промышленности увеличился в 2,3 раза¹⁶.

В Казахстане, где наряду с казахами живет много русских, украинцев, белорусов, татар, узбеков, немцев, корейцев и др. (всего более 100 национальностей), высшее и среднее специальное образование в 1967 г. имели 360 тыс. женщин, или 59% от общего числа лиц со специальным средним и высшим образованием, из них 57 тыс. (16%) казашек¹⁷. В 43 высших учебных заведениях Казахстана обучалось 32 тыс. казашек. Если учесть, что в 1926 г. среди инженерно-технических работников была лишь одна казашка, среди медицинских работников — 6 казашек, казашек учительниц и работников культурно-просветительных учреждений было 54, то станет ясно, что культурный и профессиональный уровень женщин-казашек кардинально изменился¹⁸.

За 1950—1973 гг. численность женщин-туркменок — рабочих и служащих увеличилась более чем в 6 раз¹⁹. Следует отметить, что число специалистов с высшим и специальным средним образованием среди женщин коренных национальностей особенно заметно выросло в последние годы. Так, в Туркмении в 1959 г. специальное среднее и высшее образование имели 2374 туркменки, к 1966 г. их стало уже 6302 чел., а к 1970 г.—10 тыс. чел.²⁰ Только за период с 1960 по 1968 г. в народном хозяйстве Узбекистана число женщин-узбечек с высшим образованием увеличилось в 3 раза, со специальным средним — в 2,8 раза²¹.

Участие женщин в сельскохозяйственном производстве еще более значительно. Так, в 1973 г. в Узбекской ССР женщины составляли 54% от всех работающих в колхозах, в Казахстане — 46, в Киргизии — 49, в Таджикистане — 50 и в Туркмении — 51%²².

Из приведенных данных ясно, что происходит невиданное доселе по своим масштабам явление: женщины Советского Востока стали занимать важное место почти во всех отраслях народного хозяйства.

За годы социалистического строительства значительно изменился национальный состав республик. Особенно пестрым стал национальный состав городов, рабочих и совхозных поселков. В колхозных же селениях национальный состав более однороден. Традиционные черты быта и представления более стойко сохраняются в однонациональной среде, именно поэтому чрезвычайно интересно и важно показать на конкретных примерах изменение положения сельских женщин коренных национальностей в семье и обществе.

До революции у народов Средней Азии и Казахстана в условиях господства патриархально-феодальных отношений и шариата женщина была лишена самых элементарных прав, а у оседлых земледельческих народов низведена почти до положения домашней рабыни.

В то время у коренных народов Средней Азии и Казахстана наряду с малой семьей довольно широко бытовала и неразделенная семья, в которой вместе с родителями жили 2—3 женатых сына со своими семьями. Как для малой, так и для большой неразделенной семьи характерной была деспотическая власть ее главы, от которого в экономическом и правовом отношении зависели все остальные члены семьи, и тем более

¹⁶ С. Бекходжаева, О. повышении эффективности использования женских трудовых ресурсов в народном хозяйстве Киргизии, сб. «Освобожденная женщина Советского Востока», Ашхабад, 1972, стр. 43, 44.

¹⁷ По переписи 1970 г., казахи составляли 32,6% общей численности населения республики, «Народное хозяйство Казахстана», стр. 6.

¹⁸ Н. Ф. Бурякова, О роли женского труда в общественном производстве, сб. «Освобожденная женщина Советского Востока», стр. 36.

¹⁹ «Туркменская искра», 29 июня 1975.

²⁰ «Женщины Советского Туркменистана. Краткий статистический сборник», Ашхабад, 1973, стр. 89.

²¹ В. Рыдин, Ленинская национальная политика и раскрепощение женщин Советского Востока, «Коммунист Узбекистана», 1975, № 7, стр. 71.

²² «Женщины в СССР...», стр. 88.

женщины. Их приниженное положение (особенно положение молодых невесток) усугублялось тем, что мусульманская идеология считала женщину существом низшего порядка и требовала от нее беспрекословного подчинения мужу и старшим его родственникам; система разработанных до мельчайших подробностей норм поведения женщины в семье и обществе — хиджаб — узаконивала ее бесправие.

Подчиненное положение замужней женщины в семье мужа было обусловлено и экономическими причинами. Чтобы жениться, нужно было уплатить калым, т. е. фактически купить себе жену, которая становилась собственностью мужа и его родных. Женщина была лишена юридических прав и требовать развода могла лишь в самых исключительных случаях; мужчине же достаточно было произнести трижды слово «талак» («развод» — узб.) для того, чтобы супруги считались разведенными. Разведенная жена должна была уйти из дома, где оставались ее дети, больше не принадлежавшие ей. Существовало многоженство, причем, особенно тяжелым было положение младших жен.

Когда девушку выдавали замуж в качестве второй, третьей или четвертой жены, она оказывалась в зависимости не только от свекрови, но и от старших жен, которые видели в ней соперницу и старались как можно больше загрузить ее работой. Этнографы приводят многочисленные примеры того, как тяжела была жизнь молодой женщины в таких семьях²³.

Шариат разрешал иметь одновременно четырех жен, но богатый человек, пожелавший жениться в пятый раз, мог дать одной из жен (обычно старшей) развод или по ее согласию сделать ее «суфи» (посвятившая себя служению Богу и тем самым отказывающаяся от супружеской жизни). Жена, ставшая суфи, чтобы не расставаться с детьми, оставалась жить здесь же в доме²⁴. Если муж умирал, вдова, имеющая детей, даже молодая, обычно не уходила из его дома, чтобы не разлучаться с детьми. Как правило, ее выдавали по обычаям левирата замуж за брата или другого близкого родственника мужа, зачастую уже женатого.

Хотя в Средней Азии очень любят детей, рождение девочки в семье не вызывало радости, так как она была временной жилицей в доме родителей; замуж девушек выдавали очень рано — лет в 11—12. Широко были распространены неравные по возрасту браки: девочки 12—13 лет нередко становились женами 35—40-летних мужчин и даже 60-летних стариков. В земледельческих районах бывало и наоборот; в Туркмении, например, для того чтобы получить пай земли и воды, которым наделялись только женатые, богатые женили своих малолетних сыновей на взрослых девушках, приобретая таким образом земельный участок и даровую работницу²⁵. Как сказано выше, положение молодой женщины в семье мужа было тяжелым. На ее плечи ложилось тяжелое бремя забот по домашнему хозяйству. В этом отношении в большой неразделенной семье положение женщин было в известной степени легче: работы по дому были разделены между 3—4 женщинами и каждая из них выполняла обычно каких-нибудь две или три определенных обязанностей.

²³ О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова, Прошлое и настоящее селения Айкыран, Ташкент, 1955, стр. 177; «Этнографические очерки узбекского сельского населения», М., 1969, стр. 201; А. Т. Бекмуратова, Быт и семья каракалпаков в прошлом и настоящем, Нукус, 1969, стр. 29, и др.

²⁴ Г. П. Васильева, Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, М., 1969, стр. 257.

²⁵ Я. Р. Винников, Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР, «Среднеазиатский этнографический сборник», I, «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. XXI, М., 1954, стр. 11.

В земледельческих районах женщина занималась главным образом работой по дому: готовила пищу, пекла хлеб, шила одежду, стирала, пряла, ткала, ухаживала за скотом; доила молочный скот — коров, овец, коз, верблюдиц и кобылиц; заготовляла молочные и другие продукты, приносила воду и, конечно, ухаживала за детьми. У равнинных таджиков и узбеков, чтобы женщина не выходила часто на улицу, воду в дом приносили мужчины. У полукочевников и кочевников в скотоводческих районах на долю женщины, в общем менее скованной в своем поведении, доставалась еще основная работа по установке и разборке кочевого жилища — юрты. Она занималась также ковроткачеством, кошмованием и др.

В городах и земледельческих районах у узбеков и таджиков дома делились на две половины — *ичкари* (внутреннюю) и *ташкари* (внешнюю), между которыми возводилась капитальная стена с маленькой калиткой. Женщины должны были находиться в ичкари и не имели права появляться в ташкари, когда там были посторонние мужчины или старшие родственники мужа. У всех народов Средней Азии и Казахстана молодым женщинам было запрещено называть по имени родителей и старших родственников мужа, а при посторонних и самого мужа; они закрывали лицо в присутствии родственников мужа и при выходе на улицу головным платком или халатом, накинутым на голову. У равнинных таджиков и так называемых сартов женщины при выходе из дома обязаны были набрасывать поверх головного убора длинную халатообразную накидку — *паранджу* — с прикрепленной к ней густой сеткой из конского волоса — *чауван*, спускающейся на лицо и закрывающей его от посторонних глаз. Даже девочки, когда им исполнялось 8—9 лет, не выходили на улицу без большого, накинутого на голову платка. Женщина не могла появляться одна в общественных местах. Таково было положение среднеазиатской женщины в прошлом. Юридическое и экономическое бесправие, тяжелый труд и замкнутый образ жизни были ее уделом.

После принятия общих для всей Советской страны декретов о равноправии, труде и гражданском браке в Туркестане в дополнение к общему законодательству, учитывая уровень социально-экономического развития, сохранение патриархально-феодальных отношений, влияние традиций, были приняты специальные декреты, ликвидировавшие неравенство женщин коренных национальностей. Были отменены все бытовые нормы шариата и законы царской России, закреплявшие угнетенное положение женщин. Декретом ЦИК Туркестанской республики от 14 июля 1921 г. запрещались многоженство, калым, принудительная выдача замуж, женщине предоставлялась свобода при вступлении в брак, брачный возраст устанавливался с 16 лет вместо 9 лет по шариату²⁶.

Рядом других декретов строго карались действия, направленные против раскрепощения женщин или оскорбляющие их достоинство. Огромную роль в борьбе за фактическое раскрепощение женщин сыграли женсоветы, созданные при всех центральных и местных комитетах партии.

Но одни эти, хотя и важные законодательные мероприятия, так же как и разъяснительная работа среди населения, были бы недостаточны, если бы в движении за свое раскрепощение не участвовали сами женщины коренных национальностей. В. И. Ленин придавал этому движению огромное значение. Он говорил Н. К. Крупской о приехавших в Москву летом 1921 г. из Средней Азии делегатках женотделов: «Это поднимаются к сознательной жизни угнетенные из угнетенных, теперь

²⁶ «От средневековья к вершинам современного прогресса. Об историческом опыте развития народов Средней Азии и Казахстана от докапиталистических отношений к социализму», М., 1965, стр. 237; в Казахстане такой же декрет был принят 28 декабря 1920 г.

победа трудящихся обеспечена»²⁷. В 1925—1926 гг. в республиках Средней Азии состоялись съезды трудящихся женщин.

Однако активные действия женщин встречали на своем пути немалые трудности.

Как известно, до революции подавляющее большинство коренного населения Средней Азии и Казахстана было неграмотным.

Накануне Великой Октябрьской революции в Китабской волости (Бухарское ханство) из 1399 женщин лишь одна была грамотная, а в Каракульской, где проживало 1370 женщин, не было ни одной грамотной²⁸. К 1926 г., когда уже начали проводиться мероприятия по ликвидации неграмотности, в Туркмении среди сельских женщин грамотных было лишь 1,3%²⁹, а в Казахстане 1%, т. е. из 100 женщин-казашек читать и писать умела лишь одна³⁰.

Однако трудности в фактическом раскрепощении женщин заключались не только в их отсталости и неграмотности — процент грамотных мужчин был ненамного выше; самым трудным и сложным было преодоление прежних представлений о роли и месте женщин в семье и обществе, установление их фактического равноправия с мужчинами.

Значительные трудности, особенно на первых этапах процесса раскрепощения, создавала пропаганда, развернутая мусульманским духовенством и остатками эксплуататорских классов против политики Советского государства.

Всякая попытка женщины обрести самостоятельность считалась величайшим грехом, расценивалась как поругание традиций.

Не ограничиваясь пропагандой, вражески настроенные элементы прибегали к террористическим действиям против женщин-активисток и тех женщин, которые осмеливались пойти на нарушение веками установленных, узаконенных исламом правил поведения.

Немало женщин было убито врагами или даже своими близкими, одурманенными вражеской пропагандой³¹. Особено много женщин-активисток погибло в период проведения *худжума*³² — развернутого наступления на старый быт, ликвидации патриархально-феодальных пережитков, унижающих женщину, за привлечение ее к общественному производству. Эта кампания началась в Узбекистане, Киргизии, Казахстане и Каракалпакии в 1927 г. и сразу же приобрела массовый характер. Наиболее показательным было движение за снятие паранджи, которое было поддержано законодательными мерами³³. В Таджикистане массовая кампания за снятие паранджи началась еще в 1926 г.³⁴. Несмотря на яростное сопротивление реакционных элементов, узбечки и таджички на многолюдных митингах публично сбрасывали паранджи и сжигали их на кострах. Особенно массовый характер это движение приобрело в 1927 г., когда 8 марта, в Международный женский день, на

²⁷ Н. К. Крупская, Женщина страны Советов — полноправный гражданин, М., 1938, стр. 168.

²⁸ Р. Х. Аминова, Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане, Ташкент, 1975, стр. 48.

²⁹ «Женщины Советского Туркменистана», стр. 101.

³⁰ Р. Б. Куватова, К вопросу о работе среди женщин на современном этапе (на материалах Казахстана), сб. «Освобожденная женщина Советского Востока», стр. 103.

³¹ «От средневековья к вершинам современного прогресса», стр. 236; Р. Х. Аминова, Указ. раб., стр. 77; Б. П. Пальванова, Победа Великой Октябрьской революции и раскрепощение женщин-туркменок, Ашхабад, 1957, стр. 35; Г. П. Васильева, Указ. раб., стр. 269 и др.

³² Р. Х. Аминова, Указ. раб., стр. 90, 91, 98, 99.

³³ Там же, стр. 89.

³⁴ Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пешерева, С. П. Русаякина, Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, ТИЭ, т. XXIV, М.—Л., 1954, стр. 161.

площадях многих городов Советского Востока пылали костры, на которых сжигали паранджи и чачваны — символ унижения и приниженного положения женщин. Только в Узбекистане в этот день паранджу сняли 90 тыс. женщин³⁵.

В деле фактического раскрепощения женщин Советское государство чрезвычайно важное значение придавало обретению ими экономической независимости. Постановление ЦК ВКП(б) «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок» от 15 июня 1929 г. обязывало вовлекать в кооперацию и колхозы «крестьянок в первую очередь из бедноты и батрачества». Однако в условиях Средней Азии это было сделано непросто.

Чтобы привыкнуть женщин к участию в производственной и общественной жизни, в оседлых районах создавались специальные женские клубы, женские базары, магазины, а в скотоводческих районах — красивые юрты, при которых организовывались ликбезы, библиотеки-читальни, женские интернаты. Во многих районах организовывались женские кустарно-промышленные и даже сельскохозяйственные артели. В результате земельно-водной реформы 1927—1928 гг. женщины получили равное с мужчинами право на воду и наделы земли. При создании нового быта и формировании новой советской семьи, основанной на иных, чем прежде, началах равноправия и экономической самостоятельности взрослых ее членов, главным было добиться фактического равноправия женщин.

Выше отмечалось, что в колхозах республик Средней Азии и Казахстана женщины составляют более половины работающих. Сам по себе этот факт весьма знаменателен, так как свидетельствует о коренной ломке представлений о месте женщины в обществе, об изживании засторничества, характерного в прошлом для народов, исповедовавших ислам. Однако для выявления степени произошедших изменений еще более важен тот факт, что женщины овладели техникой, считавшейся прежде «не женским» делом. Среди сельского населения республик Средней Азии и Казахстана появилось немало девушки и женщин, окончивших специальные курсы механизаторов, владеющих искусством вождения сложных сельскохозяйственных машин. Женщины участвуют в колхозном производстве не только как рядовые его члены: они занимают многие руководящие должности, требующие высокой квалификации и организаторских навыков — немало женщин председателей и заместителей председателей колхозов, заведующих животноводческими фермами, бригадиров, агрономов, зоотехников и т. д. Обычным стало видеть женщину на посту председателя сельсовета.

Социалистические преобразования сельского хозяйства, быта и культуры достаточно хорошо показаны этнографами в ряде монографий, посвященных народам Средней Азии и Казахстана³⁶. Здесь нет необходимости подробно останавливаться на них. Напомним только, что социалистические преобразования изменили и облик колхозного селения. Строительство колхозниками новых домов, реконструкция старых поселков приобрели в наши дни широкий размах. Подавляющее большинство сельских селений электрифицировано и радиофицировано. В ряде областей Туркмении, Каракалпакии, Узбекистана и др. колхозные поселки газифицированы, во многих имеются водопровод и канализация.

³⁵ «От средневековья к вершинам современного прогресса», стр. 245.

³⁶ См., например: Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, С. П. Русаякина, Указ. раб.; С. М. Абрамзон, К. И. Антипина, Г. П. Васильева, Е. И. Махова, Д. Сулейманов, Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан, ТИЭ, т. XXXVII, М., 1958; «Культура и быт казахского аула», Алма-Ата, 1967; «Этнографические очерки узбекского сельского населения», М., 1969; Г. П. Васильева, Указ. раб.; А. Т. Бекмуратова, Указ. раб.; Л. Ф. Моногарова, Преобразования в быту и культуре припамирских народностей, М., 1972 и др.

В домашнем быту женщина освободилась от многих тяжелых работ, прежде падавших на ее плечи. Не говоря уже о том, что теперь среднеазиатская женщина не знает таких занятий, как изготовление пряжи, шитье одежды для всех членов семьи, заготовка продуктов впрок и т. п., считавшихся прежде ее обязанностью; там, где есть газ и водопровод, женщина не нужно носить воду, топливо и др. У кочевых и полукочевых народов, перешедших на оседлость в годы Советской власти, женщина освободилась от многих трудоемких работ, связанных с прежним образом жизни. Все это чрезвычайно сокращает время, необходимое для ведения домашнего хозяйства, облегчает домашний труд.

Во многих селениях созданы пекарни, освободившие женщин от трудоемкой работы по выпечке хлеба; постепенно распространяется общественное питание³⁷.

Повысилась культура быта сельского населения — электрические утюги и плитки, холодильники, стиральные машины и т. д. стали обычными в колхозных семьях.

Огромные средства отпускаются на благоустройство поселков, строительство в них культурных и общественных зданий. Во всех крупных колхозных селениях есть клубы, зачастую не уступающие по своим размерам и благоустройству городским, с большим зрительным залом, библиотекой-читальней, комнатами для проведения кружковых занятий и т. д.; один-два магазина, гостиница, баня, больница или медпункт, школы, детские сады. Чистота улиц, опрятность жилых помещений и дворов, отсутствие на улицах хлебных печей (*танур, тымдыр*) с колючками или хворостом возле них, служивших топливом (еще лет 15—20 назад тандыры, расположенные вдали от жилых помещений между двумя соседними усадьбами, были характерны для многих среднеазиатских селений) — результат активного вмешательства женщин в благоустройство своего селения, а также свидетельство роста культуры быта населения. Происходит постепенное стирание различий между колхозными поселками и поселениями городского типа.

Создание социалистического общества в нашей стране естественно включало и развитие новых семейных отношений, изменение семейного быта, ликвидацию старых отживших норм поведения, определяемых адатом и шариатом, и изменение самой формы семьи.

Участие женщины в производительном труде и общественной жизни, ее экономическая независимость в корне изменили взаимоотношения между ней, старшими членами семьи и мужем, утвердив ее юридическое равноправие, установленное первыми декретами Советской власти.

Известно, что у народов Средней Азии и Казахстана в сельских районах до наших дней сохраняется порядок, когда сын (обычно младший), женившись, продолжает жить со своими родителями; встречаются еще, хотя и редко, неразделенные семьи. По традиции в таких семьях сохраняется главенство старшего мужчины (обычно отца) и старшей женщины, его жены, над всеми младшими, хотя уже и взрослыми членами семьи, однако это главенство в значительной степени утратило свой прежний характер. Старший обычно лишь регулирует взаимоотношения членов семьи, помогает советами; он хранит денежные средства семьи, но не распоряжается ими единолично³⁸. Во многих случаях главенство мужа является формальным, на деле же в семье существует фактическое равенство супругов при решении основных семейных вопросов. В наши дни даже в неразделенных, а тем более в малых семьях, где нет

³⁷ «Культура и быт казахского аула», стр. 139; «Этнографические очерки узбекского сельского населения», стр. 148 и др.

³⁸ «Культура и быт казахского аула», стр. 212; Г. П. Васильева, Н. А. Кисляков, Вопросы семьи и быта у народов Средней Азии и Казахстана в период строительства социализма и коммунизма, «Сов. этнография», 1962, № 6, стр. 13 и др.

ни свекра, ни свекрови, что стало теперь довольно частым явлением, прежний порядок взаимоотношений нарушен.

По материалам казахских этнографов, в общественном производстве обычно работают младшие женщины семьи, свекровь, как правило, остается дома с детьми и ведет домашнее хозяйство³⁹. Такой же порядок в аналогичных случаях чаще всего сохраняется и у других народов — туркмен, каракалпаков, узбеков⁴⁰ и т. д.

У всех этих народов работающие женщины, став экономически самостоятельными, чувствуют себя более уверенно и в семье. Как показало статистическое обследование семей в ряде селений Туркменской ССР, в 65% опрошенных семей денежные средства находятся в распоряжении жены, а в 19% — жены и мужа. В 57% семей заработка мужа и жены равны или заработка жены превосходит заработка мужа⁴¹.

В семьях, где нет старших неработающих женщин, дети дошкольного возраста воспитываются в детском саду, муж и старшие дети, как правило, помогают в ведении домашнего хозяйства⁴². Женщины, участвующие в сельскохозяйственном производстве, особенно отличившиеся в труде, пользуются в семье большим уважением. Такие женщины меньше подвержены влиянию старших, часто консервативно настроенных членов семьи. Они более решительно отказываются от старых привычек и обычаяев и активно участвуют в переустройстве быта в своем селении. Особенно большую роль играют женщины, имеющие среднее и высшее образование,— учительницы, медицинские работники, культработники, агрономы и др. Если молодая женщина имеет специальное среднее или высшее образование (а таких сейчас немало в колхозах), она чувствует себя гораздо увереннее в отношениях со свекровью и другими старшими членами семьи. К ее мнению прислушиваются, к ней зачастую обращаются за советом⁴³.

В тех случаях, когда сын и невестка имеют высшее или среднее специальное образование или какую-нибудь специальность, старики-родители (или один из них), живущие вместе с ними, не настаивают на соблюдении традиционных, но отживших норм поведения и обычно сами подчиняются тем порядкам, которые вводят молодые, если, конечно, эти порядки не идут совершенно вразрез с их представлениями о нормах поведения.

В целом же общественная активность сельских женщин велика, она ничуть не ниже, а иногда даже выше активности горожанок.

Одна из форм общественной деятельности женщин — участие в работе сельских Советов депутатов тружениц, в частности в области культурно-бытовой. Вопросы преобразования быта, подъема культуры в селениях, организации досуга населения занимают немалое место в работе Советов, и здесь основная роль принадлежит женщинам.

Во всех колхозах и совхозах имеются женские советы, которые ведут большую организационную и культурно-воспитательную работу. Так, в Казахстане к 1972 г. насчитывалось 4175 женсоветов⁴⁴, только в одной Ташкентской области Узбекистана к 1960 г. было 1145 женсоветов⁴⁵. В состав женсоветов избираются наиболее авторитетные, грамотные

³⁹ «Культура и быт казахского аула», стр. 12.

⁴⁰ Г. П. Васильева, Указ. раб., стр. 276; Н. П. Лобачева, Формирование новой обрядности узбеков, М., 1975, стр. 16; А. Т. Бекмуратова, Указ. раб., стр. 92.

⁴¹ О. Мусаев, Наша современница, газ. «Туркменская искра», 25 апреля 1975.

⁴² «Культура и быт казахского аула», стр. 198; Г. П. Васильева, Указ. раб., стр. 276; Л. Ф. Моногарова, Указ. раб., стр. 124—126; «Этнографические очерки узбекского сельского населения», стр. 210.

⁴³ Г. П. Васильева, Указ. раб., стр. 278; «Этнографические очерки узбекского сельского населения», стр. 211.

⁴⁴ Р. Б. Куватова, Указ. раб., стр. 104.

⁴⁵ Р. Х. Аминова, Указ. раб., стр. 175.

женщины, по одной от улицы или участка колхоза (обычно небольшого селения). Как правило, сельские женсоветы состоят из 5—9 человек. Женсоветы помогают колхозникам овладевать агро- и зоотехническими знаниями, следят за чистотой домов и улиц, интересуются воспитанием детей в семье, помогают девушкам продолжать учебу в тех случаях, когда им препятствуют в этом в семье, и т. д.

Очень большую роль в подъеме культуры населения, изменении быта, вовлечении женщин в производственную работу и общественную жизнь играет заместитель председателя колхоза по культуре. Эта должность была учреждена более 15 лет назад специально для того, чтобы повысить культуру колхозного села, борясь с вредными пережитками прошлого, помочь женщинам ликвидировать бытовую отсталость, повысить их культурно-технический уровень. Эту должность в Средней Азии очень часто занимают женщины-врачи, учителя или другие специалисты, имеющие высшее или специальное среднее образование. В тех колхозах, где заместителями председателя по культуре работают инициативные женщины, результаты их деятельности сразу заметны: опрятен и красив внешний облик селений, чисто в домах колхозников, хорошо работают детские сады, ясли и т. д. Сфера деятельности заместителя председателя по культуре очень широка и смыкается с работой женских советов.

Рост активности женщин, их политической и экономической самостоятельности не был стихийным процессом. Эти вопросы постоянно стоят в центре внимания Коммунистической партии и правительства, и в каждой республике используются различные формы работы в зависимости от специфики исторического развития народа. Вот один из примеров этого. Беспрекословное подчинение старшим в семье и обществе, уважение к их жизненному опыту и знаниям весьма характерны для народов Средней Азии и Казахстана. Идея использования этой прочно сохраняющейся традиции большого влияния старших на людей младшего поколения, которую довольно часто неверно считают «мусульманской», т. е. идущей от религии, сейчас положена в основу так называемых советов старейших, действующих в республиках Средней Азии — Туркмении, Узбекистане, Каракалпакии, Таджикистане и др. В их состав непременно входит женщина — одна из наиболее уважаемых и опытных женщин колхоза. Большинство советов старейших завоевали уважение односельчан и играют важную роль в их жизни; они помогают искоренению отживающих привычек прошлого, в том числе еще сохраняющегося среди части населения традиционного представления о том, что пребывание женщин среди посторонних мужчин и общение с ними предосудительно. Это представление еще до сих пор мешает многим женщинам принимать участие в общественной работе. Учет специфики социального и культурного развития народов Средней Азии и Казахстана проявляется и в том, что часто на сельскохозяйственных машинах работают семейные пары, и, таким образом, девушки, выходя замуж, не бросают специальности, а работают вместе с мужем, не вызывая недовольства членов его семьи, как бывало, когда женщине приходилось работать на одном агрегате с посторонним мужчиной.

Большое распространение получили в республиках клубы девушек, где в свободное от учебы или работы время девушки получают навыки ведения домашнего хозяйства, обучаются в кружках кройки и шитья, занимаются спортом, участвуют в художественной самодеятельности. Против участия в таких чисто женских по своему составу кружках не могут возражать даже отсталые родители, считающие неприличными для девушек совместные с юношами посещения клубов и кружков. Благодаря посещению этих клубов девушки приучаются к самостоятельности.

Такова далеко неполная картина изменения положения женщин, роста их общественной и производственной активности в строительстве коммунистического общества у народов Средней Азии и Казахстана.

Она в основных чертах типична и для других областей нашей многонациональной страны. Однако здесь она наиболее впечатляюща, если вспомнить, насколько закрепощена и забита была среднеазиатская женщина, особенно в оседлых районах и городах Средней Азии, какой сложный, нередко связанный с большими жертвами путь прошла она до своего фактического раскрепощения.

«Общественный прогресс может быть точно измерен по общественному положению прекрасного пола», — писал в 1868 г. К. Маркс⁴⁶. Положение женщин Средней Азии и Казахстана — яркое свидетельство того общественного и социального прогресса, который достигнут советским народом за годы существования Советской власти. Высокий уровень развития народного хозяйства и культуры, построение социалистического общества, полноправными членами которого являются советские женщины — естественный итог трудного пути, пройденного ими под руководством Коммунистической партии и Советского государства.

Опыт Советского Союза и других социалистических стран в решении женского вопроса имеет огромное международное значение, служит маяком и опорой в борьбе за возможность активного участия женщин планеты в общественной жизни, за мир и социальный прогресс.

WOMEN OF THE MIDDLE ASIAN REPUBLICS AND KAZAKHSTAN AND THEIR ROLE IN TRANSFORMING THE EVERYDAY LIFE OF THE RURAL POPULATION

The problem of the status of women in modern society, of their opportunities for full participation in all spheres of activity within their own countries and in the struggle for peace in the world as a whole, is a major one.

This problem has always been given due prominence in the USSR. At present Soviet women are active in the building of Communist society. The backward outlying areas of Tsarist Russia in Middle Asia, Kazakhstan, etc. have seen particularly striking changes in the position of women.

The socialist transformation of the national economy, of everyday life and culture have had a tremendous impact upon all aspects of life of the Middle Asian peoples and hence upon their outlook. Women themselves have realised their new role in social life and productive work, and are solving problems of nation-wide importance.

At present almost half of the skilled specialists in the economy of these Republics are women; in the field of education and especially in that of health services — considerably more than half.

The downtrodden position of the women of Middle Asia in family and social life in the past, their struggle for actual equality in all spheres of life in the early Soviet years are dwelt upon.

In our days village women not only take part in productive work as rank-and-file collective farm members but occupy leading posts demanding high qualifications and organizational skills. Woman's part in agricultural production and social life, her economic independence have radically changed her relations with her husband and the elder family members. Women's social activities in the rural Soviets, in women's committees, councils of elders, etc., in bettering rural life conditions is also described.

The present-day situation of woman in Middle Asia and Kazakhstan strikingly testifies to the social progress of the Soviet people and sets an internationally significant example of the solution of the woman problem.

---

⁴⁶ «К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин о женском вопросе», М., 1971, стр. 64.

С. М. А б р а м з о н, Л. П. П о т а п о в

**НАРОДНАЯ ЭТНОГОНИЯ КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ КОЧЕВНИКОВ)**

Среди исследуемых этнографами народных знаний важное научное значение имеют представления и сведения, связанные с происхождением, этническим составом и этнической историей отдельных народов или их различных групп, племен, родов, а также более мелких подразделений, входящих в состав крупных этнических единиц или объединений. Эта область народных знаний, которую можно условно назвать народной этногонией, уже давно вызывает интерес исследователей, и не только как некая часть народной духовной культуры, но и как ценный историко-этнографический источник¹. Это вполне естественно, ибо каждый народ, племя и род всегда интересовались своим происхождением, своим родством с другими группами и т. д. и имели на этот счет свои представления, которые в течение многих столетий накапливались, хранились и передавались устно из поколения в поколение. Само собой разумеется, что подобного рода данные иногда включают в себя наряду с историческими фактами и легендарные, мифологические представления, отделить которые друг от друга составляет задачу исследователя. Легендарные сюжеты могут в известной мере рассматриваться как исторический фольклор. Но относить материалы по народной этногонии в целом к фольклору, как это иногда делают, нет оснований.

Народные знания в области этногонии были раньше (а отчасти и теперь) широко распространены среди многих этнических общинностей земного шара: коренного населения Америки, Австралии и Океании, народов Азии, Африки. Целые своды генеалогических сведений и представлений некоторых народов запечатлены в письменных памятниках. Достаточно назвать труд знаменитого автора XIV в. Рашид ад-Дина², чтобы убедиться в том, какое значение придавали этому виду источников крупнейшие средневековые историки. Народная этногония существовала в прошлом и у многих современных народов СССР: народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, Приуралья и Поволжья, Северного Кавказа, Средней Азии и Казахстана.

Большой интерес для историко-этнографического изучения представляют народные знания в области этногонии, еще поныне сохранившиеся в памяти старшего поколения современных тюркоязычных народов СССР, в особенности тех из них, которые в недавнем прошлом занимались скотоводством и вели кочевой или полукочевой образ жизни³.

¹ См., например, Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, «Живая старина», 1896, вып. 3—4.

² Рашид ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1 и 2, М.—Л., 1952; т. II, М.—Л., 1960; т. III, Баку, 1957. Ср.: А. Н. Кононов, Родословная туркмен, Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского, М.—Л., 1958; Р. Г. Кузев, Башкирские шежере, Уфа, 1960.

³ Имеются в виду, например, алтайцы, тувинцы, хакасы, телеуты, якуты, казахи, киргизы, узбеки, каракалпаки, туркmenы, башкиры, ногайцы и др.

Научное значение этногонии как источника особенно велико, когда речь идет об изучении народов, которые в досоветский период не имели своей письменности или были младописьменными, не имели собственных письменных свидетельств своего исторического прошлого.

Народная этногония является подлинной сокровищницей исторических и этнографических знаний. Ценность их, как показывает сравнительно-исторический анализ, заключается в том, что они, как правило, отражают реальные данные об этническом составе и его изменениях, о родословных племен, родах и более мелких подразделениях, об исторических, социальных и этнокультурных связях и др. Именно поэтому фольклор и народные знания по этнической истории (сведения по этнографии, о происхождении племен и родов и т. д.) существенно различаются и отождествлять их не следует. Достаточно напомнить, что если фольклор у ряда упоминаемых нами народов и отражает некоторые конкретные исторические факты и события, как правило не относящиеся к этнической истории, то это происходит в рамках закономерностей его развития и структуры жанров, в системе свойственных ему образов и приемов, в специфической для него интерпретации. Даже в такой области фольклора как героический эпос саяно-алтайских народов, отражающей различные исторические эпохи, упоминания о конкретных племенах и народах почти отсутствуют, несмотря на то, что у этих народов родо-племенные названия имели реальное значение в их жизни и сохранялись вплоть до Великой Октябрьской революции, а память о них не исчезла и в наши дни.

Иное дело упомянутые выше народные знания по этнической истории, выступающие в форме конкретных кратких сведений и рассказов, которые хорошо коррелируются иногда с другими видами исторических источников, особенно письменными. Они охватывают порой хронологически большие периоды и подтверждаются письменными свидетельствами. Так, многие десятки дошедших до нашего времени названий родов и племен у алтайцев, шорцев, современных хакасов, тувинцев зафиксированы, например, русскими письменными источниками почти 400-летней давности. Сведения об их расселении и хозяйственно-бытовых особенностях подтверждались позднее представителями этих народов⁴. Многие из этих родо-племенных названий нашли отражение в еще более ранних письменных источниках, в частности в древнетюркских рунических надписях или китайских летописях, что служит ценным материалом для восстановления истории этнического состава тюркоязычного населения Южной Сибири (таковы, например, теленгит, телес, телеут, тюргеш, тольбер, читтибер, туба, уйгар, кыпчак и др.).

Разумеется, примеры исторической достоверности этногонических знаний у народов Южной Сибири не следует механически распространять на все тюркоязычные и другие народы. Но как показывают, например, исследования этнонимов у тюркских народов Средней Азии, Казахстана, Башкирии, при сопоставлении их с другими видами исторических и этнографических источников, научная источниковедческая ценность их подтверждается⁵. Наличие такого материала может служить доказательством сохранения в составе тюркских народов весьма древних этни-

⁴ Л. П. Потапов, Этнический состав и происхождение алтайцев, Л., 1969; Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее — ТИЭ), т. LV, М., 1960.

⁵ С. М. Абрамzon, Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, Л., 1971; В. В. Востров, М. С. Музаев, Родо-племенной состав и расселение казахов (XIX — начало XX в.), Алма-Ата, 1968; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, М.—Л., 1950; Г. И. Карпов, Туркмени-огузы (материалы к этногенезу туркменского народа), «Изв. Тюркм. филиала АН СССР», Ашхабад, 1945, № 1; Р. Г. Кузеев, Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история, расселение, М., 1974; А. Н. Бернштам, Древние тюркские элементы в этногенезе Средней Азии, «Сов. этнография», сб. статей, 1947, № 6—7, и др.

ческих компонентов и указывать на конкретные древние этногенетические связи.

Подтверждение всему сказанному мы находим в ряде конкретных исследований, в которых хорошо показано научное значение народной этногонии для этнографической науки и для важных исторических выводов.

Более того, опыт исследований в области этнической истории показывает, что они невозможны без широкого привлечения материалов по народной этногонии, в частности данных о родо-племенных делениях и их названиях⁶.

Народные представления о происхождении и этническом составе тех или иных родо-племенных или территориальных образований весьма широки и разнообразны. Охватить их в целом, со всем обилием и разнообразием конкретного материала, в рамках журнальной статьи невозможно, да и нецелесообразно. Мы ограничили свою задачу рассмотрением этногонии прежде всего у тех тюркоязычных народов СССР (бывших кочевников), которыми авторы настоящей статьи специально занимались, т. е. народов Южной Сибири и Средней Азии, преимущественно киргизов.

Остановимся на некоторых данных, характеризующих рассматриваемую область народных знаний в качестве источника для историко-этнографических исследований. К ним прежде всего нужно отнести народную этнонимику, т. е. различные этнонимы и эпонимы, бытовавшие или бытующие в качестве самоназваний или названий, даваемых соседями тем иным народам, племенам, родам, их локальным или территориаль-

⁶ См.: С. М. Абрамzon, Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии, сб. «Родовое общество», ТИЭ, т. XIV, М., 1951; его же, Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. IV, М., 1960; Г. П. Васильева, Работы Туркменского этнографического отряда в 1954—56 гг., «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. I, М., 1959; ее же, Объяснительная записка к историко-этнографической карте Ташаузской области ТССР, «Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана», ТИЭ, т. XLVIII, М.—Л., 1961; Я. Р. Винников, Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии, «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1956; его же, Родо-племенной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение, «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, серия этнографическая», т. VI, Ашхабад, 1962; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков; К. Л. Задыхина, Некоторые вопросы изучения этнического состава населения бассейна Кашка-Дары в Сурхан-Дарьинской области Узбекской ССР, «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», 1962, вып. 37; Б. Х. Карапышев, Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, Душанбе, 1954; ее же, Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков, «Сов. этнография», 1960, № 1; Г. И. Карапов, Племенной и родовой состав туркмен, Полторацк, 1925; Р. Г. Кузеев, Очерки исторической этнографии башкир, ч. I. Родо-племенные организации башкир в XVII—XVIII вв., Уфа, 1957; его же, К этнической истории башкир в конце I—начале II тысячелетия н. э. (опыт сравнительно-исторического анализа шежере, исторических преданий и легенд), сб. «Археология и этнография Башкирии», III, Уфа, 1968; его же, Роль исторической стратификации родо-племенных названий в изучении тюркских народов Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии, «IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Чикаго. Доклады советской делегации», М., 1973; М. С. Муканов, Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза, Алма-Ата, 1974; В. М. Плоских, Община и патриархально-родовой уклад у киргизов XIX в., в кн.: «К истории социально-экономических укладов Киргизстана», Фрунзе, 1972; Л. П. Потапов, Этнический состав и происхождение алтайцев, Л., 1969; его же, Очерки народного быта тувинцев, М., 1969; С. П. Толстов, Переходы тотемизма и дуального организаций у туркмен, журн. «Проблемы истории докапиталистических обществ», Л., 1935, № 9, 10; Л. С. Толстова, Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса, Нукус—Ташкент, 1963; К. Ш. Шаниязов, Узы (из истории родо-племенных делений узбеков), «Общественные науки в Узбекистане», 1970, № 2; его же, К вопросу расселения и родовых делений канглы, сб. «Этнографическое изучение быта и культуры узбеков», Ташкент, 1972; его же, К этнической истории узбекского народа (историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента), Ташкент, 1974, и др.

ным группам и т. д. На этом материале можно порой обнаружить, что тот или иной народ, племя или локальная группа становится известным не столько по самоназванию, сколько по наименованию, данному ему соседями. Одним из многочисленных примеров может служить название «тубалары», которое часть северных алтайцев получила от своих соседей — южных алтайцев. Термином *туба* (множественное число *тубалар*), по утверждению В. В. Бартольда, тюркские народы или племена восточной части Центральной Азии называли обычно самодийскоязычное население Саяно-Алтая⁷. Сами же алтайские тубалары, согласно народным данным, хотя и называют себя обобщенно, но другим, а именно описательным термином *иши кижи*, что значит «лесные люди». Однако, как правило, до недавнего времени они называли себя главным образом по имени того или иного рода (*сеок*). Таковы названия *юз*, *комдоши*, *кузен*, *ярык* и т. д. Большую группу южных киргизов их соседи называли общим именем *ичкилик*, хотя составлявшее ее население устойчиво сохраняло либо свои племенные названия, либо названия отдельных народностей, осколком которых являлись те или иные группы ичкиликов (*тёёлес*, *кыпчак*, *найман* и др.).

Изучение народной этнографии нередко показывает, что значительные группы тюркоязычного населения, например Южной Сибири, не имели общего самоназвания, именуя себя только по родо-племенным группам или даже административным единицам, введенным царской администрацией. Последняя, кстати сказать, внесла большую путаницу в этносоциальную терминологию кочевников, введя в нее (будто бы в соответствии с традицией кочевников) еще административные «роды» и «подроды», «волости» с сохранением за ними (или присвоением им) нередко тех или иных местных родо-племенных названий. Примером этого могут служить нынешние хакасы, которые в дооктябрьский период не имели общего самоназвания, а названия *хакас* вообще не знали. Они называли себя по родам и племенам (*сагайцы*, *качинцы* и др.). Однако после длительного проживания в составе так называемых «степных дум» или «степных управ», созданных царской администрацией после 1822 г. (реформа Сперанского), стали постепенно называться по имени таких дум или управ. Комплектование степных дум или управ основывалось на традиционном принципе деления коренного населения на «роды» и «племена», хотя такие (особенно мелкие) подразделения являлись преимущественно административными образованиями, созданными по образцу некогда естественно выросших или исторически сложившихся местных родо-племенных единиц. Население, отнесенное к той или иной думе или управе, также приписывалось к определенному административному роду, и лица, приписанные к данному роду, платили налоги, несли всякие повинности и подлежали юрисдикции своей думы, независимо от того, проживали они на территории, входящей в ведомство думы, или за ее пределами. Распутать все это и восстановить реально существовавший в недалеком прошлом родо-племенной состав нынешних хакасов помогли в значительной мере именно народные знания⁸.

Насколько ценные данные для историко-этнографических исследований содержат названия родов и их подразделений можно показать опять-таки на материалах Южной Сибири. Многие названия родов (сеоков) отражали особенности хозяйства и быта местного тюркоязычного населения. Таково, например, название сеока *кобурчи-комдоши* (угольщики-комдоши) у северных алтайцев, специализировавшихся раньше на изготовлении древесного угля для домашней плавки железа,

⁷ В. В. Бартольд, Соч., т. V, М., 1968, стр. 42.

⁸ См. Л. П. Потапов, Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.), Абакан, 1952; его же, Происхождение и формирование хакасской народности, Абакан, 1957.

или *палан-комдош* (калинщики), в жизни которых большую роль играла заготовка ягод калины. То же самое можно сказать в отношении названия сеока *саргайчи-юз*, которые в большом количестве собирали и заготавливали впрок сарану. Название подразделения сеока *ярык* — *сыгынчи-ярык* отражает ведущую роль охоты на марала в хозяйстве этой группы и т. д. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что из народных знаний могут быть извлечены ценные сведения по истории хозяйства и быта отдельных этнических групп. В связи с переселениями те или иные виды хозяйственной деятельности, а также отдельные стороны быта либо изменялись, либо вовсе утрачивались. Народная этнография помогает реконструировать прошлое этих групп, их материальную и духовную культуру. Некоторые названия дают представление о топографии расселения сеоков, в одних случаях — о локализации разных групп одного сеока в верхнем или нижнем течении реки (*орёк-куманды* — верхние и *алтына-куманды* — нижние кумандинцы), в других — о проживании части сеока в горах или в речных долинах, например, *тагкарга* (горные) и *суг-карга* (долинные) у шорцев, сагайцев и др.

Особый интерес представляют названия, включающие цветовые обозначения. Назовем только некоторые из таких наименований: *ак-чистар* и *кара-чистар* (белые и черные чистар) у бельтиров; *кара-соян*, *сары-соян* и *кызыл-соян* (черные, желтые и красные сояны) у тувинцев; *кара-шор* и *сарыг-шор* у шорцев; *кара-найман*, *кара-тодош*, *кара-телес* и т. п. у южных алтайцев и многие другие. Цветовые обозначения в названиях племен и родов уже привлекали внимание востоковедов, особенно тюркологов (лингвистов и этнографов)⁹. Они известны у кочевников с древних времен, начиная с хуннов (и их предшественников) и вплоть до XX в. Высказывается даже мнение, что этот древний обычай наименования народов отразился в этнографии и топонимике Европы под влиянием азиатских кочевников¹⁰. Однако мнения исследователей о происхождении и семантике упомянутых цветовых обозначений в этнографиях расходятся. Одни из них связывают семантику подобных этнографических названий с ранними китайско-туркско-монгольскими космологическими представлениями, делящими вселенную на четыре области (страны света), у каждой из которых была своя цветовая характеристика. Другие связывают цветовые обозначения с военно-административной организацией кочевников. Третьи полагают, что цветовые различия, применяемые к одному и тому же этнографическому или этнографическому, отражают расселение частей одной и той же этнической общности по отношению друг к другу¹¹. Есть, конечно, и иные толкования этого явления, исходящие, например, из иерархической структуры рода-племенного устройства кочевников, и другие. Вопрос этот не может решаться однозначно для всех племен и народов и для всех времен. Народные представления помогают его решить конкретно. У тувинцев, например, такие обозначения как черные, желтые, красные сояны отражали географическую координацию расселения этих родственных групп тувинской народности, что соответствовало действительности еще в начале XX в.

Большую ценность для этногенетических исследований, в частности для изучения этнического состава и происхождения племен и народов, представляет сопоставление рода-племенных названий с древними этнографиями.

⁹ O. Ritzak, Orientierung und Farbsymbolik, «Saeculum», IV, 1953; H. Lüdat, Farbenbezeichnungen in Völkernamen, «Saeculum», V, 1954; J. Laude-Cirautas, Der Gebrauch der Farbenbezeichnungen in der Türkdialeten, «Uralaltaische Bibliothek», X, Wiesbaden, 1961; A. v. Gabain, Von Sinn symbolischer Farbenbezeichnungen, «Acta Orientalia Hungar.», XV, 1—3, 1962. См. также: К. И. Петров, К этимологии термина «кыргыз» (Цветовая древнетюркская топоэтнография Южной Сибири), «Сов. этнография», 1964, № 2; Н. А. Баскаков, К вопросу о происхождении этнографического термина «кыргыз», там же.

¹⁰ H. Lüdat, Указ. раб., стр. 139, 144, 155.

¹¹ A. v. Gabain, Указ. раб., стр. 113, 114 и др.

нимами. Однаковые этнонимы, сохранившиеся у различных племен и народов, ныне разделенных огромными расстояниями и многовековой историей, дают ценный документальный материал для исторических выводов и обобщений. Достаточно указать в этой связи, что известные по древним письменным источникам многие названия народов, племен или родов сохранялись до сравнительно недавнего времени в качестве названий родов, племенных и прочих групп у алтайцев, тувинцев, шорцев, хакасов, киргизов, казахов, узбеков, башкир и т. д. Таковы названия *тюргеш*, *карлук*, *телес*, *турк* и многие другие. То же самое наблюдается в отношении таких средневековых тюркоязычных народов, как уйгуры, киргизы, кыпчаки, найманы и другие. Сказанное мы относим главным образом к самим этнонимам как таковым, но не к их народной этимологии, которая не может считаться надежной и бывает часто противоречивой. Примером этого может служить толкование этнонаима *кыргыз*.

Советские этнографы широко и плодотворно используют этот ценный источник в своих исследованиях применительно как к отдельным народам, прежним родо-племенным образованиям, так и к их группам¹². Значение народных представлений об этническом составе народов состоит еще и в том, что с их помощью могут вноситься фактические коррективы в древние «монопольные» письменные источники, например китайские. А иногда они могут помочь и в расшифровке этих источников. Таковы, скажем, сведения о «пеголошадниках», о культе коня, о некоторых племенах, упоминаемых в памятниках древнетюркской письменности, и др.

Не менее существенное значение имеют местные, в прошлом широко распространенные в быту, своеобразные «народные классификации» своих и окружающих народов, племен и родов (выступающих в качестве таксономических единиц) и их более мелких подразделений. Большой интерес для изучения (даже по воспоминаниям) не только социальной, но и этнической истории представляют внутриродовые структуры — мелкие родственные подразделения, такие как *хан-торель* (кровные родственники) у тувинцев; *толь* (большая семья) у некоторых групп алтайцев и шорцев; *ата-балалары* (сыновья такого-то отца) у казахов; *бир атанаын балдары* (сыновья одного отца) у киргизов; *коше* у каракалпаков; *ара*, *аймак* или *тармык* (родственное подразделение) у башкир и т. д.

Такого рода местная народная систематика, сохранившаяся в памяти населения, отражает некогда вполне осознанную и реальную этническую и социальную структуру племен и народов с ее своеобразной иерархией и субординацией. Она позволяет уловить и характеризовать соотношение этих групп, а в некоторых случаях и ту или иную зависимость их друг от друга. Однако нужно отметить, что по материалам наших исследований названные мелкие звенья социальной структуры, сохранив свои этнические признаки, уже в предреволюционную эпоху практически теряли свою устойчивость, хотя и продолжали частично существовать в качестве пережиточных явлений. Тем не менее, воспоминания о них дают ценный исторический материал для рассмотрения и анализа упомянутой социальной структуры в ее более общем и целостном виде¹³. Видное место в упомянутой народной систематике занимала,

¹² Н. А. Сердобов, История формирования тувинской нации, Кызыл, 1971; Б. Д. Джамгеринов, Из генеалогии киргизов, в кн.: «Белек. С. Е. Малову», Фрунзе, 1946; Сб. «Этнонимы», М., 1970, и др.

¹³ См.: Т. А. Жданко, Работы Каракалпакского этнографического отряда в 1956 г., «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 1, М., 1959 (о «кошев»); Г. Н. Симаков, О некоторых результатах поездки в Киргизию, в кн.: «Итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1971 г.», Т. М., 1972; В. П. Курылев, Кочевая группа западных казахов-адаевцев, в кн.: «Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых исследований Ин-та этнографии в 1972 г.», М., 1974.

конечно, атрибуция этнической, племенной и родовой принадлежности в том виде, как это осознавалось в народном представлении.

Однако необходимо учитывать, что родо-племенная структура у многих народов не была стабильной. Ее подвижность находила отражение и в самой терминологии, применявшейся к понятию «племя» и его подразделениям — «род», «подрод» и т. п. Нередко одним и тем же термином обозначались и племя, и род или их подразделения. Иногда для одной и той же этнической общности употреблялись различные термины, как собственно тюркские, так и заимствованные из других языков (арабского, иранских, монгольских).

К числу наиболее реальных можно отнести сведения, касающиеся средних и тем более низших звеньев родо-племенной структуры. Более легендарный характер имеют данные, относимые к высшим звеньям этой структуры. Не вызывает сомнений достоверность большинства тех исторических и генеалогических преданий, которые составляют главное содержание народной этногонии и могут быть датированы XVII—XIX вв., а отчасти и более ранним периодом. Разумеется, эта хронология имеет условный характер, поскольку отраженные в предании сведения передавались, как правило, устным путем, в соответствии со сложившейся у каждого народа исторической традицией. Эта традиция была чрезвычайно устойчивой. В качестве примера можно привести предания и генеалогии, записанные в середине XIX в. у казахов и киргизов известным востоковедом Ч. Валихановым. Без существенных изменений они были зафиксированы советскими исследователями у представителей старшего поколения названных народов почти через сто лет, в 1950-х годах. К этому материалу примыкают представления о происхождении народов (иногда в виде легенд), племен, родов, отдельных локальных групп, их расселении, передвижении.

Существенной частью народной этногонии являются конкретные представления о родстве народов, племен, родов и их различных разветвлений, подразделений и т. п., которые служат основой и критерием для всяческого рода генеалогий, больших и малых, групповых и индивидуальных.

В этом генеалогическом родстве прослеживаются несколько разновидностей. Таково прежде всего родство по происхождению в рамках племени и рода, признаком которого служит сознание принадлежности отдельного человека к тому или иному племени или роду. Это родство в народных представлениях обычно выступает как кровное, в силу чего браки между такими сородичами у многих народов не допускались. Например, у алтайцев сородичи называли друг друга термином *карындаш*, что значит буквально «единоутробный»¹⁴, у киргизов *боордоо* — в том же значении. Понятие о величине и рамках рода у названных выше народов не было одинаковым. У одних из них род разрастался без ограничения, у других отпочковывались его части и превращались как бы в новый род, сохраняя при этом старое название, но с тем или иным прилагательным (например, у алтайцев — *найман*, *когуль-найман*, *каранайман* и т. д.). Вследствие этого и родовая экзогамия носила несколько различный характер. Скажем, если у алтайцев она охватывала всех родственников по секоку (роду отца), носящих общее родовое имя, всех степеней родства без ограничения, то у киргизов и казахов экзогамия ограничивалась лишь определенным числом поколений, вне которых ее действие прекращалось. Отметим, что у ряда тюркоязычных народов ко времени Великой Октябрьской социалистической революции родовая

¹⁴ Некоторые исследователи не без основания полагают, что *карындаш* как термин, означающий сородича, сложился в условиях рода, основанного на материнском праве. См. М. Г. Левин, Роды «карындаш» у алтайцев, «Сов. этнография», Сб. статей, 1947, № 6-7.

экзогамия либо уже вовсе не существовала, либо наблюдались только ее слабые следы (например, у тувинцев, туркмен и др.).

Следовательно, у рассматриваемых народов признавалось кровное родство. Но фактически, в условиях господства родовой экзогамии и патрилинейности, характерных для тюркоязычных кочевников, подлинное биологическое родство под влиянием упомянутых общественных норм осознавалось только по линии отца, вследствие чего браки между сородичами в роде, основанном на отцовском счете родства, не допускались. Браки же с близкими родственниками со стороны матери, которые при патрилинейном счете родства принадлежали к другому роду, напротив, считались желательными, а когда-то, видимо, даже обязательными.

Однако и такое одностороннее кровное родство было во многих случаях родством лишь по форме, отвечающим нормам экзогамного патрилинейного рода. На это указывают многочисленные факты смешанного происхождения отдельных племен и родов, образовавшихся в результате консолидации частей раздробленных народов, племен и родов или племенных конфедераций средневековья, которые воспроизвелись и сохранялись (например, у алтайцев, башкир, киргизов, каракалпаков, узбеков) под старыми народными или племенными названиями (*кыпчак, найман, канглы, кытай* и др.). Эти как бы «вторичные» образования, особенно в виде родов, что весьма характерно для алтайцев, формировались по модели патрилинейного экзогамного рода (хотя иногда они даже состояли из различных этнических элементов), т. е. по древнему стереотипу. Возникали они чаще всего в условиях дробления и смешения разных групп кочевников под влиянием характерных для них систематических войн и набегов. Этот процесс отразился в рассказах о происхождении отдельных родов или племен от отдельных лиц мужского пола, тем или иным способом спасшихся от врагов. В таких рассказах (особенно у народов Южной Сибири) нередки и легендарные элементы, относящиеся к судьбе оставшихся в живых членов истребленного рода или племени. Оказавшись по тем или иным причинам в чужой родоплеменной среде, осколки раздробленных племен, народов, родов сохраняли свое самоназвание, постепенно интегрировались между собой по этому признаку и превращались в новые таксономические родо-племенные единицы под старым названием, подвергаясь нередко языковой и культурно-бытовой ассимиляции в этнической среде победителей.

Таким образом, подмеченная К. Марксом еще для древних азиатских обществ простота производственной и социальной структуры племен не только раннего, но и позднего средневековья приводила к тому, что они постоянно воспроизводили себя в одной и той же устойчивой форме, проявляя большую жизнеспособность. Разгромленные и рассеянные при очередном набеге враждебных племен, они довольно быстро возникали вновь, часто на той же территории и под теми же названиями и, оправившись от удара, входили в новую комбинацию какого-либо социально-политического и этнического объединения. Различные политические комбинации отдельных удачливых или неудачливых ханов, предводителей, борющихся между собой за власть, за пастващие территории, за зависимое население, не затрагивали основы социально-экономических элементов военно-административных или государственных объединений кочевников. Именно это, как писал К. Маркс, и объясняет тайну «неизменности азиатских обществ, находящихся в таком резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой смены их династий»¹⁵.

К рассматриваемой категории родства можно отнести также родство по адоптации отдельных лиц, а иногда и целых групп, принятых в род

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 371.

или оказавшихся в роде (военнопленные, припущенники, рабы или крепостные, попавшие в род в составе калыма или приданого). Некоторые из них становились даже «родоначальниками» новых родо-племенных подразделений, примеры чему можно найти у алтайцев, киргизов и других народов.

Генеалогическое родство охватывало у многих названных выше кочевников, по их представлениям, и крупные этнические единицы и подразделения родов: большесемейные общины, семейно-родственные группы, состоявшие из больших и малых семей, и т. п. Эти распространенные генеалогические «микроструктуры» отражали, как правило, кровное родство, включавшее «цепочку» предков ряда поколений, преимущественно по мужской линии. Они были отчетливо выражены в названных выше родственных подразделениях: больших семьях у саяно-алтайских народов, семейно-родственных труппах у казахов, киргизов, каракалпаков и т. д.

Имевшая распространение у некоторых из названных народов полигамия создавала осложняющие моменты в генеалогических структурах и одновременно корректировала узаконенные обычным правом нормы экзогамии. Сыновья, родившиеся от одного отца, но от разных матерей, давали начало новым самостоятельным генеалогическим линиям, их потомков иногда называли даже по именам матерей, для вступления этих потомков в брак между собой допускалось меньшее число поколений (при отсчете от предка), чем в обычных случаях.

Наконец, назовем еще одну категорию родства, признававшуюся кочевниками. Речь пойдет о мифологическом родстве, уходящем в глубокую древность, представления о котором переплетались с ранними формами религиозных воззрений. Такое родство вели от мифологических предков, выступавших в образах зверей, птиц и т. д., имена которых нередко присваивались тому или иному племени, роду. Иногда в этом явлении явственно выступают следы тотемистических представлений¹⁶. В недавнем прошлом такое «родство» наблюдалось и у некоторых современных народов. В этой связи кстати вспомнить мнение К. Маркса о греческих мифах: «Хотя греки и выводили свои роды из мифологии, эти роды древнее, чем созданная ими самими мифология с ее богами и полубогами»¹⁷.

Не касаясь здесь методических приемов сбора и изучения материалов народной этногонии, отметим, что значение этих материалов оказывается наиболее эффективным тогда, когда они собираются комплексно, охватывая ряд вопросов. Это позволяет иногда приближаться и к датировке событий, связанных с этнической историей, и устанавливать пути миграций отдельных этнических групп, определять место тех или иных занятий в их хозяйственной жизни. Хорошо выверенная индивидуальная генеалогия, доведенная до самого отдаленного предка, сопровождаемая точными данными о местах погребения всей «цепочки» предков, порой открывала нам возможность проследить довольно продолжительный во времени, длинный и извилистый в пространстве путь, проделанный не только родовым подразделением, к которому принадлежал информатор, но и более крупной этнической группой. Одновременно удавалось выяснить и причины такого передвижения. Не требует, видимо, аргументации важность и необходимость картографирования данных, относящихся к народной этногонии¹⁸.

Материалы, относящиеся к народным этногенетическим знаниям, требуют, разумеется, критической проверки и оценки, записей в разных местах, у различных групп населения и у разных носителей подобной

¹⁶ Ю. А. Зуев, Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков, Автореферат канд. дисс., Алма-Ата, 1967.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 102.

¹⁸ Ср.: Р. Г. Кузев, Происхождение башкирского народа.

информации, тщательного сопоставления их между собой, а в последующем строгой корреляции с данными других видов источников (письменных, фольклорных, лингвистических, этнографических и т. д.).

В перечисленных выше сюжетах народной этногенезии особенно важное значение для исследования этногенеза и этнической истории, для выяснения исторических, этнокультурных и этногенетических связей, как и для изучения социальной структуры скотоводов-кочевников и полукочевников, имеют родо-племенные деления с их сложной и детализированной номенклатурой. На рассмотрении этого вопроса стоит остановиться по возможности подробнее ввиду источниковедческого значения упомянутого материала, используемого советскими этнографами и историками в своих историко-этнографических исследованиях. Прежде всего необходимо напомнить о происхождении и характере родо-племенной структуры вообще. Четкие данные на этот счет приведены классиками марксизма на основе изучения ими трудов и материалов Л. Моргана, сочинений ранних греческих и римских историков и т. п. Возникновение родо-племенной общественной структуры классики марксизма относили к той ранней архаической стадии первобытного общества, когда род и племя представляли собой «естественно выросшую структуру»¹⁹, при которой род, основанный на материнском праве, был основной общественной ячейкой. Знание степеней родства между членами рода и имя рода приобретались с детских лет. Родовое имя служило доказательством и свидетельством общности происхождения его носителей. Лишь оно могло создавать и поддерживать родословную, ибо родословная отдельной семьи не имела значения на этой стадии развития общества. Устойчивость общего родового имени, опирающаяся на его носителей, гарантировала его живучесть на длительном отрезке времени, в то время как родословные отдельных семей быстро терялись в глубинах истории. Однако уже в первобытную эпоху, особенно в период ее разложения, когда архаический род уступил место роду, основанному на отцовском праве (с наследованием детьми имущества отца), родо-племенные деления, их названия и родословные уже не могли отражать действительное биологическое родство. Ф. Энгельс при исследовании рода и государства в Риме отметил, что в период основания Рима «на племенах лежит печать искусственного образования, однако большей частью из родственных элементов и по образцу древнего, естественно выросшего, а не искусственно созданного племени»²⁰.

У кочевников родо-племенная структура была зафиксирована письменными источниками в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры (например, у гуннов, впервые создавших кочевое государство). Письменные источники неоднократно подтверждают, что родо-племенная структура была характерна для ряда сменявших друг друга государств тюркоязычных и монголоязычных кочевников восточной части Центральной Азии на протяжении I тысячелетия н. э. Наконец, во II тысячелетии н. э., вплоть до начала XX в., она была характерной для тюркоязычных кочевников, значительная часть которых вошла в состав Русского государства. Таким образом, родо-племенная структура, изменяясь на протяжении многих веков, сохранялась как элемент общественного устройства в условиях различных социально-экономических формаций.

У народов, ведущей отраслью хозяйства которых было экстенсивное пастбищное скотоводство, реликты родо-племенной структуры нередко истолковывались некоторыми исследователями как признаки родового строя. Как известно, советским этнографам и историкам удалось опровергнуть «родовую» теорию и доказать патриархально-феодальный характер этого строя.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 156.

²⁰ Там же, стр. 120.

Еще до нашей эры у так называемых ранних кочевников Центральной и Средней Азии, Южной Сибири, как об этом говорят письменные источники и археологический материал, настало имущественное неравенство, которое порождало глубокую социальную дифференацию. Но классовое расслоение, приводившее к образованию государств у кочевников, в условиях кочевого пастбищного скотоводства не разрушило родо-племенную структуру с ее родо-племенными делениями, а сочеталось с нею, так как эта структура имела определенное практическое значение. После победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти с ликвидацией эксплуататорских классов родо-племенное деление, потеряв реальное значение в жизни (особенно в связи с переходом кочевников к оседлости), исчезло.

В чем же состояло практическое значение родо-племенной структуры, позволившее ей сохраняться у предков советских тюркоязычных народов почти до начала XX в.? Причин этого, действовавших в различные исторические эпохи, было несколько. Но на всем протяжении существования кочевничества едва ли не главной из них было то обстоятельство, что родо-племенное устройство вытекало из специфического кочевого и полукочевого образа жизни скотоводческих народов, вызванного хозяйственной необходимостью постоянного передвижения со стадами с целью сезонного использования пастбищ (экстенсивное скотоводство). Такой образ жизни либо вовсе исключал сколько-нибудь прочные территориальные связи по причине их неустойчивости, либо допускал их в крайне ограниченных пределах.

В этих условиях относительно длительное проживание на определенной территории могло иметь лишь весьма условный характер, тогда как принадлежность к тому или иному племени или роду, или другой кочевой группе была стабильной, легко устанавливаемой и поддающейся учету, даже самому примитивному.

В сохранении возникшего в древности родо-племенного деления у кочевников видную роль во все времена играли войны и грабительские набеги. Последние вызывались стремлением к расширению пастбищ и кочевий, к захвату скота и людей, обращению пленных и побежденных в рабство или данническую зависимость и т. д. Особенно характерно это было для периода варварства, когда, по известному выражению Ф. Энгельса, война и организация для войны становятся «регулярными функциями народной жизни»²¹. С развитием феодальных отношений подобные акции превращались часто в крупные и затяжные междуусобные и межплеменные конфликты, втягивавшие в свою орбиту десятки и сотни тысяч рядовых кочевников-скотоводов и оседлых земледельцев и ремесленников. Обычно военное формирование у кочевников строилось по принципу родо-племенного ополчения. Однако в больших племенных конфедерациях или государствах кочевников военно-административное устройство включало в себя как крупные пространственные подразделения — центр и фланги («крылья»), так и числовую систему военных единиц (десятки, сотни, тысячи, десять тысяч) ²². Родоплеменные единицы использовались при формировании числовых военных единиц, а их названия переносились на наименования этих соединений. Такой способ был удобным и простым в условиях рассматриваемого общественного устройства и хозяйства кочевников. При этом номинальный численный состав военизованных соединений, например сотни, тысячи или десятки тысяч (тумен), далеко не всегда совпадал с фактическим численным составом входивших в них родо-племенных групп. В составе

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 164.

²² Об этой системе у монгольских кочевников см.: Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934. В более раннее время она существовала у хуннов (сюнну). См.: «Материалы по истории сюнну», вып. 1—2, М., 1968, 1973 (Преисловие, перевод и примечания В. С. Таскина).

крупных соединений, таких, например, как тумен или тьма, иногда оказывалось несколько родо-племенных единиц²³.

Тем самым и военная организация кочевников способствовала стойкости родо-племенных подразделений и их названий.

Отметим еще одну существенную причину, связанную со спецификой процесса формирования народностей у кочевников, представлявшего собой важный аспект их этнической истории. При кочевом образе жизни вообще, да еще в условиях систематических войн и набегов, консолидация различных племен и родов в единую народность была, с одной стороны, весьма замедленной и трудной вследствие большой мобильности населения, а с другой — неустойчивой.

Процесс формирования народностей у кочевников тормозился рядом неблагоприятных условий, таких, например, как разбросанность небольшого по численности населения на огромной территории, стало быть, его крайне малой плотностью; как кочевание небольшими группами с целью обеспечить скот подножным кормом в течение круглого года, отсутствие оседлых поселений и т. д. Все это, конечно, не могло способствовать постоянной концентрации населения на той или иной определенной территории, содействовать смешению родов и племен в единый этнический массив с растворением в нем родо-племенных групп. И тем не менее народности у кочевников возникали под общим названием (киргизы, кыпчаки, узбеки и др.). Они осознавали свою этническую общность и принадлежность, не говоря уже об общности языка, культуры, быта. И все это сочеталось с сохранением родо-племенного деления.

Последнее обстоятельство в большой степени вызывалось все той же практической необходимостью учета населения и организации кочевого хозяйства. Наконец, живучесть родо-племенных делений и их названий объяснялась в значительной степени еще тем, что сами родо-племенные единицы разных уровней сохраняли целый комплекс повседневно бытавших традиций, представлений, норм и обычаяев, восходивших по своему происхождению к периоду родового строя. Несмотря на то что последние тоже исподволь подвергались модернизации, разного рода модификациям, упомянутый комплекс способствовал в свою очередь устойчивости родо-племенных делений. Таким образом, на протяжении всей истории кочевничества вплоть до самого недавнего времени эти деления выступали в двоякой функции: как звенья социальной структуры и как этнические единицы.

Из сказанного следует, что родо-племенное деление у тюркоязычных кочевников было исторически обусловленным явлением, порожденным материальными условиями их существования, и занимало определенное место в их истории. Его нельзя исключить из их истории, как нельзя из нее изъять классы, классовую борьбу, реально существовавшие племенные связи и войны, обычное право, систему религиозных представлений и т. д. и т. п. Но, разумеется, нельзя принять и ту точку зрения, которую, например, предлагает в своей работе американский исследователь Л. Крадер, утверждая, что у скотоводческих народов Азии «политические и другие социальные связи основаны на кровных связях»²⁴. Такое преувеличение роли кровнородственных связей (по автору, даже «государство сохраняет единокровную организацию общества») совершенно искажает всю историческую картину жизни скотоводов-кочевников, по крайней мере со времен ранних тюрок. Да и само понятие родственных связей у кочевников было далеко от чисто биологического аспекта.

²³ См. С. А. Козин, Сокровенное сказание, т. I, М.—Л., 1941 (см., например, § 7).

²⁴ L. H. Krader, Social organization of the Mongol-Turkic pastoral nomads, «Indiana Univ. Publ., Uralic and Altaic Series», vol. 20, 1963, p. 351.

У тюркоязычных кочевников, по крайней мере с раннего средневековья вплоть до XIX в., эта структура постоянно только воспроизводилась по ее архаической модели и далеко не всегда отражала реальное кровное родство тех или иных кочевников, о чем было сказано выше.

Тем не менее, в нашей литературе высказывались на этот счет другие, причем нередко прямо противоположные точки зрения. В этой связи достаточно упомянуть о мнении В. С. Батракова, который писал, что у кочевых народов «вплоть до недавнего времени сохранялись такие пережитки первобытного строя, как широкие племенные и родовые организации, отношения, связи и традиций, которые в своей совокупности можно назвать патриархально-родовым бытом...»²⁵. Г. Е. Марков, наоборот, настаивает на том, что «она (племенная структура.—авт.) не была, как это предполагают, пережитком эпохи первобытнообщинного строя, а отражала хозяйственную и военную организацию и была единственной возможной при кочевом хозяйстве»²⁶.

Исходя из сказанного выше, нам представляется, что с обоими упомянутыми крайними суждениями невозможно согласиться. Родоплеменная структура ранних кочевников, возникнув естественным путем, в последующие эпохи продолжала свое существование как форма социальной жизни под влиянием ряда причин, а вовсе не отражала лишь их хозяйственную и военную организацию, как полагает Г. Е. Марков.

В то же время она не может рассматриваться только как закостеневший пережиток первобытного строя, что следует из формулировки В. С. Батракова. Хотя родо-племенные деления у поздних кочевников и были традиционной формой их общественного устройства, необходимо учитывать, что сами племена и роды как социально-этнические категории входили в систему вполне оформленных классовых отношений. Внутри племен и родов в свою очередь наблюдалась как имущественная, так и социальная дифференциация.

Нам остается сказать еще об одном существенном обстоятельстве. Рассматривая источникопедическую историческую ценность народных знаний о родо-племенных делениях и их названиях, мы отнюдь не имели в виду родовую идеологию. Эти понятия нельзя отождествлять и путать. Родовая идеология как таковая всегда играла реакционную роль прежде всего потому, что наиболее активным носителем и защитником ее был господствовавший класс кочевников. Нельзя забывать о том, что родо-племенная идеология в общественно-исторических условиях недалекого прошлого, проповедовавшая родо-племенное «равенство», единство и так называемую взаимопомощь, под которыми практически скрывалась жестокая эксплуатация кочевой верхушкой своих сородичей и соплеменников, способствовала затушевыванию классовых противоречий, ослаблению классовой борьбы, задерживала формирование общего этнического или национального самосознания, служила питательной средой для феодальной раздробленности, межплеменной розни и т. п. Эта сторона родовой идеологии кочевников должна находить квалифицированную оценку в трудах по истории кочевых в прошлом народов. Но было бы большой ошибкой и недооценивать значение родо-племенного деления, наличие исторически сложившихся, реально существовавших этнических, родо-племенных групп. Это могло бы помешать объективной оценке их роли в этнической и социальной истории бывших кочевников.

Итак, народные знания о существовавших в дооктябрьский период родо-племенных делениях и их названиях у кочевников представляют

²⁵ В. С. Батраков, Особенности феодализма у кочевых народов, «Научная сессия АН Узбекской ССР 9—14 июня 1947 г.», Ташкент, 1947, стр. 433, 434.

²⁶ Г. Е. Марков, Кочевники Азии (хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества), Автореферат докт. дис., М., 1967, стр. 9.

собой ценный историко-этнографический источник. Они убедительно свидетельствуют о том, что рассматриваемые нами народы вовсе не были лишены знаний о собственном происхождении, о некоторых стадиях или фазах своей этнической и социальной истории, о тех или иных исторических событиях своей жизни, как и жизни народов, с которыми они вступали в различные контакты. Такие народные знания, которые мы обобщенно называем народной этногонией, весьма часто отличаются конкретной исторической достоверностью, обычно подтверждаемой другими видами источников. Мы полагаем, что широкое использование охарактеризованного нами историко-этнографического источника в исследовательских работах будет способствовать изучению большого круга вопросов, связанных с происхождением, этнической и социальной историей того или иного народа, его историко-культурными и этногенетическими связями.

POPULAR ETHNOGENY AS A SOURCE FOR RESEARCH

INTO ETHNIC AND SOCIAL HISTORY

(STUDY BASED UPON MATERIALS ON TURKIC-SPEAKING NOMADS)

Among popular lore studied by ethnographers an important place should be given by researchers to concepts and data pertaining to the origin, ethnic composition and ethnic history of individual peoples or groups of peoples, tribes, clans. This sphere of popular lore the authors have agreed to call «popular ethnogeny». It is of interest not only as an element of people's intellectual culture but also as a valuable historical-ethnographic source. Popular ethnogeny comprises, as a rule, genuine data on ethnic composition and its changes, on the genealogies of tribes, clans, and smaller subdivisions, on historical, social, and ethnocultural interrelations. Popular knowledge of ethnic history (ethnonymy, origins of tribes and clans, etc.) should not be identified with folklore: there is an essential difference between them, although what is known on ethnic history sometimes includes, besides historical facts, legendary, mythological concepts. It is such legendary concepts that may, to a certain extent, be regarded as historical folklore.

Research in the field of ethnic history has been shown by experience to be hardly possible without a wide use of materials of popular ethnogeny including data on tribal and clan divisions and their names. In our country facts concerning the pre-revolutionary clan divisions among nomadic peoples are here and there stored in the memory of the older generation; they are frequently quite genuine and may usually be confirmed by other kinds of sources. Materials on tribal and clan divisions also comprise data valuable for reconstructing the social history of the nomads, e. g. for comprehending all manner of genealogical relationships, the specific processes by which nationalities become formed in nomadic populations, their tribal structure, their military organisation.

The authors contend that the tribal and clan divisions of nomads were historically conditioned and had double functions: that of links in the social structure and that of ethnic units.

В. Р. Кабо

АЙНСКАЯ ПРОБЛЕМА В НОВОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Сравнивая культуры айнов, нивхов и других палеоазиатских и тунгусоязычных народов, которые населяют острова и прилегающие к Тихому океану континентальные области Северо-Восточной Азии, с культурами народов Южных морей, мы замечаем в них многочисленные сходные черты. На многие из них обращено внимание уже давно, другие обнаружаются лишь теперь. Новые факты, новые открытия, слагаясь в систему, освещают старую проблему по-новому, и она предстает как бы в новой перспективе.

Отметим, например, прямоугольные в сечении топоры и тесла, широко распространенные в неолите по всей тихоокеанской полосе Азии и сходные с южнотихоокеанскими типами. Многие из этих орудий, вероятно, насаживались на коленчатые рукояти океанийского типа. Такие орудия, ничем не отличимые от океанийских, еще сравнительно недавно употребляли нивхи, ороки и ульчи¹. Они выдалбливали ими лодки-однодеревки, как делают еще и теперь или делали недавно многие жители Океании. Нивхский топор этого типа (матын'к)² из фондов Сахалинского областного краеведческого музея в Южно-Сахалинске снабжен металлическим клинком, воспроизводящим форму неолитического плечикового топора, область распространения которого простиралась от Полинезии до Японии (рис. 1). Типологическое сходство свайных построек айнов, нивхов, ительменов, многих народов Восточной и Юго-Восточной Азии, а также Океании само по себе могло бы и не свидетельствовать об этногенетических связях, но здесь заслуживают внимания ритуальные постройки на сваях (например амбары-лезн' у нивхов, связанные с культом медведя), так как в религиозно-культовой сфере особенно стойко сохраняются древнейшие особенности культуры. Эти сходные черты, охватывающие все стороны культуры, от орудий труда и архитектуры до обрядов и мифов, настолько многообразны, что едва ли они могут быть случайными или конвергентно возникшими и скорее указывают на древние этнические и культурные связи или даже на древнюю этнокультурную общность, давшую начало многим современным этносам и культурам этого обширного географического ареала.

Одним из указаний на такую этнокультурную общность, генетически связанную с Австронезией (Индонезией, Филиппинами, Океанией) и Австралией, являются петроглифы Нижнего Амура — Сакачи-Аляна, Шереметьевского и других мест. Стилистические особенности этих петроглифов, преобладающий в них орнаментальный мотив — спираль и концентрическая окружность — и особенно личины, поразительно напоминающие петроглифы, открытые не так давно в Центральной Австралии, — все указывает на эти древние связи. Отметим, в частности, «сияния» вокруг нижнеамурских личин, изображения змей — то и другое напоминает вонджина из Северо-Западной Австралии и петроглифы Восточной Австралии. Аналоги амурским личинам и позднейшим шаман-

¹ Л. Шренк, Об инородцах Амурского края, т. 2, СПб., 1899, стр. 196, 197.

² Е. А. Крайнович, Нивхы, М., 1973, стр. 77.

ским маскам обнаружены также в Меланезии, на Новой Гвинея, в Новой Зеландии³. «Этнографические аналогии петроглифам Амура ведут нас... в Южные моря Тихого океана», — пишет А. П. Окладников⁴. И это, видимо, не только конвергенция, но и следствие культурно-исторических связей. В свою очередь необходимо отметить непрерывность художественных традиций в искусстве народов Дальнего Востока, начиная с глубокой древности, с эпохи постулируемой нами этнокультурной общности, которая и была общей основой и источником этих традиций.

Наиболее типические особенности орнаментального стиля, свойственного искусству народов Дальнего Востока и восходящего еще к петроглифам Нижнего Амура, характерны также для Океании и Австралии и связывают культуру народов Дальнего Востока с австралио-оceanийским культурным миром. Это прежде всего изображения в виде спирали, концентрической окружности, волнистой змеевидной линии, зигзага, меандра. Эти элементы с древности широко распространены на Дальнем Востоке и в Океании, в ареале формирования далёких предков позднейших народов Австралии и Океании, а также айнов; очень характерны они и для австралийского континента. Здесь они обнаружены главным образом на предметах культа — чурингах — и имели, как и у айнов, сакральное, религиозно-магическое значение. Посредством спиралей и концентрических окружностей австралийцы изображали деяния мифических героев и тотемических предков.

Характерный криволинейный орнамент, состоящий из сложного переплетения завитков и спиралей и образующий единую в стилистическом отношении систему, до сих пор широко распространен у нивхов, ороков, нанайцев, эвенков и других народов Дальнего Востока; он издавна известен в искусстве Китая и Японии. Вследствие такого широкого распространения его следовало бы называть дальневосточным. Преимущество этого термина в том, что он подчеркивает важнейшее — близость художественных традиций различных народов этого региона, связанную не с заимствованиями достижений одних народов у других, а с общей для них культурно-исторической основой, условием формирования этой близости.

Орнаментальный стиль айнов основан на меандре, зигзагах и змеевидных линиях, сочетающихся с элементами дальневосточного орнамента. А меандр — древний символ лабиринта — характерен и для других народов Дальнего Востока. Все эти мотивы, в основе своей весьма архаические, знакомые еще неолитическому населению Дальнего Востока, донесло до нас и искусствоaborигенов Австралии и Океании. Отмечу, в частности, параллель, на которую, кажется, еще не обращали внимания, — удивительное сходство некоторых орнаментов из юго-восточной Новой Гвинеи и островов Тробрианских и Массим (Меланезия) с айнскими (рис. 2).

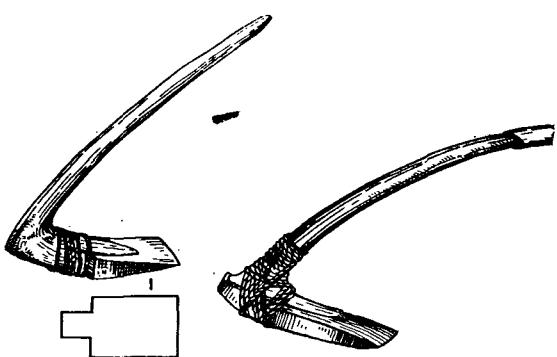
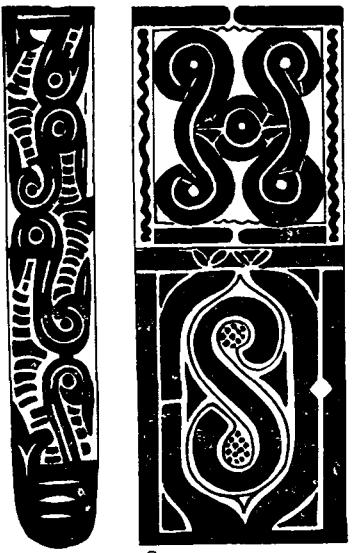

Рис. 1. Слева — нивхский топор матын'к с металлическим клинком, воспроизводящим форму неолитического плечикового топора (Сахалинский областной краеведческий музей), справа — типичный каменный топор из Океании

³ А. П. Окладников, Петроглифы Нижнего Амура, Л., 1971, стр. 92, 95—98, 106, 116—121.

⁴ Там же, стр. 111.

1

2

3

4

5

6

Рис. 2. Орнаменты на деревянных изделиях айнов (1—МАЭ № 700-225; 2—МАЭ № 3125-2; 3—МАЭ № 700-8а) и папуасов юго-восточной Новой Гвинеи (4—МАЭ № 168-99; 5—МАЭ № 402-57; 6—МАЭ № 402-77)

Классической спиралью, которая была характерна для народов Дальнего Востока, Австронезии и Австралии, орнаментировалась еще неолитическая керамика Японии и Яншоа. Спиралевидные и змеевидные изображения, напоминающие орнаменты на одежде айнов, нивхов, нанайцев и других народов Дальнего Востока, мы встречаем на японских антропоморфных скульптурах догу, характерных для периода дзёмон. И в связи с этим хочется напомнить, что А. П. Окладников, М. В. Воробьев, С. А. Арутюнов⁵ связывают древние археологические культуры Японии (протодзёмон и дзёмон) сprotoайнами и айнами. Мы находимся как бы в пределах великого культурного круга, древность которого уводит нас в глубины тысячелетий примерно от VIII до середины I тысячелетия до н. э., если ориентироваться на эпоху культуры дзёмон,— здесь продолжалось формирование негро-австралоидов Океании и их культур и отсюда на Дальний Восток распространялось их воздействие. В свою очередь дальневосточная культурная общность сама была культурным генератором, импульсы которого ощущались на всем северо-востоке Азии.

Следует только приветствовать ту осторожность, с которой подходит к сопоставлениям орнаментов, разделенных огромными расстояниями во времени или в пространстве, С. В. Иванов⁶. Он справедливо указывает на то, что совпадение отдельных орнаментальных мотивов не всегда свидетельствует о генетической связи, оно может оказаться по своему происхождению конвергентным, и предлагает поэтому опираться на сравнение целых орнаментальных комплексов, а не отдельных мотивов. Но трудно ведь ожидать, чтобы орнаментальные комплексы неолита и современности или Дальнего Востока и Океании оказались совершенно идентичными, даже если они и связаны генетически. Здесь даже наличие представительной серии одинаковых мотивов, входящих в иные орнаментальные комплексы, но доминирующих в них и организующих их, может указывать на связь этих мотивов между собой. А в нашем случае этот

⁵ А. П. Окладников, К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре, «Сов. этнография», 1946, № 4; М. В. Воробьев, Древняя Япония, М., 1958; С. А. Арутюнов, Древний восточноазиатский и айнский компоненты в этногенезе японцев, Автореф. канд. дис., М., 1962.

⁶ С. В. Иванов, Орнамент народов Сибири как исторический источник, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 81, М.—Л., 1963.

зывод подкрепляется и иными данными, свидетельствующими об этнических и культурных связях.

Важную роль в искусстве и религиозно-культовой жизни айнов играет образ змеи. Как показал еще Л. Я. Штернберг, изображение змеи особенно часто встречается на предметах, связанных с культом, и это говорит о сакральном его значении. Небесный змей фигурирует в айнском мифе о творении, ему возносятся молитвы, он является могущественным покровителем шамана. Такое же место он занимает и в Австралии — это также было показано Л. Я. Штернбергом. Нам остается сделать еще один шаг и обратиться к Австралии, где сохранились многие древнейшие элементы культуры всего австралио-океанийского культурно-исторического мира. Одно из самых могущественных и самых распространенных на австралийском континенте существ, созданных мифологией егоaborигенов, это змея-радуга. Она играет такую же выдающуюся роль в религии и культе, как и небесный, или солнечный змей у айнов Чуфкамуи. Змея-радуга австралийцев и солнечный змей айнов очень близки по своему положению в мифологии и в религиозно-культурной сфере. Вполне допустимо поэтому, учитывая южное происхождение айнов и многих элементов их культуры, что это было доказано еще Л. Я. Штернбергом, видеть в образе змеи-радуги австралийцев прототип солнечного змея айнов, а в последнем поздний отголосок глубоко архаичного австралийского мифа. Образ гигантского солнечного змея имеется и в мифологии народов Амура⁷, а змея-радуга была представлена в мифологии древних китайцев.

Широчайшее распространение в Австралии мифа о гигантской змеи-радуге, создательнице мира, свидетельствует о его древности. Есть основания считать, что этот образ относится к древнейшему пласту мифологии австралийцев. Возможно, змеиный миф и связанный с ним культ змеи-радуги или небесного (солнечного) змея возникли еще у протоавстралидов, населявших в плейстоцене материк Сунда. Этот материк (он существовал до послеледниковой геологической эпохи) являлся продолжением азиатского материка и включал северные и западные острова Индонезии, Филиппины, а возможно Японию и Сахалин. Материк Сунда был обширной зоной формированияprotoавстралидов и колыбелью их культур. Отсюда, вероятно, вышли иaborигены Австралии, и айны. Позднее на островах, возникших на его месте и на месте материка Сахул, куда входила Австралия с окружающими ее островами, на древнейprotoавстралийской основе сформировались различные группы негро-австралийцев Океании⁸. Этим и можно объяснить распространение в обширном ареале, простирающемся от Австралии до Сахалина, змеиного мифа и культа змеи. Разумеется, это лишь одно из многих свидетельств древней этнической и культурной общности (или близости). Эти и другие факты, говорящие о древних этнокультурных связях на пространстве от Австралии до Северо-Восточной Азии, получают объяснение в свете теорииprotoавстралийской этнокультурной общности.

Разделяя мнение Л. Я. Штернberга, что многие элементы айнского орнамента являются стилизованным изображением змеи (а такое объяснение предлагаю им и сами айны), следует все же сказать, что спираль представляется более универсальной формой, очень архаической, восходящей наряду с лабиринтом к первоистокам человеческой культуры. Это одна из наиболее распространенных форм, свойственных как живой, так и неживой материи, от улитки до спиралевидных галактик, и человек часто наблюдал ее в природе. Целесообразная форма спирали,

⁷ А. П. Окладников, Петроглифы Нижнего Амура, стр. 97—98.

⁸ В. Р. Кабо, Происхождение и ранняя историяaborигенов Австралии, М., 1969, стр. 58—61.

организующая пространство, отвечала его собственному мировосприятию. Вот почему она широко представлена в одной из самых архаичных культур человечества — австралийской. Изображение змеи у айнов как бы легло на эту древнюю основу.

Много писали об *икунисе* (*икуниси*) — загадочных обрядовых палочках айнов, но их смысл и происхождение все еще остаются невыясненными. Ж. Монтандон указал на их ритуальное значение, но не раскрыл его. Между тем их разгадка — в покрывающем их резном орнаменте, в основе которого все тот же мотив змей. Стилизованная змея — наи-

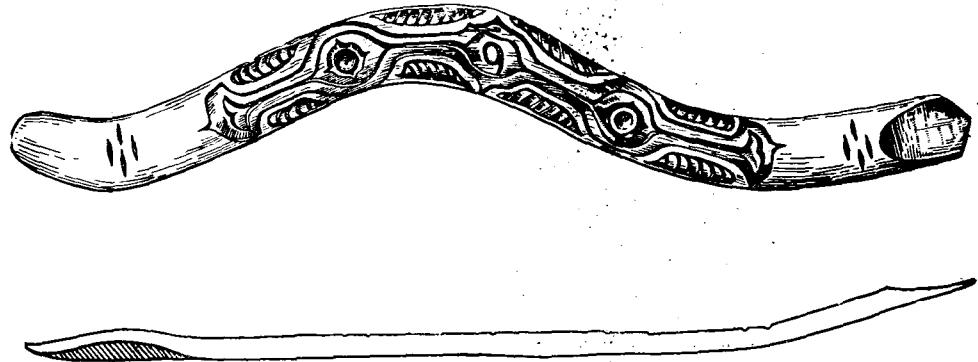

Рис. 3. Икунись, айны (МАЭ № 700-105). Этот предмет интересен не только змеевидной формой, но и большим сходством с австралийским бумерангом

более часто встречающееся на них изображение, да и сами айны называют эти изображения змеями⁹, а одна из икунись в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде своей формой напоминает змею (см. рис. 3). Икунись употребляются для подымания усов во время обрядового питья сакэ. Можно высказать предположение, что по своему происхождению икунись восходят к древнему акту ритуального поедания змей. Реликты этого священного действия древних австралоидов в его исходной, не зашифрованной, как у айнов, форме до сих пор встречаются в Океании. Так, например, у байнингов Новой Британии, сохранивших в антропологическом типе, в языке и культуре немало древнейших особенностей, свойственных негро-австралоидам Океании, сохранилось и обрядовое употребление в пищу змей, предварительно откормленных в дуплах деревьев¹⁰. Змеиные культуры характерны и для других народов Меланезии¹¹.

На Сахалине айны заимствовали у соседей-нивхов северный культ медведя, перенеся на него некоторые характерные черты змеиного культа. Медведя выкармливали и затем съедали во время обрядов, как делали когда-то со змеями, и только икунись как «заместители» живых змей напоминают о далеком прошлом. Употребление «заместителей» (людей, жертвенных животных, различных предметов) в религии и культе — чаще всего в жертвоприношениях и погребальном ритуале — явление, хорошо известное многим народам.

В медвежьих праздниках, распространенных на огромной территории от Скандинавии до таежной полосы Северной Америки, можно выделить два комплекса — евразийско-американский, связанный с охотой на мед-

⁹ Л. Я. Штернберг, Айнская проблема, в его кн.: «Гиляки, орохи, гольды, негидальцы, айны», Хабаровск, 1933, стр. 569.

¹⁰ В. Р. Кабо, Байнинги — примитивные земледельцы Океании, «Страны и народы Востока», вып. III, М., 1964, стр. 61.

¹¹ H. Ritter, Die Schlange in der Religion der Melanesier, Basel, 1945.

ведя, и тихоокеанский, или «айнский», свойственный только народам тихоокеанского побережья Северной Азии — айнам, нивхам, ульчам, орокам, орочам, частично береговым чукчам, корякам и ительменам, и связанный с длительным содержанием медведей при селениях в особых клетках, употреблением заструженных палочек *инау* и наличием «стрельбища» — своего рода жертвенного места — с рядом конкретных деталей его устройства и другими особенностями, указывающими на связь с культурами Юго-Восточной Азии. Б. А. Васильев полагает, что этот комплекс заимствован названными выше народами от айнов¹².

Рис. 4. Инона, айны (1 — МАЭ № 4974-249; 2 — МАЭ № 4974-238)

Возможно, что он составлял лишь часть более обширного комплекса явлений культуры, принесенного предками айнов с их далекой южной прародины, а благодаря им ставшего достоянием и их соседей. К этому культурному комплексу следует отнести и орнамент, в котором доминируют змеевидная линия и спираль с ее дериватами, и *инау*, функции которых выходят далеко за пределы медвежьего праздника. А. М. Золотарев, между прочим, высказал предположение, что обряд вождения медведей по селению у ульчей и нивхов — драматизация медвежьего мифа¹³. Это заставляет вспомнить австралийцев, для которых подобная драматизация отдельных эпизодов мифа очень характерна, хотя персонажи мифа и сами актеры, конечно, совершенно иные.

«Особенность медвежьего праздника у айну состоит в том, что праздник этот устраивается не по поводу убийства медведя на охоте, как у всех других северных народов, а по поводу убийства медведя, нарочито вскормленного в течение продолжительного времени у себя при селении... — пишет Л. Я. Штернберг. — Айну эту практику содержания боготворимого животного при селении принесли со старой своей южной родины, где это практикуется и до сих пор. Так, на Формозе, в Индонезии держат в клетке ящериц, змей и всяких других животных... как духов-хранителей»¹⁴. Мы знаем, что так поступали и байнинги. И важно отметить, что такую роль и у них, и у других народов Австронезии играли наряду с другими животными и змеи. Вот почему превращение змеиного культа в культ медведя у айнов представляется мне очень вероятным.

Одним из интереснейших явлений айнской культуры, проливающих свет на эту трансформацию, являются обнаруженные Амуро-Сахалинской антрополого-этнографической экспедицией 1947 г. на старых мольбницах около айнских селений скульптурные изображения, змеевидные, с головой медведя, а также искривленные и переплетающиеся корни, оканчивающиеся медвежьими головами и тоже явно изображающие змей¹⁵. Такие изображения хранились когда-то в каждом айнском доме и назывались *инока* (рис. 4). Штернберг переводит это слово как «змей»¹⁶. Инона — зримое свидетельство превращения австронезийского

¹² Б. А. Васильев, Медвежий праздник, «Сов. этнография», 1948, № 4.

¹³ А. М. Золотарев, Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939, стр. 127.

¹⁴ Л. Я. Штернберг, Айнская проблема, стр. 580.

¹⁵ И. П. Лавров, Об изобразительном искусстве нивхов и айнов, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. V, М.—Л., 1949, рис. 3.

¹⁶ Л. Я. Штернберг, Айнская проблема, стр. 571.

культы змеи в северный культ медведя. «Культ медведя... как бы преодолевает в этих изображениях полузыбый айнами миф о божественном змее»¹⁷. «Культ змеи у айнов — первичное явление, а культ медведя — вторичное»¹⁸. И с этим можно согласиться.

Изображения змей со стилизованный головой медведя из изогнутых стволов лиственниц известны также у нивхов и нанайцев, где они появились, вероятно, под айским влиянием¹⁹. С. В. Иванов, правда, высказывает сомнение, что скульптуры эти изображают змей, ссылаясь, в частности, на то, что в айском языке слово *инока* означает не только «змей», но также «идол в форме змеи» и, наконец, просто «идол» или «изображение». Вопрос остается, таким образом, открытым. Однако в свете того, что змея широко представлена в мифологии и культе айнов, а ее изображения в их искусстве и особенно часто на ритуальных предметах, предположение наше имеет право на существование. Для инока характерна та же символика, что и для икунись — сочетание медвежьих голов со стилизованным туловищем змеи. В инока, как и в икунись, культа змеи, более архаичный и потому менее явный, зашифрованный, сочетается с культом медведя (в икунись иногда также с культом касатки). В этой связи с древним змеиным культом, в понимании их как ритуальных «заместителей» подлинных культовых или жертвенных животных и содержитя, видимо, разгадка происхождения этих элементов айской культуры.

О древнейших связях культуры айнов с культурами Австронезии и Австралии говорят и *инау*, занимающие выдающееся место в религиозно-культурной жизни айнов. У айнов *инау* известны в виде заструженных палочек или шестов и в виде длинных стружек, которыми повязываются священные объекты, черепа животных, головы людей. Еще Л. Я. Штернберг отметил, что те и другие находят аналогии у народов Индонезии и Австралии²⁰. Что же представляют собою австралийские *инау*, которые в Центральной Австралии назывались *инкульта*? Эти заструженные палочки, чрезвычайно похожие на айские *инау*, были здесь, как и у айнов, предметами культа и орудиями магии — например, применялись во вредоносной магии или прикреплялись перед сражением к концу копья «для удачи». Использовались они и в обрядах инициации. Частица «ин», стоящая в начале слова «инкульта», связана, по-видимому, с представлением о священном, так как она фигурирует в соответствующих терминах языка аранда, будучи первым слогом этих терминов²¹. Это совпадение со словом «инау», конечно, может быть случайным (Л. Я. Штернберг переводит айское слово *инау* как «язык дерева»), но в свете поразительного сходства самих *инау* и *инкульта* оно все же заслуживает внимания. Очень интересно и то, что и в языке айнов частица «ин» употребляется в словах, связанных с культом, с жертвенным ритуалом²².

Современный японский исследователь Т. Обаяси, говоря о происхождении *инау*, указывает на Северную Евразию и Северную Америку, в охотничьих культурах которых были широко распространены культовые шесты и палки как вместилища божества и посредники между

¹⁷ И. П. Лавров, Указ. раб., стр. 36.

¹⁸ «Народы Восточной Азии» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М.—Л., 1965, стр. 947.

¹⁹ С. В. Иванов, М. Г. Левин, Старинные культовые изображения медведей у сахалинских айнов, «Сборник МАЭ», т. XXII, М.—Л., 1964.

²⁰ Л. Я. Штернберг, Айнская проблема, стр. 579; его же, Культ *инау* у племени айну, в его кн.: «Первобытная религия в свете этнографии», Л., 1936.

²¹ См. словарь в кн.: W. Spencer, F. Gillen, The Arunta, vol. 2, London, 1927.

²² С. А. Арутюнов, Об айских компонентах в формировании японской народности и ее культуры, «Сов. этнография», 1957, № 2, стр. 11.

людьми и сверхъестественными силами²³. Несомненно, более прав был Штернберг, который связывал инау, как и многие другие явления айнской культуры, с южнотихоокеанским культурно-историческим миром.

Помимо австралийских и индонезийских аналогов инау (последние тоже применялись в магии) можно указать еще одну параллель, Штернбергом не упоминаемую, из того же океанийского ареала. Это *niu* маори Новой Зеландии, короткие деревянные палочки, употреблявшиеся жрецами в обрядах, чаще всего перед сражением, подобно австралийским инкульта. Хотелось бы и здесь отметить фонетическую близость слова «ниу» к слову «инау».

Но Л. Я. Штернберг, вероятно, ошибается, когда он пишет (в статье «Айнская проблема»), что предки айнов, живя под тропическим небом, употребляли для инау полосы из листьев тропических растений (как делают и сейчас некоторые жители тропиков) и лишь затем перешли к стружкам. Параллель с австралийцами говорит скорее о противоположном. Инау возникли и распространились, очевидно, в том виде, в каком мы находим их в Австралии и у самых айнов. Но первоначальное значение заструженных деревянных палочек и самих стружек было забыто. Австралийцы уже не помнят его, и это неудивительно: культ инау возник, вероятно, в глубокой древности в ареале формирования протоавстралоидов на материке Сунда и затем распространился отсюда в Австралию, Океанию, на Японские острова и на Сахалин. Реликты его сохранились и на месте бывшего материка Сунда — в современной Индонезии. Значение священных стружек инау было позднее переосмыслено и самими айнами. То, что сохранили этнографические материалы по айнам, отражает, главным образом, это позднейшее переосмысление.

Культ инау распространился через айнов к их соседям — нивхам. Здесь инау (нивхи называют их *нау-нау*) нашли такое же широкое и разнообразное применение в религиозно-культовой жизни и магии, как и у айнов. Любопытно, что нивхские шаманы и шаманки во время камлания надевали на голову, на плечи и грудь священные стружки, а одна шаманка (по рассказу очевидца, услышанному мною на Сахалине) в экстазе даже глотала их. Эта особенность нивхского шаманства — влияние айнского, а через него австрало-океанийского культурного мира, своеобразное сочетание священных атрибутов этих культур с восточносибирским шаманством.

Глубокое взаимопроникновение айнской и нивхской культур (выше были отмечены лишь некоторые свидетельства этого взаимопроникновения) говорит о большой древности и продолжительности соприкоснения двух этносов.

Многочисленные параллели в культурах айнов —aborигенов Японии и Сахалина — и народов Нижнего Амура и Приморья, нивхов и их тунгусоязычных соседей, относящиеся к медвежьему празднику и культу инау, к орнаменту и другим явлениям культуры, имеют, несомненно, древнее происхождение и, вероятно, восходят к этнокультурной общности эпохи дзёмон, которая охватывала в неолите земли Японии, Сахалина, Приамурья и Приморья и включала предков современных айнов (палеоайнов), нивхов (палеонивхов) и некоторых тунгусских народов этой области (палеотунгусов). На Сахалине носители этой культуры сохранились в памяти позднейшего населения как тончи. Ими могли быть как палеоайны, так и палеонивхи. Археологически она представлена неолитом Японии, а на Сахалине находками в Стародубском и Ногликах. В свою очередь эта древняя этнокультурная общность через палеоайнов и другие группы побережья Северной и Северо-Восточной Азии была генетически связана с еще более древними культурами Авст-

²³ T. Obayashi, On the origin of the «Inau» cult sticks of the Ainu, «The Japanese Journal of Ethnology», 1960, vol. 24, № 4.

ронезии и их носителями, вплоть доprotoавстралоидов океанийской области и самой Австралии.

Нашей концепции не противоречат и взгляды авторитетных антропологов. Н. Н. Чебоксаров относит айнскую, или курильскую, группу типов к австралоидной, или океанийской расе, наряду с австралийской, веддоидной, меланезийской и андаманской группами²⁴. По М. Г. Левину, айнский антропологический тип сложился в процессе смешения австралоидов с тихоокеанскими монголоидами. «Положение о генетическом родстве айнов с типами экваториального расового ствола,— писал он,— представляется наиболее отвечающим современному состоянию наших знаний»²⁵. Сходство между айнами и полинезиями восходит к общему для них австралоидному компоненту. Продвижение предков айнов к северу шло из «области расселения австралоидных, в широком смысле слова, антропологических типов»²⁶. Эту концепцию в целом разделяет и В. П. Алексеев²⁷.

Л. Я. Штернберг, мобилизовав большой, разнообразный материал и опираясь на комплексный метод исследования, убедительно доказал южное происхождение айнов, их близость к народам и культурам Филиппин, Индонезии, Полинезии, Меланезии. Это было классическим вкладом в решение айнской проблемы. Задача состоит теперь в том, чтобы взглянуть на айнскую проблему в более широкой перспективе, в свете современных достижений науки, в свете все более очевидной «большой тихоокеанской культурной общности», простирающейся от Австралии до Амура²⁸.

Концепция древней этнокультурной общности в северной части Тихого океана и прилегающих областях азиатского континента, восходящей к неолиту и связанной в свою очередь с мезолитическими и поздне-палеолитическими культурами Южной Океании и Австралии, бросает новый свет на происхождение глубоких культурных взаимосвязей, характерных для этого обширного и сложного культурно-исторического мира.

THE AINU PROBLEM IN A NEW PERSPECTIVE

There are many cultural parallels of various character between the Ainu, Nivkhs, and other Palaeoasiatic and Tungus-speaking peoples of the Far East and North-East Asia, on the one hand, and the peoples of Australia and Oceania, on the other; they are indicative of ethnocultural links between those peoples rooted in profound antiquity. Among such cultural features there are many that connect the Ainu with the far-off ancestors of Australian aborigines. In the author's opinion such features in the Far East stem from the ethnocultural continuity of the Jomon period which in Neolithic times covered the area of Japan, Sakhalin Island, the Amur River region and the Primorye (the coastal region to the south of Lower Amur River).

The descent of the common ethnocultural features of this area can further be traced to the still earlier cultures of the Pleistocene Proto-Australoids. The concept of an early ethnocultural continuity in the North Pacific littoral and the adjoining regions of the Asiatic continent linked in its origin with Oceania and Australia throws a light upon the genesis of the profound cultural interrelationships characteristic of the peoples inhabiting this extensive cultural-historical circle.

²⁴ Н. Н. Чебоксаров, Основные принципы антропологических классификаций, в кн.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XVI, М., 1951, стр. 315, 319.

²⁵ М. Г. Левин, Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXXVI, М., 1958, стр. 290, 291.

²⁶ Там же, стр. 291.

²⁷ В. П. Алексеев, География человеческих рас, М., 1974, стр. 277—282.

²⁸ А. П. Окладников, Петроглифы Нижнего Амура, стр. 121.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Р. Я. Журов

ОБ ОДНОЙ ИЗ ГИПОТЕЗ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИСКУССТВА

Одним из самых сложных вопросов, касающихся развития духовной культуры человека, является вопрос о возникновении искусства. И, вероятно, поэтому гипотез о его происхождении в истории исследования художественного творчества было более чем достаточно. Однако, несмотря на их обилие, ученые снова и снова возвращаются к той же проблеме — как и почему возникло искусство? Это объясняется, видимо, тем, что, с одной стороны, все новые и новые материалы, поступающие в распоряжение исследователей, требуют своей интерпретации на более высоком теоретическом уровне, а с другой — все предложенные до сих пор концепции не дают удовлетворяющего всех толкования причин и путей возникновения этого вида «духовного производства». Но вместе с тем каждая новая попытка решить старые вопросы всегда вызывает неизменный интерес.

Такой интерес вызвала и гипотеза ленинградского ученого А. Д. Столяра, которая, насколько нам известно, получила положительный отклик в научной и популярной литературе¹, хотя появлялись и достаточно сдержанные отзывы². Нам кажется, что к настоящему времени точка зрения А. Д. Столяра окончательно оформилась³, и поэтому имеет смысл детально разобраться в ней.

Исходя из ряда археологических данных, автор концепции считает, что одной из первых и наиболее элементарных форм творчества была

¹ Я. Я. Рогинский, Изучение палеолитического искусства и антропология, «Вопросы антропологии», 1965, № 21, стр. 153—154; А. А. Формозов, Очерки по первобытному искусству, М., 1969, стр. 8; С. В. Иванов, Рец. на сб. «Первобытное искусство», Новосибирск, 1971, «Сов. этнография», 1973, № 6, стр. 169; В. Левин, Звери, ушедшие в стены, «Знание — сила», 1975, № 2, стр. 43.

² А. П. Окладников, Марксизм и проблема происхождения искусства, «Изв. СО АН СССР», 1968, № 6, вып. 2, стр. 10; В. В. Селиванов, Происхождение искусства как общественного явления, в сб. «Проблемы этики и эстетики», вып. 2, Л., 1975, стр. 45.

³ А. Д. Столляр, О родословном дереве палеолитического искусства, «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1962 год», Л., 1963, стр. 3—9; его же, Проблема происхождения сюжетного изобразительного творчества верхнего палеолита Евразии, «Государственный Эрмитаж. Тезисы докладов на юбилейной научной сессии, Пленарные заседания. Октябрь, 1964», Л., 1964, стр. 8—16; его же, Археологические свидетельства становления логического мышления в свете идей «Философских тетрадей» В. И. Ленина, «Вестник ЛГУ», 1970, № 2 (История, Язык, Литература, вып. 1), Л., 1970, стр. 77—92; его же, «Натуральное творчество» неандертальцев как основа генезиса искусства, сб. «Первобытное искусство», Новосибирск, 1971; стр. 118—164; его же, О генезисе изобразительной деятельности и ее роли в становлении сознания, сб. «Ранние формы искусства», М., 1972, стр. 31—75, и др. Далее ссылки на работы А. Д. Столяра даются в тексте, указывается год издания и страница.

примитивная «звериная» скульптура, вылепленная из глины (1963, стр. 3). «Иногда лепное изображение прислонялось к выступу стены» (там же, стр. 4), что «создает необходимые предпосылки для появления барельефной лепки» (там же, стр. 5), которая постепенно «уплощается», и появляется раннеорињакский рисунок на глине (там же, стр. 6). По мнению А. Д. Столяра, это был самый простой путь развития изобразительного искусства, и об этом пути (глиняная скульптура — барельеф — рисунок) автор так или иначе говорит во всех своих статьях.

А. Д. Столляр совершенно справедливо ставит вопрос о том, что, вероятно, истоки верхнепалеолитического искусства нужно искать в предшествующей археологической эпохе, в деятельности неандертальца. В этом, на наш взгляд, основная ценность рассматриваемой концепции.

Первыми произведениями орињакского художника были, как утверждает А. Д. Столляр, глиняные скульптуры типа медведя из пещеры Монтеспан. Согласно мнению А. Д. Столяра, основанному на сообщениях зарубежных авторов, на монтеспанскую скульптуру медведя надевали шкуру, а к ее шее прикрепляли настоящую голову. Вокруг такого изображения, названного автором гипотезы «натуральным макетом», совершались какие-то ритуалы, в частности «макет» пронзался копьями (1972, стр. 47—49). При поиске самых начальных этапов становления художественного творчества вполне логично предположить, что неандертальцы хотя и не создавали глиняных скульптур, но исполняли ритуалы над недавно убитым зверем или его частями (1964, стр. 9—11), подобные тем, которые совершают некоторые охотничьи племена и сегодня (1971, стр. 158). Эти действия А. Д. Столляр называет «натуральным творчеством». Подтверждением такого взгляда на первые ростки изобразительного искусства являются, по его мнению, материалы так называемых «медвежьих пещер» (1963, стр. 13; 1971, стр. 131—144). Таким образом, путь искусства очерчен полностью: от «натурального творчества» неандертальца к «натуральному макету» *Homo sapiens* и далее к глиняной скульптуре, затем к барельефу и, наконец, к рисунку. Гипотеза имеет логическую стройность, а вместе с тем и определенную привлекательность.

Рассмотрим концепцию А. Д. Столяра, начиная с исходного момента — с творчества неандертальского человека. Как уже говорилось, нам представляется правильным направление исследования — поиск первых шагов художественного творчества у палеоантропов, более того, мы предложили бы искать истоки искусства в еще более глубоких слоях, чем мусье. Кроме того, поскольку вопрос о непосредственном предшественнике *Homo sapiens*, судя по зарубежной литературе, находится еще в состоянии обсуждения, мы бы рекомендовали говорить более осторожно: не о неандертальце, а о человеке, допустим, среднего палеолита. Но это уже дело автора. Итак, первым шагом к художественному творчеству был реальный зверь (или его части), убитый неандертальцем. Есть ли у нас основания для уверенного выдвижения такой гипотезы?

Таким основанием, по мнению А. Д. Столяра, являются «неандертальские комплексы» пещер Драхенлох, Вильденманнлислох, Петерсхелль и др., в которых в особых нишах или даже «ящиках», сложенных из камней, были найдены черепа и длинные кости пещерных медведей. Некоторые ученые сделали вывод, что вокруг этих костей или целых туш животных неандертальцы устраивали какие-то ритуально-магические действия. Отнюдь не отрицая возможность такой интерпретации, мы считаем, что она пока еще далека от того, чтобы считаться окончательной и представляет лишь одно из допустимых (но не единственное и окончательное) объяснений. А это значит, что А. Д. Столляр строит свою концепцию происхождения изобразительного искусства не на строго проверенных научных данных, а на несколько шатком фундаменте: воздвигает гипотезу на гипотезе же. Конечно, с точки зрения логики, такая

система, где одно предположение выводится из другого, вполне допустима. Но, во-первых, она превращается в рассуждение, исходящее из необоснованной предпосылки, «истинность которой,— как говорил Гегель,— признается без критики и необдуманно»⁴, а отсюда, во-вторых, для нее свойственно то, что в технике называется «недостаточной надежностью».

Эта ненадежность подтверждается тем, что мнение о религиозных манипуляциях, якобы совершившихся неандертальцами в «медвежьих пещерах», разделяется не всеми учеными, и есть основания интерпретировать материал этих пещер иным образом⁵. Сам А. Д. Столляр ссылается (впрочем, весьма неодобрительно) на скептическое отношение к гипотезе религиозных функций этих пещер в работах Ф.-Е. Коби и А. Леруа-Гурана (1971, стр. 134). Такое отношение зарубежных ученых к материалам «медвежьих пещер» вызвано неточностью и противоречивостью сообщений первоисследователей. Ф.-Е. Коби, в частности, обращает внимание на то, что кости из пещеры Драхенлох не несут на себе никаких следов, оставленных каменными орудиями, которые должны были бы существовать, если бы тушу животного расчленяли неандертальцы⁶. Б. Куртен обращает внимание на недоброкачественность сообщений Бэхлера — первооткрывателя пещеры Драхенлох, когда он в одной статье пишет о двух медвежьих черепах, в другой о шести, в одной публикации на рисунке черепа находятся в одном положении, в другой — в ином⁷. На эту же недоброкачественность обращает внимание и Ж.-К. Спани, указывая на отсутствие общих документов, таких, как фотографии; рисунки «мнимых», как считает Спани, «ящиков» меняются по форме и ориентации от одной статьи Бэхлера к другой. О пещере Зальцоферн Бэхлер также дает разноречивые сообщения. Удовлетворительного стратиграфического разреза пещер нет. «Успехи, — пишет Спани, — которые получили эти открытия, обязаны тем, что фантастический способ, которым они (открыватели.— Р. Ж.) интерпретировали добытые результаты, потакали толпе более, чем рациональное объяснение, основанное на фактах, лишенных романтизма»⁸. Если бы подобные сообщения получили в свои руки представители естественных наук, они бы заявили: «Эксперимент проведен не чисто, требуется проверка». Но такой проверки, судя по известной нам литературе, сделано не было. Таким образом, археологические данные, видимо, пока не дают возможности предложить достаточно убедительную концепцию для объяснения комплекса «медвежьих пещер», а это как раз и означает, что основания, на которых А. Д. Столляр строит свою гипотезу о «натуральном творчестве» неандертальца как исходном пункте становления искусства, несколько шатки, а поэтому рассматриваемая точка зрения, на наш взгляд, слабо аргументирована.

Перейдем ко второй части гипотезы. Человек современного антропологического типа, усвоив «натуральное творчество» неандертальцев, стал лепить глиняные макеты, используя и натуральные части животного (челеп, шкура). Затем он приставлял скульптуру к стене, благодаря чему получился барельеф и т. д.. Предложенная автором концепция генезиса искусства отнюдь не нова. Эту идею выдвинули еще в начале нашего века Э. Пьет и С. Рейнак. Первый писал: «Когда человек хочет отразить любимую вещь, он должен попытаться сделать произведение, соответствующее реальности, видеть, которое можно с разных сторон». Таким об-

⁴ Г. Гегель, Соч., т. V, М., 1937, стр. 96.

⁵ П. П. Ефименко, Первобытное общество, Киев, 1953, стр. 231—237.

⁶ F.-Ed. Coby, L'Ours des cavernes paléolithiques, «L'Anthropologie», 1951, t. 55, № 3—4, p. 307.

⁷ B. Kurnen, The cave bear, «Scientific American», 1972, vol. 226, № 3, p. 71.

⁸ J.-Ch. Spahni, Les gisements à Ursus spelaeus de l'Autriche et leurs problèmes, «Bulletin de la Société préhistorique française», 1954, t. 51, № 7, p. 366.

разом, скульптура, по мнению Э. Пьета, должна была быть первым видом изобразительного искусства⁹. Этую мысль продолжил С. Рейнак: «Человек пытается воспроизвести фигуры животных, которые окружают его, сначала в круглой скульптуре, затем в рельефе и рисунке»¹⁰ (правда, первыми произведениями искусства С. Рейнак считал орнаментальные). Это же мнение высказал и П. Роу, ссылаясь на Э. Пьета: «Скульптура предшествовала рисунку и гравюре»¹¹. Но если это лишь отдельные замечания, то Г. Д. Хорнблauer развивал за десять лет до А. Д. Столяра совершенно такую же гипотезу и при этом на том же материале пещер Монтеспан и Тюк д'Одубер: сначала создается скульптура, затем она приставляется к стене и т. д.¹². Понимая, что в огромном потоке научной информации можно и не найти всех этих работ, мы напомнили о них не в упрек А. Д. Столяру, а чтобы востановить предысторию рассматриваемой нами концепции.

Для того чтобы гипотеза могла приобрести качество твердо установленной теории, нам кажется, необходимо прежде всего хронологически обосновать все эти последовательные стадии от скульптуры до рисунка, когда объемные произведения по времени предшествовали бы всем остальным. Кроме того, она должна быть распространена на все виды и жанры изобразительного искусства у всех народов. Проверим гипотезу А. Д. Столяра по этим двум показателям.

Согласно рассматриваемой концепции, самыми ранними произведениями искусства должны быть глиняные скульптуры, а самыми поздними — рисунки или гравюры. Однако скульптуры в пещерах Монтеспан, Нио, Тюк д'Одубер, наоборот, по западноевропейской хронологической классификации (ориньяк, солютре, мадлен, азиль) общепринято относить как раз к мадлену или солютре, тогда как целый ряд изображений на стенах пещер учёные датируют ориньяком. Сам А. Д. Столляр признает раннеориньякский возраст некоторых рисунков (1964, стр. 9; 1972, стр. 67), а глиняные скульптуры бизона из пещеры Тюк д'Одубер и монтеспанского медведя относит к мадленскому времени. Надо сказать, что А. Брейль и Р. Лантье дают этим изображениям более раннюю датировку и относят самые ранние скульптуры животных к солютре (гравюры на кости и камне — к типичному ориньяку)¹³.

Мы не будем ссылааться на хронологию, предлагаемую другими авторами; для нас достаточно и того, что сам автор рассматриваемой концепции признает рисунки и гравюры более древними, чем глиняные скульптурные произведения указанных выше пещер, положенные им в качестве фактического обоснования своей точки зрения. Но поскольку это признание противоречит всей концепции, то А. Д. Столяру ничего не остается делать, кроме как изменить датировку глиняных скульптур, заявляя об их реликтовости. Мы в принципе не против уточнения возраста тех или иных произведений, но опять-таки для этого нужны достаточные, а не гипотетические основания. А. Д. Столляр же ни в одной из своих публикаций не доказал хотя бы даже ориньякский возраст глиняных произведений пещер Монтеспан, Нио и др. А без этого доказательства гипотеза теряет научную ценность.

Правда, А. Д. Столляр пытается обосновать реликтовость упомянутых произведений ссылкой на «особый неандертальский комплекс в итальянской пещере Базуа», сведения о котором сообщались А. К. Бланком

⁹ Ed. Piette, Etudes d'ethnographie préhistorique, VII. Classification des sédiments formés dans les cavernes pendant l'Age de Renne, «L'Anthropologie», 1904, t. 15, № 2, p. 139, 140.

¹⁰ S. Reinach, Apollo. Histoire générale des Arts plastiques, Paris, 1905, p. 4.

¹¹ P. W. Rowe, The origin of prehistoric art, «Man», 1930, vol. 30, № 7, p. 7.

¹² C. D. Hornblower, The origin of pictorial art, «Man», 1957, vol. 51, № 2, p. 2.

¹³ H. Vgeil, R. Lantier, Les Hommes de la pierre ancienne (Paléolithique et mésolithique), Paris, 1959, p. 196.

(1972, стр. 48,49) (к сожалению, работы А. К. Бланка А. Д. Столляр не упоминает в библиографии к своей статье). Он пишет: «Анализ недавних открытий (Базуа) позволил автору (т. е. А. Д. Столяру. — Р. Ж.) датировать эту модель (речь идет все о том же медведе. — Р. Ж.) предорианским возрастом (Шательперрон?)» (1972, стр. 48). Этот «неандертальский комплекс» состоит в том, что «неандертальцы кидали комки глины в сталагмит, напоминающий фигуру животного»¹⁴. Однако, на наш взгляд, А. Д. Столяру вряд ли следует ссылаться на пример, где фигурирует образ, созданный природой, так как он отвергает гипотезу происхождения искусства из ассоциативного восприятия натеков на скалах, всевозможных трещин, когда древний человек подмечал сходство их очертаний с контурами живого объекта (1972, стр. 34—36). Вероятно, несколько нелогично после критики определенной концепции принимать ее для обоснования своей собственной. Кроме того, на факт, сообщенный А. К. Бланком, нельзя ссылаться, ведь у него речь идет о природных, а не о человеческих «произведениях», а человек еще должен был научиться создавать их, допустим, из глины. Наконец, исходя из приведенных выше фактов, говорящих о не совсем доброкачественных сообщениях зарубежных исследователей, нужно, очевидно, быть более осторожным при ссылках на некоторые их работы, учитывая определенную, не всегда приемлемую интерпретацию ими эмпирического материала.

Так, например, тот же медведь из пещеры Монтеспан по-разному трактуется А. Брэйлем и П. Грациози: первый нашел на нем остатки ударов копий, а второй не увидел таковых; А. Маршак высказывает довольно аргументированное сомнение, что на глиняную фигуру животного надевалась натуральная шкура и что в пещере исполнялись какие-то ритуалы, о которых якобы свидетельствуют следы ног¹⁵. Что же касается сообщений о событиях, возможно и происходивших в пещере Базуа, используемых А. Д. Столяром для обоснования изменения датировки некоторых произведений верхнего палеолита, то о них говорится, насколько нам известно, в двух публикациях А. К. Бланка. В 1960 г. он, защищая теорию религиозности неандертальского человека, писал, что в упомянутой пещере неандертальцы использовали очертания сталагмита в магических целях. Это как раз и выражалось в бросании комками глины в зооморфное естественное изваяние¹⁶ (с нашей точки зрения, такие действия, если они и совершались, не являются доказательством религиозности этих людей). В статье же, опубликованной на четыре года раньше, А. К. Бланк указывает, что мишенью был не «сфинкс», как он называет фигуру сталагмита, а, судя по следам, оставленным брошенными комками, «один или два человека, стоявшие спиной к стене и лицом к центру „камеры“ пещеры». Но, что очень важно, А. К. Бланк, обращая внимание на мягкость глины, выражает неуверенность в возможности отнесения всех этих материалов к «неандертальскому комплексу», полагая, что следы на сталагмите могут быть и результатом «некоторой беззаботности посетителей во время нового открытия пещеры»¹⁷. Поэтому П. И. Борисковский, сообщая об открытии А. К. Бланка, подчеркивает, что пока здесь не все ясно, мустерьских орудий в пещере не обнаружено, и датировать весь обряд мустерьским временем можно только на основании отнесения отпечатков ног к неандертальцам¹⁸. Таким образом, «неандертальский комплекс» пещеры Базуа

¹⁴ П. И. Борисковский, Проблемы становления человеческого общества и археологические открытия последних десяти лет, в сб. «Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма», М., 1970, стр. 64.

¹⁵ A. Marshack, The roots of civilisation, N. Y., 1972, p. 240, 241.

¹⁶ A. C. Blaapc, Some evidence for ideologies of early man, «Social life of early man», Chicago, 1960, p. 124.

¹⁷ A. C. Blaapc, A new paleolithic cultural element, probably of ideological significance: the clay pellets of the cave of Basua, «Quaternaria», 1957, vol. 4, p. 112.

¹⁸ П. И. Борисковский, Указ. раб., стр. 64.

из-за противоречивости и ненадежности сообщений вряд ли может служить основанием для датировки глиняных произведений скульптуры Монтеспан, Нио и других пещер доориньякским временем.

Итак, гипотеза происхождения искусства, предложенная А. Д. Столяром, не отвечает, на наш взгляд, первому требованию: она не подтверждена хронологической последовательностью. Приложима ли она ко всем жанрам изобразительного искусства и к истории развития искусства всех народов? Прежде всего нам неизвестны или почти неизвестны глиняные скульптурные верхнепалеолитические произведения в иных частях света (кроме Европы). Поэтому говорить о том, что такой путь проходит изобразительное искусство, везде, в настоящее время, вероятно, еще рано. Наоборот, на всех континентах есть рисунки, относящиеся к очень древнему времени. Если мы даже и примем гипотезу о «глиняном периоде» как самом раннем периоде развития художественного творчества, то ее можно связать пока только с европейской историей искусства, да и то рассматривая лишь его локальные варианты.

Предположим, изобразительное искусство развивалось так, как считает А. Д. Столляр: «натуральное творчество» — «натуральный макет» — скульптура и т. д. Создавался ли «натуральный макет» человека с прикреплением к глиняной «болванке» настоящей головы по аналогии с монтеспанским медведем? Автор рассматриваемой гипотезы полагает, что человеческие образы палеолитического искусства такого пути не прошли. Женский образ, — пишет А. Д. Столляр, — «не прошел всего рассмотренного цикла эволюции (выпадение исходной „натуральной ступени“) и изобразительно получил сразу же скульптурное воплощение на основе навыков, уже накопленных на звериных мотивах» (1964, стр. 12). Невольная аналогия с библейской легендой, на которую ссылается и А. Д. Столляр (1964, стр. 12): господь бог, накопив опыт по созданию всякого зверя, и в том числе Адама, из праха («глиняный период»), наконец создает женщину, но уже из более «благородного материала» — из Адамова ребра. Правда, А. Д. Столляр считает, что и первые круглые женские скульптуры, в частности созданные мастерами из Долни Вестонице, были из глины (1972, стр. 55). Но, во-первых, мы должны учесть, что виллендорфские «красавицы», видимо, старше своих «родственниц» из Долни Вестонице по крайней мере на 6 тыс. лет (Виллендорф — $31\ 840 \pm 250$; Долни Вестонице — $25\ 600 \pm 170$ ¹⁹), но сделаны они одна из камня, другая из бивня, а не из глины; и, во-вторых, самое главное, не пройдя всего цикла эволюции, эти женские изображения разрушают все логическое построение гипотезы (уж эти женщины! недаром А. Д. Столляр вспоминает французскую поговорку (1972, стр. 59) — «cherchez la femme»). Наконец, в-третьих, если мы признаем ориньякский возраст самых древних женских статуэток, например тех, о которых только что шла речь, и поскольку, как мы видели, никаких доориньякских произведений искусства не найдено («натуральное творчество» неандертальца сам А. Д. Столляр не считает искусством), то, очевидно, все виды и жанры палеолитического художественного творчества — скульптура, барельеф, гравюра, рисунок, образы животных и человека, орнаментальные мотивы — появились не в генетической последовательности одно за другим, а в общем одновременно, хотя в одних местах первой могла возникнуть скульптура, в других орнамент, в третьих рисунок или гравюра, или барельеф.

Таким образом, на наш взгляд, гипотеза А. Д. Столяра не может быть возведена в ранг научной теории, ибо не имеет под собой строго проверенной фактической основы, ей противоречит хронологический, а в ряде случаев и эмпирический материал, она не имеет характера все-

¹⁹ А. А. Формозов, Памятники первобытного искусства на территории СССР, М., 1966, стр. 8.

общности. Поэтому, говоря словами автора концепции, она «представляет не более чем предположительную принципиальную схему» (1972, стр. 50), и именно не более.

Для превращения любой гипотезы в теорию нужно иметь не только эмпирический материал, который сегодня может отсутствовать, завтра появиться, а послезавтра быть опровергнутым другими фактами. Сама концепция должна быть обоснована теоретически, чтобы «дать объект в его необходимости»²⁰. Поэтому следует рассмотреть, на каком теоретическом фундаменте строится рассматриваемая точка зрения.

А. Д. Столляр пишет: «Опираясь на общие закономерности процесса познания (от ощущения и восприятия к представлению и, наконец, к понятию) и психологии творчества (постепенность перехода от полнообъемного решения к более условному плоскостному, а также пропорционального уменьшения размеров фигуры), мы можем представить в основных чертах последующие изобразительные факты, соответствующие общей эволюции первобытного мышления» (1972, стр. 50). Итак, по мнению А. Д. Столяра, в основе его гипотезы лежат общие закономерности процесса познания и художественного творчества. Начнем со вторых. Закономерен ли переход от полнообъемного к плоскостному изображению с точки зрения психологии художественного творчества?

К сожалению, А. Д. Столляр не приводит в подтверждение своей концепции ни одного психологического исследования, которое было бы посвящено вопросу перехода от объемного к плоскостному творчеству, хотя и полагает, что его мнение подтверждается детским искусством, «когда оно протекает в наиболее „чистом“ спонтанном виде (детские опыты И. Е. Репина и т. д.)» (1964, стр. 10). Обратимся к свидетельству Репина. В своих воспоминаниях И. Е. Репин действительно рассказывает о том, что первым ростком его «художественного» творчества было создание «скульптуры» лошади из палок, обрезков шерсти, воска и т. д.²¹. Однако мы должны учитывать, что само по себе конструирование коня представляло не что иное, как игровую деятельность ребенка (многие дети делают подобные игрушки и не становятся художниками), а кроме того, в это же время он вырезал лошадок из бумаги, т. е. «создавал» плоскостные «произведения», и рисовал. Поэтому свидетельство И. Е. Репина нельзя принимать как подтверждение «закономерностей», связанных с психологией творчества. К сожалению, нам известны только два исследования, где говорится об очередности возникновения видов изобразительного искусства в онтогенезе. Это работы Е. А. Флёриной.

Е. А. Флёрина пишет следующее: «Дети, которые строят неплохие „башни“, „дома“, „поезда“, в рисунке часто находятся еще в доизобразительной „стадии“. В лепке быстрее, чем в рисовании, ребенок дает образ благодаря реальной объемности формы, которая легко напоминает предмет»²².

То же самое и почти теми же словами она пишет и в другой работе²³. Однако исследовательница не дает ни в одной из своих публикаций точного возрастного соотношения появления лепки и рисунка (это в ее задачу не входило), просто ограничиваясь приведенным выше утверждением. Кроме того, манипуляции детей с пластическим материалом, распределенные автором по стадиям, совершенно аналогичны стадиям развития детского рисунка (доизобразительная — простое манипулирование материалом, чирканье по бумаге карандашом; ассоциативная — узна-

²⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 193.

²¹ И. Репин, Далекое и близкое, М., 1953, стр. 53—60.

²² Е. А. Флёрина, Изобразительное творчество детей дошкольного возраста, М., 1956, стр. 13, 14.

²³ Е. А. Флёрина, О детском изобразительном творчестве, «Сов. педагогика», 1946, № 3, стр. 41, 42.

вание в случайных штрихах или объемных фигурах некоторого сходства с реально существующими объектами; создание преднамеренных образов к четырем-пяти годам). Но если исходить из работ Е. А. Флёриной и из публикаций других авторов, посвященных детскому рисунку, то в общем, учитывая возраст испытуемых, самые первые рисунки карандашом и первые опыты с пластическим материалом совпадают по времени, а зачастую карандашные рисунки появляются в более раннем возрасте по сравнению с тем, на который ссылается Е. А. Флёрина²⁴. Е. И. Игнатьев отмечает, что дети начинают рисовать уже с двухлетнего, а то и раньше, возраста²⁵, тогда как Е. А. Флёрина пишет о манипулировании пластическим материалом в 2,5 года.

Все это говорит о том, что, вероятно, неправомерно в детском изобразительном творчестве выделять разные виды «искусства» как возникающие последовательно один после другого. Очевидно, мы должны констатировать в общем одновременность появления в онтогенезе основных видов изобразительной деятельности (и, возможно, даже «барельефа»).

Но мы коснулись детского изобразительного творчества лишь потому, что на него ссылается А. Д. Столляр. Если же быть строгим к выбору материала, то о детском «искусстве» вообще вряд ли может идти речь, так как изобразительное творчество в дошкольном возрасте, а часто и в первых классах школы, еще не отделено от игровой деятельности, что отмечается большинством исследователей. Поэтому в плане «психологии творчества» нам кажется более важным сослаться на мнение А. Ламанг-Эмперер, которая, не будучи психологом, тем не менее, на наш взгляд, правильно подчеркивает, что трехмерный объект всегда для глаз выступает в виде определенной формы контура²⁶. На выделение контура как одного из главных компонентов при восприятии предмета обращают внимание и многие психологи²⁷.

Итак, мы видим, что материалы по закономерности психологии художественного творчества не подтверждают, а скорее опровергают гипотезу А. Д. Столяра, ибо по логике, если переносить эти материалы на палеолитическое искусство, первым, вероятно, должен был появиться контурный рисунок.

Это несоответствие концепции одной из ее теоретических основ, возможно, объясняется тем, что А. Д. Столляр, хотя и пытается опереться «на общие закономерности процесса познания», видимо, не совсем правильно трактует сам этот процесс. Автор рассматриваемой концепции считает, что познание идет от живого созерцания к абстрактному мышлению, а это является аксиомой диалектико-материалистической гносеологии. Однако такого понимания недостаточно, ибо живое созерцание

²⁴ Е. А. Флёрина, Детский рисунок, М., 1924, стр. 7, 8—16; см. также: М. Н. Волокитина, Особенности восприятия и графического изображения плоскостных фигур, «Уч. зап. Гос. НИИ психологии»; т. I, М., 1940, стр. 238, 239; Р. Лиманцева, Об изобразительной деятельности в раннем детстве, «Дошкольное воспитание», 1967, № 7, стр. 31, 32.

²⁵ Е. И. Игнатьев, Психология изобразительной деятельности детей, М., 1961, стр. 12.

²⁶ А. Lameng-Empreigae, La signification de l'art grérostre paléolithique, Paris, 1962, p. 130.

²⁷ С. Н. Шабалин, Предметно-познавательные моменты в восприятии формы дошкольниками, в сб. «Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. Герцена», т. 18, Л., 1939, стр. 59—105; Б. Ф. Ломов, Теоретические вопросы исследования процесса рисования по представлению, в сб. «Психология рисунка и живописи», М., 1954, стр. 105—116; Е. И. Игнатьев, К вопросу о физиологическом механизме восприятия рисунка, в сб. «Материалы совещания по психологии (1—6 июля 1955 г.)», М., 1957, стр. 237—242; Н. В. Модестова, К вопросу о восприятии учащимися объемных и плоскостных изображений предмета, «Доклады АПН РСФСР», 1958, № 4, стр. 23; ее же, К вопросу о восприятии учащимися объемных и плоскостных изображений предмета. Сообщение 3. Восприятие формы, «Доклады АПН РСФСР», 1961, № 4, стр. 42, и др.

и абстрактное мышление находятся не просто во временной связи, а в связи диалектической. Это значит, что первое становится «живым», человеческим лишь благодаря воздействию на него второго. Кроме того, само абстрактное мышление А. Д. Столляр понимает несколько упрощенно: как простое отвлечение от тех или иных черт образа. Между тем абстрактное мышление представляет собой выделение в образе главного и, следовательно, поиск и нахождение сущности явления²⁸.

Вот этой-то диалектики познания и не видит, на наш взгляд, А. Д. Столляр. И поэтому ему кажется, что в скульптуре дается образ животного, наиболее близкий и к реальному зверю, и к его образу (как первой ступени познания), существующему в голове человека верхнего (или среднего) палеолита. Затем идет процесс абстрагирования, в результате чего получается рисунок, приравниваемый автором гипотезы к понятию (форма абстрактного мышления) (1970, стр. 88, 89; 1972, стр. 50, 69). На эту ошибку уже указывалось в литературе²⁹. Однако, следуя точке зрения А. Д. Столяра, мы должны были бы увидеть в изобразительном искусстве палеолитических художников сначала живописные произведения, затем монохромные и, наконец, контурные как процесс все большего абстрагирования. На самом же деле развитие идет, очевидно, как раз в обратном направлении.

Ошибкающее, на наш взгляд, понимание автором рассматриваемой гипотезы генезиса палеолитического искусства объясняется тем, что А. Д. Столляр ставит знак тождества между познанием и искусством. Для него художественное творчество есть не что иное, как средство познания (1972, стр. 69). По мнению автора гипотезы, создание орудий труда представляет собой лишь условнорефлекторный, а не познавательный акт: «Обобщения, охватывающие лишь форму орудия труда, не являлись чисто идеальными. Они (обобщения. — Р. Ж.) производились только вместе с орудиями, существовали лишь в единстве с результатом... труда» (1970, стр. 80). В психологии такая деятельность характеризуется как «ситуационный условный рефлекс»³⁰. По мнению А. Д. Столяра, только с комплексами «медвежьих пещер» и «натуралистических макетов» познание отрывается от непосредственного производства и становится собственно таковым, идеальным актом (1970, стр. 82—85). Но тут у автора происходит совершенно незаконная, с точки зрения логики, подмена понятия «познание» понятием «сознание» (1970, стр. 84—85), что отнюдь не одно и то же.

Искусство с самого начала своего возникновения и до сих пор, конечно, включает в себя момент познания, однако к нему не сводится. Мы читаем «Евгения Онегина» А. С. Пушкина не для того, чтобы узнать, как жило дворянство в первой половине XIX века в России. Рафаэль создавал «Сикстинскую мадонну» не для того, чтобы сообщить информацию об одном из эпизодов «Священного писания». Представление об искусстве как средстве познания или источнике информации в свое время было широко распространено в нашей эстетической литературе, но это уже пройденный этап, и сторонники такого взгляда совершенно справедливо, по нашему мнению, подвергаются критике³¹. Искусство есть особыя форма общественного сознания, а «сознание», включая в себя «познание», шире последнего. Особенность искусства состоит, как известно, в том, что это не просто отражение, слепок, снимок с действительности.

²⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 115, 152, 153, 163, 164.

²⁹ В. В. Селиванов, Указ. раб., стр. 45.

³⁰ А. Н. Леонтьев, Проблемы развития психики, М., 1972, стр. 214, 215, 256, 257; С. Н. Смирнов, Диалектика отражения и взаимодействие в эволюции материи, М., 1974, стр. 174, 179, 182, и др.

³¹ С. С. Гольденцих, О природе эстетического творчества, М., 1966, стр. 129—135; А. Белик, Искусство и современность, М., 1967, стр. 192; Л. Н. Столович, Природа эстетической ценности, М., 1972, стр. 12, 13, 232, и др.

Художник в созданном им произведении дает эстетическую оценку действительности. Средством такого эстетического отражения, где в диалектическом единстве находятся рациональное и эмоциональное, объективное и субъективное, общее и единичное и т. д., является художественный образ. А поэтому суть генезиса искусства, нам кажется, нужно искать в возникновении и развитии именно художественного образа, а не вообще образного отражения как формы живого созерцания.

Но художественный образ не может быть сформирован, как представляет А. Д. Столяр, до возникновения абстрактного мышления, он не выступает предпосылкой понятия. Целый ряд исследований советских психологов показал, что всякий образ, а тем более художественный, не возникает в человеческой голове или, во всяком случае, не может быть полноценным без его осмыслиения, т. е. без абстрактного мышления, мышления понятиями³². Если же проводить параллель между развитием искусства и общим путем познания, то следует вести речь о том, что развитие художественного творчества есть процесс углубления человека в сущность явлений, от незнания к знанию, а поэтому к созданию все более и более адекватных реальной действительности образов. А это значит, что познание идет не просто от живого созерцания к абстрактному мышлению, а от абстрактного в смысле неполного знания к конкретному, т. е. глубокому и все более всестороннему знанию³³. Поэтому познание средствами искусства начинается, если мы берем произведения художников верхнего палеолита, видимо, с простого контура, где образ носит максимально абстрактный (и поэтому неглубокий) характер, ко все большей и большей его конкретизации (углубление знаний), доходящей до подлинных шедевров среднего мадлена. Вероятно, в общем также развивается и скульптура и другие виды изобразительного искусства. Это подтверждается и генезисом детского изобразительного творчества — от образа-схемы ко все более детальному отражению объекта (если брать его для иллюстраций закономерностей «психологии» творчества).

Вне всякого сомнения, такой путь искусства есть только общая логика его развития. Будучи не только познанием, но и формой общественного сознания, оно связано и с экономическим прогрессом человечества, и с особенностями развития данного племени или народа, и с обычаями, которые сами меняются быстро или медленно, и с влиянием на него других форм общественного сознания — морали, религии и т. д. Все эти взаимодействия, конечно, осложняют анализ становления художественного творчества.

Итак, мы видим, что теоретические исходные посылки гипотезы А. Д. Столяра также не могут служить для нее прочным основанием. Если «сопоставить и взаимно выверить обе линии реконструкции — логическую и фактическую» (1972, стр. 50) первобытного искусства, проделанную А. Д. Столяром, то, на наш взгляд, его концепция вряд ли

³² Ю. И. Аманова, Воспитание наблюдательности и влияние ее на детский рисунок, «Дошкольное воспитание», 1946, № 4, стр. 11, 13; А. Р. Лурия, Роль слова в формировании временных связей у человека, «Вопросы психологии», 1955, № 1, стр. 74, 75, 80; А. А. Люблинская, Некоторые особенности взаимоотношения слова и наглядности в формировании представлений у ребенка-дошкольника, «Вопросы психологии», 1956, № 1, стр. 72, 73, 75; Ф. Н. Шемякин, К вопросу об отношении слова и наглядного образа (цвет и его название), «Изв. АПН РСФСР», 1960, вып. 113, стр. 7; О. Н. Никифорова, Значение речи для точности воспроизведения зрительного образа, «Вопросы психологии», 1961, № 1, стр. 133—140; З. А. Ганькова, К вопросу о соотношении действия, образа и речи в мышлении детей дошкольного возраста, в сб. «Вопросы мышления детей», Л., 1962, стр. 37; В. С. Мухина, Исследование подражательной способности к простейшим графическим изображениям у шимпанзе и ребенка, «Вопросы антропологии», 1965, вып. 21, стр. 164; А. А. Люблинская, Ранние формы мышления ребенка, в сб. «Исследование мышления в советской психологии», М., 1966, стр. 222, 223, 236 и др.

³³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 90, 178, 212, 216, 252.

может служить даже в качестве рабочей гипотезы при исследовании первых шагов художественного творчества.

На этом можно было бы и закончить рассмотрение гипотезы, предложенной ленинградским ученым, однако следует отметить еще одну ошибку, лежащую в основе рассмотренной концепции. Эта ошибка состоит в том, что А. Д. Столяр ищет источник искусства не в особенностях самой этой формы общественного сознания, а в другой, в корне противоположной, — в религии или, точнее, ее зачатках в виде магии. Теория магического происхождения искусства со временем С. Рейнака получила очень широкое распространение как в зарубежной, так и в нашей литературе. Однако в последнее время эта теория подвергается все более острой критике, основанной на достаточно убедительном материале. Стоя на атеистических позициях, мы должны объективно оценивать всю совокупность известных фактов, учитывать постоянное воздействие друг на друга этих форм общественного сознания, когда, как правильно отметил А. К. Филиппов, религия эксплуатирует искусство³⁴, а искусство в свою очередь может иногда использовать религиозные темы для создания некоторых своих шедевров. Но мы должны также исходить и из того, что по своей природе религия и искусство не могут быть генетически связаны, ибо первая с самого своего возникновения отражает действительностьискаженно, второе — правильно, религия выражает страх человека перед непонятными ему силами природы и общества, искусство выражает гордость человека своим могуществом, радость от победы над этими силами: Если идти по линии попытки доказать происхождение искусства из религиозных действий верхнепалеолитических людей или даже неандертальцев, мы, хотим того или нет, становимся защитниками религии, обосновывая ее ведущую роль в развитии человеческого сознания. На такую позицию мы стать не можем.

Нам могут возразить: если автор настоящих строк не принимает концепцию А. Д. Столяра, он должен предложить свою собственную. Выработка гипотезы возникновения художественного творчества — кропотливая работа, опирающаяся на достижения целого ряда наук (философии, эстетики, психологии, кибернетики, физиологии, истории и т. д.). Поэтому такую работу не может выполнить один человек. Мы можем лишь наметить общие контуры такого исследования, не считая их окончательными.

Искусство есть форма общественного сознания. Это значит, чточество осознает, отражает себя и весь окружающий мир в форме, свойственной искусству, т. е. в художественно-образной. Следовательно, поиск исходных ступеней следует начинать с момента появления общества. Но этого мало. Необходимо выяснить, когда и почему у общества появляется потребность в отражении мира и себя самого именно в виде художественного образа, на каком уровне развития производства появляется возможность удовлетворения этой потребности, какова должна быть структура общества, которая бы требовала возникновения и существования особого рода эстетических ценностей, освобожденных от непосредственного материального производства. Ответы на все эти вопросы нужно искать в исследованиях всех перечисленных наук и в том числе в достижениях археологии и этнографии. Но на базе одной какой-либо науки решить все эти вопросы нельзя, так как искусство — слишком сложное явление.

Конечно, как всякая научная гипотеза, концепция А. Д. Столяра имеет право на существование. Мы попытались лишь показать, что в настоящем виде она недостаточно аргументирована фактическим мате-

³⁴ А. К. Филиппов, О двух типах изобразительной деятельности верхнепалеолитического человека в связи с критикой «магической» природы происхождения искусства, в сб. «Палеолит и неолит СССР», т. 7, Л., 1972, стр. 226.

риалом и под нее не подведено прочной теоретической базы для того, чтобы принять ее в качестве научной теории. На наш взгляд, если гипотеза А. Д. Столяра и верна, то необходима еще очень большая и кропотливая работа для доказательства ее истинности.

CONCERNING A CERTAIN HYPOTHESIS ON THE ORIGIN OF ART

The paper deals with the hypothesis on the origin of art put forward by the Soviet researcher, A. D. Stoliar. Its essence lies in regarding as the source of art the «natural creative activity» (Stoliar's term) of the Neanderthalian man. With the emergence of Homo sapiens this «natural creative activity» gives rise to the «natural dummy», i. e. to sculpture of the Montespan bear type where the sculptured material (clay) is joined with actual parts of the animal (pelt, skull). Subsequent stages in the development of imitative art are: sculpture, bas-relief, wall picture, contour.

The present author, while agreeing that the sources of art should be sought in the culture of the ancestors of Homo sapiens, considers, however, that Stoliar's hypothesis is insufficiently substantiated by factual archaeological material. The basic theoretical premises underlying the above concept are also discussed and criticized in the paper. Its author regards Stoliar's hypothesis on the origin of art as being as yet far from becoming a scientific theory.

It is stressed that the solution of such a problem as the origin of art cannot be based on the data of a single field of research. This form of social consciousness must be investigated by applying the achievements of philosophy, aesthetics, psychology, archaeology, ethnography, and other research fields. The author does not set up any hypothesis of his own in opposition to the one under discussion: the paper mainly consists of analysis and criticism of Stoliar's viewpoint.

Сообщения

П. Г. Ширяева

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ НЕКОТОРЫХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ТРАДИЦИЙ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТ «ВПЕРЕД» И «ПРОЛЕТАРИЙ»)

На рубеже XIX—XX вв. в результате подъема массового пролетарского движения в России в быт рабочего класса стали входить новые обычаи и обряды¹, отражавшие растущее революционное сознание рабочих. Укрепление и развитие их шло под руководством и при непосредственном участии социал-демократических организаций.

1905 год, когда рабочие России впервые вступили в ожесточенную схватку с самодержавием, определил дальнейшее развитие новых явлений в быту русского пролетариата, и прежде всего таких форм его массовых выступлений, как маевка, демонстрация, гражданские похороны.

I

На следующий день после «Кровавого воскресенья» В. И. Ленин писал: «С головокружительной быстротой догнали широкие рабочие массы своих передовых товарищей, сознательных социал-демократов... Лозунгом рабочих стало: смерть или свобода!»². Изменение самосознания русского пролетариата наложило отпечаток и на его быт, в частности на характер празднования дня Первого мая. Газеты «Вперед» и «Пролетарий», обстоятельно освещая на своих страницах первомайские события, обращали особое внимание на участие в празднике широких масс населения.

Несмотря на то, что в 1905 г., как и в прежние годы, Первое мая отмечалось нелегально, что на подавление маевок были брошены полицейские и воинские отряды, для майских выступлений, происходивших в черте городов и за их пределами, избирались, как правило, наиболее людные места: в Москве — Сокольники, район Даниловского монастыря, Грузинский народный дом, Марьина роща; в Петербурге — Большой проспект Васильевского острова, Невский проспект; в Саратове — Парусиновская роща; в Твери — Жолтиковская роща; в Костроме — бульвар и Русиновая роща; в Ярославле — Городской и Казанский бульвары. В Самаре, Саратове, Нижнем Новгороде, Екатеринославле, Ростове, Новороссийске, Риге и других городах Первого мая происхо-

¹ Подробнее о них см. П. Г. Ширяева. Из истории становления революционных пролетарских традиций, «Сов. этнография», 1970, № 3.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, стр. 178.

дили многолюдные митинги. В дачной местности Екатериноконтиненталь под Ревелем, близ императорского дворца, во время обычного гуляния собрались до 3000 человек и с песнями двинулись к городу³. В Ярославле и Казани в день Первого мая была организована маевка на лодках. «Из лодок образовалась целая флотилия, были выкинуты красные флаги, пелись революционные песни...», — сообщалось в корреспонденции из Ярославля⁴. Демонстрацию на лодках провели и казанские рабочие: «Первого мая ст. стиля была общая маевка... Место собрания — на разливе реки Волги и доступ только на лодках. По окончании собрания публика произвела маленькую «морскую демонстрацию», двинувшись в 31 лодке вниз по течению с красными знаменами и пением наших песен. Так доехали до весёлых пристаней, где знамена были ураны. По дороге раздавали на пароходы, лодки и плоты майские прокламации, которые всеми брались нарасхват, так что их не хватило для всех желающих»⁵.

«Пролетарий» сообщает о первых в истории Кавказа массовых маевках, в которых участвовали не только рабочие, но и сельские жители. В эти дни на улицы вышло более 80 тысяч человек. «Политические стачки и майские празднества, имевшие до сих пор место только в городах и промышленных центрах, теперь перекинулись у нас и в деревни и нашли здесь вполне готовую почву. Суббота и воскресенье (30 апреля и 1 Мая) были объявлены комитетом днями празднования маевки,— сообщает корреспондент Имеретино-Мингрельского комитета РСДРП.— Небывалое зрелище представляли деревни в эти два дня. Все работы были прекращены; дома были пусты. По всем проселочным дорогам и шоссе тянулись бесконечные пестрые толпы крестьян, женщин и детей в праздничных нарядах. Пение Марсельезы оглашало воздух и разносилось далеко-далеко по окрестностям... По недостатку сил митинги были устроены в восьми районах... Это был настоящий международный праздник...»⁶.

Время проведения маевки определялось местными комитетами РСДРП. Так, в Риге она состоялась в ночь с 30 апреля на 1 мая⁷, большей же частью маевки происходили днем Первого мая, а иногда по требованию рабочих переносились на другие дни. Так, например, арматурщики Екатеринославского завода сообщали: «Так как 1 мая было воскресенье, то по обыкновению в этот день завод не работает. Но нам желательно отпраздновать в рабочий день. И мы бросили работу 2 мая»⁸. Местные комитеты РСДРП нередко использовали в целях популяризации дня Первого мая даже религиозные праздники. Так, по сообщению газеты «Пролетарий», во многих деревнях Тверской губернии демонстрации проходили в пасхальные дни, совпадавшие с первомайским праздником. В корреспонденции назывался ряд деревень, где на сходках присутствовали как фабричные, уроженцы деревни, так и коренные деревенские жители. На таких сходках рассказывалось о значении майского праздника, поднимались вопросы, связанные с крестьянскими нуждами, говорилось о значении вооруженного восстания, о необходимости созыва учредительного собрания и организации времен-

³ О праздновании Первого мая см.: «Пролетарий», 27 (14) мая, 3 июня (21 мая), 9 июня (27 мая), 17 (3) июня 1905 г.

⁴ «Пролетарий», 3 июня (21 мая) 1905 г. В этом же номере есть сообщение о «демонстрации» на лодках группы учащихся Ярославля.

⁵ Там же, 17 (3) июня 1905 г.

⁶ «Пролетарий» 26 (13) июня 1905. На первомайских митингах, организованных Тверским комитетом РСДРП, присутствовало много крестьян (см. «Пролетарий» 17 (3) июня 1905 г.). Характерно, что корреспонденты называют те же деревни Тверской губ., где проходили демонстрации и в канун первой русской революции (см. П. Г. Ширяева, Указ. раб.).

⁷ «Пролетарий», 3 июня (21 мая) 1905 г.

⁸ Там же, 17 (3) июня 1905 г.

ного правительства. «Фабричная и деревенская молодежь проходила по улицам со знаменем и революционными песнями»⁹.

Иногда в дни религиозных праздников проведение демонстрации приурочивалось к окончанию церковной службы. Так, большая майская демонстрация состоялась 9 мая в слободе Никола Малица (Тверская губ.). В этот день здесь всегда устраивался крестный ход по случаю перенесения иконы из монастыря, расположенного в слободе, в город. По окончании крестного хода начался митинг, организованный комитетом РСДРП, после которого по требованию рабочих была устроена демонстрация.

«Было поднято красное знамя. Запели „Дружно, товарищи, в ногу“. Двинулись в слободу. За знаменем сначала шло человек 200, но толпа быстро возрастила». Спустя некоторое время после выступления оратора собравшиеся запели песни и «медленно прошли по слободе и обратно к роще. Здесь толпа уже превышала тысячу человек. Пели русскую „Марсельезу“ и „Дубинушку“. Особенно хорошо выходило „Дружно, товарищи в ногу“»¹⁰.

Большую роль в подготовке празднования Первого мая играла партийная печать. Среди населения широко распространялись прокламации и листовки политического характера, в том числе и прокламация «Первое мая», написанная В. И. Лениным¹¹, а также специальные издания революционных стихов и песен, приуроченные к 1 Мая¹².

Обязательным атрибутом первомайских демонстраций было красное знамя. Во время столкновений с полицией оно бережно охранялось, а порой и отвоевывалось у вооруженных полицейских¹³.

Праздничное шествие всегда сопровождалось пением революционных песен (чаще других пели «Смело или дружно, товарищи, в ногу», «Варшавянку», «Марсельезу», «Дубинушку»), провозглашением лозунгов «Да здравствует Первое мая!», «Да здравствует демократическая республика!», «Долой самодержавие», «Да здравствует социал-демократическая партия!».

На празднование Первого мая 1905 г., как и на любой народный праздник, трудающиеся приходили в нарядной одежде. На маевки, собрания, гуляния, митинги, демонстрации они надевали свои лучшие костюмы, те, которые береглись для самых торжественных случаев.

Для первомайского праздника традиционным стал красный цвет. То был не только красный флаг, поднятый над головами демонстрантов, или красные платки на шестах. В Риге, например, рабочие пришли на майский праздник в красных шапочках, а работницы — в красных передничках. Лодки ярославских и казанских демонстрантов, плывущие по Волге, были украшены красными лентами и флагами¹⁴.

II

Демонстрация как одна из форм массовой пролетарской борьбы приобрела особое значение в период революции 1905 г. Обычно демонстрации сочетались с целым рядом других форм массовой борьбы: стачками, митингами, сходками.

Газеты «Вперед» и «Пролетарий» широко освещали стачечное движение и массовые демонстрации, которые «соединяясь одно с другим

⁹ «Пролетарий», 17 (3) июня 1905 г.

¹⁰ Там же.

¹¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 10, стр. 81—84.

¹² См., например: «На Первое мая», изд. Московского комитета РСДРП, июль 1905 г.; «На Первое мая», изд. ЦК РСДРП, 1905 г.; «На Первое мая», Тифлис, 1905 г.; «На 1-е Мая», изд. Харьковского комитета РСДРП: «Песни на 1-е мая», «Пролетарий», 3 июля (20 июня) 1905 г.

¹³ См. многочисленные свидетельства корреспондентов с фабрик и заводов, обнародованные в газете «Пролетарий» за 1905 г.

¹⁴ «Пролетарий», 17 (3) июня 1905 г.

в различных формах и по различным поводам, росли вширь и вглубь, становясь все революционнее, подходя все ближе и ближе на практике ко всенародному вооруженному восстанию, о котором давно говорила революционная социал-демократия»¹⁵.

Митингам как новой мобильной форме массовых выступлений газета «Пролетарий» посвятила специальную статью «Народные митинги в Петербурге». «Какая выдержка царствует у тысячной толпы рабочих на этих митингах! — писал автор статьи. — Можно было бы подумать, что мы уже давно живем свободной политической жизнью! Громадный зал битком набит, люди стоят на подоконниках, наваливаются на спины впереди стоящих. Слушают с напряженным вниманием, не шелохнувшись, несколько часов подряд... По окончании митинга, пропев „Марсельезу“, „Варшавянку“ и пр., расходятся группами с праздничными лицами, оживленно обсуждая слышанное и условливаясь звать новых товарищей на следующие митинги... Наблюдая митинги как в учебных заведениях, так и на заводах, оценивая настроение масс и рост их сознательности, нельзя не воскликнуть с радостью: «Волна растет, растет; близок решительный час!»¹⁶.

О том, как различные формы массовых выступлений перерастали одна в другую, поднимаясь на более высокую ступень, свидетельствуют многочисленные примеры. «От обычного загородного агитационного собрания с песнями и красным знаменем,— сообщала газета «Пролетарий»,— рабочие Лодзи перешли через манифестацию к демонстрации, к всеобщей стачечной борьбе и к баррикадам (в первый день на похоронах убитых русских рабочих демонстрировало 20 000 человек, во второй — на похороны убитых еврейских рабочих собралось до 70 000 человек)»¹⁷.

Одним из наиболее распространенных средств борьбы русского пролетариата стала массовая политическая стачка. Из номера в номер газета «Пролетарий» публиковала сведения о массовых стачках и демонстрациях, переходящих порой в вооруженные столкновения с полицией. В заметке из Николаева сообщалось о многочисленных собраниях и стачках на отдельных заводах. «Эту неделю можно назвать началом революции в Николаеве»,— писал корреспондент газеты. Вот как он описывает проведение одного из рабочих собраний: «Представьте себе такую картину. Ясная лунная ночь, тихо катит река свои волны, недалеко видны лачуги слободки. На гористом берегу реки в котловине с резкими очертаниями, собралась масса людей: были старики, женщины, дети. Толпа покрывала дно котловины, поднимаясь до самых острых краев ее. Оратор говорил о демократической республике. Толпа, сидевшая вокруг оратора, вдруг подымается, как один человек, и из груди этой толпы раздается единодушный крик: «Долой царя, да здравствует С. Д. Раб. Партия!» Говорили потом еще рабочие. Один предложил делать сборы на оружие, чтобы готовиться к вооруженному восстанию»¹⁸.

Весьма показателен рассказ о всеобщей забастовке (3—26 июля) в Костроме, разбудившей политическое сознание костромского пролетариата. В информации корреспондента Ф. Ивановского ярко раскрываются сложные условия борьбы костромских социал-демократов за влияние в массах. На р. Костромке собиралось ежедневно до 5 тыс. человек. Кроме того, каждый вечер происходили социал-демократические массовки, на которые приходили до 500 человек. «Последние дни масса с

¹⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, стр. 252.

¹⁶ «Пролетарий», 16 (3) ноября 1905 г.

¹⁷ «Пролетарий», 3 июля (20 июня) 1905 г. См. также заметку в газете «Вперед» 8 марта (23 февраля) 1905 г. о столкновении с полицией участников массовки в г. Мелитополе 15 января 1905 г.

¹⁸ См. «Пролетарий», 3 июля (20 июня); 2 августа (20 июля), 16 (3) августа.

большим вниманием слушала на Костромке речи ярко политического содержания. Озлобление рабочих на царское правительство, на его опричнину, казаков и полицию росло с каждым днем». Подчеркивая рост политического сознания рабочих-костромичей, поднимавшихся уже не только против владельцев фабрик, но и против царизма, Ф. Ивановский приводит фрагмент сатирической песни, ставшей среди рабочих очень популярной:

«Нагайка, ты, нагайка,
Тобою лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной»¹⁹.

О росте политического сознания рабочих-костромичей свидетельствует и рассказ о том, как они «отбили» у казаков своих товарищей, арестованных после проведения социал-демократической массовки.

Широкому развитию массовых выступлений на различных промышленных предприятиях способствовала пролетарская солидарность. Обе газеты — «Вперед» и «Пролетарий» приводят многочисленные материалы, рассказывающие о взаимной поддержке рабочих и убедительно свидетельствующие о единстве пролетариата во время стачек и забастовок. В развитии пролетарской солидарности великую историческую роль сыграли такие события, как 9 января 1905 г., восстания в армии и на флоте, всероссийская стачка, баррикадные бои рабочих ряда промышленных районов.

Демонстрация в период первой русской революции, являвшаяся одной из форм массовой борьбы пролетариата, дожила до наших дней. Она стала элементом всех праздников революционного календаря, вошла в общественный быт народов социалистических стран и стала могучим средством борьбы трудящихся всего мира, отстаивающих свою свободу и независимость.

III

Массовое пролетарское движение существенно изменило и характер похоронной обрядности у рабочих. В обыденной жизни каждого человека похоронный обряд связывался с комплексом обязательных ритуалов, освященных церковью, а также некоторых элементов дохристианских обрядов. Революция 1905 г. внесла ряд корректиров в традиционную похоронную обрядность, сохранившую и в этот период такие традиционные элементы, как отпевание, панихида, поминки. Широкое общественное значение приобрели в 1905 г. похороны жертв революции, зачастую освобожденные от церковного влияния. Обязательными для них стали оповещения о похоронах, торжественные шествия с красными и черными знаменами по самым многолюдным улицам, политические речи, исполнение революционных песен²⁰. Чтобы отдать умершему высшие почести, его прах несли на руках до места захоронения. Весь ритуал был подчинен единой цели: превратить похороны в яркую политическую демонстрацию против самодержавия. Социал-демократическая партия использовала похороны жертв революции для воспитания политической сознательности трудящихся. Этой цели служили и речи ораторов, выступавших на похоронах, и лозунги, и песни, и оформление траурного шествия.

¹⁹ «Пролетарий», 24 (11) октября 1905 г.

²⁰ Пели не только пролетарские гимны и марши, но и траурные песни революционеров-демократов 60-х годов и революционных народников: «Не плачьте над трупами павших борцов», «Вы жертвой пали», «Замучен тяжелой неволей». Мелодия этих песен использовалась также в новых траурных песнях: «Погибшие, братья, вам вечный покой», «Мы мирно стояли перед Зимним дворцом».

В газетах «Вперед» и «Пролетарий» публиковались сообщения о похоронах активных участников революционного движения. Написанные по горячим следам событий, они дают представление о зарождении и укреплении новых элементов похоронного обряда. В корреспонденции газеты «Вперед», посвященной похоронам томского рабочего И. Е. Кононова, отмечалось: «В гробу он лежал в красной рубашке, в венке была красная лента. Речей не было»²¹. В предыдущем номере той же газеты был помещен некролог, посвященный «вечной памяти борца» И. Е. Кононова. В нем прославлялась героическая борьба рабочего класса России и с гневом клеймилось самодержавие за бесчеловечные расправы. Некролог призывал к решительным сражениям против злейшего врага трудящихся — самодержавия. Заканчивался он двумя четверостишиями из популярной в среде революционеров песни И. И. Пальмина «Не плачьте над участью павших борцов, погибших с оружием в руках»²².

О широком участии народных масс в похоронах безвременно погибших участников рабочего движения сообщает в редакцию газеты «Вперед» ее батумский корреспондент: «Недавно на похоронах товарища рабочего собралась без всяких призывов толпа человек 400; с замечательно стройным пением революционных песен пронесли гроб по всему городу без попов»²³. Как характерную черту обряда корреспондент отмечает полное отсутствие церковного ритуала.

В корреспонденции, присланной из польского города Калиш, сообщалось о критическом отношении рабочих к религиозной обрядности. Похороны товарища, повешенного по доносу шпиона, послужили здесь поводом к грандиозной демонстрации. «С революционными песнями направилась толпа через главную улицу на кладбище. Высоко над головами разевалось красное знамя, залитое солнечными лучами. На кладбище священнику не дали говорить, заглушили его слова пением „Красного знамени“. После пения выступил оратор (социал-демократ), который разъяснил перед массой смысл этого застеночного убийства. После погребения толпа демонстративно направилась обратно в город»²⁴.

1 апреля 1905 г. питерские текстильщики провожали в последний путь своего товарища по работе Б. И. Винокурова, пользовавшегося большой популярностью на фабрике. Рабочие «на руках понесли тело этой новой жертвы, вопиющей об отмщении, но полиция потребовала, чтобы гроб поставили на дороги. Когда похоронное шествие миновало Литейный мост, рабочие, число которых сильно увеличилось, вновь сняли гроб и несли на руках до самого кладбища»²⁵.

27 февраля 15 тыс. чиатурцев с почестями хоронили своего общего любимца, отчаянного смельчака Шакро Гиунашвили, который, закрыв своей грудью товарища, пал от руки стражника. «Впереди несли 25 венков с разевающимися красными лентами и надписями»²⁶. Еще более торжественно провожали в последний путь революционера-профессионала Сандро — Александра Цулукидзе, скончавшегося 9 июня 1905 г. Корреспондент газеты «Пролетарий» нарисовал яркую картину этих похорон: «При сильном проливном дожде гроб с останками покойного несли на своих плечах главным образом рабочие и крестьяне на расстоянии 25—26 верст от Кутаиси до м. Хони... Десятки венков (их было свыше 80) от кавказского пролетариата и крестьянства; красные знамена, разевавшиеся во главе многотысячной массы; два хора рабочих, певших «Марсельезу» и другие революционные песни; вся эта масса народа, воодушевленно следовавшего с пением за гробом, несмотря на

²¹ «Вперед», 29 (16) марта 1905 г.

²² Там же, 23 (10) марта.

²³ Там же, 28 (15) февраля 1905 г.

²⁴ «Пролетарий», 5 сентября (23 августа) 1905 г.

²⁵ «Вперед», 30 (17) апреля 1905 г.

²⁶ «Пролетарий», 26 (13) июня 1905 г.

грозу и ливень; бесчисленные речи на грузинском, русском и армянском языках, речи рабочих, крестьян, многих других товарищ, все речи оканчивались возгласами: «Долой самодержавие! Да здравствует социализм!», подхватываемыми многотысячной массой... Вот как кавказский пролетариат провожал останки своего товарища борца! Все это невероятно сказочно для читателей, не бывших свидетелями этих исторических похорон»²⁷.

Похороны ближайшего соратника В. И. Ленина, профессионального революционера Н. Э. Баумана, убитого агентом царской охранки 3 ноября 1905 г., взволновали всю рабочую Москву. Гроб с его телом сопровождала 300-тысячная демонстрация.

Неизвестный автор посвятил проводам Баумана стихотворение, изданное в Москве листовкой:

«Знамена... венки... все венки без конца,
Звучат властно гимны свободы,
Рабочий народ провожает бойца,
Погибшего в лучшие годы...
Народ не забудет отважных бойцов,
Ему беззаветно служивших,
И сбросит он тяжесть последних оков,
Отмстит за безвинно погибших».

Существенные изменения претерпел и такой элемент похоронного обряда, как поминки, в частности сорокоуст. В силу традиции на 40-й день после январского расстрела у Зимнего дворца пущиловские рабочие, как и рабочие многих других заводов Петербурга, пошли в церковь служить панихиду. Но традиционной панихиды не получилось. Вот как описывает ее газета «Вперед»: «18 февраля, в сороковой день петербургской бойни, на Пущиловском заводе, как и на многих других, рабочие потребовали служить панихиду по убитым товарищам. Собrалось столько народу, что церковь не вмещала, пришел и пресловутый инженер Смирнов. Бледный, растерянный, стоял он со свечой в руках. Рабочие, видя своего директора, осмелившегося явиться на их демонстративную панихиду, не выдержали и, когда поп стал говорить речь, в которой призывал (на основании евангельских текстов) к тишине и спокойствию, громко начали протестовать криками: „Ты и 9-го был против нас, изменник, ты и 9-го отговаривал нас... Вон! Вон и Смирнова!“ Получился скандал, панихида была прервана. Смирнов, говорят, со страху вытребовал даже войска»²⁸.

Отмечали рабочие и день полугодовщины 9 января. В традиционном похоронном обряде полугодовщина смерти отмечается далеко не всеми. Но полугодовщина со дня расстрела пущиловских рабочих 9 января отмечалась очень широко. Яркое представление об этих революционных поминках дают корреспонденции, опубликованные в газете «Пролетарий». Так, в одной из них сообщалось, что рабочие Сестрорецкого оружейного завода единодушно провели 9 июля однодневную забастовку. «В 11 часов в соборе была отслужена по требованию рабочих торжественная панихида (присутствовало около 1000 человек). После панихиды рабочие развернули громадные знамена-хоругви (красное с надписью: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“, черное с надписью „Вечная память борцам за свободу“) и с пением „Вы жертвою пали“ и „Рабочей Марсельезы“ двинулись по главным улицам. По дороге говорились речи. Выступали преимущественно ораторы-рабочие. У Сестрорецкого курорта, охранявшегося солдатами Енисейского полка, состоялся митинг, на котором рабочие решили запретить буржуазии в

²⁷ «Пролетарий», 5 сентября (23 августа) 1905 г.

²⁸ «Вперед», 29 (16) марта 1905 г.

этот траурный день устраивать бал-монстр. В 9 часов вечера с траурным знаменем в руках они подошли вновь к курорту и предложили прекратить бал. Началась паника. Публика с ужасом устремилась к выходам. Это было поголовное бегство. Курорт и вокзал опустели мгновенно»²⁹.

Каждый комитет РСДРП, готовясь к полугодовщине 9 января, исходил из общепартийных задач, которые решал в зависимости от местных условий. «Агитация за то, чтобы отдать должное дню 9-го июля,— сообщалось в корреспонденции из Нижнего Новгорода,— шла приблизительно неделю». В кружках, на массовках зреала твердая решимость «возвестить о полугодовщине кровавого дня, как о полугодовщине революции»³⁰. 9 июля состоялся митинг. Среди многочисленных сообщений корреспондентов об этом событии обращают на себя внимание заметки из Сормова, Мурома и Москвы. «Величественное зрелище было, говорится в корреспонденции из Сормова,— Трехтысячная толпа рабочих, над ней 7 красных и черных знамен чуть-чуть колышатся в воздухе, звучат речи ораторов.

На этот раз говорили особенно хорошо. Кто был на этом собрании, кто слышал пение „Замучен тяжелой неволей“ этого трехтысячного хора, тот не забудет этого вечера никогда»³¹. 10 июля вечером на луговой стороне Оки, за Муромом, местной социал-демократической организацией была назначена массовка. «Предполагалось почтить память петербургских борцов 9-го января. Собралось человек 200. Тут же возникла мысль устроить демонстрацию... Под звуки „Марсельезы“ отчалил паром. Затем двинулись по улицам. К демонстрации присоединилась масса публики... Вечернюю тишину (было около 10 часов вечера) тихого городка будили мощные звуки свободных песен. По временам толпа останавливалась, и среди тишины раздавались короткие, но резкие и сильные речи, какие умеют произносить только ораторы из рабочих»³².

Отклики рабочих на полугодовщину 9 января были различны, но их объединяла одна общая черта — массовость.

* * *

Первая русская революция «глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг другу и всему миру все классы (и все главные партии) русского общества в... действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей»³³. На протяжении всего 1905 г. под руководством социал-демократов ленинцев шло упорное и действенное воспитание масс, которое «никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности революционной борьбы самой массы»³⁴. Поэтому естественным было дальнейшее повседневное закрепление в быту рабочих самых разнообразных форм массовых выступлений пролетариата, пролетарских обычаем и обрядов, в значительной мере представлявших собой развитие обычаем и обрядов, зародившихся в предшествующий период массового рабочего движения.

²⁹ «Пролетарий», 9 августа (27 июля) 1905 г.

³⁰ «Пролетарий», 16 (3) августа 1905 г.

³¹ «Пролетарий», 14 (1) сентября 1905 г. В том же номере «Пролетария» обстоятельно описано проведение полугодовщины 9 января рабочими других промышленных городов.

³² Там же, 5 сентября (23 августа) 1905 г.

³³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 12.

³⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 314.

Д. М. Коган

**ОСОБЕННОСТИ БЫТА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ,
РАБОТАЮЩЕГО В ГОРОДЕ**

(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДОВ
СРЕДНЕЙ ПОЛОСЫ РСФСР)¹

Особенности быта сельского населения, работающего в городе,— тема почти не исследованная. Изучается она как часть проблемы этнографического исследования города. Разработка некоторых сторон этой проблемы ведется Сектором этнографии восточнославянских народов Института этнографии АН СССР с середины 1960-х годов². До этого времени этнографы не выделяли в особую категорию ту часть населения, которая живет в селе и работает в городе. Между тем она представляет несомненный интерес, так как играет немалую роль в связях городских и сельских жителей³.

Следует отметить, что изучение особенностей быта жителей села, работающих в городе, сопряжено с определенными трудностями. Одна из основных трудностей — выявление критериев, определяющих степень взаимовлияния горожан и работающих в городе жителей села. Причем нас интересуют в данном случае только те взаимовлияния, которые возникают вследствие непосредственного общения этих групп населения.

Для более глубокого выявления особенностей и степени взаимовлияний городских и сельских жителей в дальнейшем необходимо сопоставить такие категории населения, как: горожане — выходцы из села; коренные горожане; сельские жители, работающие в городе; сельские жители, работающие в селе. В настоящей же статье, как уже говорилось, рассматриваются лишь сельские жители, работающие в городе. К этой категории населения относятся прежде всего коренные жители деревень, расположенных в непосредственной близости от городов; кроме того, в нее надо включить и небольшую группу людей, приехавших из других городов и дальних сел, временно проживающих в селе. Первые, как правило, имеют собственные дома, домашних животных и птиц;

¹ Статья написана на основе полевых материалов автора, собранных им в 1965—1970 гг. в составе экспедиции Сектора этнографии восточнославянских народов Ин-та этнографии АН СССР в городах Калуге, Козельске и Медыни Калужской области, Ельце Липецкой области, Ефремове Тульской области, а также в окружающей эти города сельской местности. Использованы также статистические данные, в том числе и данные выборочного анкетного обследования в Калуге и Ельце, проведенного в 1966—1967 гг. сотрудниками того же сектора.

² См. В. Ю. Крупянская, М. Г. Рабинович, Этнография города и промышленного поселка, «Сов. этнография», 1964, № 4; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Некоторые проблемы этнографического изучения современного русского города, Там же, 1964, № 5; их же, Задачи и методы этнографического изучения культуры и быта русского городского населения (опыт изучения городов средней полосы РСФСР), Там же, 1966, № 6; их же, Использование анкетно-статистических данных при изучении города, Там же, 1968, № 3.

³ См.: Д. М. Коган, Связь городского и сельского населения как одна из проблем этнографии города, «Сов. этнография», 1967, № 4; его же, Связи современной городской семьи с сельской (по материалам анкетного обследования в г. Калуге), Там же, 1970, № 6.

вторые не имеют своего хозяйства и жилья, в селе они снимают комнаты у домовладельцев по взаимной договоренности. Эта категория населения в городе проводит не менее $\frac{1}{3}$ суток, а юноши и девушки, которые не только работают там, но и учатся — еще больше.

Ежедневные поездки в город на работу и возвращение домой — характерное явление так называемой маятниковой миграции⁴, которая имела место и в дореволюционный период. Она была, как правило, одной из форм отходничества, обусловленного большей частью малоземельем и безземельем крестьян, искавших заработка на стороне. Занятия отходников были различными. По словам жителя с. Ромоданово (близ Калуги), «в этом селе и других соседних деревнях деваться некуда было, вот и уходили в город. Кто надолго, а кто работал там каждодневно, но жить оставался дома»⁵. В Калуге крестьяне из ближних сел и деревень (Турынино, Грабцево, Ромоданово, Пучково, Некрасово и др.) работали в железнодорожных ремонтных мастерских, на железной дороге, в торговых заведениях, занимались извозом⁶.

Немало крестьян находили заработок в небольших (по численности населения) уездных городах. Так, в г. Козельске Калужской губернии крестьяне дер. Старая казачья слобода работали ломовыми или легковыми («живейники») извозчиками⁷; часть из них служила на почтовой станции. В г. Медыни Калужской губернии крестьяне близлежащих деревень работали на спичечной фабрике Зимина (изготавливали коробки для спичек)⁸, в г. Ефремове Тульской губернии нанимались в депо кочегарами, плотниками, столярами⁹, в г. Ельце Орловской губернии работали плотниками (своей артелью), на городских мельницах, на железной дороге, в лавках (приказчиками).

После Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны маятниковая миграция приобретает несколько иной характер и значительно расширяется. Это связано прежде всего с произошедшими в стране социально-экономическими изменениями. В ходе восстановления народного хозяйства часть демобилизованных из армии крестьян возобновила производственную деятельность на городских предприятиях. Заработка в городе обеспечивал существенную прибавку к доходу от хозяйства в деревне. Для отдельных групп сельских жителей, особенно для молодежи, было вообще характерно стремление работать в городе, общественная и культурная жизнь которого привлекала своим разнообразием и широтой. Так, например, уже в начале 20-х годов немало самодеятельного населения дер. Турынино работало в Калуге¹⁰.

В годы первой пятилетки, когда в широких масштабах осуществлялась социалистическая индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, численность рабочих в городах значительно возросла не только за счет сельских жителей, переехавших в город, но и тех крестьян, которые оставались жить в окружающих город селах и деревнях. Они работали главным образом на строительстве и на предприятиях-новостройках¹¹.

⁴ См.: Б. С. Хорев, Т. К. Смолина, А. Г. Вишневский, *Маятниковая миграция в СССР и ее изучение*, «Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов», М., 1970, стр. 100; Б. С. Хорев, *Проблемы городов*, М., 1971, стр. 286—326.

⁵ Полевые материалы автора, Архив Ин-та этнографии АН СССР (далее — АИЭ), ф. 1, д. 110-а, л. 885.

⁶ Там же, л. 112, 860.

⁷ Ломовых извозчиков нанимали купцы для перевозки товаров, причем переговоры о найме обычно велись в трактире или в чайной, см.: Там же, д. 110-ж, л. 9.

⁸ Там же, л. 123, 132.

⁹ Там же, д. 110-в, л. 108.

¹⁰ Там же, д. 110-а, л. 800.

¹¹ Там же, л. 190, 729; д. 110-в, л. 226.

После Великой Отечественной войны, особенно в 60-е годы, по мере строительства новых предприятий и реконструкции старых, развития торговли и общественного питания, бытового обслуживания населения, налаживания транспортного сообщения между городом и селом численность сельских жителей, работающих в городе, значительно возросла. Результаты выборочного анкетного обследования показывают, что на предприятиях и в учреждениях эта категория рабочих и служащих в среднем составляет в Ельце 3,6%, а в Калуге 7,8%. В коллективах некоторых предприятий ее доля еще выше. Так, например, в Калуге в железнодорожном депо работает 19,9% жителей сел, на машиностроительном заводе 13,6%, в пассажирском автохозяйстве 9,7%, в универмаге 9,2%.

В небольшом г. Козельске с населением около 20 тыс. человек сельские жители составляют довольно большой процент рабочих и служащих городских предприятий. Об этом свидетельствуют данные по двум относительно крупным городским предприятиям: механическому заводу и филиалу Московского швейного объединения «Большевичка». В первом — 12,4% всех рабочих и служащих, во втором 17,4%¹² — жители сел.

Преобладающая часть сельских жителей, работающих на городских предприятиях, живет в населенных пунктах, сравнительно близких к городу (от 5 до 25 км). Для поездки на работу они пользуются преимущественно рейсовыми автобусами; те же, кто живет дальше (40—50 км), — рабочим поездом.

На работу в Козельск ездят жители селений Дешевки, Прыски, Стенино, Безичи и др., находящихся в 7—25 км от города. Одни из них пользуются заводскими автобусами, другие рейсовыми. Примерно 20% сельских жителей — рабочих механического завода — летом ежедневно ездят на работу и возвращаются домой на своих мотоциклах и велосипедах, для которых около проходной завода оборудована специальная стоянка под крышей. Некоторые работницы швейной фабрики едут домой после вечерней смены вместе с мужьями, которые их встречают на мотоциклах и автомашинах. Это особенно характерно для молодых супружеских пар¹³.

Сельские жители, занятые на предприятиях Калуги и Ельца, чаще всего пользуются рейсовыми автобусами и рабочими поездами.

Для тех, кто работает в Калуге, Ельце и Ефремове в вечернюю и ночную смены или учится без отрыва от производства, позднее возвращение домой или выезд на работу (в ночную смену) затруднены, так как общественный транспорт, связывающий город с селом, работает только до 20—22 часов. В связи с этим им приходится всю неделю жить в городе у кого-нибудь из родственников или совместно (3—4 человека) снимать комнату¹⁴.

Работа сельских жителей на городских предприятиях накладывает отпечаток на все стороны их быта. Попытаемся проследить влияние города на материальную и духовную культуру и некоторые стороны быта рассматриваемой категории населения в прошлом и настоящем.

В дореволюционные годы городское влияние в наибольшей степени проявлялось в одежде. Информаторы из дер. Турынино и с. Ромоданово Калужской области сообщали нам, что их односельчане, работавшие до революции в железнодорожных мастерских Калуги, по одежде мало отличались от мастеровых-городян. Исключение составляли крестьяне, занимавшиеся извозом, которые сохраняли традиционную одежду. Приказчики же «одевались совсем по-городскому и держали себя свысока»¹⁵.

¹² Данные получены в отделах кадров предприятий. Проценты вычислены нами..

¹³ АИЭ, ф. 1, д. 110-ж, л. 2, 3.

¹⁴ Там же, д. 110-а, л. 730, д. 110-б, л. 368, 466.

¹⁵ Там же, д. 110-а, л. 797, 886.

Зимой носили большей частью теплые пиджаки, напоминающие полу пальто. Лишь некоторые крестьяне ходили в город на работу в полушубках из овчины. Из обуви «городские» предпочитали сапоги. Крестьяне, работавшие в дореволюционные годы на спичечной фабрике Зимина в г. Медыни, по рассказам пожилых жителей с. Кременское Медынского района, носили грубошерстные пиджаки, картузы и яловые сапоги; одежда же тех, кто доставлял лес на фабрику, почти не отличалась от крестьянской. Они и лапти обували, потому что «так было экономнее и сподручнее работать»¹⁶.

Пища работавших в городе сельских жителей также имела некоторые особенности: значительно чаще, чем односельчане, они покупали макаронные изделия, крупу, готовый хлеб (в будни черный, а в праздники, по-возможности, ситный и баранки).

Влияние города оказывалось и на интерьере их жилищ. Здесь можно было увидеть фотографии в рамках, бумажные цветы, кровати, застланые покупными покрывалами. Следует при этом отметить, что все это было характерно большей частью для квалифицированных рабочих, которые имели гарантированный заработок¹⁷.

Влияние города на работающих в нем сельских жителей, а через них на их односельчан, занятых сельским хозяйством, проявлялось и в росте общественного сознания. Постоянно работавшие в городе сельчане были лучше информированы о событиях, происходивших в политической жизни страны. В условиях крайне ограниченной официальной информации, поступавшей в деревню, они систематически приносили и комментировали новости. Таким образом, они во многом способствовали формированию более передовых взглядов сельского населения. Так, например, житель с. Ромоданово рассказывал: «... кто из сельских работал в Калуге в мастерских железной дороги, вроде все знали и на сходе недрко подавали голос. Мужики их поддерживали, не давали в обиду»¹⁸.

Жители примыкавших к городу сел и деревень общались с горожанами не только на производстве, но и в свободное от работы время, например в праздники. Так, например, в Медыни на масленицу устраивались катания, в которых участвовали и жители окружающих деревень, в частности те, кто работал на спичечной фабрике города (доставлял на своих лошадях лес)¹⁹. То же, по сведениям информаторов, наблюдалось и в других городах (Козельске и Ефремове)²⁰.

Общение сельской и городской молодежи на производстве способствовало в ряде случаев сближению между сельскими и городскими юношами и девушками и приводило к заключению браков между ними²¹. В таких случаях в традиционный свадебный обряд, распространенный как в городе, так и в деревне (смотрины, сватовство, своров и др.), включались чисто городские моменты: вальс молодых, которым открывалось свадебное веселье, угощение именным пряником, специальный свадебный наряд с фатой для невесты и т. д.²².

После Великой Октябрьской социалистической революции благодаря коренным изменениям в экономике всего Советского Союза, в том числе и советской деревни, введению всеобщего обязательного образования для детей школьного возраста (неполного среднего, а в дальнейшем среднего) развитию средств массовой информации (печать, радио, телевидение) и т. д. изменился сам характер взаимоотношений горожан и сельских жителей.

¹⁶ АИЭ, ф. 1, д. 110-ж, л. 124, 133.

¹⁷ Там же, ф. 1, д. 110-а, л. 698.

¹⁸ Там же, л. 889.

¹⁹ Там же, д. 110-ж, л. 125.

²⁰ Там же, л. 11, 18; д. 110-в, л. 109.

²¹ Там же, д. 110-д, л. 797, 799.

²² См.: Г. В. Жирнова, Русский городской свадебный обряд конца XIX — начала XX в., «Сов. этнография», 1969, № 1.

Сельские жители были втянуты в общий процесс урбанизации, существенные изменения претерпела вся система их ценностной ориентации, значительно расширился круг их интересов и потребностей.

Это обусловило стремление сельской молодежи работать в городе, где больше возможностей для реализации таких потребностей. Сельская молодежь практически получает здесь более широкие возможности для учебы в средних специальных и высших учебных заведениях. Работающее в городе сельское население в основной массе постепенно превращается в органическую часть городского рабочего класса и городских служащих.

Вместе с тем в развитом социалистическом обществе, в условиях нового подъема экономики и культуры близость города позволяет части сельского населения наряду с работой и учебой пользоваться культурно-бытовыми благами города.

Работающие в городе сельские жители в значительно большей степени (сравнительно с прошлым) испытывают городское влияние в области духовной культуры. Об этом говорит интерес к чтению литературы, к изобразительному искусству, новым кинофильмам, занятию спортом, туристическим поездкам и т. д. Особенно это характерно для молодежи, которая более активно, чем люди среднего возраста, втягивается в городскую общественную жизнь.

Следует отметить, что интересы рассматриваемой категории сельчан в основном ориентированы на культурную и общественную жизнь города преимущественно в рамках производственного коллектива. Производственный коллектив вообще способствует адаптации сельских жителей к жизни города, однако степень и особенности его влияния определяются во многом характером производства и структурой коллектива. На крупных фабрично-заводских предприятиях (например, машиностроительный завод в Калуге, завод «Гидропривод» в Ельце, комбинат синтетического каучука в Ефремове и др.) сельчане имеют более широкие возможности для приобретения и повышения квалификации. На таких предприятиях большую роль играют исторически сложившиеся общественные традиции. В коллективах строителей, работников транспорта и сферы обслуживания, где особенности труда в городских и в сельских условиях весьма сходны, сельские жители в меньшей степени испытывают влияние городской культуры, что объясняется спецификой производства (например, рассредоточением рабочих по различным объектам), в силу которой трудно достаточно широко развернуть общественную и массовую культурно-воспитательную работу.

Влияние города проявляется весьма заметно и в материальной культуре — в одежде, пище и жилище. Наиболее активным проводником этого влияния также является молодежь. Так, например, работница калужского ателье (жительница дер. Квань) сообщила: «... Многие работающие в городе подруги заказывают в ателье шить разные вещи. Фасоны платьев выбирают из журнала „Силуэт“ и часто сами шьют сарафан или летнее платье из хлопчатобумажной ткани. Многие из них учатся в городе на курсах кройки и шитья, а кто — вязанья»²³. Юноши, как правило, покупают готовые костюмы, в том числе и из синтетических материалов. В качестве повседневной одежды, в отличие от жителей более удаленных от города сел, они предпочитают носить вместо пиджака различные свитеры, джемперы, пулloverы и т. п. вещи фабричного изготовления или ручной вязки (последние им обычно дарят матери, сестры, жены). В качестве домашней одежды используется устаревший повседневный, а в большинстве случаев, недорогой спортивный костюм. Жители деревень Некрасово, Квань, Черносвитово и др., работающие на машиностроительном заводе в Калуге (по своей квалификации они сле-

²³ АИЭ, ф. 1, д. 110-д, л. 747.

сари и токари), считают, что «... по хозяйству дома удобнее работать в лыжном костюме и резиновых сапогах. В костюме не жарко и не холодно, а сапоги легко отмывать и чистить не надо»²⁴. Во время работы в огороде и во дворе надевают стеганую фуфайку. Ее охотно носят мужчины и женщины почти круглый год. Вместе с тем, в настоящее время широкое распространение получили куртки из непромокаемых или водонепроницаемых тканей, функции которых становятся почти универсальными. Что касается верхней одежды (повседневной и выходной), то по ней теперь очень трудно различить городских и работающих вместе с ними на одном производстве сельских жителей (особенно молодежь). Как и горожане, работающие в городе сельские жители предпочитают в основном современную модную одежду массового пошива.

Продукты питания для семей сельских жителей, работающих в городе, в значительной мере поставляет еще личное хозяйство. Благодаря ему они в основном обеспечены своими овощами и картофелем. Лишь в отдельных случаях, если семья состоит из шести-семи человек, приходится дополнительно закупать картофель и капусту для заготовок впрок²⁵. Кроме овощей, многие семьи обеспечивают себя мясом (свининой), салом, яйцами²⁶. Вместе с тем все большее распространение получают на селе и покупные продукты. Наряду с макаронными изделиями и крупами (пшено, гречка, рис) большим спросом пользуются колбасные изделия (сосиски, сардельки), сыр, творог, кулинарные полуфабрикаты (в основном котлеты), свежемороженая и копченая рыба, сельдь, рыбные консервы, кондитерские изделия.

Обед в таких семьях обычно бывает из трех блюд: первое — традиционные щи (или суп картофельный) с мясом, либо заправленные салом, второе — котлеты с кашей или макаронами (жареная рыба с картофельным пюре) и третье — молоко (реже — компот или кисель). Примерно, такой набор блюд (с некоторыми вариациями) мы встретили в 36 семьях из 47, опрошенных нами в селах Казаки и Н. Воргол Елецкого р-на и д. Некрасово Калужского р-на. Члены этих семей, работающие в городе, как правило обедают в столовой; приехав с работы, они вместо ужина съедают домашний обед.

В подавляющем большинстве таких семей непременной составной частью завтрака стали консервированные кофе или какао вместо чая, как это было прежде. Молоко пьют не только в обед, но и в ужин.

Широкое развитие в селах получило консервирование овощей, фруктов, приготовление варенья из различных (чаще всего лесных) ягод. Таким образом, пища жителей села рассматриваемой категории хотя и сохраняет еще некоторые свои особенности, теперь уже значительно сблизилась с городской.

Жилище работающих в городе сельских жителей продолжает оставаться традиционно сельским. Преобладают пятистенки или дома с притулом. Кроме того, сохраняются подсобные помещения для содержания домашних животных, хранения разного инвентаря и подвал для овощей и картофеля, который преимущественно устраивается под домом, в подполье.

Однако у этой категории сельских жителей заметно чаще, чем у их односельчан, занятых в сельском хозяйстве, проявляются тенденции, характеризующие изменения современного сельского жилища, как в планировочных решениях, так и во внутреннем благоустройстве жилья. Так, например, у них широко распространены застекленные веранды, заменившие традиционное крыльцо, разделение жилого помещения на изолированные комнаты и т. д.

²⁴ АИЭ, ф. 1, д. 110-д, л. 805, 876.

²⁵ Там же, д. 110-б, л. 457, 475; д. 110-в, л. 379.

²⁶ Там же, д. 110-в, л. 31, 131.

В еще большей степени влияние городской жизни проявляется во внутреннем благоустройстве жилья, в характере его интерьера. Как показывают наши полевые материалы (в дер. Некрасово Калужского района и др.), сельские жители, работающие в городе, при строительстве нового дома или ремонте старого переходят преимущественно на водяное отопление. Для интерьера домов этой категории сельских жителей (особенно тех, где живет молодежь) характерно наличие современной мебели фабричного производства (гардероб, диван, стулья, стол). В семьях, состоящих из двух-трех поколений, новая мебель часто сочетается со старой, кустарного производства (например, жесткий диван, табуретки, традиционный сундук и т. д.)²⁷. В убранстве жилища заметную роль играют традиционные ручные вышивки (в частности, на полотенцах), изредка встречаются вышитые панно. Следует отметить, что эта категория населения в значительно большей мере, чем другие сельские жители, используют бытовые электроприборы — стиральные машины, кипятильники, холодильники и др., облегчающие домашний труд.

Одной из характерных черт семейного уклада работающих в городе сельских жителей является взаимопомощь супружеского, занятых в общественном производстве. В равной мере эта черта характерна и для родителей и для взрослых детей. В этих семьях в меньшей степени оказывается многовековая крестьянская традиция половозрастного разделения труда. Теперь разделение труда практически обусловлено физическими возможностями: мужчины и женщины, наличием у тех и других свободного времени, занятостью их на производстве в разные смены и т. д. Мужчины, как правило, выполняют более тяжелую физическую работу — ремонт дома, заготовку топлива, уборку помещения, где содержится домашний скот; они чаще носят воду²⁸. Женщины занимаются приготовлением пищи и корма для скота, уборкой жилого помещения и стиркой, которую облегчают имеющиеся у многих сельских жителей стиральные машины. Внедрение бытовой техники вообще все более стирает условности при разделении труда между мужчиной и женщиной. Забота всех трудоспособных членов семьи — уход за придомовым участком, сбор урожая овощей. При непосредственной помощи всех членов семьи женщина-хозяйка заготовляет впрок соления, консервирует фрукты, варит варенье и т. п.

Равноправие и взаимное уважение членов семьи способствует возникновению новых семейных традиций. Так повсеместно почти в каждой семье по случаю дня рождения кого-либо из ее членов устраивается торжественный обед или ужин, дарятся подарки. Их преподносят также к 8 марта — женщинам, в День Советской Армии и День Победы — мужчинам. Детям делают подарки на Новый год²⁹. Все эти обычаи значительно быстрее и органичнее входят в быт тех семей, члены которых работают в городе.

В быту отдельных семей рассматриваемой нами категории жителей, как и у их односельчан, сохраняются и некоторые пережиточные явления. Так, например, в той или иной форме продолжают отмечать некоторые религиозные праздники, особенно престольные или годовые. Этому косвенно способствуют и родственники-горожане, приурочивая к таким дням свой приезд в гости в деревню. Инициативу в их праздновании обычно проявляет старшее поколение, молодежь же чаще всего рассматривает престольный праздник лишь как повод для встречи с родственниками. Свое религиозное значение эти праздники утратили уже для большинства жителей села.

²⁷ АИЭ, ф. 1, д. 110-а, л. 745.

²⁸ Там же, д. 110-б, л. 466, 486; д. 110-в, л. 390.

²⁹ Там же, д. 110а, л. 744, 871.

Сохранение традиционных элементов в семейном укладе, как уже отмечалось,— характерная черта быта всего сельского населения, не исключая работающих в городе. Однако последние (особенно молодежь) в отличие от односельчан, занятых в сельском хозяйстве, не только проявляют большой интерес к городской общественной и культурной жизни, но и приобщаются к ней. Как свидетельствуют наши полевые материалы, сельские жители вместе со своим производственным коллективом принимают активное участие в социалистическом соревновании на производстве, трудятся на субботниках, выписывают газеты и журналы. Преобладающее большинство сельчан предпочитает из соображений удобства и экономии времени пользоваться книгами из библиотек по месту работы даже в тех случаях, когда книжный фонд сельской библиотеки достаточно велик и разнообразен.

Сельские юноши и девушки, занятые трудовой деятельностью в городе, имеют более широкий круг знакомств среди горожан, с которыми их сближает общность интересов. Вместе с горожанами они (по завершении весенних и осенних работ на приусадебном участке и оказании родителям другой помощи по хозяйству) проводят досуг: участвуют в самодеятельности, занимаются спортом, посещают кино, концерты и т. д. В полной мере это относится к тем, кто живет от города сравнительно близко (4—5 км) или в более дальних населенных пунктах (до 25 км), но расположенных на магистральных шоссе с интенсивным движением транспорта, включая регулярные рейсы автобусов.

Возможности более широкого удовлетворения культурных запросов населения в городе являются важным стимулирующим фактором, привлекающим сельских жителей к трудовой деятельности на городских предприятиях и учреждениях. Этому, однако, препятствуют существующие пока трудности с транспортом, связывающим город с сельской местностью. Некоторая часть работающих на городских предприятиях сельских жителей стремится переселиться в город на постоянное жительство. Так, например, в Калугу в течение четырех лет (с 1967 по 1970 гг.) переселилось из д. Колюпаново 15,6% всех семей (в основном молодых супружеских), из д. Некрасово — 8,9%. Обе эти деревни не имеют прямого транспортного сообщения с городом, хотя расположены от него довольно близко.

Таким образом, сельские жители, работающие в городе, представляют собой промежуточную группу между населением сельской местности, занимающимся в основном сельскохозяйственным трудом, и горожанами. С одной стороны, она уже в значительной мере адаптировалась в городе, с другой — сохраняет еще определенные привычки и даже некоторые обычаи, связанные с традиционной крестьянской материальной и духовной культурой, обусловленной семейственно-родственными связями с селом.

П. Н. Жолтовский

**О ПРОПОРЦИЯХ В НАРОДНОМ ЗОДЧЕСТВЕ
УКРАИНСКИХ КАРПАТ**

Исследователи — этнографы и искусствоведы не раз отмечали красоту и своеобразие бойковских и гуцульских построек, их гармоническую связь с окружающей природой.

В данной статье мы попытаемся проанализировать композиционные и эстетические особенности народного зодчества Украинских Карпат. Наше исследование основано на обмерах памятников карпатской народной, главным образом бойковской, архитектуры¹. При обмерах основное внимание обращалось на те основные «генерализирующие» линии и узловые точки, которые определяли силуэт и архитектурно-художественный образ деревянных сооружений.

Такое изучение соотношений и пропорций ряда памятников традиционного народного зодчества помогает раскрыть определенные закономерности, обуславливающие эстетическое восприятие того или иного сооружения.

Сначала остановимся на пропорциях бойковской хаты — наиболее оригинального явления в народном зодчестве Украинских Карпат.

При анализе продольных разрезов бойковской трехкамерной хаты можно отметить, что взаимная зависимость ее компонентов определяется отношениями золотого сечения.

Наиболее распространены эти отношения в таких вариантах: высота хаты OS пропорциональна основанию хаты MN (рис. 1). Высота хаты OS пропорциональна линии уреза крыши CD (рис. 1, 3). Длина гребня крыши AB пропорциональна линии уреза крыши CD . Длина плеча крыши AC пропорциональна длине основания MN (рис. 1).

Равносторонний треугольник нередко выступает как основа продольного фасада хаты, причем основные точки такого треугольника выражены в реальных элементах сооружения. Вершина треугольника O совпадает с серединой гребня крыши, а стороны OP и OR пересекают по диагонали проемы трапециевидных дверей сеней и кладовой. Если линии наклонных косяков таких дверей продолжить вверх, то они пересекутся на линии гребня крыши, образуя два остроконечных треугольника, весьма органично акцентирующих основной треугольник OPR (рис. 1).

В отдельных случаях наблюдается расположение основных точек поперечного разреза хаты $OCMND$ на периферии одного и того же круга. Рассматривая поперечный разрез хаты, мы можем установить, что в ряде случаев ширина основания хаты MN находится в отношениях зо-

¹ Обмеры проведены в селах Орявчик, Лихобора, Плавье Сколевского р-на Львовской области, Либухора, Карпатское Турковского р-на той же области, Пилипец, Верхнее Студеное, Среднее Студеное, Нижнее Студеное Воловецкого р-на, Новоселица, Лисковец Межигорского р-на Закарпатской области.

лотого сечения к ее высоте OS , а высота хаты OS равняется наибольшей ширине ее профиля CD (рис. 2).

Таким образом, в основе бойковской народной архитектуры лежит развитая гармоническая система пропорциональных зависимостей, выраженных в простых и ясных взаимоотношениях.

Силуэты бойковских сооружений выразительны, по-своему динамичны, в то же время их линии мягки и живописны. Основные архитектурные массивы бойковской усадьбы — рядом размещенные хата и «стайня» — близки по конфигурации и пропорциям и хорошо гармонируют друг с другом.

Безвестные народные зодчие, как показывает наш анализ, нашли поразительное соответствие вертикальных и горизонтальных элементов,

что создает исключительную гармонию и равновесие всех компонентов сооружений.

Различие между бойковскими и гуцульскими постройками весьма существенно. Оно заключается не только в особенностях плана и строительных приемов, но и в пропорциях и эстетических соотношениях отдельных частей сооружения. Различается прежде всего высота крыши. Бойковская хата покрыта крутым соломенным конусом, в то время как гуцульская — относительно невысокой гонтовой крышей, спокойной и статичной. Массив бойковской хаты более пластичен по сравнению с массивом гуцульской хаты, больше связан с пространственной глубиной. Несмотря на отсутствие наружной побелки, на тождественность строительного материала, светотеневые компоненты по-

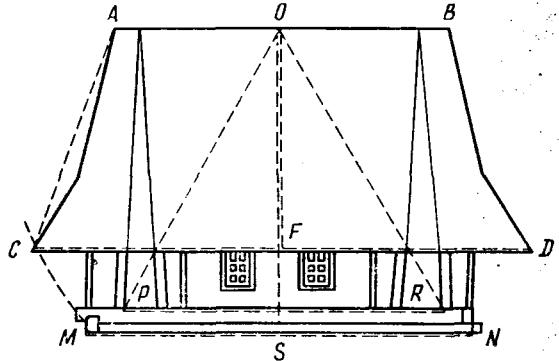

Рис. 1. Хата 1792 г., из села Орявчик Сколевского р-на Львовской области (находится во Львовском музее народной архитектуры и быта)

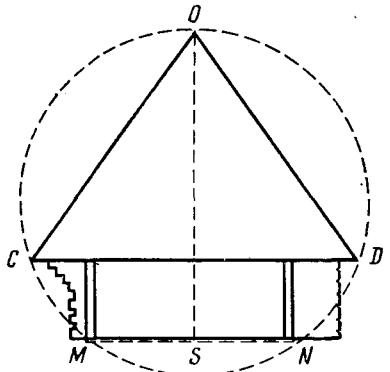

Рис. 2. Торцевой фасад той же хаты

разному выступают в бойковских и гуцульских хатах. Первые — мягки и живописны, вторые — более плоски и резки.

Формы и пропорции бойковских хат — легкие и по-своему изысканные, гуцульские же — более приземленные, с четкими, даже резкими линиями. Эта заметная разница между бойковским и гуцульским народным зодчеством при наличии очень близких климатических и атмосферных условий обусловлена особенностями хозяйства в этих частях Украинских Карпат.

Бойковские усадьбы больше приспособлены к земледельческому хозяйству, чем гуцульские. В них есть «боища» для обмолота зерна, места для складывания сжатого хлеба. Эти помещения, связанные с отсеками для содержания скота, объединены в так называемой *стайн*, по форме, а часто и по объему соответствующей хате. Хата и стайн, разделенные двором, составляют гармоничный усадебный ансамбль. Близ-

кие по своему облику хата и стайні легко соединяются в единый блок так называемой «длинной» хаты, например на западе Бойковщины и на соседней с нею Лемковщине. Поскольку у бойков больше было развито земледелие, то и кровельным материалом чаще всего служила солома. Гуцулы же при своем, в основном скотоводческом, хозяйстве использовали для покрытия своих хат более стойкий материал — дерево. Поэтому деревянная крыша гуцульского жилища может быть не такой крутой, как соломенные покрытия на Бойковщине.

Объективным, а поэтому надежным критерием при установлении различий между гуцульской и бойковской народной архитектурой может служить анализ пропорций и взаимозависимостей архитектурных компонентов гуцульской хаты.

Как правило, основные точки разреза хаты *A*, *B*, *S* укладываются на полуокружности, очерченной из точки *O* (рис. 4).

Эти очень простые пропорции в значительной мере и определяют эстетические особенности гуцульской хаты.

Очень распространенные в бойковском жилище пропорции золотого сечения, в гуцульских хатах применяются значительно реже. Они связаны главным образом с соотношениями между основными горизонтальными этих сооружений.

Широкие, спокойные линии гуцульского народного зодчества с особым силой раскрываются в комплексах гражд, неся в себе идею спокойного, разумного и уверенного освоения земли и природы. Гуцульское народное зодчество основано на виртуозном и рафинированном плотницком мастерстве.

Для гуцульской народной архитектуры характерна практическая трезвость, хозяйственная утилитарность. С этим связаны целесообразность формы, точность контуров и линий. Колористическая монолитность, обусловленная употреблением одного и того же материала — дерева — для срубов и покрытий, придает сооружениям строгое и сосредоточенное выражение. Однако их внушительные массы не оставляют тяжеловесного и мрачного впечатления.

Основные закономерности, раскрывающиеся в линейной и пространственной композиции бойковской хаты, свойственны и бойковскому народному монументальному зодчеству, широко известному своей изысканной красотой. Исследователи не раз указывали на зависимость народного монументального зодчества от крестьянского жилищного строительства. В отношении бойковской архитектуры это положение глубоко обосновал М. Драган², указавший на различные конструктивные и реликтовые элементы в бойковских храмах, свидетельствующие о том, что исходным типом для развития таких сооружений была хата.

Наши наблюдения дополняют и подтверждают положения М. Драгана и других исследователей украинского народного зодчества о генетической связи между жилищным и монументальным церковным строительством. Первое — это основа второго. Если проанализировать ряд наиболее совершенных памятников — шедевров народного монументального зодчества, относящихся к периоду от середины XVII до конца XIX в. (мы имеем в виду церкви в селах Высоцко Нижнее, Росохач, Кривка, Матков, Ростока Выжня, Турье, Исаи, Яблонка Выжна, Довгее)³, то можно увидеть, что основные композиционно-строительные принципы здесь те же, что и в народном жилищном строительстве Бойковщины.

Как и у хат, одной из главных горизонтальных линий в фасадах церквей, определяющих их облик, является прежде всего нижняя гори-

² М. Драган, Українські дерев'яні церкви, ч. I, Львів, 1937, стор. 39—51.

³ Пользуемся обмерами этих памятников, опубликованными М. Драганом в кн. «Українські дерев'яні церкви», ч. II, Львів, 1937, стор. 22, 43, 47, 48, 62, 63, 64, 83.

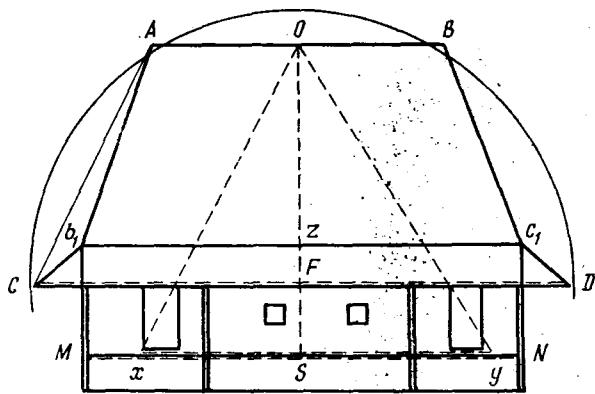

Рис. 3. Хата в сел. Лисковец Межигорского р-на Закарпатской области (вторая половина XIX в.)

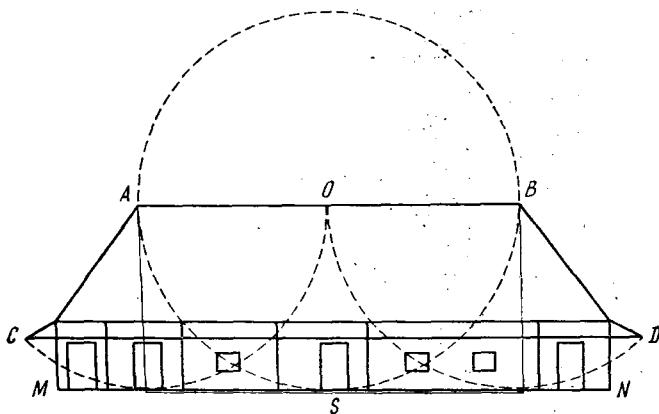

Рис. 4. Хата в сел. Брустурив Косовского р-на Ивано-Франковской области (конец XIX в.)

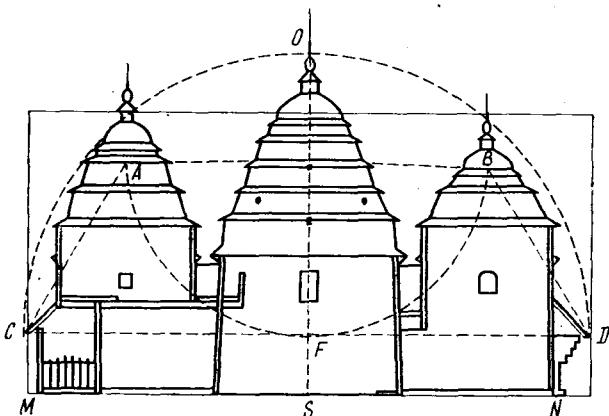

Рис. 5. Церковь 1868 г. в сел. Ростока Верхняя Сколевского р-на Львовской области

зонталь, определяющая длину стен и проходящая по линии стыка подвалин с грунтом (рис. 5).

Средняя горизонтальная линия сооружения CD — это нижний край крыши над галереей, опоясывающей всю церковь на высоте, почти пропорциональной высоте уреза крыши в хате.

Третья — верхняя горизонталь AB , соответствующая гребню крыши в хатах, в церковном сооружении, завершенном сложным, трехкупольным перекрытием, не выступает с такой отчетливостью. Все же эта линия зафиксирована в реальных компонентах, завершающих бойковские храмы. Раскрыть и определить эту линию можно на основании тех закономерностей, которые нам известны по бойковской хате, где нижняя горизонталь MN или средняя горизонталь CD определяет в пропорциях золотого сечения длину гребня крыши. Эти закономерности позволяют найти длину воображаемого «гребня» церкви. Она будет соответствовать расстоянию между осями восточного и западного купола. Такой «гребень», как и гребень хаты, будет располагаться на высоте, примерно втрое большей, чем высота, отделяющая ее основание MN от нижнего уреза крыши CD . Найти соответствующий модуль в церковном сооружении можно по высоте между нижней горизонталью MN и средней CD . Утроив ее, получим высоту, на которой должен находиться гребень хаты, между точками A и B . Соединив точки A , C , B и D , получим вписанный в разрез церкви . разрез хаты, фиксированный точками $ACMND$ (рис. 5).

В композиционной основе фасадов как церковных, так и жилых зданий важную роль играет равносторонний треугольник. Если основой такого треугольника служит нижняя горизонталь фасада MN , то его вершина совпадает с завершением основного, среднего купола. Весьма гармонично вписываются все три купола в полукруг, проведенный из центра средней горизонтали F (рис. 5). Вспомним, что крыша хаты своими основными точками $ABCD$ ложится на такой же полукруг (рис. 3).

Все сказанное выше показывает генетическую связь между архитектурной композицией бойковских деревянных храмов и композицией жилых помещений. Этническая и историческая общность восточнославянских народов призывает к поискам и раскрытию общих черт в их материальной и духовной культуре. Бойковское деревянное народное зодчество, несомненно, хранит в себе глубинные исторические традиции, восходящие к восточным славянам.

Вполне закономерно искать аналогии карпатского народного зодчества в деревянном строительстве соседних восточнославянских народов. В наших поисках мы должны обратиться в первую очередь к тем видам зодчества этих народов, которые сохранили больше традиционных черт и поэтому стоят ближе всего к традиционной культуре восточных славян, которая лежит также в основе украинского народного плотничества. К ним несомненно относится северорусское деревянное жилое и культовое строительство, а также народное зодчество украинского и белорусского Полесья. На первый взгляд, в народных архитектурных системах, характерных для этих районов, нет ничего общего кроме используемого материала и срубной техники. Жившие здесь народы, весьма отдаленные территориально, находились на протяжении столетий в весьма различных исторических, географических и климатических условиях и развивали свои, весьма различные между собой типы строительства. Однако если сравнивать композиционно-эстетические принципы, на которых основано народное строительство, то можно обнаружить большое сходство между карпатскими и северорусскими архитектурными сооружениями. Высоко оценивая красоту бойковских деревянных храмов, И. Э. Грабарь говорил, что на Бойковщине возникли те удивительные храмы-сказки, которые можно сравнивать только с их братьями.

ми храмами-богатырями русского Севера⁴. Это утверждение на первый взгляд кажется весьма смелым. Но интуиция выдающегося ученого полностью подтверждается сравнением основных композиционных принципов и приемов, свойственных как карпатскому, так и северорусскому народному зодчеству.

Начнем наше сравнение с наиболее примитивных, мелких, односрубных сооружений. На Карпатах это колибы, кладовые, клети над погребами. На украинско-белорусском Полесье такие сооружения выступают в виде различных клетей, «стебок» (обогреваемая кладовая). На русском

Севере — это амбары, бани, часовни. Фасадом этих небольших сооружений является торцовая сторона. В центре такого фасада обычно находятся двери. В плане эти здания близки к квадрату, т. е. представляют собой ту элементарную «клеть»,

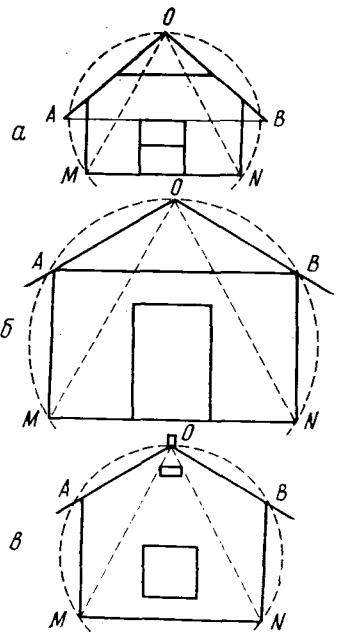

Рис. 6

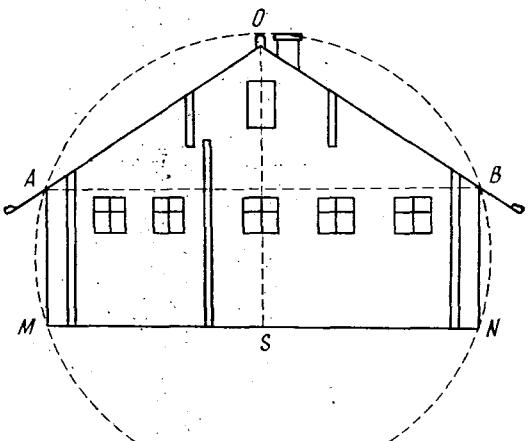

Рис. 7

Рис. 6. *a* — Клобава в Закарпатской области, *б* — клеть 1880 г., сел. Дроздин Рокитнянского р-на Ровенской области, *в* — амбар в сел. Троицкая Слобода Тотемского р-на Вологодской области (И. В. Маковецкий, Архитектура русского народного жилища, М., 1962, стр. 211)

Рис. 7. Фасад дома в дер. Кудома-Губа (в кн. В. П. Орфинский, Деревянное зодчество Карелии, Л., 1972, стр. 22)

которая лежит в основе всякого срубного деревянного строительства. Сходны и пропорции этих сооружений. Основные точки их фасада связаны с горизонталью приземелья *MN* с точками низа крыши *AB* и точкой гребня крыши *O*. Эти пять точек соединяются в симметрический пятиугольник, вписанный в одну и ту же окружность (рис. 6, 7). Такая композиция очень часто включает в себя и равносторонний треугольник *MON*, играющий, как уже говорилось, важную роль в бойковских деревянных хатах и церквях.

Нередко соотношение длины нижней горизонтали к высоте сооружения укладывается в пропорции золотого сечения. Почти всегда с этими пропорциями связаны соотношения между нижней горизонталью *MN* и плечами крыши *AO* и *OB* (рис. 6). Такие же пропорции часто свойственны фасадам северорусских жилых домов.

Композиционные приемы, применявшиеся народными мастерами Карпат в храмовом строительстве, находят свои аналогии в таких шедеврах северорусского народного зодчества, как Преображенская цер-

⁴ «История русского искусства», т. II, М., стр. 364.

ковь в Кижах, Успенская в Кондопоге и ряде других. Церковь в Кижах очень отличается размерами, планом, характером завершения и покрытий от бойковских храмов, а тем более от карпатского жилья. И все же в основе этого грандиозного сооружения лежат те же самые пропорции, что и в украинско-карпатском народном монументальном зодчестве (рис. 8). Так, отношение ширины основания храма MN к высоте SO соответствует пропорциям золотого сечения с той только разницей, что больший отрезок здесь соответствует высоте сооружения, а не его длине, как в бойковских храмах. Это объясняется значительной высотой церкви в Кижах. Затем при помощи тех же соотношений золотого сечения по ширине сооружения MN определяется размер гребня — верхней горизонтали (CD), совпадающей с линией, которой достигают стены основного корпуса сооружения, выявленной и подчеркнутой кокошниками, венчающими юго-восточный, юго-западный, северо-западный и северо-восточный простенки.

В Кижский храм также можно условно вписать разрез северного жилого дома. Чтобы найти верхнюю точку этого разреза, нужно, исходя из пропорций золотого сечения, взять отрезок MN , а из его середины из точки S восстановить перпендикуляр, который поможет найти больший отрезок. Вершина этого отрезка Z совпадает с вершиной ко-кошника под нижним рядом главок. Если эту точку соединить с точками A и B , совпадающими с нижним краем покрытия паперти, соответствующего нижнему урезу крыши над галереями бойковских храмов, и точками основания храма MN , получим пропорциям соответствующий пропорциональный отрезок AB .

Кстати, плечо крыши AZ этого вписанного в кижицкий храм силуэта связано пропорциями золотого сечения с линией основания дома MN , как это часто бывает в северорусских и бойковских домах.

Основные точки $ZAMNB$ такого «вписанного» силуэта северорусского дома лежат на одной и той же окружности, что характерно для украинско-карпатских, полесско-белорусских и северорусских деревянных торцево-фасадных сооружений.

Таким образом, генетические связи между народным жильем и монументальным зодчеством как на Карпатской Бойковщине, так и на русском Севере очевидны.

В основе северорусского и украинско-карпатского народного зодчества лежат композиционные принципы, свидетельствующие об общем творческом начале, общем художественном восприятии, вытекающем из общей этнической культурной традиции русского, украинского и белорусского народов.

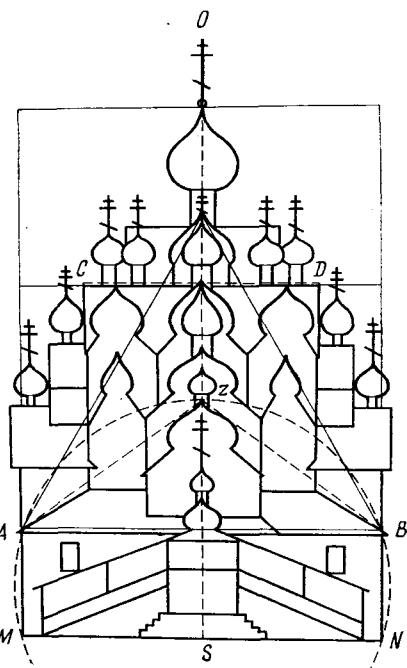

Рис. 8. Преображенская церковь в Кижах. (В кн.: В. П. Орфинский, Указ. раб., стр. 98)

⁵ В данном случае имеем в виду фасад дома в с. Клекинском Архангельской области. См.: В. П. Орфинский, Деревянное зодчество Карелии, Л., 1972, стр. 37.

А. Вишияускайте

НАДПИСИ НА ОРУДИЯХ ОБРАБОТКИ ЛЬНА У ЛИТОВЦЕВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

До последнего времени в литовской этнографической и искусствоведческой литературе существовало мнение, что единственными орудиями труда, имеющими признаки художественного оформления, являются орудия прядения и ткачества — прядка и пряслица, распряжки, отчасти рубель и валик. Искусствовед П. Галауне утверждал, что возраст сохранившихся предметов указанного назначения из-за климатических условий Литвы не превышает двух столетий (имеются орудия лишь с конца XVIII в.)¹.

Автор настоящего сообщения, исходя из анализа разнообразных по функциям, типу и форме орудий первичной обработки льна (драчок — *škuotis* — для отделения льняных головок, мялка — *mintuva*, трепало — *bruktiuvié*, чесало — *šeretys*) пришла к выводу, что названные орудия также были художественно оформлены, орнаментированы. Кроме того, в настоящее время нам известны орудия, изготовленные не в конце, а в первой половине XVIII в.

На орудиях первичной обработки льна имеются различные надписи — опознавательные знаки конкретного орудия, на что исследователи до сих пор вообще не обращали внимания.

Цель данного сообщения — показать, в какой степени орудия труда с надписями могут служить источником для изучения народного быта и культуры.

Под термином «надпись» мы понимаем различные знаки (в том числе орнамент) на орудиях труда, которые, не будучи связаны с конструкцией и производственной функцией орудия, содержат известную информацию и выполняют определенную эстетическую функцию.

В основу настоящей статьи положены материалы, собранные автором во время полевых исследований 1966—1973 гг., а также полученные в музеях Литовской ССР, Ленинграда, Риги и Львова. Автор исследовала 247 литовских орудий первичной обработки льна с надписями. Среди них 143 драчка различного типа, 57 ручных мялок, 9 трепал, 36 волокночесалок, одни козлы (*ožys*) для укрепления мялки и один крец (*krecas*).

Преобладающее большинство этих орудий сделано на северо-западе Литовской ССР, в бывшем Тельшевском уезде Ковенской губернии (так называемой Жемайтии), и лишь незначительный процент (5,6% драчков, 1,8 мялок, 11,1 трепал, 22,2% гребней) — в других районах республики. Это объясняется, видимо, тем, что Жемайтия издавна была центром льноводства.

Как показал М. Ючас в своей монографии «Разложение крепостничества в Литве», 96,5% всех крестьян Тельшевского уезда в конце XVIII в. находились на оброке². Оброчные (чиншевые) крестьяне обыч-

¹ «Литовское народное искусство. Деревянные изделия», кн. I, Вильнюс, 1956, стр. XVII.

² M. Jučas, Baudžiavos iŕimas Lietuvoje, Vilnius, 1972, p. 128.

но владели большими участками земли, чем тягловые. Основную статью их дохода составлял лен, которым крестьяне засевали $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$, ярового поля, а иногда и всю землю³. Лен крестьяне северо-западной Литвы в конце XVIII в. доставляли в латышские города Лиепаю, Елгаву, Ригу⁴. Согласно исследованиям латышского историка В. В. Дорошенко, уже в конце XVII в. 61 % льна, шедшего на экспорт через Рижский порт, составлял литовский лен⁵.

Интенсивное развитие льноводства в Жемайтии содействовало раннему появлению на данной территории усовершенствованных орудий труда и созданию более рациональной организации обработки льноволокна.

До середины XIX и отчасти до начала XX в. (когда стали применяться ручные, а затем конные льномялочные и трепальные машины) все процессы по обработке льна выполнялись вручную, большей частью по ночам. При этом крестьяне прибегали к соседской помощи, так называемой толоке (*talka*). Участники толок приносили с собой собственные орудия труда: драчки, мялки, трепала. Видимо, для того, чтобы орудия было легче опознать и произвести определенное эстетическое впечатление на односельчан, их орнаментировали и снабжали различными надписями информационного характера. Широкое распространение подобной традиции в Жемайтии в XVIII — начале XIX в., несомненно, связано с относительно более высокой грамотностью населения этой территории⁶. В одном из источников XIX в. отмечалось: «издавна каждый деревенский ребенок на Жмудь учится читать, писать, арифметике и катехизису»⁷.

Надписи, обнаруженные нами на орудиях обработки льна, интересны по содержанию и по технике исполнения. Их можно подразделить на 17 групп, но так как на многих орудиях встречаются 2—3 надписи различного содержания, целесообразно подразделить орудия на 4 укрупненные группы, сгруппировав их по следующим признакам: 1) дата изготовления, 2) инициалы владельца, 3) знак собственности, 4) орнамент. Надписи первой группы встречаются у 49% орудий обработки льна, второй — у 32,4%, третьей — у 11,7% и четвертой — у 32,8%⁸. Данное соотношение различных типов надписей дает нам право утверждать, что датирование ручных орудий (как и других предметов быта) у литовцев Жемайтии было распространено широко.

Попытавшись проанализировать орудия по времени их изготовления, мы получили следующую картину: 66,1% их относится к XIX, 29,8% — к XX и лишь 4,1% — к XVIII столетию.

Самыми ранними датированными орудиями первичной обработки льна на территории Литвы являются две чесалки 1741 и 1791 гг.⁹, трепало 1751 г.¹⁰, мялка 1781 г.¹¹ и драчок 1800 г.¹² Начиная с XIX в. датированных орудий сохранилось несравненно больше. Среди самых ран-

³ М. Жицас, Указ. раб., стр. 150.

⁴ Там же, стр. 151.

⁵ В. В. Дорошенко, Протоколы Рижского торгового суда как источник для изучения экономических связей Риги с русскими, белорусскими и литовскими землями в XVIII в., «Экономические связи Прибалтики с Россией», Рига, 1968, стр. 119.

⁶ М. Луксепе, *Lietuvos švietimo istorijos XIX a. rūgmoje pusėje*, «Pedagogikos darbai», IV, Каunas, 1970, p. 19; 87, 99.

⁷ «Святая Жмудь», «Вестник Западной России», 1865, № 8 и 9, стр. 3.

⁸ Процент вычислен от 247 орудий. Поскольку на многих орудиях имеется по нескольку знаков различного характера, вследствие чего одно орудие порой попадает во все указанные группы, сумма вычисленных процентов превышает 100.

⁹ Кретингский краеведческий музей (в последующих сносках принято сокращение: КМ — краеведческий музей), инв. № 616 (рис. 3, 1) и 5922.

¹⁰ Мажейкайский КМ, инв. № 4115 (рис. 3, 2).

¹¹ Тельшайский КМ, инв. № 6340 (рис. 1, 5).

¹² Материалы хранятся в секторе этнографии Института истории АН Литовской ССР (далее СЭИИ), д. 529, Кретингский р-н.

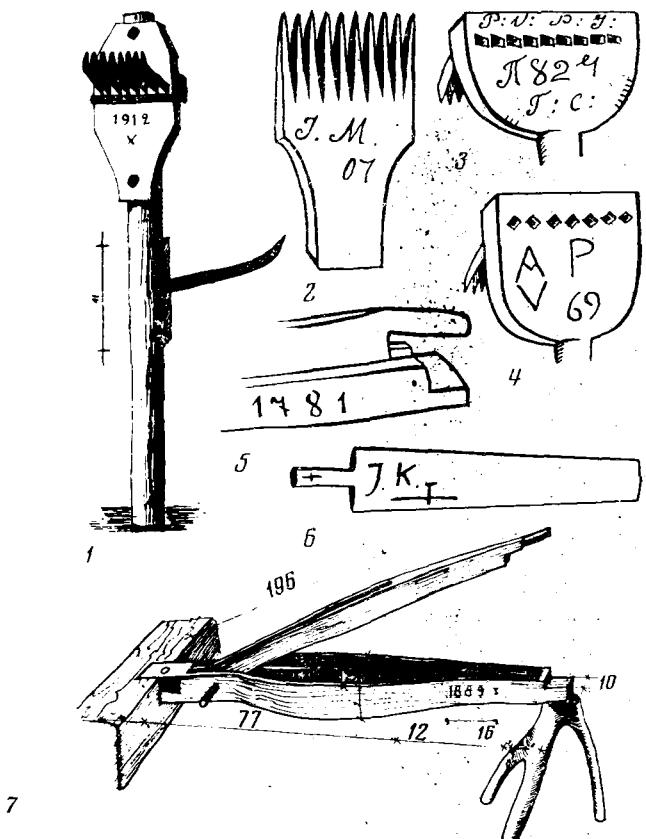

Рис. 1. Льноводческие орудия с надписями: 1 — столбовой драчок, 2 — бросальница, 3, 4 — драчок с рукояткой, 5 — фрагмент мялки, 6 — трепало, 7 — мялка

них следует назвать две волокночесалки 1806 г.¹³ и бросальницу (*brauktuvai*) 1807 г.¹⁴ Наибольшее число сохранившихся датированных орудий относится ко второй половине XIX в. По-видимому, после отмены крепостного права крестьяне стали обновлять свой хозяйственный инвентарь. С появлением в конце XIX — начале XX в. льномяльных и льнотрепальных машин роль ручных орудий, в первую очередь мялок, уменьшилась, изготовление их сократилось.

Среди датированных орудий выделяются своими палеографическими особенностями предметы XVIII — начала XIX в. Единица, чаще всего обозначающая тысячу (а иногда имеющая и другое значение), пишется как русские большие рукописные буквы Л и П (рис. 1, 3, рис. 3). Аналогичные надписи встречаются в Литве на постройках¹⁵, мебели, колоколах¹⁶, на кафелях¹⁷, а также в рукописных документах того времени¹⁸. Литва в данном отношении не является исключением: известны

¹³ Кретингский КМ, инв. № 5471 и 6147.

¹⁴ Вильнюсский художественный музей, инв. номер отсутствует. Орудие из Шилтского р-на (рис. 1, 2).

¹⁵ I. Butkevičius, Nauji duomenys apie XVIII a. žemaičių valstiečių pastatus, «Iš lietuvių kultūros istorijos», III, Vilnius, 1961, p. 159.

¹⁶ Медный колокол на кладбище Упина (Шилальский р-н) с датой — 1732 год.

¹⁷ Керамический кафель с датой — 1791 год. См. O. Navickienė, Rešieji dailės ekspedicijos radiniai, «Muziejai ir paminklai», Vilnius, 1967, p. 78.

¹⁸ Рукопись от 1751 г. «Объяснение прав правителей Биржайского имения», Биржайский КМ, ф. 8, д. 2299, л. 1, 2; Инвентарь Скуодасского имения от 1774 г., ЦГИА, ф. 525, оп. 8, д. 841, л. 52.

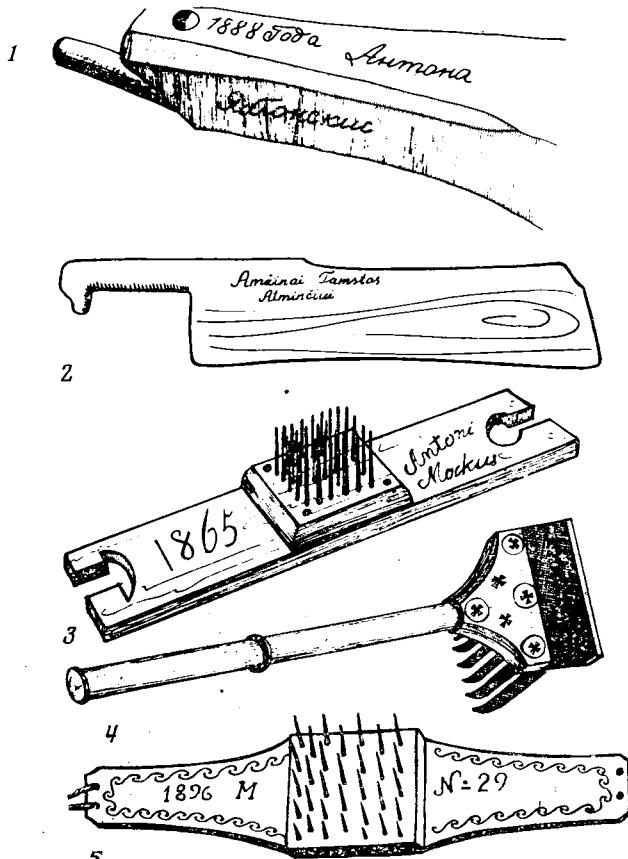

Рис. 2. Надписи на било мялки (1), трепале (2), чесалке (3, 5), драчке (4)

записанные таким же образом даты на постройках XVII в. в Австрии¹⁹, на досках для стрельбы XVII в. в Чехословакии²⁰, на надгробных досках XVIII — начала XIX в. в Закарпатье²¹.

Обозначение начальной единицы в датах подобным образом характерно для скорописи европейского барокко.

В датах-надписях XIX в. иногда первые две цифры, обозначающие тысячелетие и столетие (рис. 1, 2, 4)²², так же как и нули, заканчивающие числа²³, опускаются. Подобные пропуски известны и на гончарных изделиях XIX в. в Закарпатье²⁴.

Часто рядом с датой стоит латинская буква *M* или *R*. Это сокращенное литовское слово *metai* или польское *rok*, т. е. год. Характерно, что в самой ранней надписи на чесалке 1741 г. имеется буква *M*. Это гово-

¹⁹ G. Magesch, Die verzierten hölzernen Stubendecken des oberen Piachtales, «Österreichische Zeitschrift für Volkskunde», Wien, 1972, neue Serie, Bd XXVI, Hf 3/4, S. 181.

²⁰ L. Kupz, Naivni malba tří století, Brno, 1972, S. 11.

²¹ Надписи на могилах Катерины Яблонской (1806 г.) и епископа Сераковского (1760 г.) в Латинском соборе во Львове.

²² Бросальница «[18] 07» — Вильнюсский художественный музей, без №; драчки «[18] 57» и «[18] 62» — Шилутский КМ, инв. № 4690 и 4689; драчок «[18] 92» — Историко-этнографический музей ЛитССР, инв. № 5869.

²³ Драчок «185 [0]» — Кретингский КМ, инв. № 1723/1; драчок «1800», Сектор этнографии Ин-та истории АН Литовской ССР (далее СЭИИ), д. 529.

²⁴ Надпись на дне глиняной посуды «[1] 894 SOKOL» Гос. музей этнографии и художественного промысла АН УССР, (Львов), инв. № ЕП 44620.

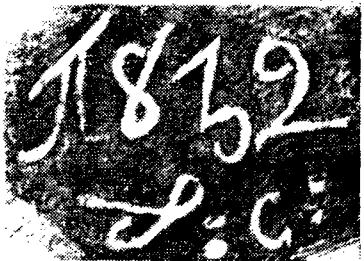

Рис. 3. Факсимиле надписей: 1, 3, 5 — на чесалках, 2 — на трепале, 4, 6 — на драчках

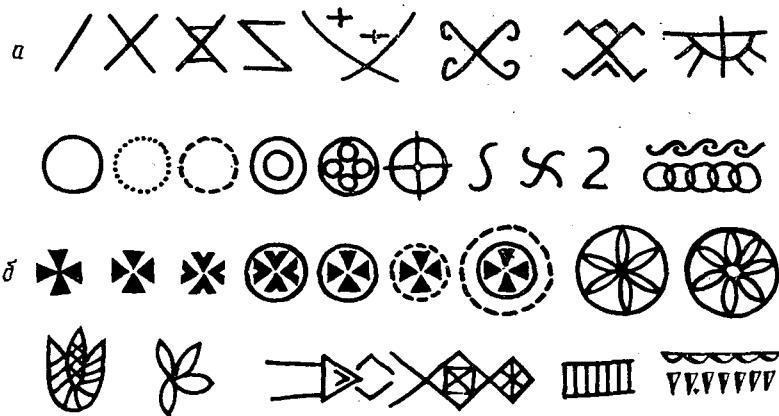

Рис. 4. Изображения, встречающиеся на орудиях: *a* — знаки собственности, *b* — мотив орнамента

рит о литовском происхождении данного орудия и свидетельствует о том, что в то время в Литве уже имелись волокночесалки с железными зубьями.

Даты на орудиях размещены по-разному: в одних случаях все цифры даны вместе, в других — разделены на две группы. Последний вариант встречается чаще всего на чесалках.

На некоторых орудиях, кроме даты изготовления (года, месяца и дня) имеются и другие цифры, например номерной знак (рис. 2, 5). Им обозначался порядковый номер орудий одинакового назначения, изготовленных ремесленником в текущем году (подобно тому, как в той же

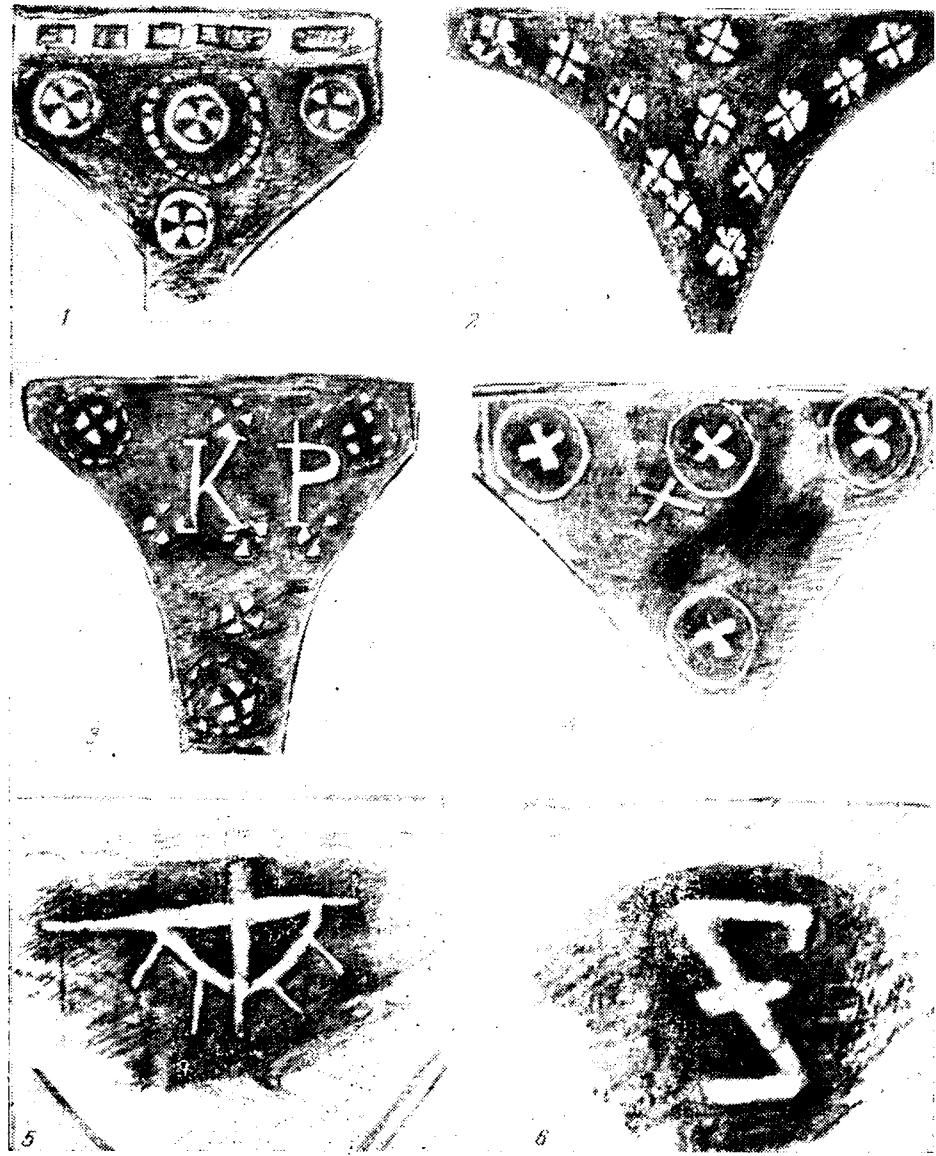

Рис. 5. Факсимile надписей на драчках: 1, 2 — орнамент «кошкina лапа» в комбинации с кругом, 3 — орнамент и инициалы владельца (вторичная надпись), 4 — орнамент (крестики в кругу) и знак собственности (вторичная надпись), 5, 6 — знаки собственности (семейные знаки)

Жемайтии нумеровалась деревянная обувь)²⁵. Иногда номерной знак являлся порядковым номером орудий одного назначения, имевшихся в хозяйстве.

Орудия с номерными знаками, как правило, были хорошей работы, обильно орнаментированные. Мы полагаем, что они изготавлялись местными мастерами-ремесленниками по заказу крестьян для приданого дочерям, а также для подарков.

На 32,4% анализируемых орудий имеются инициалы, а иногда имя и фамилия владельца. В тех случаях, когда предмет изготавлялся по

²⁵ V. Milius, Kaimo amatai, «Lietuvių etnografijos bruožai», Vilnius, 1964, p. 161.

заказу, фамилия или инициалы заказчика компоновались с орнаментом и выполнялись одной и той же техникой. Если же инициалы наносились на приобретенное на базаре орнаментированное орудие, они выполнялись другой техникой, например орнамент — выжигом, инициалы — за-рубкой (рис. 5, 3).

В этом случае инициалами обычно повреждается композиция орна- мента, так как инициалы заходят на орнамент.

Инициалы писались заглавными, чаще рукописными буквами. Точ- ка после них часто отсутствует. В некоторых экземплярах начала XIX в. на месте точки стоит двоеточие (рис. 1, 3; 3, 4).

Имя и фамилию владельцев орудий, как правило, писали в имени- тельном падеже в форме местной разговорной речи. Так, например, на одной мятке встречается надпись «Антонас Яблонскис» (литератур- ная форма — Антанас) (рис. 2, 1), на чесалке — «Вона» (вместо Она). Форма имен, зафиксированных на орудиях, дает возможность опреде- лить ареал бытования этих орудий. Так, имя Адвертас (вместо Эдуар- дас) на чесалке указывает на ее восточное (аукштайское) происхож- дение.

Особую группу составляют орудия со знаками собственности. Наи- более часто среди них встречается крестик (рис. 4, а) (кстати, крести- ками подписывались неграмотные крестьяне даже в XX в.). На неко- торых орудиях с побережья Балтийского моря (окрестности Клайпеды, Шилуте и др.) знаки собственности довольно сложны (рис. 4, а). Они, как полагают некоторые исследователи, отражают древнюю традицию западных литовцев употреблять вместо подписи семейный знак²⁶. По- скольку один и тот же знак иногда повторяется на нескольких оруди- ях²⁷, его действительно можно причислить к разряду семейных.

Имеется несколько орудий с надписями, в которых отразились от- дельные памятные события и некоторые бытовые традиции. Так, над- пись на одной из чесалок Тельшайского краеведческого музея (инв. № 12951) в русском переводе гласит: «Георгий Буткевич Год польский 1831» (рис. 3, 5). В указанном году в Литве произошло восстание, из- вестное в литературе под названием польского освободительного. Судя по надписи на чесалке, найденной в окрестностях с. Вардува Плунге- ского р-на, это восстание имело определенный отзвук среди местного населения.

Известно, что у литовских крестьян было принято дарить именинни- ку изделия собственной работы. По-видимому, мужчины в подобных случаях преподносили женщинам среди других подарков и орудия тру- да. На одном из трепал, например, написано: «На вечную память Вам 18 декабря 1925 г.»²⁸. Изображение сердца и цветка тюльпана на мятке 1844 г.²⁹, вероятно, свидетельствует о том, что она изготовлена для лю- бимой девушки. Можно предположить, что парень по имени Эдуардас (на аукштайском диалекте — Адвертас) вырезал свое имя на ручке чесалки, подаренной им любимой девушке, чтобы сохранить память о себе. Имя было вырезано в том месте, которого должна была во время рабо- ты касатьсяся рука девушки³⁰. На другой чесалке имеется надпись «1914 7 25 VONA»³¹. Дата свидетельствует о том, что данное орудие было по- дарено женщине по имени Она накануне ее именин (26 июля — день св. Анны), а форма имени — о том, что это произошло в Жемайтии.

²⁶ См. J. Tatoris, Klaipėdiečių ženklai, emblemos ir vėjarodės, «Mokslas ir gy- venimas», 1973, № 1, p. 49.

²⁷ Драчки — Шилутский КМ, инв. № 578 и 604.

²⁸ Кулишкский КМ, инв. № 1031: «Amžinai Tamstos Atminčiu 1925 m. 18. G.» (рис. 2, 2. Дата изготовления на оборотной стороне).

²⁹ Шилутский КМ, инв. № 571.

³⁰ СЭИИ, д. 415, рис. 32, Швенчёнский р-н.

³¹ Тельшайский КМ, инв. № 9240.

Орудия-подарки почти все орнаментированы. 65,6% исследованных нами орудий льноводства украшены орнаментом; при этом у 32,8% орудий он сочетается с различными надписями. Орнамент очень часто встречается на драчках, и крайне редко на мялках. Это объясняется тем, что драчки, покупавшиеся на базарах, обычно изготавливались ремесленниками, мялки же крестьяне делали сами.

Излюбленными мотивами орнамента были геометрические фигуры: круги разной величины (обычно 1,5—2 и 3 см диаметром), треугольники, крестики, звездочки, змейки (спирали) в различных комбинациях (рис. 4, б). Заслуживает внимания тот факт, что многие из этих мотивов повторяют орнаменты литовских металлических и керамических изделий XII—XVI вв.³²

Надписи на орудиях выполнены различной техникой: 1) выжиганием при помощи специально нагретых клейма или проволоки, 2) контурной резьбой, выполненной ножом, 3) глубокой насечкой, 4) сквозной прорезью, 5) рельефной надрубкой и 6) накалыванием иглой. Наиболее ранние образцы техники выжигания (1791 и 1806 гг.) — надписи на чесалках (рис. 3, 3). Эта техника особенно характерна для середины и третьей четверти XIX в. Ею выполнен 51,5% надписей на драчках, 14,1% — на волокночесалках и 1,8% — на мялках. Техникой выжигания клеймом пользовались только в северо-западной части Литовской ССР (Кретингский, Тельшяйский, Плунгеский, Скуодаский районы). Техника накалывания иглой на железной оковке чесалки была распространена на территории современного Клайпедского района. Нам встретились лишь три изделия (два 1823 г. и одно 1940 г.), украшение которых было выполнено данной техникой³³.

Надписи на орудиях труда чаще всего выполнялись техникой нареза контурной линией и глубокой насечкой. Судя по исследованиям венгерских этнографов³⁴, техника нареза ножом на дереве — самая распространенная в крестьянском искусстве. Технику выжигания обычно применяли ремесленники-кузнецы. Таким образом, техника выполнения надписей дает возможность судить, кем сделано орудие — крестьянином или ремесленником.

Бытование в той или иной местности нескольких орудий, идентичных по художественному оформлению, наряду с наличием на них номерных знаков свидетельствует о том, что уже в XVIII — начале XIX в. ремесленниками было наложено изготовление необходимых для крестьян орудий для ручной обработки льна.

В заключение следует подчеркнуть, что наряду с формой, конструкцией, функцией изучаемых предметов этнографам и музееведам необходимо учитывать все особенности их художественного оформления, ибо они помогают нам понять духовную жизнь создателей материальной культуры.

³² I. Mulevičienė, Pūodų ženklai Lietuvos teritorijoje XII—XVI amžiais, «Труды Академии наук Литовской ССР», сер. А, 1970, № 1, стр. 135—144.

³³ Клайпедский КМ, инв. № 728, 42 702; Шилутский КМ, инв. № 712.

³⁴ Klára K. Csilléry, Ungarische Bauernmöbel, «Ungarische Volkskunst», IV, Budapest, 1972, o. 26

З. Д. Титова

ДНЕВНИК Т. КЕНИГСФЕЛЬДА — ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В. ПО НАРОДАМ СИБИРИ

Этнографическая литература небогата изданиями первоисточников. Поэтому каждый новый материал, обогащающий ее, заслуживает самого пристального внимания.

В настоящей статье речь пойдет о рукописи «*Voyage de Koenigsfeld et Delisle à Béresof*» (1740 г.) из архива Всесоюзного Географического общества СССР, которую до настоящего времени не использовали этнографы-сибиреведы¹.

Рукопись была принесена в дар обществу князем И. А. Долгоруковым в 1849 г. Она состоит из двух частей: «Дневника путешествия» и «Корреспонденции» (то и другое на французском языке). Для этнографов интерес представляет «Дневник». Из текста (л. 17) выясняется, что автором его был студент Географического департамента Академии наук Тобиас Кенигсфельд. Имя это малоизвестно в литературе. Лишь в двух работах приведены биографические сведения о Кенигсфельде². Его родители были выходцами из Лифляндии, а сам он родился в Вологде в 1716 г. Т. Кенигсфельд закончил университет в Галле со степенью кандидата математики. Прибыв в 1736 г. в Петербург, он был зачислен в «Географическое бюро» Академии наук, где вычерчивал карты под руководством академика Н. И. Делиля. В 1740 г. Делиль поехал в Березов для наблюдения за прохождением Меркурия через солнце. Его сопровождали 18 помощников, в том числе Т. Кенигсфельд. Сведения об этом путешествии впервые были опубликованы на французском языке только 39 лет спустя³. В начале XIX в. полные сведения были опубликованы в журнале «Новости литературы»⁴. И только в 1865 г. появилась большая работа, посвященная путешествию Делиля⁵. Автор ее, П. П. Пекарский, освещает весь ход подготовки экспедиции, ее проведение и результаты, объясняя при этом причины разрыва Делиля с Академией наук и его отъезда на родину. Известно, что Делиль увез все материалы, хотя обязан был оставить их в Академии. П. П. Пекарский установил, что в основе первой публикации («*Extrait...*») лежит рукопись, хранящаяся в Морском архиве в Париже.

¹ Архив Всесоюзного географического общества СССР, ф. Б-30.

² «Материалы для истории Академии наук», т. 3, СПб., 1886, стр. 41, 715—718; т. 4, СПб., 1887, стр. 18, 540, 626—628, 740; т. 5, СПб., 1889, стр. 5, 129, 131—139, 245, 246, 251, 260, 261, 275, 276; А. И. Андреев, Сибирские зарисовки первой половины XVIII в., «Летопись Севера», 1949, № 1, стр. 125.

³ «*Extrait d'un voyage fait en 1740 à Bérezow en Sibérie aux dépens de la Cour Impériale par M. De l'Isle, doyen de l'Académie de Pétérbourg pour y observer le passage de Mercure sur le disque du Soleil et du journal de M. Koenigsfeld, qui l'accompagnait*», «*Histoire générale des voyages*», Amsterdam, 1779, vol. 24.

⁴ В. Берх, Путешествие астронома Делиля и проф. Кенигсфельда из С.-Петербурга в Березов, «Новости литературы», СПб., 1823, кн. 4, № 14, стр. 1—11; № 15, стр. 17—27; № 16, стр. 33—36 (этнографические сведения здесь отсутствуют.—З. Т.).

⁵ П. П. Пекарский, Путешествие академика Н. И. Делиля в Березов в 1740 г., «Записки Академии наук», т. 6, СПб., 1865, прил., стр. 1—74.

Возникает вопрос, как связана рукопись Архива Географического общества со всем рукописным наследием Делиля. На этот вопрос отвечает В. Я. Струве⁶, установивший, что «Дневник» и копии двух писем представляют собой недостающую часть собрания рукописей Делиля, находящегося в Морском архиве. Что же касается опубликованного описания путешествия в Березов («Extrait...»), то при сопоставлении с текстом рассматриваемой рукописи видно, что оно представляет собой смесь выписок Делиля с некоторыми подробностями из «Дневника» Кенигсфельда. При этом в «Extrait...» опущены любопытные сведения, касающиеся истории России.

«Дневник» Кенигсфельда, хранящийся в Географическом обществе,— не подлинник. Как видно из примечания, он был первоначально написан по-немецки⁷ и позднее переведен на французский язык для Делиля самим Кенигсфельдом. Но перед нами, вероятно, и не оригинал французского перевода, а копия с него, возможно, сделанная самим Делилем. В пользу такого предположения говорят, во-первых, многочисленные поправки в тексте — замена многих французских слов и выражений более точными, а во-вторых, сходство почерка, каким написано имя Делиля, с его собственноручной подписью.

«Дневник» путешествия начат 28 февраля 1740 г. и доведен до 12 января 1741 г. К нему приложены рисунки, которые также представляют собой копии и не отличаются высокими художественными достоинствами. Тем не менее они дают представление об изображенных на них предметах.

Для этнографа Сибири дневник Кенигсфельда интересен прежде всего тем, что в нем можно найти, хотя и немногочисленные, сведения о жизни некоторых народов Западной Сибири; он также содержит большой материал о языках хантов, манси и отчасти цензев.

Автор «Дневника» во время своего путешествия встречался с представителями различных народов Западной Сибири. Первыми были манси (вогулы), жившие в селе Богульском в 14 верстах от р. Тавды. Они, как отмечает Кенигсфельд, внешне похожи на калмыков, живут в глухих лесах и очень бедны. Путешественник заинтересовался языком манси и записал около 30 слов (л. 12).

Далее путь Кенигсфельда лежал через земли тобольских татар. Он сделал зарисовку внутренней части одной из татарских юрт, посетил татарскую усадьбу и дал подробное ее описание (л. 71).

Больше всего в «Дневнике» интересных наблюдений над жизнью хантов (остяков). И хотя сведения эти фрагментарны и касаются только материальной культуры и языка, о них все же стоит рассказать.

Напомним, что этнографические источники о хантах первой половины XVIII в. весьма незначительны. Следует назвать прежде всего сообщения пленных шведских офицеров Ф. И. Страленберга, лейтенанта Мартина, И. Б. Мюллера, сосланных в разные города Западной Сибири, труд Гр. Новицкого «Краткое описание о народе остыцком 1715 г.» (Новосибирск, 1941); записи пленного польского полковника Людвига Сеницкого (L. Sienicki, Dokument osobiwego miłosierdzia Boskiego..., Wilnie, 1754) и, наконец, сведения, сообщенные первым путешественником по Сибири Д. Г. Мессершмидтом.

Дневник Кенигсфельда содержит данные, которые отсутствуют в упомянутых работах. Поэтому он является ценным дополнением к этим источникам.

⁶ В. Я. Струве, О рукописи астронома Делиля, принесенной в дар Русскому географическому обществу членом онаго князем И. А. Долгоруковым, «Записки Русского географического общества», кн. 3, 1849, стр. 50—67.

⁷ По утверждению А. И. Андреева, немецкий оригинал «Дневника» не сохранился. См. А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири XVIII в. (первая половина), М.—Л., 1965, стр. 71.

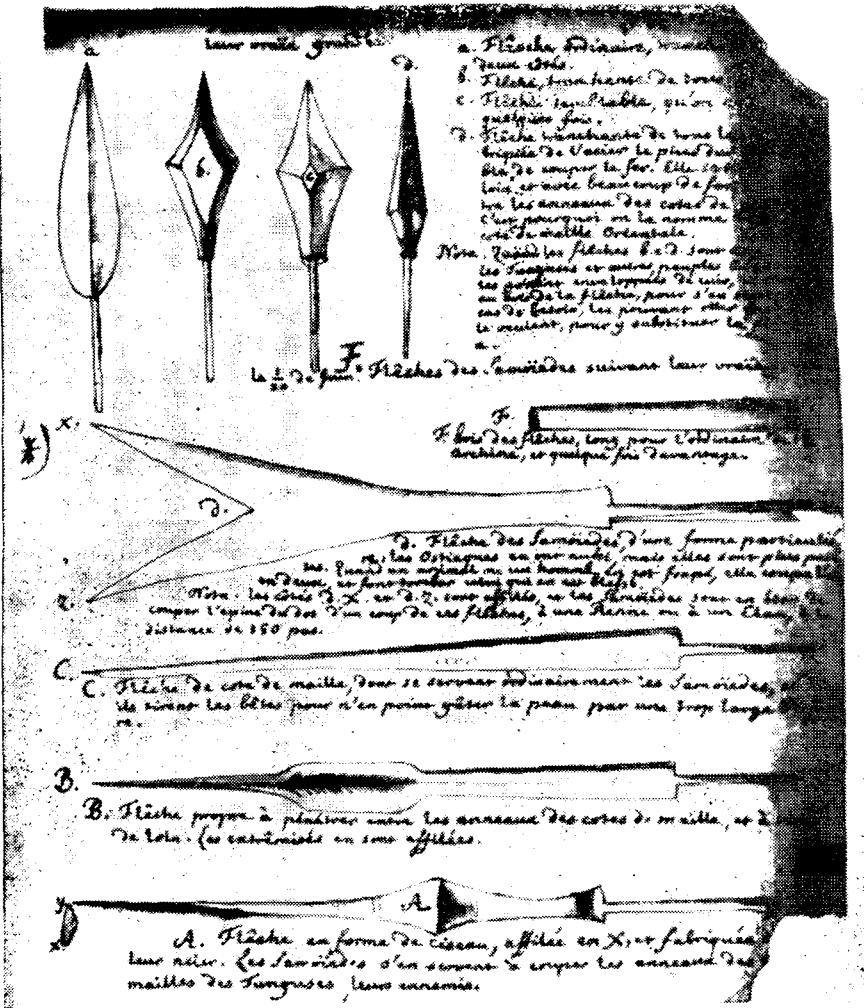

Рис. 1. Наконечники стрел некоторых сибирских народов

Уже на первых этапах своего путешествия, направляясь 22 марта 1740 г. из Тобольска в Березов, Кенигсфельд познакомился в Филинском погосте с хантом-охотником. Внимание путешественника привлек лук длиной в семь футов и колчан со стрелами. Стрелы имели довольно грубые железные наконечники. Выделялась стрела с маленьким конусообразным куском дерева на конце. Ею ханты пользовались во время охоты на белок, чтобы не портить их шкурки. Стрелы хантов напомнили Кенигсфельду «самоедские стрелы», но были несколько меньших размеров (л. 18).

В рукописи мы находим любопытный рисунок (см. рис. 1), на котором изображены наконечники стрел некоторых сибирских народов — эвенков (тунгусов), ненцев (самоедов) и хантов (остяков). На рисунке вверху нарисованы стрелы эвенков «соответственно их истинному размеру»: *a* — обыкновенная стрела с наконечником, заостренным с двух сторон; *b* — стрела с наконечником, заостренным со всех сторон; *c* —

Le 15 Septembre
26

*Fille Ostiaque de
20 ans, portant à la
main un Boucan
plein d'os et d'osseaux
pour les vendre.*

- a. Linge blanc.
- b. Cannette blanche.
- c. Bande rouge.
- d. Juppa blanche avec des ornements blancs.
- e. Boucan.
- f. Passerelle mince.

Рис. 2. Остяцкая девушка в костюме, сшитом из ткани

такая же стрела, иногда отравленная; *d* — стрела с наконечником, заостренным со всех сторон, сделанным из самой твердой стали (им можно резать железо). Стрелу с таким наконечником пускают с очень большого расстояния; она пробивает кольчугу и поэтому называется «стрелой для восточной кольчуги».

Отравленные наконечники стрел типа *b*, *c* и *d* эвенки и другие народы носят завернутыми в кожу.

Ниже изображены стрелы ненцев также «соответственно их истинному размеру»: *F* — древко стрелы обычно длиной 1,5 аршина, а то и больше; *d* — стрела ненцев особой формы; ханты имеют такие же (отмечено знаком *), но меньших размеров. Когда такие стрелы попадают в животное или человека, они разрезают кость надвое. Стороны наконечника — *dx* и *dz* — заострены и способны рассечь позвоночник олена или лося одним ударом на расстоянии 150 шагов. *C* — стрела, которой ненцы обычно пользуются при охоте на животных, чтобы не портить

шкуру слишком широкой раной. *B* — стрела, способная проникнуть между колечками кольчуги. Ею можно стрелять издалека, концы ее наконечника сильно заострены. *A* — стрела в форме долота, наконечник, заостренный со стороны *x*, изготовлен из лучшей стали. Ненцы пользуются такими стрелами, чтобы срезать колечки кольчуги эвенков, своих врагов».

В двух верстах от Филинского погоста Кенигсфельд встретил ханта, который шел на охоту, держа в руке лук из твердого дерева и палку; к правому плечу у него был привязан коблан из оленьей кожи, наполненный стрелами. Внимание путешественника привлекла палка-посох, напоминающая нашу лыжную. К нижнему ее концу был привязан деревянный круг с пропущенными через отверстия ремнями, с тем чтобы палка не увязала в снегу. На противоположном ее конце находилась лопатка, которая служила для разгребания снега, когда охотнику приходилось ночевать в лесу. Отметим, что такой палкой ханты пользовались очень широко. На ногах охотника были лыжи, обтянутые оленьей кожей (*wil-sog*) (л. 19).

Ханты из Калпатского погоста показали Кенигсфельду «забавную машину», с помощью которой они ловили белок и горностаев. Она была сделана из дерева и конского волоса и напоминала арбалет — старинное ручное метательное оружие в форме лука (л. 57).

По дороге в Березов, недалеко от Сарнаровского погоста, Кенигсфельд видел нарты, запряженные пятью собаками. Туловище каждой собаки было обернуто ремнем, который веревками прикреплялся к нартам. Сами нарты, очень крепкие и легкие, были сделаны из ивовых прутьев. На них ханты совершали все свои переезды.

В Березове Кенигсфельд видел нарты (*wil-ogol*), в которые были запряжены олени. В своем «Дневнике» он пишет, что управляли оленем при помощи веревки, привязанной к его рогам. Однако эти сведения ошибочны, так как управляли оленьей упряжкой при помощи хорея, им также погоняли оленя.

Далее Кенигсфельд рассказывает о жилище хантов. Он отмечает, что в каждой юрте был очаг, в котором все время горел огонь. Однако дыма, которого так много в жилище татар и даже русских, здесь не было. В крыше ханты делали отверстие примерно в 1,5 фута диаметром, заменившее окно в юрте — через него проходил дневной свет; на ночь его закрывали тальником. Вечером в юртах зажигали светильники, фитиль которых был сделан также из волокон тальника и обильно смочен рыбьим жиром. Вдоль стен юрты на расстоянии примерно фута от земли стояли нары, пяти-шести футов шириной. На них лежали циновки из разноцветных тростниковых рогож с подушками, набитыми птичьими перьями. На стенах над нарами висели такие же рогожи, раскрашенные в темные цвета. Иногда циновки и подушки покрывали шкурами выдры, выкрашенными в красный цвет. Если несколько семей проживало в одной юрте, ее делили на несколько частей по числу семей (л. 23, 24).

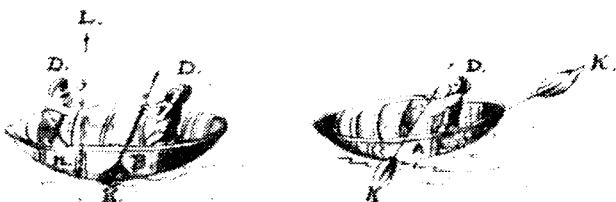
Интересно сообщение Кенигсфельда об одежде хантов. Чаще всего они шили ее из рыбьей кожи, причем чешую не счищали (*panning-sog*). Женщины окрашивали свой костюм в огненно-желтый или красный цвет при помощи сока растений. Зимой и летом женщины и мужчины носили также одежду из шкур выдры. Однако, сообщал Кенигсфельд, ханты все чаще начинают одеваться на русский манер и шить одежду из полотна, китайки и других тканей. На рис. 2 изображена осяцкая девушка 20 лет, которая несет для продажи бурак (по местному *туес*) с яйцами. На девушке голубая кофта, подпоясанная красной лентой, и голубая юбка с белым рисунком; на голове у нее белая полотняная повязка, на ногах — черные туфли.

Основной пищей хантов, по свидетельству Кенигсфельда, была рыба, главным образом карась. Но ловили они и больших рыб: осетра, нельму

le 28 de Mai

Vie des Champs ou Canots d'Ostiaques, sur l'Oby,
avec deux Menes ou Ostiaques qui rament.

1er XXIII. 7 34

A. Ostiaque, à genou comme à l'ordinaire, et rameur sur une eau tranquille.
 B. Deux Ostiaques nageant devant un banc d'algues, pour aller prendre du poisson.
 D. L'apareil nommé Kue dans leur langue qu'ils l'utilisent pour la pêche quand il y a
 une eau très turbide. Leur fondement la profondeur de l'eau. Il pêche avec une
 longue ligne sauvage.

Рис. 3. Лодки хантов («верейки»)

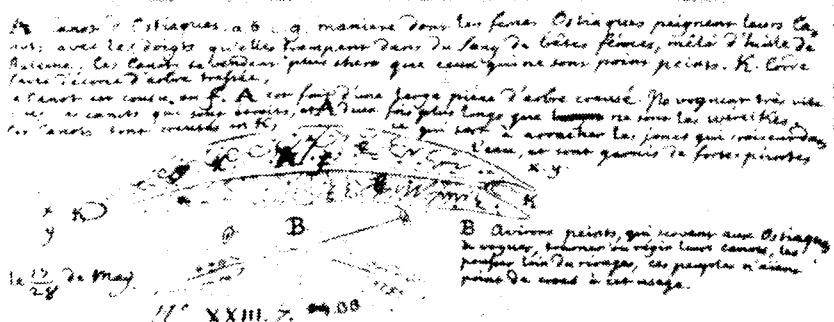

Рис. 4. «Дорогая» лодка, сделанная из выдолбленного дерева

и др. Из рыбьих кож, сшитых вместе, изготавливали мешки, окрашивали их в желтый цвет и использовали для различных нужд (л. 36, 37). Ханты употребляли в пищу также мясо диких гусей и уток. Ловили дичь сетями (вероятно, это сеть-перевес, которая была известна хантам), протягивая их между деревьями над маленькими ручьями, куда залетали птицы. Если охотнику везло, то в сети попадалось от 80 до 150 птиц одновременно (л. 42). Часть пойманных птиц обменивали на табак. Ханты большие любители табака. За два табачных листа они отдавали полдюжины, а то и дюжину уток и гусей, а иногда и шкурку дорого зверька. От курения ханты сильно пьянялись. Курение применяли и как рвотное средство. Для этого брали в рот воду, а потом затягивались табачным дымом. Трубки хантов представляли собой четырехугольный, выдолбленный камень, в который был вделан деревянный мундштук длиной в фут, обтянутый кожей. Когда табак кончался, курильщик разбирал трубку, выскребал то, что накопилось внутри нее, и вновь набивал трубку (л. 20).

Любопытные данные сообщает Кенигсфельд о лодках хантов. Обычные лодки, которые русские называли верейками, были очень невелики, длиной не более 7 футов, шириной 2 фута. Они с трудом вмещали двух человек, причем гребец всегда стоял на коленях. На рис. 3 изображены такие лодки. В одной человек гребет, стоя на коленях; в другой два

человека, один гребет веслом, стоя на коленях, а второй измеряет глубину реки. На лодке кровью диких зверей нанесен рисунок (*n*). Ханты изображены в капюшонах, так называемых кюс, которые в жаркую погоду откидывались на спину.

Кроме маленьких лодок, у хантов были еще «дорогие» лодки, очень узкие и в два раза длиннее, чем верейки. Одна из них изображена на рис. 4. Каждая сторона лодки сделана из выдолбленного дерева (*A*) и украшена рисунком (*a*, *b*, *c*, *d*), который женщины наносили пальцами, обмакивая их в кровь диких зверей, смешанную с китовым жиром. Лодка сшивная. На рисунке показаны шов — *f* и *K* — канат, сплетенный из лыка. Лодка имеет вырезы на бортах (*k*) с сильно заостренными концами (*x*, *y*), помогавшие ей проходить в местах, заросших тростником. Гребли в такой лодке двумя разрисованными веслами (*B*), которые служили также для управления лодкой и для отталкивания от берега. На суше ханты перевозили лодку с помощью двух собак.

К 1740 г. почти все ханты были крещены, но у многих из них сохранились еще древние верования. Так, они продолжали приносить жертву «шайтану», чтобы задобрить его. Изображения таких «шайтанов» вырезались в лесах на деревьях, им приписывалась сверхъестественная сила. Согласно верованиям хантов, уничтожить такое изображение — значило принести людям несчастье (л. 23, 28).

На пути в Березов и в самом городе Кенигсфельд сделал несколько беглых записей о языке хантов. В частности, он отметил, что ханты до крещения поклонялись воздуху, небу и богу, но все эти три понятия обозначались одинаково — *do rom*.

В Березове от своего караульного казака, уроженца этого города, Кенигсфельд записал некоторые слова на языке хантов: мать — *anga*, отец — *asa*, брат — *goib*, сестра — *gewi* и т. д. Здесь же он записал счет: один — *kat*, два — *chollen*, три — *nelg*, четыре — *wet*, пять — *cho*, шесть — *labat*, семь — *nuil*, восемь — *wertiangl*, девять — *janil*, десять — *ikosian*, одиннадцать — *kat-kosian*, двенадцать — *choll-kosian*, тринадцать — *nel-kosian* и т. д., сто — *sath*, тысяча — *janck-sath*. Для сравнения Кенигсфельд привел счет ненцев и манси (л. 36, 37).

Таковы немногочисленные материалы Кенингсфельда об одном из народов Западной Сибири — хантах, которые могут несколько дополнить материалы, имеющиеся в работе В. Ф. Зуева⁸.

В заключение отметим, что в «Дневнике» есть любопытные сведения о якутах. Сам Кенигсфельд с якутами не встречался, но во время своего пребывания в Тобольске познакомился с человеком, жившим долгое время в Иркутске и Якутске. Человек этот хорошо знаком с жизнью якутов; он рассказал Кенигсфельду об их религии, шаманах и жертвоприношениях (л. 86—90). Эти сведения будут также полезны исследователям Сибири.

⁸ В. Ф. Зуев, Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771—1872), «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 5, М.—Л., 1947.

М.-Р. А. И б р а г и м о в

**ЧИСЛЕННОСТЬ И РАССЕЛЕНИЕ ЛАКЦЕВ
(1870—1970 гг.)**

Лакцы — один из крупных по численности народов Дагестанской АССР¹. Они составляют основное население трех районов республики — Лакского, Кулинского и Новолакского. Территорию двух первых районов², издревле заселенную лакцами, они называют Лакрал-Кану, что означает «место лакцев».

Лакрал-Кану расположена в центральной части Дагестанского нагорья. По форме она напоминает треугольник, замкнутый со всех сторон высокими горными хребтами. На юге лакцы отделены от своих соседей — цахуров и рутульцев — Самурским хребтом, идущим параллельно Главному Кавказскому хребту; менее высокий хребет — Дюльты-даг — отделяет лакцев на северо-западе от аварцев и арчинцев, а горы Шунудаг и Кокмадаг на востоке — от даргинцев.

Территорию лакцев пересекает с юга на север река Казикумухское Койсу. Вместе со своими притоками — бурными горными речками — она создает довольно разветвленную речную сеть. Речные долины большей частью узкие и глубокие. Для этой местности характерно множество ущелий, соединяющихся в одно в нескольких километрах от центра Лакского района — сел. Кумуха. Другая, не менее характерная черта, — крайняя бедность лесами (лишь 1,6% территории находится под лесом и кустарниками); почва каменистая, удобных для распашки земель очень мало (около 6% территории). Поэтому лакцы максимально используют все без исключения участки, пригодные для пахоты.

Климат в лакских районах умеренно холодный, довольно сухой, дожди выпадают большей частью летом, зима холодная, особенно в южной, более высокогорной, части и очень ясная.

Лакцы — коренные жители Дагестана. Об этом свидетельствует их материальная и духовная культура³. Лакский язык, говоры которого можно сгруппировать в пять диалектов (кумухский, аштикулинский, балхарский, вихлинский и вицхинский), относится к нахско-дагестанской ветви кавказских языков.

Древнейшее и основное занятие лакцев — отгонное скотоводство, развитию которого благоприятствовало наличие прекрасных альпийских пастбищ. На первом месте стоит разведение овец; разводят также крупный рогатый скот, лошадей, ослов и мулов. И в настоящее время главным направлением хозяйства Лакского и Кулинского районов остается животноводство.

¹ По численности они занимают шестое место среди народов Дагестана.

² Об образовании Новолакского района см. ниже.

³ «Народы Кавказа», т. I (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1960; «История Дагестана», т. I, М., 1967; А. Г. Булатова, Лакцы. Историко-этнографические очерки, Махачкала, 1971; А. Г. Гаджиев, Происхождение народов Дагестана по данным антропологии, Махачкала, 1965; его же, Древнее население Дагестана, М., 1975. О современной культуре лакцев см. «Современная культура и быт народов Дагестана», М., 1971.

Земледелие, в основном террасное, издревле известное лакцам, всегда играло второстепенную роль. Возделывают здесь ячмень, пшеницу и кукурузу.

Однако ни скотоводство, ни слабо развитое земледелие не обеспечивали население, и поэтому большое развитие получили связанные с отходничеством кустарные промыслы. В конце XIX — начале XX в. кустарные промыслы (обработка шерсти, кожи, металла, гончарное производство) служили единственным источником существования для значительной части лакского населения. Лакцы-отходники: лудильщики, медники, ювелиры, сапожники, оружейники и др.— ежегодно с конца осени до начала весны уходили в самые различные города и селения Северного Кавказа, Закавказья и южной России.

Самые ранние достоверные сведения о численности лакцев содержатся в работе А. В. Комарова⁴. Материалом для определения численности лакцев А. В. Комарову послужили официальные данные 1865—1867 гг.: камеральные описания и податные списки Казикумухского, Даргинского и Самурского округов Дагестана, где располагались лакские селения, а также сведения, собранные самим автором в экспедициях 1865—1866 гг. Численность лакцев Дагестанской области, определяемая А. В. Комаровым в 32 625 чел., нуждается в некотором уточнении: он не учел лакское селение Бурши-Мака, расположенное в Курахском нахбистве Кюринского округа (ныне в Курахском районе), с населением 205 чел.⁵ Таким образом, в конце 60-х годов XIX в. насчитывалось 32 830 лакцев. В 1880 г. опубликованы данные камерального описания Закавказского края 1873 г., по которым численность лакцев в Дагестанской области определялась в 35 139 человек⁶.

В мае 1886 г. было начато и к концу года закончено составление посемейных списков населения Закавказского края, куда входила в то время Дагестанская область. Разработка результатов переписи была завершена в 1890 г., а в 1893 г. издан «Свод» этих данных⁷. В «Своде» имеются сведения о национальном составе населения, количестве хозяйств по 1185 населенным пунктам Дагестанской области, в том числе по 90 лакским селениям. В посемейных списках показаны не все населенные пункты (хотя жители пропущенных пунктов учтены), так как счетчики очень часто «объединяли» население нескольких небольших селений в одно⁸. Численность лакцев по этим спискам составила на 1886 г. 48 316 человек. Однако, если прибавить 288 лакцев Кюринского округа, получим более точное число — 48 604 человека.

В 1895 г. вышел сборник Е. И. Козубского, содержащий список населенных мест Дагестанской области с указанием численности и национального состава жителей. По данным Е. И. Козубского, в 1894 г. насчитывалось 50 071 лакцев⁹.

В феврале 1897 г. была проведена первая Всеобщая перепись населения России. Единственным вопросом, ответы на который позволяют судить (с определенной долей приближенности) о национальном составе Дагестана, был вопрос о родном языке. Результаты переписи были опубликованы в 1905 г. в 89 выпусках-тетрадях по отдельным губерниям и областям. 62-й выпуск содержит данные по этническому составу округов и городов Дагестанской области. Данные по отдельным насе-

⁴ А. В. Комаров, Народонаселение Дагестанской области, «Записки Кавказского отдела Русского Географического общества», кн. VIII, Тифлис, 1873, стр. 46—49.

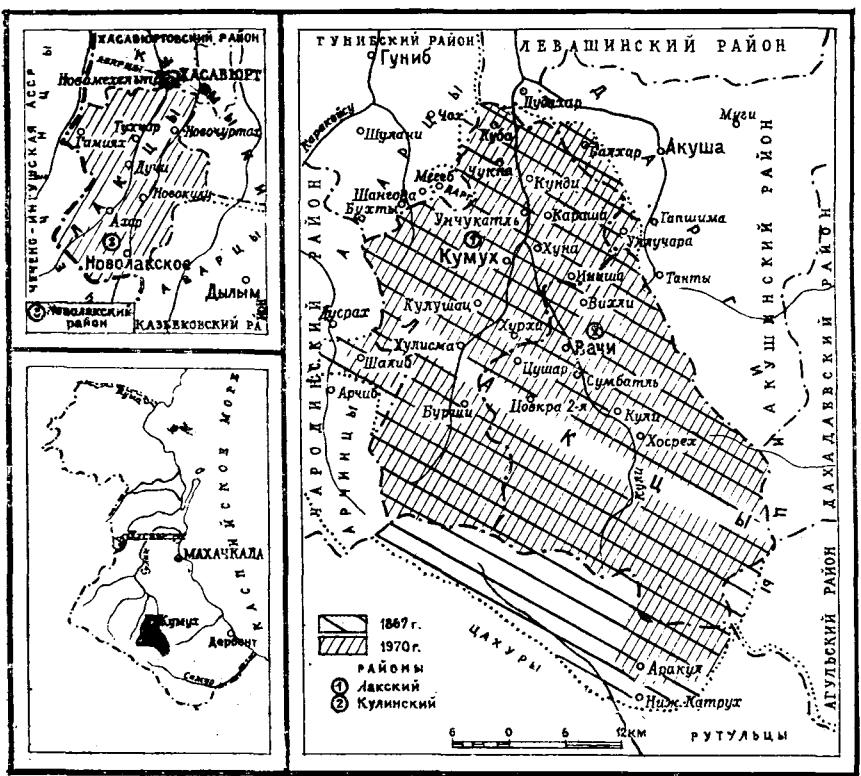
⁵ «Сборник статистических сведений о Кавказе», т. I, Тифлис, 1869, стр. 107.

⁶ «Сборник сведений о Кавказе», т. VII, Тифлис, 1880 (таблица о народонаселении Кавказского края по народностям), стр. XXVIII—XXIX.

⁷ «Дагестанская область, свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г.», Тифлис, 1893.

⁸ Учету не подлежали лица русского происхождения, «неподатных состояний» и иностранцы.

⁹ Е. И. Козубский, Памятная книжка Дагестанской области, Темир-Хан-Шура, 1895.

Расселение лакцев в Дагестане (1867—1970 гг.)

ленным пунктам опубликованы не были. Численность лиц, считающих своим родным языком лакский, по переписи 1897 г. составила 76 381 человек¹⁰. Однако в это число вошли не только собственно лакцы, но и представители других народностей Дагестана, неправильно объединенные в одну группу¹¹.

Для уточнения данных о численности лакцев в 1897 г. нами были использованы приложения к отчетам губернаторов Дагестанской области, так называемые «Обзоры Дагестанской области», в которых содержатся очень подробные и достаточно точные сведения по различным вопросам статистики¹². В обзоре за 1897 г. приблизительная численность лакцев определена в 49 200 человек¹³.

Проведенная в 1920 г. первая перепись населения Советской России не охватывала районов, населенных дагестанскими народами. Отсутствуют данные о них и в материалах Всесоюзной городской переписи 1923 г.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. отличалась значительным объемом программы. Переписью учитывались два этнических признака: народность и родной язык. Публикация результатов этой переписи была начата в 1928 г. и окончена в 1932 г. (издано 56 томов). В V томе содержатся сведения о численности населения Дагестанской АССР по

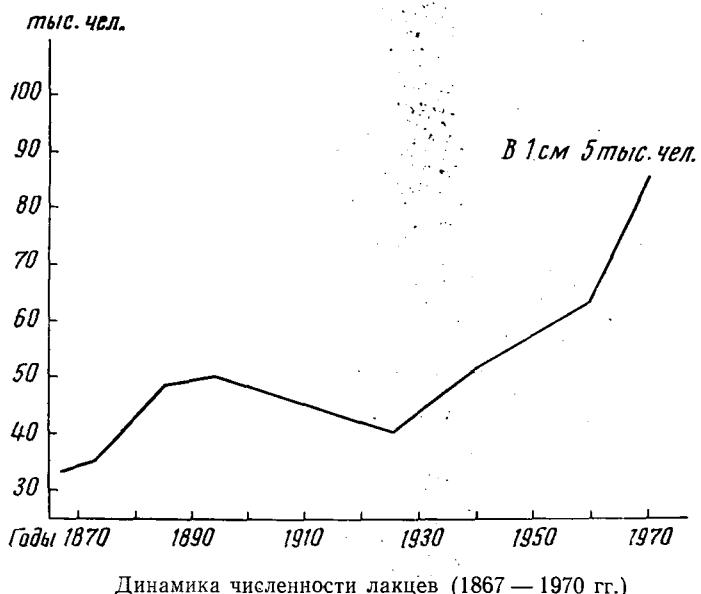
¹⁰ «Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Дагестанская область», вып. 62, М., 1905, стр. 3.

⁴⁴ См. «Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки», вып. IV — «Народность и родной язык населения СССР», М., 1928, стр. XVI—XVII.

¹² Обзоры издавались ежегодно с 1892 по 1915 г.

¹³ «Обзор Дагестанской области за 1897 г.», Темир-Хан-Шура, 1898, стр. 19.

округам¹⁴. Особую ценность представляют первичные материалы этой переписи, обработанные и изданные республиканским статистическим комитетом¹⁵. Важным источником для уточнения районов расселения и численности лакцев в конце 1920-х гг. стала работа «Районированный Дагестан», в которой помещен подробный список населенных пунктов Дагестанской АССР с указанием преобладающей в них народности¹⁶.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в СССР насчитывалось 40 380 лакцев¹⁷.

Численность лакцев по переписи 1939 г. (по данным ЦСУ Дагестанской АССР) составляла 51 671 человек¹⁸.

По Всесоюзной переписи населения СССР 1959 г., содержащей в своей программе вопросы о национальной принадлежности и родном языке, численность лакцев в СССР составила 63 529 человек¹⁹.

Программа переписи 1970 г. была значительно шире. Наряду с родным языком в ней фиксировался также и второй язык народов СССР, которым опрашиваемый свободно владеет. По этой переписи в СССР на 15 января 1970 г. насчитывалось 85 822 лакца²⁰.

В табл. 1 дается изменение численности лакцев за последнее столетие. Мы видим, что за это время она выросла более чем в 2,5 раза. Неравномерность роста лакского населения по отдельным периодам довольно значительная (см. график). В дореволюционный период самый высокий прирост лакцев падает на 1873—1886 гг.²¹. Особенно медленно численность лакцев увеличивается с 1886 по 1894 г. (на 3,4% при 0,42% в год).

¹⁴ «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. V — «Крымская АССР, Северокавказский край, Дагестанская АССР», М., 1928.

¹⁵ «Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. по Дагестанской АССР», вып. 1 — «Списки населенных мест ДАССР», Махачкала, 1927.

¹⁶ «Районированный Дагестан (административно-хозяйственное деление ДАССР по новому районированию 1929 г.)», Махачкала, 1930.

¹⁷ «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. XVII, М., 1929, стр. 12.

¹⁸ Цит. по: К. П. Сергеева, Изменения в составе и размещении населения Дагестана с 1897 по 1965 г., «Проблемы развития экономики Дагестана», вып. V, Махачкала, 1967, стр. 213.

¹⁹ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР», М., 1962, стр. 184.

²⁰ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV, М., 1973, стр. 9.

²¹ Отчасти это объясняется тем, что, в отличие от 1873 г., в 1886 г. учет населения проводился в начале лета, когда большинство отходников возвращалось домой.

среднегодового прироста), а с 1894 по 1926 г. она даже уменьшилась. С 1939 по 1959 г., несмотря на потери во второй мировой войне, численность лакцев возросла: абсолютный прирост составил 11 858 человек, или 22,9 %. Быстро увеличивается она и с 1926 по 1939 г. (на 28,0 % при 2,33 % среднегодового прироста) и особенно быстро с 1959 по 1970 г. (на 35,1 % при 3,19 % среднегодового прироста).

Таблица 1

'Динамика численности лакцев в 1867—1970 гг.*

Годы	Численность	Прирост населения		Среднегодовой прирост, %
		абсолютный	%	
1867	32 830	—	—	—
1873	35 139	2 309	7,0	1,17
1886	48 604	13 465	38,3	2,55
1894	50 071	1 467	3,4	0,42
1926	40 380	—9 691	—24,4	—0,76
1939	54 671	11 291	28,0	2,33
1959	63 529	11 858	22,9	1,14
1970	85 822	22 293	35,1	3,19

* Данная и последующие таблицы составлены по материалам вышеупомянутых источников. Мы сознательно даем сведения 1894 г., а не переписи 1897 г., так как по последней в число лакцев, как уже говорилось выше, вошли и лица других народностей Дагестана.

Попытаемся проанализировать динамику численности и объяснить хотя бы в общих чертах причины ее неравномерности. Уменьшение численности лакцев с 1894 по 1926 г. можно объяснить рядом причин. Большую роль здесь сыграли: потери в первой мировой и гражданской войнах (1914—1920 гг.); частые и сильные неурожаи, особенно голод в 1899 г.; эмиграция части населения в Турцию, Иран и другие страны Передней Азии. В этот период (в конце XIX — начале XX в.) резко увеличилось отходничество, широкие масштабы которого, вероятно, отрицательно сказывались на темпах естественного прироста населения. В 1896 г. лакцев-отходников за пределами Дагестана было около 6700 человек²², а в 1926 г.—8544 человека²³, или 21,4 % всех лакцев, т. е. более половины всего мужского лакского населения (отходниками были почти одни мужчины).

Значительный прирост лакцев, характерный для периода с 1926 по 1970 г., связан прежде всего с улучшением жизненных условий и резким уменьшением смертности населения.

В расселении лакцев за последние сто лет произошли большие изменения. Этот период можно разделить на два этапа: первый — с конца 1860-х по конец 1920-х гг. и второй — с конца 1920-х гг. по настоящее время.

Первый этап характеризуется стабильностью этнических границ и появлением незначительного числа новых выселков (аулов) внутри территории расселения лакцев. В конце 1860-х гг. лакцы составляли основное население Казикумухского округа (88 %), а их непосредственные соседи — даргинцы, аварцы, арчинцы, и агулы, живущие на окраинах округа — 12 % всего населения.

В табл. 2 отражена динамика национального состава и процентного соотношения населения Казикумухского (Лакского) округа с 1867 по 1926 г. Из таблицы видно, что процент лакцев, проживавших в пределах Казикумухского округа, постепенно уменьшился с 88,0 % в 1867 г. до 81,3 % в 1926 г. Абсолютная же численность их все же выросла, хотя и

²² Расчет сделан по «Обзору Дагестанской области за 1896 г.», Темир-Хан-Шура, 1897, стр. 18, 19.

²³ «Районированный Дагестан», табл. 11, стр. XIV.

Таблица 2

Динамика национального состава населения Казикумухского (Лакского) округа в 1867 — 1926 гг.*

Народность	1867 г.	В % к населению округа	1886 г.	В % к населению округа	1894 г.	В % к населению округа	1926 г.	В % к населению округа
Лакцы	29 697	88,0	43 773	85,0	45 208	86,8	34 556	81,3
Даргинцы	1 632	4,8	3 643	7,0	2 742	5,3	3 718	8,8
Аварцы	1 373	4,1	2 538	5,0	2 635	5,0	2 388	5,6
Арчинцы	592	1,8	804	1,6	765	1,5	852	2,0
Агулы	452	1,3	695	1,4	740	1,4	954	2,2
Прочие	—	—	—	—	—	—	52	0,1
Итого	33 746	100	51 453	100	52 060	100	42 520	100

* Все приводимые в таблице сведения даны в границах Казикумухского округа 1867 г.

Таблица 3

Динамика численности сельского населения лакцев в 1867 — 1926 гг.

Округа	1867 г.	В % к населению округа	1886 г.	В % к населению округа	1894 г.	В % к населению округа	1926* г.	В % к населению округа
Казикумухский	26 697	90,5	43 773	90,1	45 208	90,3	34 556	90,3
Даргинский	1 854	5,6	3 063	6,3	3 028	6,0	2 689	7,0
Самурский	1 074	3,3	1 480	3,0	1 545	3,1	742	2,0
Кюринский	205	0,6	288	0,6	290	0,6	260	0,7
Итого	32 830	100	48 604	100	50 071	100	38 247	100

* По переписи 1926 г. лакцев насчитывалось 38 751 («Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. V, стр. 346). В нашей таблице их численность ниже, так как не учтены лакцы, живущие в Хасавюртовском, Дербентском, Кизлярском и др. районах.

Таблица 4

Динамика численности городского и сельского населения лакцев Дагестанской АССР (1897 — 1970 гг.)

Годы	Численность населения			В % ко всему населению	
	все население	городское	сельское	городское	сельское
1897 *	76 381	211	76 170	0,3	99,7
1926	39 878	1 127	38 751	2,8	97,2
1959	53 451	13 731	39 720	25,7	74,3
1970	72 240	30 395	41 845	42,0	58,0

* В отличие от предыдущих таблиц, здесь приводятся данные переписи 1897 г., так как отсутствуют сведения о городском населении лакцев в 1894 г.

очень незначительно: за 60 лет всего на 5 тыс. человек (или на 16,4%). Уменьшение процента лакцев произошло за счет более быстрого прироста даргинцев, аварцев и агулов.

Во второй половине XIX в. лакцы проживали компактно также в прилегающих к Казикумухскому округу Даргинском (в сел. Балхар, Кхоли, Цуликана, Уллучара) и Самурском (в сел. Аракул, Верхний Катрух и Нижний Катрух) округах и в сел. Бурши-Мака (выселок сел. Бурши Казикумухского округа) Кюринского округа.

Изменения, произошедшие в численности и расселении лакцев с 1867 по 1926 г., отражены в табл. 3. Таблица показывает постепенное незначительное снижение процента лакского населения в Самурском округе и увеличение в Даргинском округе. Уменьшение численности лакцев в Самурском округе с 1545 (в 1894 г.) до 742 человек (в 1926 г.) объясняется тем, что большинство населения аула Нижний Катрух (около 900 человек), где с начала XX в. было лакско-азербайджанское население, в 1926 г. называло себя азербайджанцами.

В 1922 г. Казикумухский округ был переименован в Лакский, в 1929 г. преобразованный в Лакский район, причем границы его несколько изменились. Ряд лакских селений по новому районированию оказались в Левашиском, Дахадаевском, Рутульском, Чародинском и Курахском районах Дагестанской АССР. В 1935 г. Лакский район был разделен на два района: Лакский (с центром в с. Кумух) и Кулинский (сначала с центром в с. Кая, а с 1940 г.— в с. Вачи).

Начало второго этапа в изменении расселения лакцев связано с проведением в Дагестане земельно-водной реформы 1927—1928 гг., в ходе которой предусматривалось переселение 30 тыс. хозяйств из горных, в том числе и лакских, районов в равнинные²⁴. В 1944, 1952, 1960 и 1966 гг. партийная организация республики приняла ряд постановлений о переселении горцев из малоземельных районов на территорию Хасавюртовского, Бабаюртовского, Кизлярского и других районов Дагестанской АССР²⁵.

В 1944 г. в предгорьях юго-западнее г. Хасавюрта был образован Новолакский район с центром в с. Новолакское. Переселение лакцев²⁶ и образование нового района были вызваны перенаселенностью Кулинского, Лакского и других районов и проводились также для дальнейшего развития производительных сил, укрепления народного хозяйства.

По переписи 1970 г., на территории Лакского, Кулинского и Новолакского районов проживало 22 400 лакцев, или 77,4% всех сельских жителей лакцев. Остальное сельское лакское население жило в 13 других районах Дагестанской АССР.

Лакцы составляют 4,5% сельского и 6,0% городского населения Дагестана. 89,4% всех лакцев-горожан сосредоточено главным образом в четырех городах республики — Махачкале, Каспийске, Буйнакске, Хасавюрте. Более половины всех лакцев-горожан проживает в Махачкале.

Рост городского населения лакцев отражен в табл. 4. С 1897 по 1970 г. численность лакцев-горожан выросла с 211 до 30 395 человек, или с 0,3 до 42,0% ко всему населению. Особенно интенсивный прирост происходил с 1927—1928 гг., т. е. с начала проведения земельно-водной реформы в Дагестане.

В рассматриваемый период (1867—1970 гг.) заметно увеличилась доля лакцев, живущих за пределами своей республики. Так, в конце 1920-х гг. вне Дагестанской АССР проживало только 0,5 тыс. человек²⁷, или 1,3%, а в 1970 г.— около 14 тыс. человек, или почти 16% всех лакцев СССР. За пределами Дагестана лакцы живут (в основном в городах) в Узбекской ССР (1,8 тыс. человек), Туркменской (1,6 тыс. человек), Азербайджанской ССР (1,2 тыс. человек), Чечено-Ингушской АССР и Ставропольском крае (по 1 тыс. человек), Кабардино-Балкарской АССР (около 1 тыс. человек) и более 6 тыс. человек в различных городах СССР²⁸.

²⁴ А. С. Кириллов, Земельная реформа в Дагестане, М., 1928, стр. 58—60.

²⁵ З. Баглиев, Переселение горцев на равнину — путь к изобилию и культуре, Махачкала, 1967.

²⁶ Характеристику лакцев-переселенцев см.: А. В. Гадло, Современный быт лакцев-переселенцев (к проблеме социалистических преобразований культуры и быта народов СССР), «Вестник ЛГУ, История, языки, литература», вып. 3, Л., 1972.

²⁷ «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. V, стр. 343; т. XVII, стр. 12, 40.

²⁸ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV, стр. 325, 326.

Из сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Численность лакцев за 100 лет (с 1867 по 1970 г.) выросла с 32,8 тыс. до 85,9 тыс. человек, т. е. более чем в 2,5 раза.

2. Для второй половины XIX в. характерна большая компактность в расселении лакцев. В первой трети XX в. возникают поселения лакцев за пределами их исконной территории, а в середине XX в. лакцы вместе с другими народами Дагестана осваивают значительные районы в равнинной части республики; появляется не свойственная лакцам дисперсность поселений. С 1920-х гг. растет доля лакцев, живущих за пределами Дагестанской АССР.

3. В связи с развитием промышленности в Дагестане произошел массовый отток лакского населения из сел в города. За сравнительно короткое время (с конца 1920-х гг.) резко увеличивается городское население лакцев.

У. Джаконов

ПАХОТНЫЕ ОРУДИЯ У ТАДЖИКОВ СОХА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

(К ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ Атласу
СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА)

Сельскохозяйственные орудия, применявшиеся в XIX — начале XX в. в бассейне реки Сох (юго-западная Фергана), изучены чрезвычайно мало. Обследованная зона характеризуется разнообразием естественно-географических условий и пестротой этнического состава. Эти факторы обусловили различие в терминах, обозначающих земледельческие орудия, а локальные особенности обработки почвы — многообразие самих земледельческих орудий.

Наше сообщение написано на основе полевых этнографических материалов, собранных в 1970—1972 гг.¹, и некоторых литературных источников.

Основными сельскохозяйственными орудиями во всех кишлаках долины Соха в конце XIX — начале XX в. были деревянная соха с железным наконечником — *умоч*, мотыга — *каланд*, борона — *мола*, деревянная лопата — *бели чубин*, серп — *дост*, вилы — *панчишох*, тесло-кирка — *дусара*, *зогнул* и различные приспособления для перевозки и переноски урожая.

До Великой Октябрьской социалистической революции основным пахотным орудием у народов Средней Азии было традиционное деревянное пахотное орудие типа сохи — *омач*², по-разному, как известно, называвшееся в разных местах региона: в Бухаре и Фергане — *амоч*³ (слово, по-видимому, таджикского происхождения⁴), в окрестностях Самарканда — *сохтук*, Бухары — *сохтик*, Чарджуя — *сохти*, Хуфа — *си-порн*⁵, в бассейне р. Хингоу — *съпор*⁶, в Карагенине и Дарвазе — *испор*, *сипор*⁷, в Ишкашиме — *устер*, в Вахане — *сыпундр*⁸.

Среди таджиков кишлаков Сариканда, Калъа, Калъаи Боло, Чашма, Пидиргон, Демурсат, Чумокча, Тарык, Равон, Янги-Арык, Мальбуд и некоторых других кишлаков Центрального Соха *омач* известен под названием *умоч*; в кишлаках левобережного Соха (Учъяр, Кизил-кияк, Шайхатолла, Девайрон) и в двух кишлаках правобережного Соха

¹ Нами были обследованы населенные пункты: Сариканда, Калъа, Калъаи Боло, Пидиргон, Демурсат, Чашма, Тарык, Чумокча, Равон, Янги-Арык, Лингбур, Чункара, Газнау, Калача, Туль, Девайрон, Шайхатолла, Кизил-кияк, Учъяр (Хушъёр), Мальбуд.

² В дальнейшем во всех случаях мы будем употреблять термин *омач*.

³ В окрестностях Ферганы (Сох, Исфара, Риштан, Чуст, Косон) произносится *умоч*, *омач*, *омоч*.

⁴ М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. II, Сталинабад, 1958, стр. 35.

⁵ Там же.

⁶ М. Р. Рахимов, Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период, Сталинабад, 1957, стр. 29.

⁷ «Таджики Карагенина и Дарваза». Под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчика, вып. 1, Душанбе, 1966, стр. 118.

⁸ И. Мухиддинов, Сельскохозяйственные орудия таджиков Ишкашимского района Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР, «Сов. этнография», 1971, № 1, стр. 91.

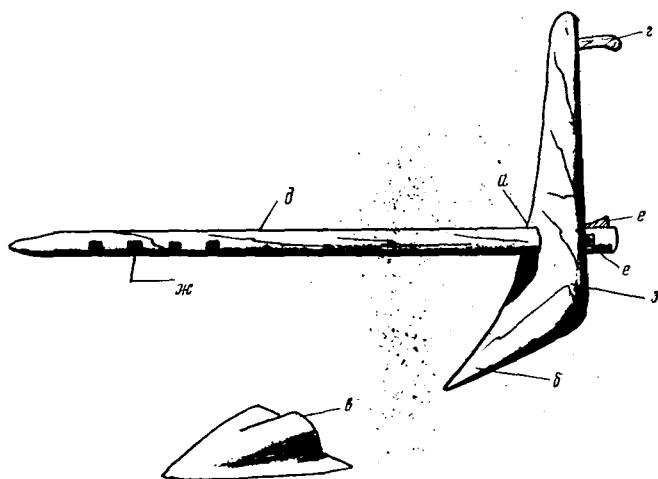

Рис. 1. Пахотное орудие — умочи калон, умочи оби (пояснение букв а—з см. в рис. 2)

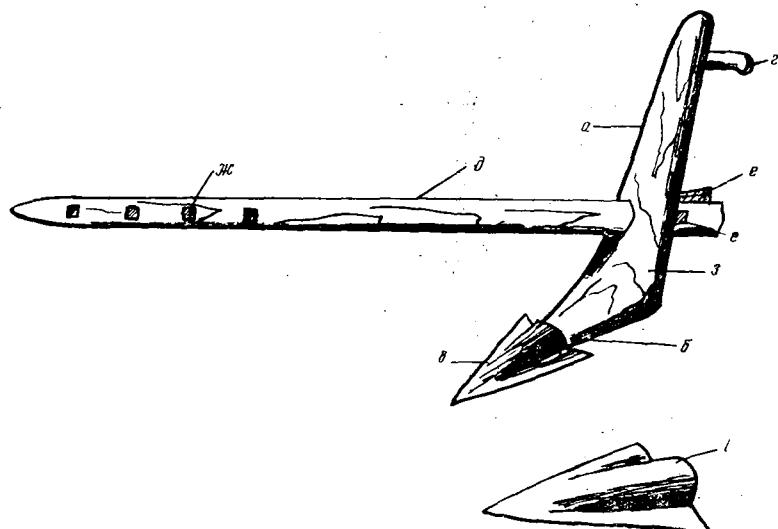

Рис. 2. Небольшой легкий омач — умочи кайрок, сипори адир; а — ручка омача (даста); б — рабочая часть омача (нуги умоч); в — лемех (охани чуфт); г — колышек (дасткапак, муштак); д — дышло (тири умоч); е — клинья (фона, чи); ж — отверстие (тешики тири умоч); з — комель (кундаи умоч)

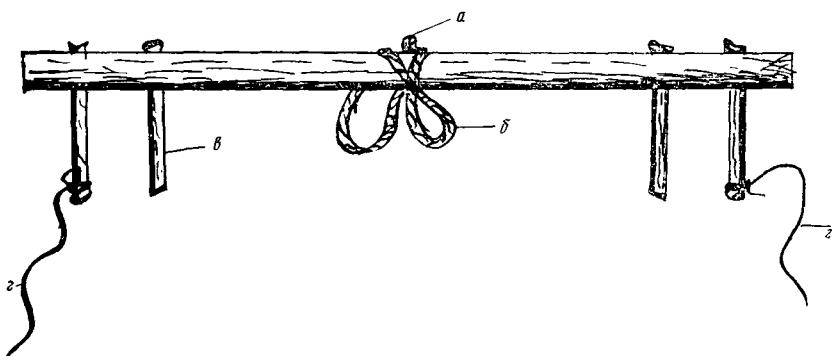

Рис. 3. Ярмо — юэ, юэ, а — небольшой колышек (қозияк, қозикап), б — жгут-тяж (отанг); в — палочка (юэ чуб, қулоқчин); г — веревка (юэ банд, юэ лөвбанд)

(Лингбур и Убара) его называли *сипор*; в кишлаках Туль, Калача, Газнау — *умач*; в кишлаках Чункара, Октурпок, Сакиртма, Карагуай, Хафтканд, Бужай, Гоз, Сомкат, Таянь — *омач, амач, буурсун, авзал*⁹. Термин *омач*, по свидетельству Е. Г. Черняковского, встречается и в Хорасане¹⁰; по данным К. Шаниязова, этот термин употребляется и узбеками-карлуками¹¹.

Таким образом, в сравнительно небольшом районе Соха для обозначения омача применялись два термина — *умоч* (в вариантах) и *сипор*.

Встреченные нами деревянные пахотные орудия по размерам подразделяются на три вида.

I. *Умочи калон, умочи обӣ* (рис. 1) — большой омач, в который впрягались быки. Умочи калон применялся на ровных лёссовых почвах. Он имел высокую верхнюю часть — *гардани умоч*, к которой прикреплялась ручка. Она крепилась таким образом, чтобы пахарь — *чутрон* во время работы не очень нагибался. Длинный, массивный, тяжелый омач глубоко пахал землю и во время работы не подпрыгивал, благодаря чему пахарь меньше уставал. Этот омач применялся для рыхления твердых почв.

II. *Умочи кайрок, сипори адир*¹² — небольшой, легкий омач, применяющийся на неполивных землях, на крутых склонах гор и холмов. Поскольку во время пахоты на склонах пахарь всегда шел на одну борозду ниже омача, то верхняя часть умочи кайрока делалась ниже, чем в большом омаче, чтобы пахарь находился на уровне ручки омача (рис. 2, а). Рабочая часть легкого омача представляла собой большой вертикальный кол, изогнутый и заостренный в нижней части — *нуги умоч* (рис. 2, б). На него надевали отлитый из чугуна лемех — *охани чуфт* (Сариканда, Калъа, Калъаи, Боло, Чумокча, Пидиргон, Демурсат, Равон, Туль Калача, Газнау, Янги-Арык), *поза, охани сипор* (Убара, Лингбур, Девайрон, Шайхатолла, Кизил-Кияк, Учъяр) в форме треугольника с конусообразным отверстием посередине (рис. 2, в). Земледельцы бережно относились к лемеху и после завершения работы тщательно обтирали его и заворачивали в ткань.

Верхняя часть омача называлась *даста*. К ней прикреплялся колышек — *дасткапак* (Сох), *муштак* (Учъяр)¹³, с помощью которого пахарь направлял омач по борозде (рис. 2, г). В остов, немного выше изгиба, вставлялось дышло — *тири умоч* (рис. 2, д), скреплявшееся с основой дугообразной деревянной распоркой и специальным колышком. В омаче данного вида один клин вставляется в отверстие, через которое проходит грядиль — *фона*¹⁴, а другой в отверстие, сделанное на выступающей сзади части грядиля — *ҷӣ* (рис. 2, е). В передней части дышла имелись три четыре отверстия — *тешики тири умоч* (рис. 2, ж). С помощью обтесанных и отшлифованных палочек — *қулоқчуб* (Сох), *пешкъли* (Учъяр), вставлявшихся в отверстия, и тяжа — *отанг* дышло соединялось с ярмом. Помещая палочку в то или иное отверстие, можно было изменять

⁹ Термины *буурсун* и *авзал* употребляются киргизами, живущими по соседству с таджиками в Сохе.

¹⁰ Е. Г. Черняковский, Хорасан и Сеистан, Л., 1931, стр. 35.

¹¹ К. Шаниязов, Узбеки-карлуки, Ташкент, 1964, стр. 49.

¹² Термин *умочи кайрок* употреблялся у таджиков Центрального Соха, термин *сипори адир* — в учъярской группе кишлаков. См. Н. А. Кисляков, Таджики долины Соха, «Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвящ. 80-летию со дня рождения А. А. Семенова», Душанбе, 1953, стр. 115.

¹³ См. Н. А. Кисляков, Некоторые материалы по сельскохозяйственной терминологии у таджиков, «Сов. этнография», 1969, № 3, стр. 119.

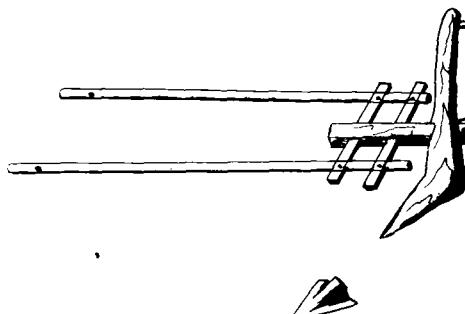
¹⁴ В верховых Зеравшана клинья называют *естеза* или *пешчуб*, в Касанском районе — *мардак*. См. Л. А. Фирштейн, Земледельческие орудия таджиков и узбеков (по материалам МАЭ), в сб. «Традиционная культура народов Передней и Средней Азии», Л., 1970, стр. 154.

¹⁵ Термин *қулоқчуб* (дословно: «ушная палка») образован из узбекского слова *қулоқ* — ухо и таджикского *ҷуб* — палка.

угол наклона орудия по отношению к земле, что позволяло регулировать глубину пахоты. Основа, или комель омача, высотой около 1 м (рис. 2, з) вытасчивалась из куска какого-нибудь твердого дерева, обычно из абрикосового, орехового или карагача.

Ярмо — *юф*, *йүг*¹⁶, в которое впрягается пара волов — *чуфти гов*, представляет собой бревно длиной 2,5—3 м. Обычно это толстый обтесанный ствол тополя — *сафедор*, с небольшим (7—10 см) колышком — *қозиляк*¹⁷ посередине (рис. 3, а), на который набрасывался изготовленный из сырой кожи жгут-тяж — *отайг* (рис. 3, б). Тяж для скрепления ярма с орудием пахоты делали из кожи либо свивали из трех молодых побегов ивы или из другого дерева. Готовое изделие слегка скручивали и складывали таким образом, что получали три петли: средняя надевалась на ярмо, а две другие на передний конец дышла и затем накидывали на втулку, вставленную в одно из отверстий дышла. Втулка вставлялась в различные отверстия дышла в зависимости от необходимости удлинить или укоротить запряжку и соответственно придать дышлу больший или меньший уклон. Передний конец дышла находился под ярмом. На его концах делали по два небольших вертикальных отверстия на расстоянии 30—35 см одно от другого. В каждое отверстие

Рис. 4. Пахотное орудие — *хар-умоч*

вставлялась палочка — *юфчуб*, *қулоқчин*¹⁸ длиной в 40—45 и диаметром 3—4 см, которая делалась из тутовника, орехового или абрикосового дерева (рис. 3, в). Палочки попарно связывались веревкой — *юфбанд* (Сох), *юфловбанд* (Учъяр) на шее быков, впряженных в ярмо (рис. 3, г). Чтобы ярмо не стирало шеи волов, к нему между палочками снизу часто привязывали мягкий мех — *намад*. Как уже говорилось, омач и ярмо соединялись при помощи тяжа и *қулоқчуб* (пешкъли). Если во время пахоты или других сельскохозяйственных работ тяж выходил из своего гнезда и немного сдвигался в сторону, то вол, находившийся с этой стороны, быстро уставал, так как большая часть работы падала на него. Если волы были неравны по силе и один из них уставал быстрее, то пахарь сдвигал тяж в сторону более сильного вола с помощью прута или палки — *говрон*, давая некоторый отдых слабому. Пахарь во время работы одной рукой держит рукоятку омача, а другой прут или палку, которыми подгоняет животных.

Ярмо применялось не только во время пахоты, но и при бороновании поля, при молотьбе с волокушей — *вал* (Сох), *чапар* (Учъяр), при перевозке снопов. И здесь тягловой силой обычно была пара волов — *чуфти гов*. Поэтому и самую вспашку земли во всех кишлаках бассейна р. Сох называют *чутхайкунӣ*, *чуткунӣ* (букв.— гнать пару).

III. *Хар-умоч* — пахотное орудие меньшего размера, чем умочи кайрок, легкое и удобное. Его мог тащить один осел. Применялся он на богарных землях с мягкими почвами при вспахивании маленьких делянок.

¹⁶ *Юф*, *йүг* — из лат. *iugum* — ярмо для упряжки быков. См. И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв., Л., 1960, стр. 147.

¹⁷ Козиляк у таджиков Учъяра — *қозикан*. См. Н. А. Кисляков, Указ. раб., стр. 120.

¹⁸ Эти палочки у таджиков Каратегина и Дарваза называются *юглочуб* (см. М. Рахимов, Указ. раб., стр. 30), в Ленинабадском районе — *савачуб*. См. Н. Н. Ерошев, Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией. Стадинабад, 1960, стр. 34.

нок под огородные культуры и пр. Пахали этим омачом только бедняки, не имевшие тягловой силы. По сообщению одного из очевидцев¹⁹, на небольших земельных участках люди иногда сами впрягались в омач.

До Великой Октябрьской социалистической революции хороший омач стоил, по словам наших информаторов, 30—35 руб.²⁰ Срок службы омача различен — от 2 до 15 лет²¹. Длительность использования орудия зависела от материала, из которого оно было изготовлено, характера почв и вида выполняемых работ (обрабатываемая площадь, глубина и прочие условия пахоты), а также от того, насколько аккуратно владелец с ним обращался. Омачи выделялись наиболее опытными местными плотниками — *дуредгар*, лемехи же обычно покупались в Коканде или Маргелане у кузнецов-литейщиков — *дегрез*. Лемех был литой, изнутри полый, с глубоким отверстием для надевания сошника на конец рабочей части омача. По форме он напоминает треугольник с закругленным верхним углом и острыми широкими режущими краями. В центре одной из сторон верхнего угла треугольника сделано отверстие — *шкоф* овальной формы, служащее для прикрепления сошника к омачу. Изредка омач служил и бороной — его клади на бок и таким образом боронили, разравнивая поле и разбивая наиболее крупные комья земли. Омач дожил до наших дней и сейчас употребляется на исследуемой территории при вспашке междуурядий в плодовых садах.

Пахотные орудия таджиков Соха были довольно примитивны, однако хорошо приспособлены к местным условиям, к тому же на их производство не требовалось больших затрат. Навыки изготовления их, передававшиеся из поколения в поколение, уже давно стали традиционными.

Рассмотрение пахотных орудий таджиков Соха показывает, что как сами орудия, так, видимо, и сельскохозяйственные процессы на большей территории Средней Азии были весьма схожи, поэтому можно говорить о единой земледельческой культуре и единой традиции для всего этого региона.

---

¹⁹ Полевые материалы автора за 1971 г.; сообщение Болта Алимова (75 лет), кишлак Сариканда.

²⁰ Полевые материалы автора за 1971 г.; сообщение Султана Алиева.

²¹ Б. С. Гамбург, К характеристике орудий земледельцев Ферганской долины и Ташкентского оазиса конца XIX — первой четверти XX в., сб. «Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана», М., 1975, стр. 110.

Г. М. Давыдова

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ И ВОПРОСЫ ИХ ЭТНОГЕНЕЗА

Материалом для данного сообщения послужили антропологические исследования двух угорских групп (северных или сосьвинских манси и ваховских хантов) и нескольких финноязычных групп: коми-зырян, мордвы-эрзи, мордвы-мокши и удмуртов.

Как известно, угры по своему антропологическому типу относятся к уральской расе, перечисленные выше финноязычные группы в той или иной мере к ней приближаются.

По вопросу происхождения уральской расы антропологами были высказаны две резко различающиеся между собой гипотезы. В. В. Бунак предположил, что в основе уральского типа лежит особый антропологический комплекс, который генетически не связан ни с восточным, ни с западным стволом и представляет собой самостоятельную евразийскую формацию. Уральский тип в современном его виде лишь условно может быть объединен с монголоидным стволом¹. Другой вариант той же гипотезы несущественно отличается от только что изложенного. В соответствии с этим вариантом гипотезы, «уральская группа утратила связь с общим монголоидным стволом до того периода, в который сформировались ясно выраженные (архиморфные) особенности, и представляет собой древний (мезоморфный)protoазиатский вариант, лишь частично сходный с монголоидным»². В. В. Бунак полагает, что смешение европеоидного и монголоидного элементов не имело решающего значения в формировании уральского антропологического типа. В. П. Якимов придерживается той же точки зрения о происхождении уральской расы.

Другие антропологи, занимавшиеся происхождением уральской расы и близких к ней типов — Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Т. А. Трофимова, К. Ю. Марк, М. С. Акимова, В. П. Алексеев и др. держатся противоположной точки зрения. По мнению этих исследователей, уральская раса сложилась в результате смешения уже сформировавшихся европеоидных и монголоидных компонентов, и различия между отдельными народами уральского и субуральского типов явились результатом разного количественного соотношения европеоидов и монголоидов, смешавшихся в их составе. Г. Ф. Дебец в работе 1961 г. вычислил процент монголоидного компонента в составе некоторых современных народов Восточной Европы и Сибири и получил следующие его величины³:

¹ В. В. Бунак, Человеческие расы и пути их образования, «Сов. этнография», 1956, № 1.

² В. В. Бунак, Антропологический тип черемис, «Русский антропологический журнал», 1924, т. XIII, вып. 3—4; его же, Вопросы расогенеза, в кн. «Происхождение и этническая история русского народа», М., 1965.

³ Г. Ф. Дебец, О путях заселения северной полосы Русской равнины, «Сов. этнография», 1961, № 6, стр. 67; В. П. Якимов, О древней «монголоидности» в Европе, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее КСИЭ), вып. 28, М., 1957.

Эстонцы	1,5	Шорцы	77,7
Латгалы	8,8	Ханты	79,3
Эрзя	16,7	Манси	82,5
Лопари	26,7	Чулымцы	84,3
Чуваши	30,0	Селькупы	84,7
Мари	40,0	Ненцы	89,8
Хакасы	71,5	Монголы	98,0

Некоторое посветление окраски волос и глаз у народов Западной Сибири Г. Ф. Дебец относил в основном за счет примеси депигментированного европеоидного компонента⁴.

В составе хантов и манси, по расчету Г. Ф. Дебеца, оказалось, как видим, примерно 20% европеоидной примеси.

При изучении окраски радужины у сосьвинских манси и ваховских хантов мы обратили внимание на то, что у них светлые и смешанные оттенки глаз встречаются значительно чаще, чем их должно было бы быть при таком соотношении составных компонентов, даже если бы все европеоиды, вошедшие в их состав, были исключительно светлоглазыми и не имели ни смешанных, ни темных глаз.

Если исходить из того, что светлые глаза — гомозиготы по гену светлой окраски, смешанные — гетерозиготы, а темные — гомозиготы по гену темной окраски, то частота гена светлой окраски в исследованных угорских популяциях оказывается следующей: в Ляпинском 0,37 у мужчин и 0,30 у женщин, в верхнесосьвинской — 0,33 у мужчин и 0,29 у женщин, в среднесосьвинской — 0,43 у мужчин и 0,36 у женщин, у ваховских хантов — 0,34.

Если же считать, что светлые глаза — рецессивные гомозиготы, а смешанные и темные — доминантные гомо- и гетерозиготы, то и в этом случае получим частоты светлого гена примерно того же порядка: в ляпинской группе — 0,36 у мужчин и 0,29 у женщин, в верхнесосьвинской — 0,27 у мужчин и 0,34 у женщин, в среднесосьвинской 0,36, у ваховских хантов — 0,35.

Если исходить из предположения, что европеоидный компонент у манси составлял 20%, то частота гена светлой окраски радужины в этой группе должна быть не более 0,2, а вернее, еще меньше, так как мы не знаем ни одного народа, у которого встречались бы только светлые глаза и полностью отсутствовали бы смешанные и темные. В действительности же реальные частоты в 1,5—2 раза выше ожидаемых, разница статистически достоверна ($P=0,995$).

Несколько ранее К. Ю. Марк сделала предположение, что у манси и хантов произошло посветление окраски глаз уже после смешения⁵. Мы же предполагаем, что в состав этих популяций вошел, кроме европеоидного и монголоидного, третий компонент — плоскоцильный светлоокрашенный.

Посмотрим, не встречается ли подобный тип у соседних с уграми народов, и обратимся для этого к материалам по финнам, опубликованным К. Ю. Марк⁶. Мы включили в рассмотрение только наиболее светлоокрашенные группы (15 светлых групп из 40), предположив, что в составе более темных групп могут быть либо южные европеоидные элементы (северопонтийский тип), либо в значительном количестве монголоидный компонент (и те и другие включения могут затемнить картину), и попытались проследить: есть ли в этих группах связь между окраской

⁴ Г. Ф. Дебец, Селькупы, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. II, М.—Л., 1947.

⁵ К. Ю. Марк, Соматологические материалы. К проблеме этногенеза финно-угорских народов в кн. «Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии», М., 1974, стр. 13.

⁶ К. Ю. Марк, Антропология волжских и пермских финно-угорских народов, М., 1964.

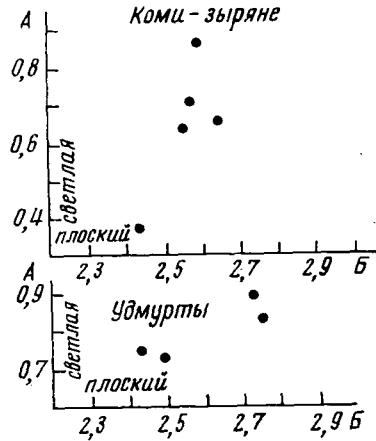
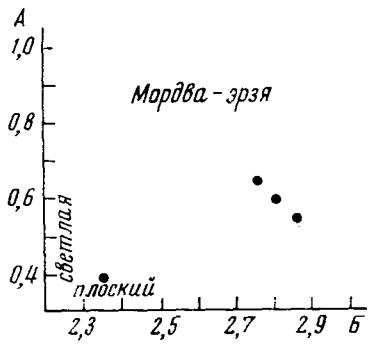

Рис. 1. Окраска радужины (А) и профиль лица (Б) в светлопигментированных финских группах; в этом и последующих графиках дан средний балл

волос и глаз, с одной стороны, и уплощенностью лица и степенью выступания скул и носа — с другой (рис. 1—6).

Из приведенных графиков видно, что в светлопигментированном финноязычном населении обнаруживаются следующие связи: более светлоокрашенные группы имеют и более плоское лицо, у них же сильнее выражены скулы; четче оказывается связь между цветом глаз, уплощенностью лица и выражением скул; в меньшей мере выявляется связь между цветом волос и уплощенностью лица.

Таким образом, имеются основания думать, что в состав мордвы (эрзи и мокши), коми-зырян и удмуртов на каком-то этапе их истории вошли компоненты, характеризующиеся светлой окраской волос и глаз, плоским лицом и выступающими скулами.

Наше наблюдение не совсем ново и неожиданно. К. Ю. Марк неоднократно отмечала, что часто группы, «у которых нельзя отрицать из-

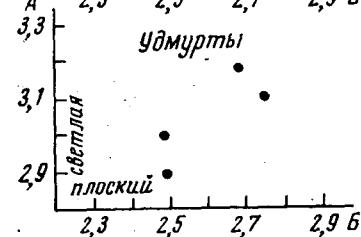
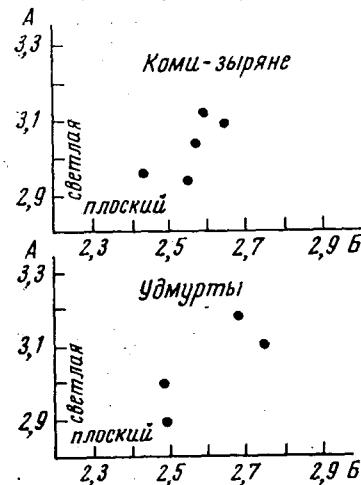
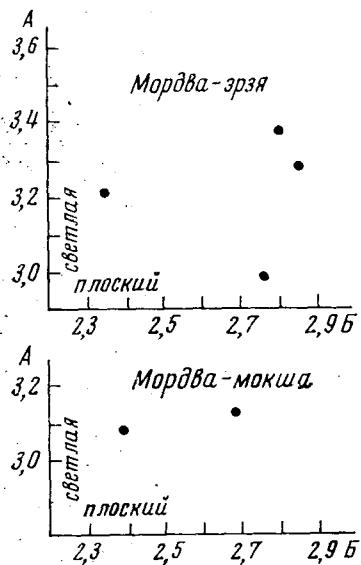

Рис. 2. Окраска волос (А) и профиль лица (Б) в светлопигментированных финских группах

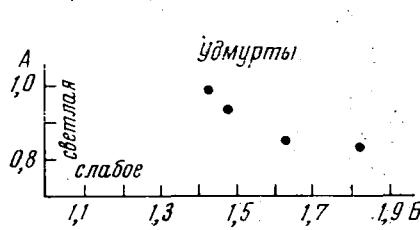
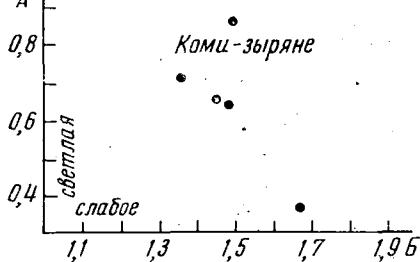
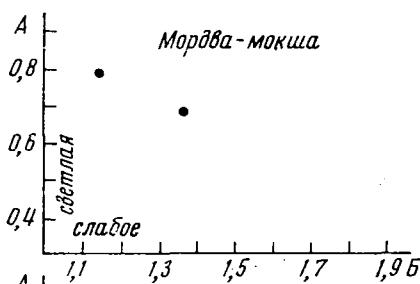
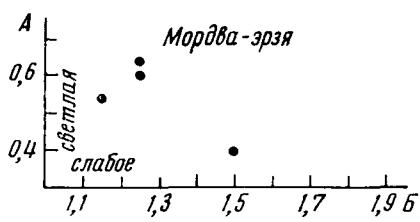

Рис. 3. Окраска радужины (А) и выступание скелета (Б) в светлопигментированных финских группах

вестной доли монголоидных черт, отличаются от других исследованных групп особо светлой пигментацией глаз и волос»⁷.

Рисунки 7 и 8 показывают, что светлопигментированные типы с уплощенным лицом, возможно, существовали в двух вариантах — один из них выявляется в составе коми-зырян, мордвы-мокши и эрзи и характеризуется более плоской спинкой носа; второй обнаруживается у удмуртов и характеризуется более выступающим профилем носа. Корреляции между степенью пигментации, с одной стороны, и высотой переносца, частотой эпикантуса и вогнутых форм носа — с другой, на рассматриваемом материале не выявлено.

Можно думать, что этот светлоокрашенный и плоскоголовый антропологический тип вошел и в состав угров, в результате чего и возник их своеобразный внешний облик, в котором сочетаются плоское лицо со значительной депигментацией.

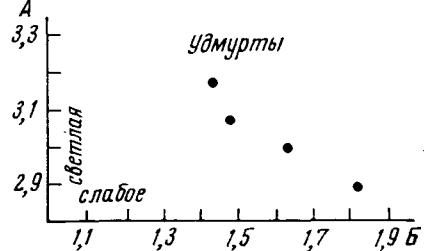
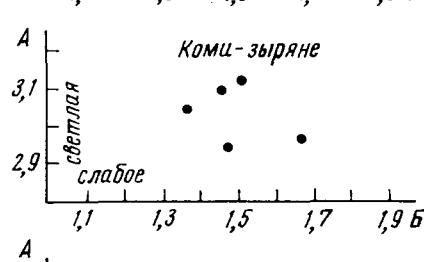
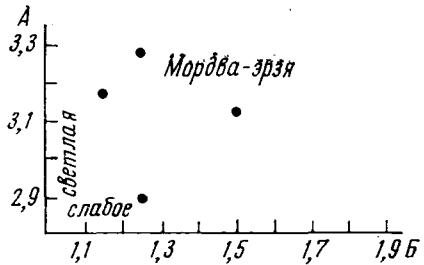

Рис. 4. Окраска волос (А) и выступание скелета (Б) в светлопигментированных финских группах

⁷ К. Ю. Марк. Соматологические материалы. К проблеме этногенеза финно-угорских народов, стр. 13.

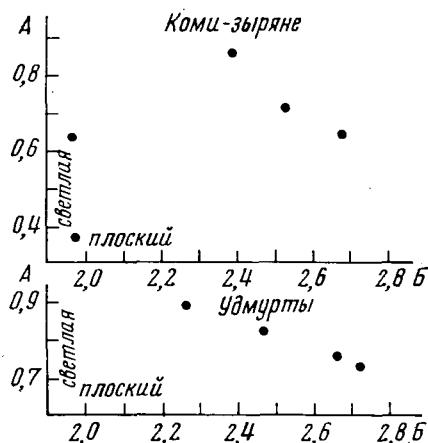
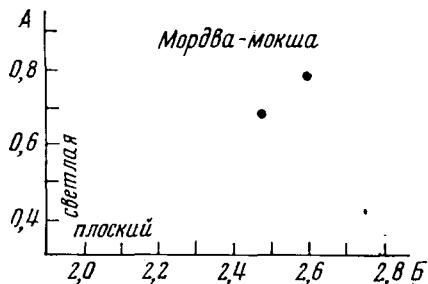

Рис. 5. Окраска радужины (А) и поперечный профиль спинки носа (Б) в светлолицентрированных финских группах

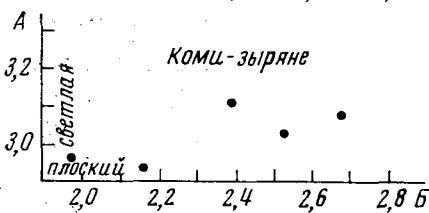
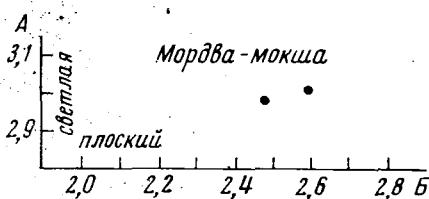

Рис. 6. Окраска волос (А) и поперечный профиль носа (Б) в светлолицентрированных финских группах

Высказанное предположение перекликается с лингвистическими данными, в соответствии с которыми Г. Н. Прокофьев выделил в составе некоторых народов Восточной Европы и Западной Сибири (коми, хантов, манси и некоторых других) западный пласт — хум, кум, каби, коми⁸.

Имеются ли аналогии выделенному типу в палеоантропологическом материале? Здесь уместно вспомнить черепа, которые отнесены Г. Ф. Дебецом к ранненеолитической шигирской культуре⁹. Они характеризуются сочетанием сильной уплощенности верхней части лица (назомалярный угол у обоих равен 147°) и сильно выступающего носа (угол носа 27° у мужчин и 28° у женщин). Другими словами, уплощение лица в верхней части у этих людей было не меньше, чем у бурят, якутов и монголов, а угол выступления носа на женском черепе не меньше, чем его средняя величина в кавказских группах, а на мужском он немного

⁸ Г. Н. Прокофьев, Этногенез народностей Обь-Енисейского бассейна (ненцев, ногайцев, энцев, селькупов, кетов, хантов и мансов), «Сов. этнография», III, 1940.

⁹ Г. Ф. Дебец, К палеоантропологии Урала, КСИЭ, вып. 18, М., 1953.

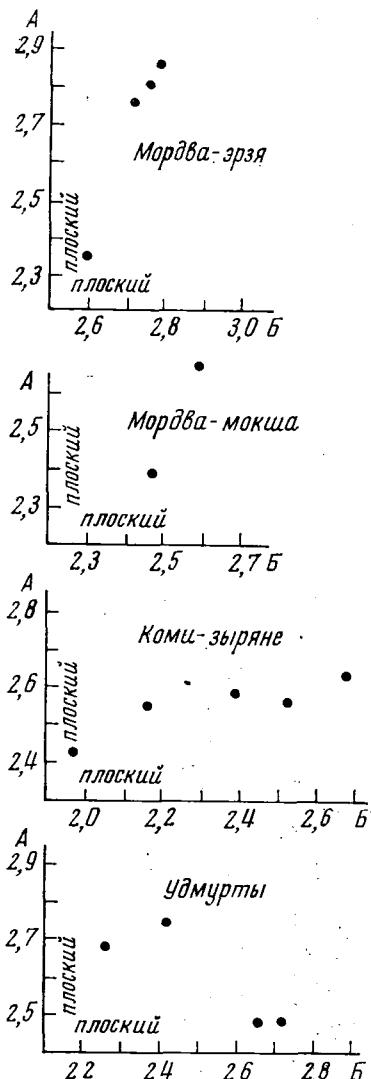

Рис. 7. Горизонтальный профиль лица (А) и поперечный профиль спинки носа (Б) в светлопигментированных финских группах

меньше, но значительно превосходит угол носа, известный по монголоидным группам.

Г. Ф. Дебец отнес эти черепа к смешанным урало-лапоноидным формам, однако, возможно, он был неправ, так как в смешанной группе профилярованность лица и носа обычно занимает промежуточное положение, близкое к срединному между исходными (рис. 9). Более вероятно, что шигирские черепа представляют собой особый антропологический вариант — остаток населения, уходящего своими корнями в местный мезолит. Очевидно, древнейшее местное население, которое в той или иной пропорции вошло в состав финнов и угров, было в значительной степени депигментировано. Процесс депигментации происходил, по мнению В. В. Бунака, на довольно широкой территории. «Под воздействием различных факторов — косвенной адаптации к климату освобождавшейся от ледников области в мезолитических группах балтийской зоны (в широком смысле этого термина) произошел сдвиг в сто-

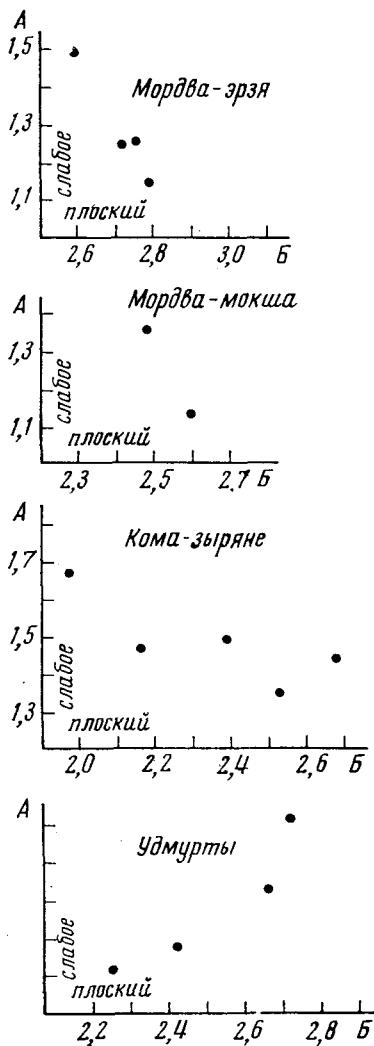

Рис. 8. Выступание скул (А) и поперечный профиль спинки носа (Б) в светлопигментированных финских группах

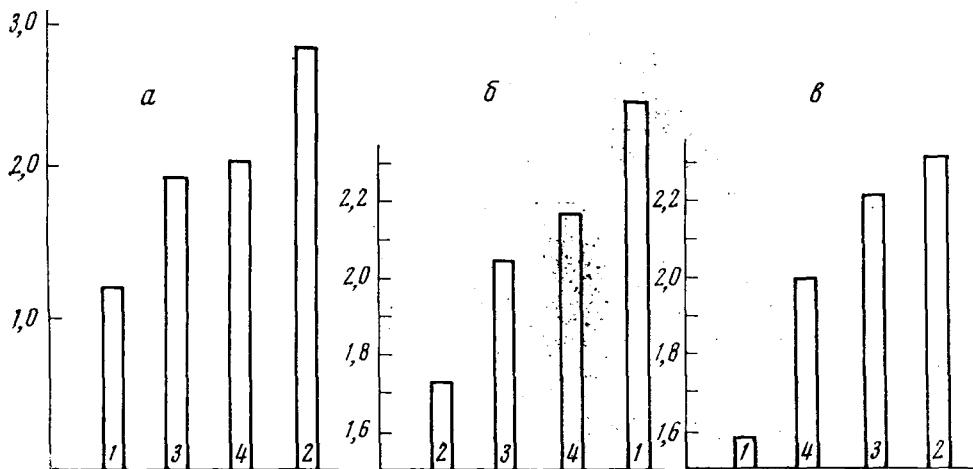

Рис. 9. Метисы индигирские (3) и ленские (4) на фоне якутов (1) и русских (2);
а — горизонтальный профиль лица, б — выступание скул, в — поперечный профиль спинки носа.

рону посветления окраски радужины (как и в других более далеких от балтийского побережья зонах)...»¹⁰. Возможно, что зона, где шло посветление окраски, распространялась далеко на восток и охватывала район Урала, а также простиралась на более южные территории.

Итак, рассматривая окраску радужины некоторых финно-угорских групп, в их составе можно найти следы древнейшего местного светлопигментированного плосколицего населения, безусловно, смешанного с другими типами. Рассмотрение этих типов — специальная задача, которой мы здесь не касаемся.

Изложенный в данном сообщении взгляд на происхождение уральской расы приближается к точке зрения В. В. Бунака.

---

¹⁰ В. В. Бунак, Вопросы расогенеза, стр. 180.

Т. Н. Романовская

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УРБАНИЗАЦИИ
И ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В МАРОККО**

Современная эпоха характеризуется быстрым процессом урбанизации, который происходит все интенсивнее и охватывает все большее число стран. Он типичен как для развитых, так и для развивающихся стран. В развивающихся странах урбанизация оказывает существенное влияние на многие стороны их социально-экономического развития¹.

Ускоренная урбанизация в странах Африки тесно связана с ростом культуры и изменением социальной структуры африканского населения.

В последнее десятилетие и в Марокко наблюдается рост городского населения. Вот как возрастила доля городского населения этой страны: в начале века она составляла 8—9%, в 1936 г.—16%, в 1950 г.—23,2%, в 1960 г.—28,6%, в 1971 г.—35,2%, в 1973 г.—36,8%.

По темпам урбанизации Марокко опережает многие африканские страны. Его население отличается высоким естественным приростом, превышающим 3,2% в год. Еще быстрее увеличивается городское население. Более 1/3 населения, численность которого по переписи 1971 г. составила 15,4 млн. чел., живет в городах. Таким образом, Марокко — одна из африканских стран с наиболее значительным уровнем урбанизованности².

Но рост городов, как это характерно для развивающихся стран, идет неравномерно. Наибольшая концентрация горожан приурочена к Атлантическому побережью, где в XX в. выросли крупные порты. Это было связано с развитием капиталистических отношений в стране и европейской колонизации, которая шла со стороны океана, а также с передвижением сельского населения в города.

В Марокко официально городами считаются не только населенные пункты с числом жителей, превышающим 5 тыс., но и более мелкие поселения, если они выступают как административные единицы³.

В начале XX в. городов в Марокко было всего 27, так как экономика опиралась исключительно на сельское хозяйство, в 1920 г.—40, а в 1936 г.—56; затем после второй мировой войны началось ускоренное развитие: в 1952 г.—92 города, в 1960 г.—107 городов⁴.

Итак, количество городов за 60 лет выросло в 4 раза. При этом число больших городов (с населением более 100 тыс. жителей) возросло с трех в 1936 г. до десяти в 1971 г.

¹ «Проблемы современной урбанизации», М., 1972, стр. 15.

² Ю. Д. Дмитревский, Африка. Очерки экономической географии, М., 1975, стр. 264.

³ М. Б. Горунг, Г. Н. Уткин, Марокко, М., 1966, стр. 197.

⁴ D. Noin, L'urbanisation du Maroc, «L'information géographique», Paris, 1968, vol. 32, № 2, p. 69.

Таблица 1

Динамика численности населения в больших городах за период 1960—1971 гг.*

Большие города	Число жителей, тыс. чел.		Рост населения за 11 лет	
	1960 г.	1971 г.	тыс. чел.	%
Касабланка	963	1,506	543	56,5
Рабат	228	530	226	74,3
Сале	76			
Марракеш	243	333	90	37,1
Фес	216	325	109	50,5
Мекнес	176	248	72	40,9
Танжер	142	188	46	32,4
Удъда	129	176	47	36,4
Кенитра	87	139	52	59,8
Тетуан	101	130	29	28,7
Сафи	81	129	47	58,0
Всего	2,443	3,704	1,261	51,6
Все городское население	3,412	5,410	1,998	58,5
Доля больших городов во всем городском насел., %	71,5	68,5	—	—

* Составлено по: H. A. w a d, Morocco's expanding towns, «Geographical Journal», 1964, vol. 130, № 11, p. 53; «Demographic yearbook», N. Y., 1972.

Число малых городов (менее 5 тыс. жителей) увеличивается в течение последнего времени довольно быстро. Если в начале XX в. их было 18, то в 1936 г.—42, в 1960 г.—84, а в настоящее время около 100.

Ежегодно численность горожан увеличивается на 5,5% (старых традиционных городов в глубине страны — на 3,5%, городов-портов Атлантического побережья — на 7%). Хотя больших городов лишь 10, основная масса горожан сосредоточена в них.

Из табл. 1 и данных о численности населения страны на 1960 г. (11,2 млн. чел.) и 1971 г. (15,4 млн. чел.) можно сделать следующие выводы: 1) прирост городского и сельского населения почти одинаков; 2) абсолютный рост населения в больших городах в 1,7 раза выше, чем в средних и малых; 3) относительный рост населения значительно выше в средних и малых городах, чем в больших (76 против 51,6%).

Быстрый рост всего населения в Марокко происходит в период, когда страна вступает в фазу развития национальной промышленности и перед государством встают многочисленные экономические проблемы. Темпы роста населения уже сейчас превышают темпы роста промышленности и сельского хозяйства. Это порождает трудности в обеспечении занятости горожан. Ускорение роста населения объясняется резким снижением смертности, особенно детской (что в свою очередь обусловлено достижениями медицины) при сохранении высокого уровня рождаемости.

Города в стране размещены неравномерно. Они отличаются не только своим географическим положением, но и функциональной структурой, что связано с разнообразием природных условий, исторических и социально-экономических факторов. В средневековые возникли города в северных и западных предгорьях Высокого и Среднего Атласа, где существовали благоприятные условия для развития земледелия. Позднее эти города превратились в феодальные столицы или крупные центры торговли и ремесла, например Фес, Марракеш, Мекнес. Фес был религиозным и экономическим центром северного Марокко. Расположенный на другом краю Атлантических равнин, Марракеш играл роль южной столицы. Но в XX в. в результате французской колонизации и развития капиталистических отношений роль традиционных столиц падает. Возникают и быстро растут города-порты на Атлантическом по-

Изменение этнического состава населения Марокко *

Группа населения	1956 г. (тыс. чел.)	1966 г. (тыс. чел.)	Абсолютные изменения, (тыс. чел.)	Относит. изменения, ,
Марокканцы-мусульмане	10,350 **	13,400	+3,050	+30
Евреи	170	60	-110	-65
Иностранцы (в том числе французы)	555 (320)	200 (102)	-355 -218	-64 -68
Все население	11,395	13,762	+2,367	+21

* Источник: A. Tia po, Le Maghreb entre les mythes, Paris, 1967, p. 18

** Численность марокканцев-мусульман вычислена с помощью метода линейной интерполяции по имеющимся данным на 1952 г. (8,560 тыс.) и 1960 г. (11,070 тыс.)

бережье, через которые осуществляются внешние связи страны. Это в основном транспортные, а часто даже уже и фабрично-заводские центры с развитыми торговыми и административными функциями. Цепочка их тянется с севера на юг от Кенитры до Касабланки; в них концентрируется почти половина всего городского населения⁵. Благодаря удобному географическому положению эти города быстро развивались и после провозглашения независимости.

На севере, вдоль побережья Средиземного моря, также возникла сеть городов, самые крупные из которых — Танжер и Тетуан длительное время находились под господством Испании. В результате этого они оказались оторванными от остальной части страны и развивались самостоятельно, независимо от марокканской экономики. Но после провозглашения независимости они вошли в состав государства. В Танжере и Тетуане низкий уровень роста населения (особенно Тетуан — см. табл. 1). Это следствие эмиграции населения — европейцев (французов, испанцев) в Европу, евреев в Израиль и алжирцев в Алжир.

Рост городов в Марокко шел не только за счет притока из сельской местности берберов, составляющих самую древнюю и многочисленную часть его населения, и арабов, но также и за счет иммиграции, которая не прекращалась на протяжении всего колониального периода. В 1961 г. в стране проживало около 340 тыс. европейцев, в основном французов. За последние годы французское население значительно сократилось и в 1972 г. составляло уже 80 тыс. чел.⁶ Кроме французов и испанцев, в городах было много евреев. Национальная конфронтация (европейцы — арабы — евреи) проявлялась как в классовых отношениях, так и в разделении городов на национальные кварталы и районы.

За последние 5—10 лет, как пишет Даниэль Нуан, автор исследования «Урбанизация Марокко», особенно ускорилась эмиграция еврейского населения. Почти все «меллахи» (еврейские кварталы) старых городов покинуты евреями. Что касается населения европейского происхождения, то наибольшая его концентрация — в Касабланке, Рабате, Танжере; в других городах его численность незначительна и продолжает уменьшаться. Алжирцы начали эмигрировать с 1960 г. и сейчас почти полностью покинули страну⁷.

Несмотря на эмиграцию европейцев и евреев, общая численность жителей страны увеличилась за 1956—1966 гг. на 21%.

⁵ А. Е. Слука, Население и трудовые ресурсы городов Марокко, «География трудовых ресурсов капиталистических и развивающихся стран», М., 1971, стр. 392, 393.

⁶ «Royauté du Maroc», «Europe outre-mer», 1973, vol. 50, N 521.

⁷ D. Noip, Указ. раб., стр. 78.

Население городов стало более однородным. В городах происходит объединение разнородных и разноклассовых групп населения и консолидация арабского (отчасти и берберского) населения в крупную мароккансскую нацию. По переписи 1971 г. марокканцы арабо-берберского происхождения составляли 15,2 млн. чел. (все население страны — 15,4 млн. чел.)⁸.

Основные особенности современного хозяйства страны сложились в годы колониальной зависимости, когда страна была превращена иностранным капиталом в источник сельскохозяйственного и минерального сырья. Колониальные державы, заинтересованные прежде всего в эксплуатации природных и людских ресурсов, навязали аграрно-сырьевое развитие марокканской экономике. Ориентация экономики на внешний рынок в колониальный период явилась важной причиной усиления неравномерности размещения производительных сил. В основном промышленные предприятия тяготели к прибрежным районам, ближе к международным путям, в ущерб внутренним районам.

После провозглашения независимости началась «марокканизация» экономики, т. е. перевод ее на путь национального развития. Однако позиции французского монополистического капитала существенно не были подорваны. Государство располагает ограниченными финансовыми возможностями, поэтому для осуществления своих экономических программ марокканское правительство сделало ставку на иностранную помощь. С середины 1960-х годов в Марокко большое значение стали приобретать смешанные компании, в которых наряду с национальным участвует капитал США, Франции, Бельгии, ФРГ, Италии, Англии. Капиталистическая ориентация экономики страны широко открывает двери неоколониализму.

По уровню промышленного развития Марокко занимает одно из первых мест среди африканских стран, уступая лишь ЮАР, АРЕ, Алжиру. Однако Марокко, как и другим развивающимся странам, свойственно одностороннее и довольно слабое развитие промышленного производства. Структура и размещение промышленности отличаются большими диспропорциями, которые унаследованы от колониального периода. Промышленность развивалась главным образом за счет добычи полезных ископаемых. Предприятия обрабатывающей промышленности, которые возникли в колониальный период, концентрируются в крупных приатлантических городах. В районе Касабланки и близлежащей Мехмадии находится более половины промышленных предприятий страны и производится приблизительно две трети ее промышленной продукции. Касабланка — экономическая столица современного Марокко и один из крупнейших и быстро растущих городов Африки. Если в 1907 г. это был маленький город с населением в 20 тыс. чел.⁹, то в 1972 г. его население составляло 1560 тыс. чел.¹⁰. Касабланка выросла благодаря порту, через который экспортируются фосфориты, и связям с внешним миром; город превратился в крупный торгово-финансовый и промышленный центр страны.

Другие промышленные города уступают комплексу Касабланка — Мехмадия. Так, на промышленный центр Сафи приходится лишь 4% промышленной продукции. Крупнейшее предприятие Сафи — химический комбинат, но всемирную известность здесь приобрел порт, на основе которого выросла крупная рыбная промышленность (консервирование сардин, производство рыбьего жира и рыбьего порошка). В Рабате, Фесе, Марракеше промышленность занимает скромное место. На каждый из этих городов приходится 3% промышленной продукции¹¹. В приго-

⁸ «Royaume du Maroc», «Europe ouïe-moi», 1974, vol. 51, № 532.

⁹ Ф. Жюли и др. География Марокко, М., 1951, стр. 110.

¹⁰ «Demographic Yearbook», N. Y. 1973.

¹¹ Б. П. Верин, На Марокканской земле, М., 1972, стр. 93.

породах Рабата имеются мукомольные заводы, текстильные фабрики. Фес и Марракеш — старые средневековые столицы Марокко — потеряли сейчас былую силу, но они по-прежнему остаются крупными центрами кустарно-ремесленного производства. К тому же Фес — второй в стране после Касабланки центр текстильного производства, Марракеш специализируется на обработке и консервировании овощей и фруктов, Кенитра — менее крупный, но сравнительно развитый в промышленном отношении портовый город. По объему продукции он соперничает с Рабатом, Фесом. В других крупных городах страны расположены преимущественно предприятия местного значения — такие, как цементные, металлообрабатывающие, ремонтные заводы, а также предприятия кустарно-ремесленного производства. Это относится к Мекнессу, Тетуану, Танжеру, Удже. В то же время ряд промышленных объектов, играющих важную роль в марокканской экономике, возник вдали от крупных городских центров. Это многочисленные горнодобывающие предприятия и заводы по переработке овощей и фруктов.

Главную роль в горнодобывающей промышленности играет добыча фосфоритов (в этой области Марокко занимает второе место среди капиталистических стран). Она ведется в районе Хурибги ($\frac{3}{4}$ производства) и Юсуфии — в юго-западной части страны. Важное значение имеет добыча марганцевой руды¹².

По новому пятилетнему плану (1973—1977 гг.) предусмотрено дальнейшее развитие промышленности как в прибрежной полосе, так и во внутренних районах. Планом намечен ежегодный прирост продукции промышленности на 7,5 %. Индустриализация делает упор на развитие текстильной промышленности, пищевой, металлургической, химической и строительных материалов. В период осуществления этого плана экономика страны попадет в еще большую зависимость от иностранных капиталовложений. Это тяжкое бремя для государства, но пока у страны нет другого выхода, чтобы преодолеть свою отсталость¹³.

Современную сеть городских поселений Марокко можно разделить на несколько групп:

- города, выросшие вдоль Атлантического побережья, через которые осуществлялась связь с метрополией;
- города Средиземноморского побережья, которые длительное время были оторваны от страны в связи с испанской колонизацией;
- внутриматериковые города, возникшие в средневековье, но в колониальный период утратившие свое былое значение;
- города, которые являются центрами сельскохозяйственного производства или туризма;
- новые промышленные города, растущие как вдоль побережья, так и внутри страны в результате освоения пустыни.

Марокканские города по большей части состоят из нескольких разнородных частей. Особенно это относится к приморским городам, которые четко делятся на две части: европейскую — с высокими домами, прямыми улицами, и мусульманскую — «старый город» (медина), с узкими извилистыми улицами, глухими стенами домов и непременным рынком (сук), многочисленными минаретами мечетей и обособленным еврейским кварталом.

Города внутренних районов страны в значительной мере сохранили старинный облик. Некогда город строили вокруг средневековой крепости — казба. Он был окружён высокими зубчатыми стенами с угловыми башнями. Уже давно центр городской жизни переместился в торговые кварталы, к рынку, к его ремесленным рядам, расположенным вдоль уз-

¹² Ю. Д. Дмитревский, Указ. раб., стр. 322.

¹³ «Morocco's new emphasis on industry», «Middle East Economic Digest», London, 1973, vol. 17, № 23, p. 646.

ких темных улиц. Однако крепость — казба — как мрачный символ средневековья все еще возвышается над городом, над его кривыми улицами и домами, обращенными фасадами внутрь дворов. Украшение города — мечети. Их купола и стрельчатые минареты определяют внешний облик мусульманского города.

Для многих городов характерно наличие особых кварталов («бидонвиллей»), где ютится беднота в жалких лачугах, выстроенных из разного хлама. Это наследие колониального режима. Обезземеливание и нищета вынуждают крестьян уходить на заработки в города. До сих пор ежегодно в города прибывает около 70 тыс. чел. из деревни¹⁴. Главными центрами притяжения сельских жителей служат города, расположенные на Атлантическом побережье и примыкающих к нему равнинах, а также на северо-востоке страны — Уджа, Таза. Миграция сельского населения резко обострила жилищную проблему. В «бидонвиллях» живет более 25% городского населения. При сохранении тех же темпов миграции население трущоб к 1985 г. достигнет 5 млн. чел. Большинство жителей «бидонвиллей» не в состоянии платить даже скромную квартплату. В Касабланке население трущоб почти удвоилось за последние 20 лет. Многочисленные группы бараков появляются вокруг крупных городов (Рабат, Фес, Марракеш) и менее крупных (Агадир, Сетат, Надор)¹⁵.

Спонтанное и хаотическое нагромождение «бидонвиллей» — серьезное препятствие для реализации программ жилищного строительства и реконструкции центральных и окраинных зон марокканских городов. Неоднократно попытки правительства силой ликвидировать бидонвилли вызывали упорное сопротивление со стороны мигрантов. Бидонвилли, лишенные элементарных удобств, становятся рассадниками всевозможных болезней и эпидемий.

Таким образом, быстрый прирост населения городов, неадекватный темпам экономического развития, — один из важных факторов, препятствующих осуществлению планов национального развития.

Существенная черта урбанизации Марокко — сравнительно низкий удельный вес самодеятельного населения. Всего в стране занято 3,7 млн. чел. (или 24% всего населения), несмотря на участие в трудовой деятельности подростков. Это объясняется слабым развитием производительных сил страны в связи с колониальным господством в прошлом, недостаточным участием женщин в несельскохозяйственном труде и высокой долей молодых возрастов (число жителей страны моложе 20 лет составляет 56%), сказывается и низкая грамотность.

Для средних и крупных городов особенно характерна низкая степень занятости населения в общественном производстве; при этом более половины занятых трудятся вне сферы материального производства — в торговле, административном аппарате, армии и полиции, в сфере обслуживания. Такая структура занятости отражает функциональные особенности марокканских городов. Это прежде всего торгово-административные центры, в которых развиты ремесленное производство и сфера услуг. Только в отдельных городах на первом месте стоит промышленная функция (Хурибга, Джерада, Уджа, Бер-Рашид). Велики различия в характере занятости между отдельными этническими группами населения. Французы составляют привилегированную категорию, отличающуюся как по своему образовательному уровню, так и по общественному положению. Больше всего их занято в управлении (высокопоставленные чиновники), в сфере здравоохранения, науки, просвещения; многие из них — лица свободных профессий, владельцы торговых заведений, квалифицированные рабочие и технические специалисты. Среди французов почти нет безработных.

¹⁴ «Royaume du Maroc». «Europe outre-mer», 1973, vol. 50, № 521.

¹⁵ D. N o i p, Указ. раб., стр. 81.

Испанцы и евреи в основном торговцы и ремесленники. В отличие от французов среди них мало государственных чиновников и работников сферы управления. Марокканцы, которые составляют основную часть жителей городов, в большинстве своем не имеют производственной квалификации и занимают низкие, плохо оплачиваемые должности, многие из них вообще не имеют постоянной работы.

Что касается структуры населения малых городов, то здесь высока доля занятых в сельском хозяйстве и военнослужащих (военные гарнизоны), и наоборот, меньше работающих в строительстве и на транспорте, в сфере обслуживания и финансовых учреждениях.

Проблема использования трудовых ресурсов — одна из острейших социально-экономических проблем, так как население городов растет гораздо быстрее, чем число рабочих мест в них. Официальная статистика долгое время не признавала существования безработицы в стране. В последние же годы регулярно публикуются данные о количестве зарегистрированных безработных.

В 1974 г. в стране насчитывалось 350 тыс. безработных (10% самодеятельного населения). Безработица велика среди трудоспособных лиц всех возрастов. У мужчин показатель занятости растет до 35 лет, потом сохраняется примерно на одном уровне до 50 лет. Среди 50-летних мужчин занятость уже ниже, а процент безработных наиболее высок. Это связано с тем, что люди рано выталкиваются из сферы производства. Трудовая активность женщин выше всего до замужества, а также в возрасте 35—55 лет. (дети уже подросли, немало вдов и разведенных женщин, вынужденных работать). Занятость в городах ограничена из-за слабо развитого промышленного сектора, но правительство надеется, что в период осуществления пятилетнего плана 1973—1977 гг. количество безработных будет сокращено до 255 тыс. чел. Предполагается, что численность населения возрастет до 17—18 млн. чел.¹⁶ по сравнению с 16 млн. чел. в настоящее время¹⁷. О застоеном характере безработицы свидетельствует табл. 3. Как показывают приведенные данные, две трети безработных не могут найти работу более двух лет. Особенно страдает от безработицы население младших возрастных групп.

Для решения проблемы занятости новый пятилетний план рекомендует развитие не только капиталоемких, но и трудоемких отраслей народного хозяйства и их рациональное размещение. В связи с этим приобретает большое значение проблема кадров, особенно технических специалистов. Ощущается острая нехватка людей со специальным средним и высшим образованием. Для ограничения масштабов безработицы правительство разработало программу так называемого национального подъема в целях привлечения части безработных на работу по благоустройству городов, строительству и ремонту дорог и т. д. Предлагается расширить строительство промышленных предприятий. Так, в 1973 г. в г. Салепущен в эксплуатацию новый завод железобетонных изделий, проектируется порт на Средиземном море близ Мелильи, металлургический комбинат в Надоре, строятся новые ТЭЦ в Рош-Нуаре (Касабланка) и Ке-

Таблица 3
Распределение марокканских безработных по длительности безработицы (в %)

Продолжительность безработицы	Мужчины	Женщины
Менее 1 года	18,5	20,1
От 1 до 2 лет	16,4	16,5
Более 2 лет	65,1	63,4
Всего:	100,0	100,0

* Составлено по: А. Тиано, *Maghreb entre les mythes*, Paris, 1967, p. 30.

¹⁶ «Morocco's new emphasis on industry», p. 646.

¹⁷ «Demographic yearbook», N J., 1974, p. 109.

нитре и т. д. Одновременно делаются попытки уменьшить армию безработных с помощью эмиграции рабочей силы. Ежегодно из Марокко уезжают на работу во Францию, Бельгию, Голландию, ФРГ 10 тыс. чел. В 1971 г. 170 тыс. марокканцев проживало во Франции. Эмиграция рассматривается государством как определенная помощь в решении проблемы трудоустройства избыточного населения.

Правительство предприняло ряд мер по регулированию размещения промышленности: децентрализация промышленности в отсталых районах, развитие инфраструктуры, предоставление финансовой помощи через государственные корпорации, оказание помощи частным предпринимателям в виде субсидий, кредитов. Государство пытается решить проблемы, вызванные урбанизацией, путем развития второстепенных городов и превращения их в промышленные центры. Например, в районе Бергента сооружается вискозно-целлюлозный комбинат, в Мохаммедии с помощью частных фирм строятся бумажные фабрики. В 1968 г. началось освоение нового района добычи фосфоритов — Бенгерир. Все это способствует увеличению рабочих мест для населения малых и средних городов.

Многие черты урбанизации в Марокко характерны для других развивающихся стран, особенно в социально-экономическом плане. Урбанизация ведет к обострению продовольственной проблемы. В крупных городах, при низкой покупательной способности основной массы жителей, систематически растут цены на продовольствие.

На протяжении последних десятилетий в Марокко появились высшие формы индустриальной стадии урбанизации — развивается ряд городских агломераций со сложными функциями и выраженной иерархией городов, складываются системы городов. В настоящее время усиленный процесс урбанизации выступает в роли своеобразного стимулятора, заставляющего правительство Марокко решать вопросы, связанные с осуществлением социально-экономических преобразований, ибо только такой путь приведет к ликвидации диспропорций между производством и потреблением.

Г. Н. Гоцко

**К ВОПРОСУ О ЖЕНСКОМ ОБРАЗОВАНИИ
В ТАНЗАНИИ**

(ПО СУАХИЛИЙСКИМ ИСТОЧНИКАМ)

Добившись независимости, народы Объединенной Республики Танзания поставили перед собой цель построить новое общество, основанное на принципе равенства граждан независимо от расы, племенной принадлежности, политических взглядов, цвета кожи и пола. Правительство начало уделять большое внимание развитию народного образования. Так, начальное образование в стране стало бесплатным, расширена сеть специальных средних учебных заведений, в Дар-эс-Саламе открылся первый в стране университет. Все это привело к ощутимому росту культурного уровня народа, к увеличению числа специалистов, необходимых для народного хозяйства.

Особое значение в этой связи имеет решение комплекса вопросов, касающихся общего и профессионально-технического образования женщин и вовлечения их в общественное производство.

Глава государства и лидер правящей партии ТАНУ Джалил Ньере неоднократно говорил о том, что построение нового общества и дальнейшее развитие экономики страны невозможны без привлечения к участию в общественном производстве женщин Танзании. Вместе с тем руководители государства отчетливо понимают, какие трудности их ожидают на этом пути.

Круг интересов и обязанностей женщины столетиями замыкался на семье. Груз вековых традиций, отделявших женский труд от мужского, закреплявших их социальное неравенство, весьма ощутим и сегодня. Вот что говорит по этому поводу Дж. Ньере: «Женщины выполняли и все еще выполняют значительно больше работы, чем мужчины. Но они не получают ни большего вознаграждения, ни больше почета, чем мужчины. ...Их жизнь была рабством. ...Униженное положение женщин было одной из главных причин, препятствовавших нашему прогрессу. Если мы хотим успешного и быстрого развития, мы должны сейчас предоставить женщинам полную свободу»¹. При этом нужно иметь в виду, что само содержание понятий «свобода» и «равенство» в применении к женщинам в Танзании и вообще в Тропической Африке существенно отличается от того, которое в них вкладываем мы.

Чтобы правильно понять специфику женского вопроса в Танзании, необходимо обратиться к прошлому этой страны, рассмотреть особенности социальной структуры её общества в доколониальное, а отчасти — в колониальное время. Ибо именно изучение истории развития традиционных обществ нередко дает ключ к пониманию тех или иных сторон процесса социального развития современного общества.

¹ J. Nyerere, Ujamaa, Dar es Salaam, s. a., p. 106.

Следует прежде всего отметить, что в Восточной Африке в социальном плане под словом «женщина» (*mke*) традиционно подразумевается лишь замужняя женщина, имеющая хотя бы одного ребенка. В эту категорию не будут входить ни девушки, достигшие брачного возраста, ни женщины, состоящие в браке, но оставшиеся бездетными.

Как можно заметить по современным газетным материалам на языке суахили, когда необходимо сказать о чем-либо, касающемся женщин в широком смысле понимания этого слова, то вместо слова «*wanawake*» (мн. ч. от *mke* — женщина) используют словосочетание «*akina mama*» (собираят.— «женский род»).

Если об обществе побережья Восточной Африки в целом мы располагаем сведениями, хотя и немногочисленными, почерпнутыми из письменных источников на языке суахили различной давности, то документальных материалов, специально посвященных характеристике социального положения женщин, мы фактически не имеем.

Некоторое представление о положении женщин в традиционном обществе суахили нам дают литературные произведения на языке суахили, и в первую очередь поэма «Сказание Мвани Купона»², произведения классика суахилийской литературы, писателя-гуманиста Шаабана Роберта, а также тексты «Обычаи суахили», записанные и изданные профессором Берлинского университета Карлом Фельтеном в 1898 г.³

Если рассматривать население побережья Восточной Тропической Африки, т. е. городов и деревень суахили, то сложность социальной характеристики женщин усугубляется многими причинами. Суахилийское общество уже в доколониальный период было классовым. Его структура тогда включала такие категории, как знать, свободнорожденные, вольноотпущенники и рабы. В. М. Мисюгин пишет: «Суахилийское общество обладало довольно сложным сословно-классовым делением, хотя и сохраняло некоторые пережитки родового строя»⁴. Кроме того, следует учитывать, что эта структура суахилийского общества усложнялась различным имущественным уровнем членов этих групп, который был в известной мере независим от их социального статуса: например, раб мог быть богаче свободного.

В соответствии с социальным делением общества и женщины могли относиться к категории знатных, свободнорожденных и рабов. Однако, если говорить о женщинах в восточноафриканском понимании этого слова, то полного параллелизма в положении этих групп среди мужчин и женщин все же не было.

Принадлежность мужчины к определенной социальной категории определялась рождением, с одной стороны, и имущественным положением — с другой. При этом изменение имущественного положения не обязательно вело к изменению социального положения. Так, например, если раб в силу каких-то обстоятельств наживал собственное имущество, то при этом он все равно оставался рабом. Точно так же увеличение благосостояния вольноотпущенника не приобщало его к свободнорожденным. Что же касается женщин, то их социальное положение по рождению сохранялось лишь до замужества. После замужества оно могло претерпеть существенные изменения, ибо основной формой брака была полигамная семья, в которой, как правило, только главная жена находилась в социальном соответствии с мужем. В такой семье, помимо свободнорожденных женщин, могли быть и рабыни, которые находились там либо в качестве наложниц, либо просто прислуги. Однако после

² A. Werner, The Utendi of Mwana Kupona, «Harvard African Studies», I, 1917, p. 147—181.

³ C. Velten, Sitten und Gebräuche der Suaheli, «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen», Abt. III, Ivg. I, 1898, p. 9—85.

⁴ В. М. Мисюгин, Основные черты этнической истории суахили, канд. дис., Л., 1966, стр. 1—11.

рождения ребенка, и особенно сына, от своего господина они меняли свой социальный статус и по существу причислялись к свободнорожденным женам.

В «Обычаях суахили» мы читаем следующее: «Также не позволяет свободному мужчине жениться на чьей-нибудь рабыне, кроме как в двух случаях: во-первых, если ему нечем кормить свободную женщину, и, во-вторых, если он не накопил средств на выкуп, чтобы жениться на свободной женщине»⁵. Таким образом, мы видим, что в сущности не возбранялись и браки с рабынями.

Женщины неимущих слоев суахили занимались такой же трудовой деятельностью, как и женщины в любом восточноафриканском племени. Они должны были обрабатывать землю, ухаживать за посевами и вести все домашнее хозяйство. Женщина была хозяйством дома и по существу распоряжалась всей жизнью в нем. Изготовление циновок, глиняной посуды и другой необходимой домашней утвари также было обязанностью женщины. Им же принадлежало право продавать свои изделия и распоряжаться полученными доходами, которые зачастую составляли основной доход семьи.

В повести Шаабана Роберта, посвященной жизнеописанию известной занзибарской певицы Сити бинти Саад, рассказывается, что прежде чем стать певицей Сити жила в деревне. Мы читаем: «Сити вместе с подругами ходила в город. Как обычно, на голове она носила на продажу горшки собственного изготовления»⁶.

Мужчины ухаживали за кокосовыми пальмами и занимались ремеслом, которое было отделено от сельского хозяйства (ткачеством, кузнецеством, изготовлением лодок), и также имели право продавать свои изделия. Основные же занятия мужчин были так или иначе связаны с морской или караванной торговлей.

Принятие ислама не изменило по существу положения мужчин и женщин суахили, не относящихся к высоким слоям общества, хотя многие суахилийские обычай, в том числе и некоторые связанные с женщинами, считаются мусульманскими.

Обычно положение женщины — и в представлении самих африканцев, и в описаниях европейских исследователей — находилось в прямой связи с положением ее мужа. Даже такое произведение, как поучение Мваны Купона, представляющее собой своеобразный моральный кодекс суахилийской женщины, построено таким образом, что излагаемые в нем обязанности женщины, а в известном смысле и ее права, рассматриваются через призму ее поведения по отношению к мужу.

Мвана Купона жила в первой половине XIX в. и умерла предположительно около 1860 г. Она родилась в Пате, а затем жила на о. Ламу. Она была замужем за человеком, происходившим из старинной знатной семьи, и имела дочь и четырех сыновей. Поучение в стихотворной форме было продиктовано ею дочери, когда сама она уже была тяжело больна и прикована к постели. Поэма носит характер родительского наставления дочери и руководства в жизни. Она получила широкое распространение на островах и побережье Восточной Африки в рукописях и в устной передаче. Поэма эта ценна не только как пример традиционного поэтического творчества суахили, но и как литературное произведение, так или иначе проливающее свет на положение женщин-суахили.

Поэма состоит из 100 строк и начинается традиционным вступлением: приглашением выслушать и записать последние наставления матери. Вот что мы читаем в поэме об отношении женщины к своему мужу:

⁵ C. Veltén, Указ. раб., стр. 26.

⁶ Shaaban bin Robert, Wasifu wa Siti binti Saad, «Diwani ya Shaaban», 3, Daz es Salaam, 1970, uk. 4.

Живи с ним прилично.
Не серди его.
И когда он говорит, не отвечай ему:
Старайся молчать.
Пока он спит, не отходи от него,
И не разговаривай громко.
Сиди около, не вставай,
Чтобы проснувшись, он сразу увидел тебя.

То, что он даст тебе, прими
С радостью в сердце.
А о том, что он не хочет сделать для тебя,
Нет надобности говорить ему об этом.

Это наставление, касающееся взаимоотношений дочери с мужем. Мвана Купона убеждает дочь, что муж распоряжается ее жизнью не только в этом мире, но и в будущем; от его воли зависит, куда после смерти попадет жена: в рай или в ад.

Согласно суахилийским обычаям, в повседневной жизни женщина должна была придерживаться довольно жестких правил поведения. Большое внимание уделяет Мвана Купона в своих нравоучениях дочери манере поведения с различными людьми. Но при этом нетрудно заметить, что они носят явную социальную окраску.

Например:

Не заносись
Перед людьми благородными.
Если ты их увиديшь где-либо,
Поклонись, окажи им уважение.

Но далее:

Не вступай в разговоры с рабами,
Кроме как по необходимости...

Как записано в «Обычаях суахили», женщина не должна появляться с открытым лицом на улице или перед чужими мужчинами, если они не рабы. Если в дом суахилийца пришел гость, то жена хозяина должна избегать его, иначе «...каждый человек, которому не будет оказано уважение женщинами согласно обычая суахили, подумает про себя: эта женщина поступила со мной, как с рабом, или посчитала меня нъямвэзи (т. е. деревенщиной) или сочла меня дураком. И все эти три вещи непременно оскорбят мужчину»⁷.

Дочь знатных родителей могла только в случае крайней необходимости появиться на улице днем одна. Обычно же выходить из дома она могла лишь вечером, в сопровождении раба или пожилой женщины, с головой, покрытой платком так, чтобы никто не мог видеть ее лица.

Различия в правах и обязанностях мужчин и женщин ощущались уже с детства, начиная с особенностей их воспитания. Даже те немногочисленные источники, которыми мы располагаем, отчетливо показывают, что при воспитании мальчиков и девочек преследовались различные цели.

В «Обычаях суахили» говорится: «Существуют прежде всего три дела, которые отец должен сделать для своего сына: первое — послать его в школу, второе — провести его через кумби⁸ и третье — женить его»⁹. Таким образом, мы видим, долг обучить сына грамоте был у суахили первостепенным.

⁷ С. Вельтеп, Указ. раб., стр. 11.

⁸ Кумби (kumbi) — специальная хижина, где содержат мальчиков перед обрезанием и совершают обряд обрезания.

⁹ С. Вельтеп, Указ. раб., стр. 19.

Иначе обстояло дело с девочками. Обычно ее растили в доме так, чтобы ее не видели посторонние мужчины. С восьми лет она обучалась всему тому, что должна уметь женщина: вести дом, искусно готовить пищу, плести циновки, лепить горшки и т. п. Затем, если этого захочет отец, ее могли отдать в школу.

Но вот что записано у Фельтена: «...суахилийским девочкам не обязательно всем учиться. Считается счастьем, когда учится одна из ста»¹⁰.

Правда, среди высших социальных слоев образованные женщины не были столь редким исключением. Такой, например, образованной для своего времени женщиной была Мвана Купона. Но основная масса суахилийских женщин из поколения в поколение оставалась неграмотной.

Колониальный период в истории Танзании внес коренные изменения в экономическое и социальное развитие страны. Все наиболее удобные для обработки земли были насильственно отняты у местного населения. Эти земли очищались для белых колонистов. Кроме того, африканцы были лишены возможности заниматься своим традиционным промыслом — морской и караванной торговлей. Все это вызвало отход основной массы трудоспособных мужчин в города, в центры развивающихся колонизаторами отраслей промышленности.

В районах горнодобывающей промышленности и в районах развития крупного плантационного хозяйства возникали зародыши новых классов, характерных для капиталистического общества. Те же районы, природные ресурсы которых не представляли интереса для колонизаторов, служили лишь резервуаром дешевой рабочей силы.

Но отходничество среди женщин было явлением исключительным. В деревнях на их плечи падали все сельскохозяйственные работы, традиционное половозрастное разделение труда теряло свое значение.

Общее тяжелое положение местного населения усугубляла расовая дискриминация.

В этих условиях возможность для африканцев получить образование практически сводилась к минимуму. Одним из немногих африканцев, получивших образование в условиях колониального режима, был Шаабан Роберт. Высокообразованный человек, он стал не только видным писателем, но и общественным деятелем. И, несмотря на это, в течение долгих лет он работал мелким государственным служащим в таможне. У писателя была дочь, и он очень хотел, чтобы она училась. Но как трудно было девочке получить образование в колониальной Танганьике, хорошо видно из автобиографической повести «Моя жизнь». Дочь Шаабана Роберта была одной из трех учениц, успешно выдержавших выпускные экзамены в начальной школе. Из них только одна была зачислена в государственную школу и получила возможность учиться дальше, остальные должны были самостоятельно искать пути продолжить образование.

Вот что писал по этому поводу Шаабан Роберт: «Я был согласен устроить дочь в любой школе, где есть классы для девочек, в Кении или Уганде. Я был готов уплатить любую плату, если бы я получил положительный ответ, но этого не случилось. Из одной школы ответили, что они не имеют возможности принимать детей из другой страны; из второй ответили, что они не могут принять (мою дочь.—Г. Г.), так как девочкам трудно учиться; из третьей я тоже получил отказ»¹¹.

Лишь с большим трудом ему удалось найти место в школе для своей дочери. Будучи человеком образованным, Шаабан Роберт много внимания уделял воспитанию дочери и с этой целью написал для нее «Поэму на память» («Utenqî wa hatî»), которая была включена им в повесть «Моя жизнь».

¹⁰ Там же, стр. 20.

¹¹ Shaaban bin Robert, Maisha yangu, «Diwani ya Shaaban», 1, Dar es Salaam, 1970, uk. 62—63.

И по манере изложения, и по содержащимся в ней наказам дочери, она очень похожа на «Utendi wa Mwana Kiprona». Многие из его наказов также основаны на законах религиозной морали. Но эти произведения разделяет сто лет, и поэма Шаабана Роберта имеет одно существенное отличие: она содержит наказ о необходимости учиться и трудиться. Он пишет: «Богатство страны — это люди. Люди эти не могут принести пользу своей стране, если они не получат в детстве хорошего воспитания. Я хотел бы, чтобы моя дочь оказалась в будущем в числе лучших людей»¹².

Эти строки как нельзя лучше раскрывают прогрессивное для своего времени и своей среды мировоззрение автора, созидающего необходимость активно содействовать процветанию своей страны. Он и дочери прививал чувства высокой гражданственности. Шаабан Роберт проявляет ту же заинтересованность судьбой африканской женщины, говорит о необходимости изменить эту судьбу в другой своей повести «Жизнь Сити бинти Саад, занзибарской певицы»¹³. Шаабан Роберт по достоинству оценил подвиг Сити, которая, будучи простой неграмотной женщиной, стала певицей, известной не только в своей стране, но и далеко за ее пределами. Автор показывает, насколько труден и тернист был путь актрисы к славе.

Он писал: «Главное достоинство, которое в нашей стране признавали за женщиной, была благочестивая жизнь в уединении... Бедная нев замужняя женщина не могла себя содержать, этот обычай нужно было изменить. И если Сити ставила себе такую цель, стремясь стать певицей, то, значит, она была одной из великих преобразовательниц положения женщин в Восточной Африке»¹⁴.

Колониальный период, создавший в Танзании особый тип социальной структуры — колониальное общество,¹⁵ не изменил, как мы видим, существенно судьбу женщин.

* * *

Принцип равного положения женщин с мужчинами в независимой Танзании не только провозглашен, но и закреплен законодательным путем.

Женщины наряду с мужчинами получили политические права, и в 1965 г. пять из них были избраны в высший орган страны — национальное собрание. Женщины Танзании имеют свою общественную организацию — Союз женщин Танзании, которая представляет собой секцию ТАНУ, и, таким образом, является проводником политики правящей партии среди женщин. Цели и задачи Союза отражены в уставе организации. В нем говорится, что женщины должны стремиться к объединению и участию в обеспечении прогресса страны. Члены Союза должны способствовать распространению образования среди женщин и улучшению охраны их здоровья.

Одна из насущных проблем, которую ТАНУ решает при помощи Союза женщин, — просвещение женщин для вовлечения их в общественное производство.

Министерство общественного развития совместно с «Союзом женщин Танзании» разработало план организации общего и специального женского образования. В качестве первоочередной задачи план предусматривает огромную работу по ликвидации неграмотности среди женщин и повышению их производственной квалификации. В соответствии

¹² Там же, стр. 62.

¹³ Sh a a b a n Robert, Wasifu wa Siti binti Saad, uk. 26—35.

¹⁴ Там же, стр. 26.

¹⁵ См.: Н. М. Гиренко, Колониальный режим и традиционные социальные институты (на примере Танзании), «Сов. этнография», 1974, № 1.

с этой программой была создана широкая сеть классов и групп по ликвидации неграмотности, работа которых широко освещается на страницах органа партии ТАНУ газеты «Ухуру»¹⁶. По окончании этих курсов женщины получают специальные удостоверения. Но это только один аспект деятельности партии и Союза женщин в области образования. Не менее остро стоит вопрос о необходимости более широкого привлечения женщин в средние и высшие школы. Этому вопросу посвящена большая статья Т. М. Мшуза в газете «Ухуру»¹⁷. Автор статьи подробно рассматривает вопрос о необходимости увеличения вклада женщин в дело процветания нации. В связи с этим он выдвигает ряд проблем, требующих скорейшего разрешения. Прежде всего нужно обеспечить женщинам равные с мужчинами возможности получить образование. Но, как признает автор, «такая возможность нам пока только снится», ибо велика сила старых традиций и обычаев, согласно которым единственное назначение женщины — быть матерью и хозяйством дома. Лишь этому ее и обучали. Теперь, чтобы предоставить ей равные с мужчинами возможности учиться, нужен прежде всего существенный психологический сдвиг в сознании самих женщин, нужно бороться с косностью старых обычаев, нужно вырвать женщину из-под влияния родни (uko), нужно разрушить веками существовавшее половое разделение труда. Все эти вопросы имеют большую остроту в деревне, нежели в городе. Число учащихся девочек, даже в начальной школе, в деревнях значительно ниже, чем в городах. Здесь сильнее сказывается влияние семьи.

И если в семье встает вопрос, кого из детей отправить в школу, то предпочтение отдают мальчику, считая, что издержки на его образование окупятся. А девочка после окончания школы может выйти замуж, и, кроме того, ее труд нужен в семье.

Но значение образования для женщин Мшуза оценивает гораздо глубже. Он пишет: «Нет причин отрицать важность того, что женщина является женой и матерью, и нам необходимо помнить, что знания, которые получит женщина, она незаметным образом передаст своим детям. Все то, чему она учится по охране здоровья, воспитанию детей, ведению домашнего хозяйства, то, что она учится читать и писать, все это помогает прогрессу семьи, дома и общества. И именно поэтому ее образование может привести к быстрейшему развитию благосостояния всей страны»¹⁸.

Что касается среднего образования, то, несмотря на то, что число девушек, стремящихся его получить, постоянно возрастает, их все же значительно меньше, чем юношей. Часто девушки предпочитают получить традиционное образование в медресе и затем работать секретарем, учительницей или сиделкой¹⁹ в больнице.

Большим препятствием в стремлении девушек получить специальное образование является трудность с обеспечением их по окончании учебы работой по специальности. Как правило, в приеме на работу предпочтение оказывают мужчинам. И вторым не менее важным вопросом в разрешении этой проблемы является оплата труда. Нужна, как отмечает Мшуза, прежде всего равная оплата труда мужчин и женщин. Кроме того, нужно установить более высокую оплату тем, кто получил специальное образование, и соответственно предоставлять им преимущественное право в выборе работы.

Традиционное разделение труда еще мешает женщинам вырваться за рамки уже ставших привычными профессий: учительницы, секретаря, медицинской сестры. До недавнего времени такие специальности, как инженер, механик, электромонтер и т. п., считались мужскими. Развитие страны, необходимость в квалифицированных кадрах для про-

¹⁶ См., например: «Uhuru», 2 April, 1973, p. 9; 24 Machi 1973, p. 9.

¹⁷ «Uhuru», 7 Nov., 1970, p. 6.

¹⁸ Там же.

мышленности и сельского хозяйства, а также политика правительства, направленная на предоставление равных прав и женщинам и мужчинам, постепенно открывают женщинам доступ к этим профессиям. Сейчас в Танзании появились первые женщины врачи, судьи, механики, монтеры и т. п.

Правда, процент женщин, получивших высшее образование в Танзании, еще невелик, однако и здесь наблюдаются существенные сдвиги. Часто на страницах газеты «Ухуру» печатаются портреты женщин, получивших специальность врача, судьи, ставших общественными деятелями. Сейчас для этого важно не знатное происхождение или богатство, а личная инициатива.

Следует, однако, учитывать, что женщины в Танзании составляют все еще особую социальную группу и их развитие предполагается именно в рамках этой группы. Если с получением независимости мужчины сразу обрели определенные права и возможности, то женщинам «вообще» т. е. «акина тата» нужно помочь «дорастить» до этих свобод в пределах своей социальной группы, демократизировать их жизнь, привести ее в соответствие с требованиями современности. Именно эта программа и претворяется в жизнь в Танзании в настоящее время.

Р. Круше

**НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ
РАЙОНА ВЕРХНЕГО ТЕЧЕНИЯ ШИНГУ
(МАТО ГРОССО, БРАЗИЛИЯ)**

Хорошо известно, что объект исследования полевого этнографа крайне редко находится в условиях, совершенно свободных от внешних влияний. Чаще всего оказывается, что в местности, изучаемой этнографом, уже побывали миссионеры, геологи, торговцы (или по крайней мере их товары) и как-то повлияли на жизнь местного населения. Поэтому можно считать почти уникальным, что Карл фон ден Штайнен и Норман Майер, изучая верховья реки Шингу, обнаружили индейское население, никогда явно не контактировавшее с представителями неиндейской расы.

До последних двух десятилетий XIX в. верховья Рио Шингу в Центральной Бразилии оставались *terra incognita* и для географов, и для этнографов. Научное исследование их началось лишь со знаменитых экспедиций Карла фон ден Штайнена в 1884 и 1887 гг., за которыми последовали экспедиции Германа Майера в 1896 и 1899 гг. Богатые результаты этих исследований вызвали огромный интерес к культуре вновь открытых племен и дали новый толчок изучению бразильских индейцев. Книга фон ден Штайнена «Среди первобытных народов Центральной Бразилии»¹ стала классической в антропологии (этнографии). Она до сих пор остается нашим основным источником по некоторым аспектам аборигенной культуры верхнего течения Шингу², хотя с тех пор было проведено немало полевых исследований, причем специализированных и потому более углубленных. Но за три поколения, прошедшие с тех пор, большинство живущих в Национальном парке Шингу индейских групп пережили серьезную депопуляцию, а их традиционные племенные культуры в настоящее время быстро утрачивают свои характерные особенности и нивелируются³. Вот почему ученому, стремящемуся в своей работе отразить историческую перспективу, необходимо обращаться к этим ранним материалам.

Кроме опубликованных работ Штайнена и Майера, существуют важные для изучения этого района материалы, до сих пор еще не опубликованные.

Так, в архиве Этнографического музея в Лейпциге хранятся альбомы зарисовок и дневники Вильгельма фон ден Штайнена, относящиеся

¹ K. von den Stein en, *Unter den Naturvölkern Zentral-Brasiiliens*, Berlin, 1894 (2-е изд.—1897).

² Об этом свидетельствуют страницы, относящиеся к племенам верхней Шингу, в кн.: «Handbook of South American Indians», vol. 3, Washington, 1948, p. 321—348.

³ См.: E. Galvão und M. F. Simões, *Kulturwandel und Stammesüberleben am oberen Xingú, Zentralbrasiliens*, in: «Beiträge zur Völkerkunde Südamerikas. Festgabe für Herbert Baldus zum 65. Geburtstag» («Völkerkundliche Abhandlungen», Bd 1), Hannover, 1964, S. 131—151.

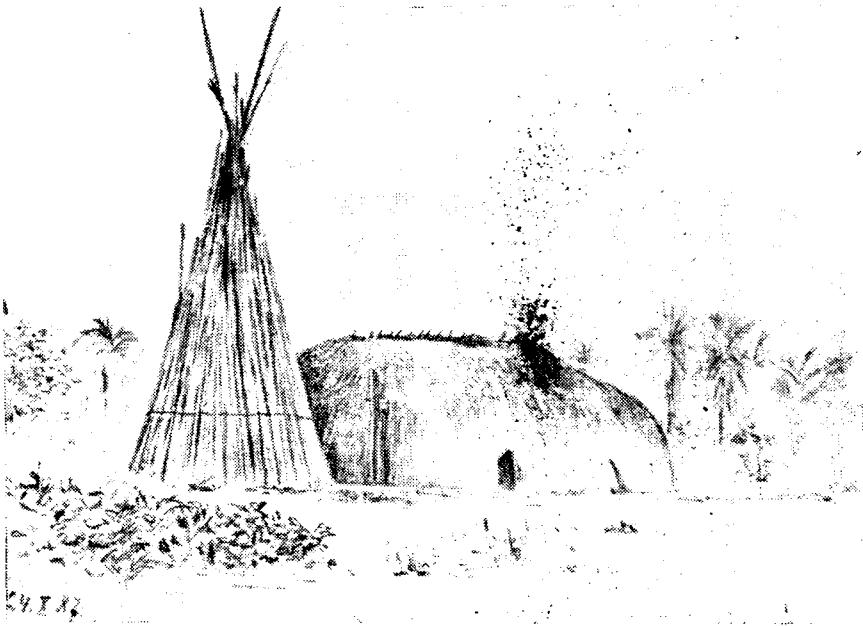

Рис. 1. Хижина индейцев камаюра. Слева — орлиная клетка (этот и последующие рисунки взяты из альбомов Вильгельма фон ден Штайнена)

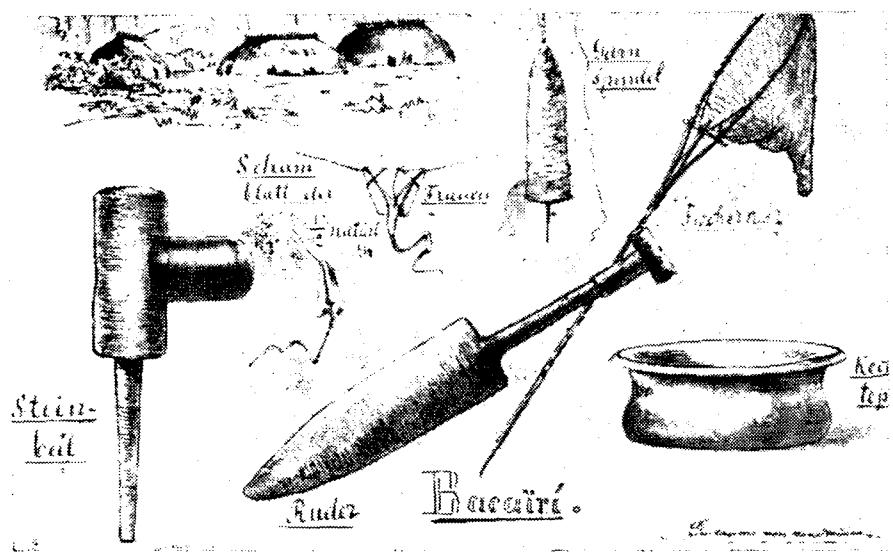

Рис. 2. Хижины, орудия труда и утварь индейцев бакаири

к первой и второй экспедициям на Шингу, в которых он сопровождал своего знаменитого кузена⁴. Хотя многие из набросков и заметок Вильгельма вошли в описание путешествий Карла фон ден Штайнена⁵, значительное число рисунков, заслуживающих внимания, осталось неопуб-

⁴ Forschungsarchiv des Museums für Völkerkunde zu Leipzig, A. 1, R 1—V.

⁵ K. von den Stein en, Durch Zentral-Brasilien, Leipzig, 1886; е го же, Unter den Naturvölkern Zentral-Brasiliens.

ликованным. Среди этих рисунков изображения орудий, украшений, масок, обрядовой одежды, росписи лица и тела индейцев, населявших берега Батови и Кулизеху, главных притоков Шингу⁶. Кроме того, четыре альбома большого формата содержат портреты индейских мужчин и женщин групп бакаири, авети и суйя, а также многочисленные зарисовки индейских лагерей и деревень.

В том же архиве хранится научное наследие Германа Майера⁷. С точки зрения пополнения знаний об индейцах верховий Шингу, этот материал, по-видимому, имеет даже большее значение, чем материал Вильгельма фон ден Штайнена. Майер провел свои третью и четвертую экспедиции в район верхнего течения Шингу с целью изучения самых западных и самых восточных ее притоков. В сухой сезон 1896 г. ему удалось спуститься по р. Жатобá и нижнему Ронуро и посетить многочисленные индейские деревни, расположенные по берегам рек Кулизеху и Кулунене и между ними. В 1899 г. он организовал еще одну экспедицию, наиболее важным результатом которой было исследование Ронуро. Как ни странно, но мы знаем об этих путешествиях лишь по некоторым кратким и суммарным описаниям⁸. Майер намеревался написать книгу о своих исследованиях («Schingufahrten»), но, к сожалению, не смог этого сделать.

В обеих своих экспедициях он собрал и великолепные этнографические коллекции. Более 1700 предметов были приобретены лейпцигским Этнографическим музеем; но следует добавить, что многие ценные коллекции попали в Этнографический музей Берлина, в Линден-музей в Штутгарте, а также в Музей антропологии и этнографии в Ленинграде⁹. Прекрасная лейпцигская коллекция сильно пострадала во время страшного налета американской авиации на Лейпциг 4 декабря 1943 г., когда были уничтожены выставлявшиеся в то время редчайшие и ценнейшие экспонаты.

Архивные материалы уцелили, среди них есть дневники двух экспедиций Майера, его записные книжки с этнографическими наблюдениями, лингвистическими заметками, словарями и сведениями об индейской музыке. Сохранились также многие фотографии, сделанные во время экспедиций Майера. Но разумеется, существуют великолепные современные фотографии индейцев верховьев Шингу, и поэтому, мне кажется, фотодокументы Майера представляют интерес прежде всего для истории науки.

Наконец, следует упомянуть небольшие альбомы зарисовок Теодора Коха-Грюнберга, члена экспедиции Майера на Ронуро в 1899 г.¹⁰.

Сейчас многие этнографы, возможно, считают, что Майер занимался слишком узким кругом вопросов и слишком мало времени провел среди различных индейских групп, чтобы его работа имела значение для современных исследований. Действительно, основной задачей этнографических изысканий Майера было установление лингвистических взаимосвязей индейских народов и описание элементов их культуры, насколько

⁶ Есть также рисунки, относящиеся к нескольким индейским племенам (особенно бакаири с р. Паранатинга, юруна и бороро), жившим за пределами района верхней Шингу.

⁷ Forschungsarchiv des Museums für Völkerkunde zu Leipzig, A. 2, R I—V.

⁸ H. M e y e r, Tagebuch meiner Brasilienseise, 1896, zweites Heft, Leipzig, 1897, 73 S.; его же, Im Quellgebiet des Schíngu: Landschafts- und Völkerbilder aus Zentralbrasiliien, in: «Gesellschaft Deutscher Naturforscher und Ärzte. Verhandlungen 1897. Allgemeiner Theil», Leipzig, 1897, 13 S.; его же, Über seine Expedition nach Zentral-Brasilien, «Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin», 1897, № 3, S. 1—27; его же, Nos arredores das fontes do Xingu. Paizagens e povos do Brasil Central, «Revista Brasileira», V, t. XVII, fasc. 87, Rio de Janeiro, 1899, p. 302—318; его же, Bericht über seine zweite Xingu-Expedition, «Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin», 1900, Nos. 2 und 3, S. 112—128.

⁹ «Путеводитель по Музею антропологии и этнографии имени императора Петра Великого. Отдел этнографический», СПб., 1904, стр. 4.

¹⁰ Forschungsarchiv des Museums für Völkerkunde zu Leipzig, A. 2, R. IV, 6—7.

Рис. 3. Индианка авети

Рис. 4. Индеец авети

это позволяло простое наблюдение. Как и фон ден Штайнен, он считал языковые данные особо важным источником при реконструкции культурно-исторических процессов. Он составил значительное число словарей, которые легли в основу его лингвистической классификации, не устаревшей до сегодняшнего дня. Так, Майер подтвердил предположение Карла фон ден Штайнена об изолированности языка трумаи, которому соответствует особый антропологический тип, до сих пор встречающийся среди индейцев этой группы. Кроме лингвистических исследований, Майер особое внимание уделял материальной культуре.

Каталог его коллекций с подробными, очень точными зарисовками и многочисленными индейскими терминами довольно полно воспроизводит изменчивую культуру племен, которые он наблюдал¹¹.

Как бы ни был полезен этот материал для описательной этнографии, он представляет особую ценность, если его привлечь как этноисторический источник, так как он содержит массу данных, способствующих лучшему пониманию некоторых культурных и этнических процессов. Следует напомнить, что Майер побывал в таких частях бассейна Шингу, которые и сегодня недостаточно хорошо изучены. Например, его вторая экспедиция обнаружила неизвестное племя, жившее вблизи Ронуро. Майер думал, что это индейцы «кабиши», т. е. «яростные», вызывавшие в то время страх у всех племен верхней Шингу. Они и сейчас представляют для нас некоторую загадку. Возможно, это недавно открытое племя тшикао, перемещенное в Национальный парк Шингу в конце 60-х годов¹². Участникам четвертой экспедиции на Шингу не удалось установ-

¹¹ Forschungsarchiv des Museums für Völkerkunde zu Leipzig, A, 2. N. 1—3.

¹² По мнению Гальвао и Симоньеса, современные тшикао могут быть остатками этих индейцев, впервые встреченных Майером и его товарищами на р. Ронуро. См.: E. Galvão, M. F. Simões, Notícia sobre os índios Txicão, Alto Xingú, «Boletim do Museu Paraense Emílio Goeldi», N. S. Antropologia, p. 24, Belém do Pará, 1965; M. F. Simões, Os «Txicão» e outras tribos marginais do Alto Xingú, in: «Revista do Museu Paulista», N. S., XIV, São Paulo, 1963, p. 76—104.

вить сколько-нибудь длительного контакта с открытой ими неизвестной группой. Но они собрали множество предметов на оставленной стоянке, а Кох-Грюнберг зарисовал деревню и некоторые из найденных вещей.

Более того, Майер был единственным из первых исследователей, кто посетил трумаи в одной из их деревень. Собранные им данные имеют большое значение, так как этот интересный народ в настоящее время почти исчез.

Экспедиция Майера посетила 18 довольно густонаселенных деревень племен карибской языковой семьи, которые обитали в восточной части бассейна Шингу, в районе Кулизеху, Кулуене. Именно здесь Майер в 1896 г. получил чрезвычайно любопытные сведения о совершенно неизвестных народах, живших на берегах Рио Паранажуба (или Суйя миссу) в северной части верхней Шингу. Во время своего второго путешествия он пытался добраться до них, но, к сожалению, был вынужден отказаться от этого намерения.

Дневники и записи Майера имеют особое значение для определения расселения племенных групп в конце XIX в. Собранные им демографические данные, а также огромное количество упомянутых им деревень позволяют нам представить себе, насколько уменьшилась численность этих групп впоследствии.

Изучая посещаемые им племена, Майер всегда расспрашивал своих информаторов о других известных им группах. По его просьбе они рисовали ему грибизильтельные карты местности с обозначением рек, селений и расстояний между объектами¹³. Многие топографические и этнографические сведения он приобрел благодаря этой «индейской географии».

Очень содержательны заметки, подтверждающие существование сети тесных торговых и транспортных связей по всему бассейну верхней Шингу. Большинство племенных групп этого района специализировалось на изготовлении товаров для обмена, которые достигали отдаленных местностей. Этот примечательный факт отчасти объясняет относительное единообразие культуры этого региона. Далее, Майер нашел многочисленные доказательства существования институтов, регулирующих межплеменные контакты. Есть, например, у него заметки о приеме «официальных посольств», о межплеменных состязаниях, о некоем знаком языке и о детях, посланных в чужие племена для изучения их языков. Можно найти и записи о межплеменных союзах, созданных главным образом для защиты от агрессивных «кабиши». Майер упоминает также любопытную симбиотическую связь между трумáи и камаю-

Рис. 5. Индеец суйя

¹³ См. Forschungsarchiv des Museums für Völkerkunde zu Leipzig, A. 2, R III 7; A. 2, R III 10; A. 2, R VI 3. Фритц Краузе проанализировал большинство этих рисунков в своей работе: F. Krause, Die Yarumà- und Arawine-Indianer Zentralbrasiliens, «Baessler-Archiv», Bd XIX, Berlin, 1936, S. 32—44.

rá; камаюра снабжали трумаи почти всем необходимым продовольствием, а взамен получали от них каменные топоры. До появления стальных инструментов трумаи принадлежало нечто вроде монополии на производство или предоставление этих важнейших орудий.

Мы не можем пройти мимо того факта, что именно первые экспедиции внесли глубокие изменения в индейскую культуру. Появление товаров, до того неизвестных индейцам, породило новые насущные потребности; изменились и межплеменные отношения, стоило каким-либо группам занять выгодную позицию в этой торговле.

Экспедиции повлияли и на отношения между полуцивилизованными бакайр р. Паранатинга (Рио Телес Пирес), к югу от бассейна Шингу, и родственными им племенами, жившими на отдаленной р. Кулизеху. Благодаря усилившимся контактам новые виды товаров хлынули в район Шингу. И если до недавнего времени «нецивилизованные» бакайр подвинулись ближе к источнику товаров, пользующихся таким большим спросом, и в конце концов вообще покинули верховья Шингу, то другие племена переселились поближе к новому торговому пути — реке Кулизеху.

Естественно, что появление стальных инструментов вызвало упадок традиционной технологии каменного века. Вильгельм фон ден Штайнен сообщал, например, что вторая экспедиция оставила индейцам Кулизеху 1100 стальных ножей и около 300 топоров¹⁴. Через 12 лет участники четвертой экспедиции заметили явный упадок индейского искусства и вообще материальной культуры. Майеру пришлось отыскивать предметы, по которым можно было бы судить о прекрасном традиционном ремесле. Как это ни странно, но люди, так настойчиво изучавшие последние культуры каменного века, были и теми, кто положил начало необратимым культурным изменениям в районе верхней Шингу.

---

¹⁴ Forschungsarchiv des Museums für Völkerkunde zu Leipzig, A. I, R IV, 1.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

3. П. Соколова

НАХОДКИ В ШИШИНГАХ

(КУЛЬТ ЛЯГУШКИ И УГОРСКАЯ ПРОБЛЕМА)

Летний экспедиционный сезон 1973 г., как и предыдущий, я провела среди куноватских хантов. На Куноват и Сыню, притоки Нижней Оби, я езжу не первый год. Меня привлекает сюда своеобразная группа северных хантов. Их современная культура сохраняет немало пережитков прошлого, нередко очень отдаленного. Особенно интересны некоторые их обряды и связанные с этими обрядами представления.

Наш отряд начинает свою работу в старом сел. Шишинги на Оби, недалеко от устья Куновата. Из Лопхарей, центра Куноватского сельсовета, туда можно добраться по Оби или протоке. Мы избираем второй путь — он короче и спокойнее, а на Оби нередки высокие волны. Узкая протока, со всех сторон окаймленная лесом, причудливо изгибается. Кое-где она расширяется и превращается в *сор* — низкую заливаемую водой пойму. На одном из берегов протоки, довольно высоком, на мысу темнеет кедровая роща. Километра через два протока поворачивает направо, к Оби, а на берегу вырастают строения Летних Шишингов. Зимние Шишинги с воды не видны, они скрыты лесом. От летнего селения по тропинке, скрытой в густой и высокой траве, попадаем на берег маленького лесного озера. В неподвижной воде, как в зеркале, отражается противоположный берег, заросший осокой. Вокруг прелестного озерка на небольших холмах речной террасы раскинулось маленькое селение. Дома — их всего восемь — с амбарами разбросаны среди деревьев по берегу озера. Селение со всех сторон окружает вода — Обь, бесчисленные соры и протоки. Тихо, ярко сияет солнце, синеет вода в озере, голубизна сора на горизонте сливается с синевой неба. Поселок пуст, сейчас в нем никто не живет. Население покинуло его в начале 1960-х годов, переехав в Лопхари — новый, благоустроенный поселок со школой-интернатом, магазином, отделением связи. Лишь летом здесь на берегу протоки живут лопхарские рыбаки.

Из восьми домов три уже полностью развалились: рухнула кровля, сгнили венцы срубов. Остальные дома еще крепкие, в них зимой остаются охотники. Интересны традиционная планировка поселения, народная архитектура, интерьер дома. Но меня особенно интересуют чердаки домов: именно там можно найти немало интересного. Уже много лет я изучаю религиозные представления хантов, в том числе их

представления о душе. В этом мне помогают находки изображений «вместилищ души-имени». Здешние ханты называют их иттарма.

У хантов и манси представления о душе были весьма своеобразны. Они считали, что у мужчины пять душ, а у женщины четыре¹. При этом одна из душ после смерти человека может воплотиться в новорожденного, но не сразу, а по истечении определенного срока: через пять лет, если умер мужчина, через четыре года; если это душа женщины. Такого новорожденного отождествляли с умершим и давали ему имя умершего. Но считалось, что душа, отождествленная с именем, сможет воплотиться в новорожденного родственника покойного только при условии соблюдения всех погребальных и поминальных обрядов². Один из этих обрядов — изготовление «вместилища души», в котором, по поверьям хантов, живет реинкарнирующаяся душа в течение четырех или пяти лет. Весь этот срок родственники хранят иттарму в яичке, сундуке или берестяной коробке. Затем судьба иттармы у разных групп хантов и манси была различной: у одних ее уносили в лес и там закапывали, у других бросали в намогильное сооружение, у третьих сжигали. Куноватские ханты относили сундучки с иттармами на чердаки, где они истлевали. Вот эти-то иттармы я и надеюсь найти в Шишинах.

Наш лагерь стоит у протоки, около остова чума летнего селения. Рядом — полуразвалившийся дощатый амбар. Свои «археологические изыскания» мы начали с него. Нам, взрослым, трудно пролезть среди покосившихся балок, и тут нам на помощь приходят наши добровольные помощники — местный подросток Витя и мой сын Сергей. Наши поиски приносят успех: между досками пола амбара ребята быстро находят скопление костей и черепов животных, среди них тазовая кость лося, завернутая в красную тряпку с монетой в уголке. Тут же и принадлежности медвежьего культа — часть морды медведя, четыре лапы, отрезанные от шкуры, котел для варки медвежьего мяса, корыто и ложка для ритуальной трапезы. Находки свидетельствуют о пережитках тотемистических представлений, промыслового культа и связанных с ними обрядов³.

Затем мы отправляемся в Зимние Шишины. Лезем на чердак дома, расположенного направо от тропинки, ведущей в селение из Летних Шишинов. Ребята самозабвенно ползают среди балок, собирая монеты и платки, маленькую одежду, специально сшитую для иттармы. Вскоре мы находим целых четыре иттармы. Они похожи на детских кукол, но крупнее — 15—20 см в высоту; кроме того, у двух в отличие от хантайских кукол, не имеющих лица, в отверстие, выдолбленное в деревянной основе-бюсте, вставлена монета, имитирующая лицо. Это уже вместилище души: обозначить лицо, по представлениям хантов, значит сделать изображение живым, имеющим душу. Две иттармы почти одинаковы, только одна в малице — мужская, другая в шубе — женская. Очевидно, их делал один и тот же человек и изображают они супругов. Похожие иттармы я уже находила здесь раньше (рис. 1, 1, 3). А вот на Сыне они другие — литые из металла (рис. 1, 4, 6—8) или деревянные (рис. 1, 2). У других иттарм нет ни остова, ни головы. Они сделаны из маленькой одежды, вместо головы — капюшон малицы или платок, высывающийся из шубы. Это уже отступление от традиции.

В обвале кровли одного из домов находим развалившуюся берестяную коробку, тоже с остатками иттармы. Одежда на ней уже истлела, но основа сохранилась. Она довольно необычна для этих мест: из жести вырезана человеческая фигурка; лицо по-прежнему изображает старин-

¹ См. подробнее: В. Н. Чернцов, Представления о душе у обских угров, «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. LI, М., 1959.

² З. П. Соколова, Новые данные о погребальном обряде северных хантов, «Половые исследования Института этнографии 1974», М., 1975.

³ З. П. Соколова, Культ животных в религиях, М., 1972, стр. 43—63, 73—79.

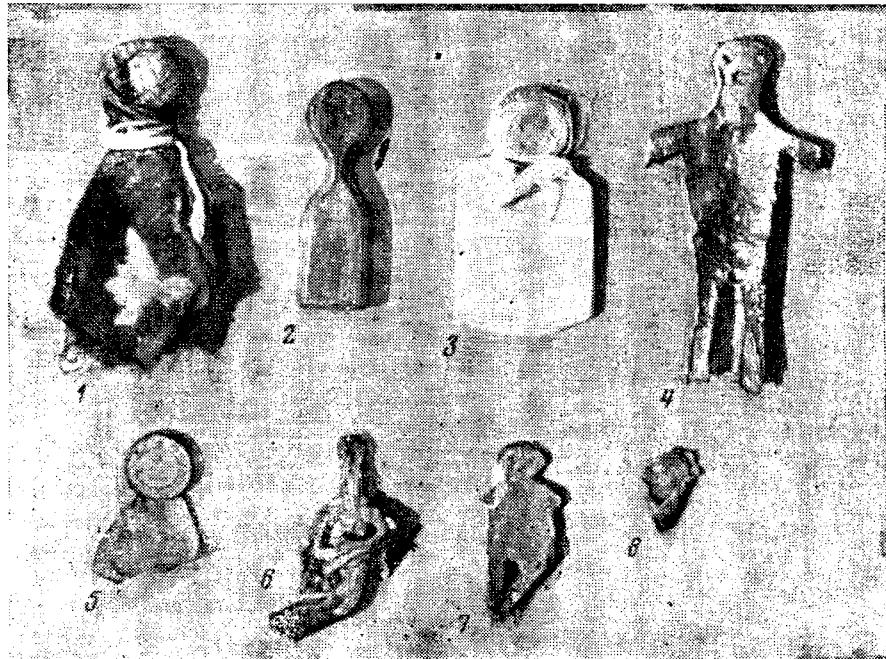

Рис. 1. Иттармы, найденные в Шишингах и в районе Сыня

ная серебряная монета (рис. 1, 5). Вместе с иттармой в коробке лежат сережка, детская игрушка — деревянная чашечка, какая-то металлическая коробочка, вся заржавленная, с лоскутками внутри. Это подарки иттарме, сделанные родственниками умершего в то время, когда она хранилась в доме.

В другом доме на чердаке обнаруживаем на полу связку платков и лоскутков ткани, три самодельных платка с бахромой, семь квадратных кусков ткани, по-видимому, жертвенных платков. Еще пять лоскутков ткани разных размеров связаны вместе полоской материи. В уголках платков и кусков ткани завернуты монеты. 12 монет выпущены между 1850 и 1905 гг., а две выпуска 1937 г. Тут же находим белый короткий халат, очевидно маскировочный, охотничий, на нем следы крови жертвенного животного. Но самое интересное — завернутое в кусок шелковой ленты зооморфное изображение. Оно сделано из олова, похоже на лягушку, особенно голова, но сильно стилизовано. На брюшке видны попечевые полосы, чуть намечены лапки (рис. 2, 1). На иттарму это не похоже — на ней нет одежды. На иттарме всегда надета зимняя одежда. Но следов иттармы нигде на чердаке нет. Неужели это изображение духа-покровителя?

Ребята лезут на чердак дома, кровля которого вот-вот обрушится. Как ящерицы, они пролезают между обвалившимися балками и выбираются в чердачное окно вниз ко мне все находки. Это 13 самодельных, сшитых из ткани и отороченных бахромой платков, 11 квадратных кусков ткани разных цветов в форме платков, мужская рубаха традиционного покроя. В уголках платков и кусков ткани завязаны монеты разных лет, выпущенные с 1863 до 1962 г., всего 21 монета. К уголкам платков также привязаны бубенчики, цепочки, низка бисера. На них, как и на кусках ткани, видны следы крови жертвенных животных.

— Тут еще большой сундук есть! — кричит Сергей.— Старинный, окован железом.

— Посмотри, что в нем:

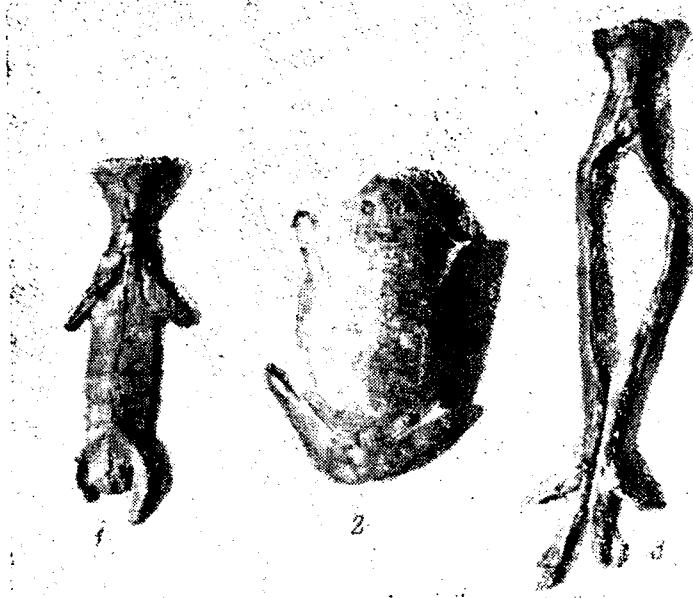

Рис. 2. Изображения лягушек, найденные в Шишингах

— Пустой, только несколько монет.

Очевидно, когда-то в нем хранились все эти платки и какое-то изображение, может быть иттарма.

— Ищите иттарму, — говорю я.

В песке, которым засыпан пол чердака, ребята находят черепа и кости животных, кусок шкуры лося, копыто жеребенка, лапу цапли и снова тазовую кость лося, завернутую в зеленую тряпку с монетой выпуска 1961 г. в уголке. Тут же они обнаруживают ленту с перстеньком, низку бус, вырезанных из осетрового хребта, палочку с зарубками. Скорее всего, это *шумланг-юх* — палочка, на которой отсчитывают дни траура. А никакого изображения нет. Я снова прошу ребят быть внимательнее. И вот зоркие глаза Вити высматривают под балкой сверточек из розовой ленточки.

— Лягушка, — кричит он. — Настоящая!

Лягушка из свинца действительно не имеет никаких антропоморфных черт (рис. 2, 2). Значит, это все-таки изображение не «вместилища души», а духа-покровителя. О зооморфных духах у хантов и манси — обских угров сообщал в начале XVIII в. ученый монах Григорий Новицкий: «Иные из них поклоняются кумиру по подобию зверину наипаче медведя, иначе же в подобие птиц: лебедя, гуся и всяк своему пристрастию»⁴. В литературе XIX — начала XX в. приводятся также сведения о том, что изображения духов делали из дерева, металла и хранили в священных местах или в сундуках в переднем углу дома. Однако увидеть такие изображения мало кому удавалось⁵.

Третью лягушку мы находим в доме с обвалившейся кровлей. Она несколько иная, с длинными лапами, напоминающая полузооморфную имитацию «вместилища души» умершего (рис. 2, 3). Лягушка тоже завернута в кусочек ткани. Но в развале дома мы находим еще и неболь-

⁴ Г. Новицкий, Краткое описание о народе остыцком, СПб., 1884, стр 47.

⁵ В. Чернецов, Жертвоприношение у вогулов, «Этнограф-исследователь», Л., 1927, № 1, стр. 22.

шой сундучок фабричной работы, завернутый в кусок красного сукна, три больших фабричных платка, обшитых самодельной бахромой, кусок белой ткани, семь маленьких (вотивных) платков с бахромой. В уголке одного из них завязаны серебряные монеты достоинством в 10 копеек выпуска 1893 и 1903 г. и медная бляшка. Рядом лежат три небольших платья, маленькое одеяние типа малицы из черной ткани, обшитое малиновым сукном по вороту, подолу и краям рукавов. Еще одну находку делаем около обвалившейся балки. Это маленькая одежда, причем детали костюма надеты друг на друга: белая рубашка, поверх два коричневых халата с цветным узором, четыре белых халата (у верхнего ворот обшил красным сукном), истлевшая от времени малица из оленьего меха и поверх нее красная маличная рубашка, обшитая белой тканью по подолу и вороту. Одежда очень похожа на ту, что шьют для иттармы, но самого изображения «вместилища души» умершего мы так и не нашли. А не является ли само изображение лягушки иттармой? Ведь получила же я в прошлый экспедиционный сезон информацию от одной из жительниц пос. Лопхари о том, что в прошлом некоторые местные жители почитали лиственнице и делали свои иттармы из металла в форме этого дерева.

В. Н. Чернецов, исследуя так называемые «клады поделок плоского литья», найденные на Урале и в Западной Сибири, считал, что это священные хранилища изображений предков генеалогических групп обских угров — волка, бобра, птицы, лоси, воина и пр., являющихся одновременно вместилищами реинкарнирующих душ данной генеалогической группы⁶. Между прочим, одна из иттарм, найденная нами на Сыне в 1971 г., тоже была зооморфной (рис. 1, 6). Находка лягушки-иттармы может свидетельствовать о связи между изображениями духов-предков, а также духов-покровителей отдельных групп и семей с изображениями «вместилищ душ» умерших.

Окончив работу в Шишингах, мы возвращаемся в Лопхари. «Археологический метод» изучения содеримого чердаков предстоит увязать с этнографическими методами работы — наблюдением и опросом информаторов. Поселок Лопхари возник в послевоенное время. Он стоит на высоком мысу коренной террасы, недалеко от устья Куновата. Нижнее течение р. Куноват пролегает по низкой пойме, залитой водой; это и есть Большой Куноватский сор, на берегу которого находятся Лопхари. Сейчас в поселке живет много семей, переехавших сюда не только из Шишингов, но и из поселков по самой р. Куноват, а также из Летних Лопхарей. Летние Лопхари видны из селения, они расположены в самом устье реки. Здесь летом рыбаки сооружают большой запор и ловят рыбу. Раньше они жили здесь постоянно, теперь — только с июля по сентябрь-октябрь, когда ловится сырок.

В Лопхарях у меня несколько хороших информаторов. Оказалось, что одна из них, Люба, раньше жила с родителями в Шишингах, как раз в том доме, где мы нашли вторую лягушку. Рассказываю ей о нашей находке. Она говорит:

— Это бабушкина лягушка. После ее смерти сундук с лягушкой и пожертвованными ей платками — по-хантыйски это все называется *лух* — папа отнес на чердак.

— *Лух* — это лягушка или сундук, где она хранится?

— Нет, это все так называется: сундук или узел из платков с лягушкой и приношениями ей.

— Какое значение имело это изображение лягушки?

— Лягушка — *асявем-ими* (тетка-женщина) считалась у куноватских хантов священной. Ее нельзя было убивать или приносить ей вред.

⁶ В. Н. Чернецов, Наскальные изображения Урала, «Свод археологических источников», вып. В4—12 (2). М. 1971, стр. 80.

Если кто-либо нечаянно наступал на лягушку или убивал ее, надо было выдолбить в куске дерева ее форму, залить свинцом и, завернув в тряпичку готовую фигурку, положить ее в лух. Точно так же почитали здесь ящерицу.

— У всех ли были такие изображения лягушки?

— В каждой семье был свой лух⁷ — семейные или домашние святыни.

От Любы мы узнаем, что в лух входили изображения духов-покровителей, хранившиеся вместе с жертвованиями в сундучке, ящике или просто в узелке из жертвенных платков в переднем углу дома, на полке. Но изображения могли быть разными. У одних лягушки, у других ящерицы. Среди этих изображений могли быть и иттармы — изображения «вместилищ душ» умерших шаманов и уважаемых стариков. Пока иттарма хранилась на любимом месте умершего в доме, а не в лухе, для нее время от времени шили маленькую одежду, подносили ей маленькие и большие платки или куски ткани (те и другие с завязанными в уголках монетами), шкурки зверей, предметы быта и орудия труда (например, иглы для вязки сетей), посуду, папиросы, спички, вино. Затем все эти вещи переходили с иттармой на чердак дома или же в лух. Изображениям духов-покровителей, например той же лягушке, подносили платки по разным случаям: после рождения ребенка, чтобы обеспечить ему здоровье и благополучие, а также для благосостояния семьи, сохранения оленей и т. п. В таких случаях жертвовали только новые платки и куски ткани с завязанными в уголках монетами. Из сундучка можно было взять платок и носить его, но взамен надо было положить что-то другое. Когда во время похорон, поминок убивали оленя, его кровью смазывали платки, лежащие сверху. Если дух был покровителем всей семьи, его хранили из поколения в поколение.

— А лягушка бабушки была ее личным духом-покровителем? — спрашиваю я у Любы.

— Да. Такие изображения тоже хранились в переднем углу, но отдельно. После смерти члена семьи, хранившего такой лух, святыню относили на чердак дома и оставляли там, пока она не истлевала.

По-видимому, лягушка в начале нашего столетия была семейным или домашним духом-покровителем у отдельных групп хантов. Изображения таких духов бывают разных форм и типов. Первая категория представлена изображениями «вместилищ душ» умерших — особо уважаемых стариков и шаманов.

Вторая категория изображений домашних или семейных духов — необычной формы прелметы, камни, палочки, археологические находки. Очевидно, о таких «домовых идолах» северных хантов и манси писал Н. Л. Гондатти в конце XIX в. Он упоминает о «необделанных палочках, обернутых шкурами или платками»⁸. Скорее всего, именно таким домашним духом был каменный неолитический топор, «одетый» в специально сшитые рубашки и хранившийся манси Дунаевыми в сел. Локтокурт на Оби в берестяной коробке (описан Н. Н. Гревенс)⁹.

Третья категория — антропоморфные идолы, вырезанные из дерева и одетые в сшитую для них одежду. Они описаны, в частности, М. А. Кастреном¹⁰.

Четвертая категория — зооморфные изображения, в том числе и изображения лягушки.

⁷ Ср. лонх (лонг) у северных хантов; лонги — семейные и частные (личные) духи у северных хантов в отличие от иильянъ (общественных). См. М. А. Кастрен. Путешествие... по Лапландии, Северной России и Сибири (1838—1844, 1845—1849), «Собрание старых и новых путешествий», ч. II, М., 1860, стр. 186.

⁸ Н. Л. Гондатти, Следы язычества у народов северо-западной Сибири, М., 1888, стр. 16.

⁹ Н. Н. Гревенс, Культовые предметы хантов, «Ежегодник музея истории религии и атеизма», IV, Л., 1960.

¹⁰ М. А. Кастрен, Указ. раб., стр. 186.

...Я сижу в гостях у моей старой, еще с 1962 г. знакомой — Марии. Меня очень интересует содержимое нескольких набольших чемоданов, лежащих на столике и полочке в переднем углу дома. Чемодан теперь нередко заменяет сундучок в лухе. Мы беседуем о том, о сем, но постепенно я завожу разговор на эту тему. Мария смущается. Ханты и манси очень неохотно показывают своих семейных духов даже односельчанам. Это очень интимная сфера. К тому же религиозные представления и обряды все больше уходят в прошлое, и те, кто их придерживается, стыдятся признаться в этом. Но с Марией у нас давнее и прочное знакомство, она мне доверяет. Она говорит, что в чемоданах у нее хранятся иттарма и лягушка. Вот это удача! Я уговариваю ее показать мне их.

— Ладно,— говорит она.— Только фотографировать нельзя.

В одном из чемоданов иттарма жены ее брата. Она сделана из специально сшитой маленькой зимней одежды и платка. Тут же в чемодане лежат спички, папиросы, печенье, конфеты. Еле сдерживая нетерпение, я рассматриваю все это и задаю Марии вопросы... Ее ответы подтверждают мои прежние материалы об изображениях «вместилищ душ» умерших. Я не впервые вижу иттарму, хранящуюся в доме. Гораздо интереснее для меня посмотреть изображения лягушки. Вдруг Мария раздумает и не покажет мне его! Но вот она открывает второй чемодан и вынимает «лягушку». Она совсем иная, чем те, которые мы нашли в Шишингах, и очень похожа на иттарму, только больше размером, 25—30 см в высоту. Несколько маленьких платьев надето друг на друга, а поверх них — красивое суконное женское одеяние *нуй-сах*, орнаментированное узорами и полосками цветного сукна. Голову имитирует платок, высывающийся из одежды; на грудь спускаются бисерное украшение *сак-паль* и бисерные бусы. В чемодане много подарков «лягушке»; тут и специально сшитая для нее обувь (две пары низких сапожек, обшитых бисером), платья, покупные детские носочки и чулочки, рукавички, перчатки (все новое), детская посуда, серьги, елочные игрушки, куски ткани с завязанными в уголках монетами.

— Когда ты сделала лягушку? Почему? — спрашиваю я Марии.

— Однажды я шила и вдруг мне послышалось кваканье лягушки — я и решила, что надо сделать ее.

— А почему ты сделала ее такой — из одежды?

— А я не знала, как делают лягушку, никогда не видела, как делают, вот и надумала так...

Я знаю, что Мария — сирота, росла в чужом доме.

Почему мне так интересны эти находки? Отчасти потому, что я впервые вижу изображения личных и семейных духов-покровителей. Но главное не это. Лягушку почигали и другие группы хантов и манси. Вспоминаю эти материалы. Культ лягушки-родоначальницы генеалогической группы *нарас-махум* («болотный народ») — известен у манси Северной Сосьвы (Хангласам-пауль). Здесь лягушку называли *Нарас-най* («Болотная Великая женщина») или *Лус-Хальэква* («Между кочками живущая женщина»). Ее имя табуировалось, о ней можно было говорить только иносказательно. Изображение лягушки, которая считалась предком данной группы, в рост человека хранилось в священном амбаре и почиталось жителями всего селения. Изображение лягушки — излюбленный элемент орнамента манси этой группы (на одежде, сумочках и т. д.)¹¹. Другие манси, также считавшие своим предком лягушку, жили

¹¹ В. Н. Чернецов, К истории родового строя у обских угров, «Сов. этнография», 1947, т. IV—VII, стр. 163, рис. 2, табл. 5, 3, 4; его же, Древняя история Нижнего Приобья, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА), 1953; стр. 62, 70; его же, Наскальные изображения Урала, стр. 35, 36; З. П. Соколова, Пережитки религиозных верований у обских угров, «Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века», «Сборник Музея антропологии и этнографии» (далее «Сб. МАЭ»), вып. XXVII, Л., 1971, стр. 216.

в юртах Тоболдинских на Северной Сосьве¹² и Оби (в трех селениях)¹³.

Интересны находки изображений лягушки, описанные В. Н. Чернецовыми¹⁴, которые в настоящее время хранятся в МАЭ. В. Н. Чернецов считает, что они ранее были в каком-то хантыйском святилище. Затем эти изображения попали в Ханты-Мансийский музей, где хранились без паспорта¹⁵. В МАЭ сейчас имеется восемь фигурок. Все изображения антропоморфны, но имеют две характерные черты: косые попеченные полоски на животе (как на рис. 1,1) и по три луча-рога на голове. Несмотря на большое сходство, все они выполнены в разных формах. В. Н. Чернецов называет их *сопр-ойка* («лягушка-старик») и *сопр-нэ* («лягушка-старуха»). В описи МАЭ они названы *сопр-ике* («лягушка-старик»)¹⁶. В. Н. Чернецов показал эти изображения лягушки хантам. К. Маремянин (сел. Лохтет-курт на Оби, выше Берёзова) узнал в них тотем сел. Халапант. Хант Зенцов рассказал, что образ лягушки принимали «помощники *Сатум тий ике*» («Старики вершины Салымы»).

Антропоморфизированное изображение лягушки с лучами на голове известно из клада с жертвенного места Северного Приуралья (реки Уньи и Соплес)¹⁷. Как мы уже отмечали, В. Н. Чернецов считал подобные клады «хранилищами вместилищ душ умерших», принадлежащими отдельным генеалогическим группам¹⁸.

Литая фигурка лягушки с маленькой круглой головкой и ярко выраженным перепончатыми лапками с р. Северная Сосьва хранится в фондах финского Национального музея в Хельсинки¹⁹.

Любопытные материалы приводят Г. И. Пелих²⁰. Она обнаружила несколько изображений лягушки у обских хантов Александровского района Томской области. Фигурки лягушки оловянные, стилизованные; одна из них одета в специально сшитую одежду. Их хранили в берестяных туесках и «кормили» сущеной рыбой. Считалось, что лягушки помогают в рыболовстве. У этой же группы существовал обычай вышивать бисером изображение лягушки на платке, игравшем охранительную роль во время родов. Духа-покровителя той же группы хантов, так называемую «шайтанскую мать», также представляли в виде лягушки. Ее изображение держали на священном месте, приносили ей жертвы, перед ним «заключался мир между врагами». Лягушку изображали на наличниках окон для защиты дома от злых духов.

Полевые материалы Н. В. Лукиной показывают, что происхождение фамилии Микуминых (обские ханты), у которых Г. И. Пелих видела изображение лягушки, связывается с термином *мюх-пяй* (кочки). Легенда рассказывает, что одна из женщин, от брака которой с богатырем произошли Микумины, когда-то жила «между кочками». Согласно данным Н. В. Лукиной, лягушку у ваховских и васюганских хантов называют

¹² Н. Н. Харузин, «Медвежья присяга» и тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов, «Этнографическое обозрение», кн. XXXVIII, № 3—4, СПб., 1898, стр. 54.

¹³ В. Н. Чернецов, Фратриальное устройство обско-югорского общества, «Сов. этнография», 1939, т. II, стр. 23.

¹⁴ В. Н. Чернецов, Усть-полуйское время в Приобье, МИА, 1953, № 35, стр. 222; фонд МАЭ, колл. 5531-1-8.

¹⁵ Фонд МАЭ, колл. 5531-1-8.

¹⁶ В. Н. Чернецов дает мансийское название изображений, в описи МАЭ приведен хантыйский термин.

¹⁷ В. Н. Чернецов, Усть-полуйское время в Приобье, стр. 222; А. А. Спицын, Шаманские изображения «Записки Русского археологического о-ва», VIII, 1906, стр. 135, рис. 424.

¹⁸ В. Н. Чернецов, Наскальные изображения Урала.

¹⁹ «Suomen Kansallismuseo», коллекция А. Каннисто, 1905—1906 гг., № 4810—173.

²⁰ Г. И. Пелих, Происхождение селькупов, Томск, 1972, стр. 273, 274, рис. XXXII, 16, 20, XVIII, 8.

савар-кы, сапыр-кы. У них лягушка играет определенную роль в свадебном обряде²¹.

На Васюгане Г. И. Пелих записала хантыскую легенду, в которой происхождение людей связывается со старухой, ставшей лягушкой. Исследовательница упоминает также о стилизованных изображениях лягушки с лучами на голове, которые она неоднократно видела на территории Нарымского края²².

И наконец, следует упомянуть статью Л. Е. Луговского²³, в которой он приводит легенду о лягушке. Легенда относится к хантыскому идолу-камню, по форме напоминающему голову лягушки.

С лягушкой мне везет: возвращаясь домой, в Салехарде я случайно встречаю свою знакомую с Сыни Зину. Она вышла замуж и уехала из Овгорта сюда к мужу. В свое время она мне рассказывала много интересного о религиозных представлениях и обрядах. Я говорю Зине о наших находках и задаю ей вопрос о лягушке. Она оживляется:

— А как же, сынские ханты тоже почитали лягушку, ее изображение также хранили в лухе. Лягушку у нас называют *Мис-нэ* (женщина Мис) или *Мисы-кут-нэ* (женщина Мис, живущая среди кочек). В одних семьях она была главным из духов-покровителей, в других почиталась только одним членом семьи. У каждого члена семьи были свои духи-покровители, а также общий семейный, главный.

Итак, Северное Приуралье, Северная Сосьва, Сыня, Куноват, Обь — Иртышье, Салым, Средняя Обь, Васюган — такова территория, где мы встречаемся с почитанием лягушки. Поразительны совпадения в обычаях, связанных с лягушкой, на такой обширной территории. А если обратиться к более отдаленным регионам, то и там можно встретить следы этого культа. Так, изображения лягушки часто встречаются на бубнах хакасов, белтир, сагайцев и качинцев²⁴. Лягушка как прародительница родов почиталась у индейцев Северной Америки — тлинкитов и квакиютлей²⁵.

В. Н. Чернецов считал, что группа, оставившая изображения лягушки в Северном Приуралье, пришла сюда с притока Оби — Салымы²⁶. Широкое распространение культа лягушки в Западной Сибири, среди разных групп хантов и манси, связь его с фратрией Мось убеждают нас, во-первых, в большой древности этого культа и, во-вторых, в возможности его бытования в каждом из перечисленных мест вне зависимости от дробления и миграций генеалогических тотемных групп, на основе существования общего для них более древнего культа предка фратрии Мось — лягушки²⁷.

Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. была очень своеобразной. У них почти не прослеживается деление на племена и не было родовых делений, но довольно четко, особенно у северных групп, в религиозной сфере и брачных отношениях выступало деление

²¹ Пользуюсь случаем, чтобы выразить глубокую благодарность Н. В. Лукиной за возможность ознакомиться с ее полевыми материалами, хранящимися в фонде Проблемной лаборатории по истории, археологии и этнографии Томского государственного университета.

²² Г. И. Пелих, Указ. раб., стр. 282, 283.

²³ Л. Е. Луговской, Легенда, связанная с двумя остяцкими идолами, «Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. II, Тобольск, 1895.

²⁴ С. В. Иванов, К вопросу о значении изображений на стариных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья, «Сб. МАЭ», вып. XVI, М.—Л., 1955, стр. 182—212.

²⁵ Ю. П. Аверкиева, К истории общественного строя у индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки, ТИЭ, т. LVIII, М., 1960, стр. 33, 36, 97; ее же, Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки, ТИЭ, т. LXX, М., 1961, стр. 21, 63.

²⁶ В. Н. Чернецов, Усть-Полуйское время в Приобье, стр. 223.

²⁷ В. Н. Чернецов, Богульские сказки, Л., 1935, стр. 16, прим. I; И. И. Адеев, Песни народа манси, Омск, 1936, стр. 7.

их на две дуальные половины, или фратрии *Пор* и *Мось*²⁸. Термин *Мось* известен лишь у северных групп обских угров, название *Пор* в разных вариантах отмечено шире — у восточных хантов, селькупов, ненцев, даже удмуртов. Восточные и южные группы хантов раньше северных утратили многие черты традиционной культуры XVIII—XIX вв., в том числе и деление на две дуальные половины. Это, а также отсутствие у них термина *Мось* привело некоторых исследователей к неправильной, на мой взгляд, мысли о том, что деление на две фратрии — своеобразная и поздняя черта лишь северных хантов и смешавшихся с ними манси²⁹.

В пользу того, что культ лягушки раньше имел фратриальный характер, можно привести несколько соображений. В частности, это сходство в терминологии, относящейся к лягушке и персонажу фратрии *Мось* — *Мис-нэ* — мифическому предку фратрии *Мось*. А между тем и жители пос. Шишиги (в прошлом это Жижимховы юрты Куноватской волости) и Лонгортовы с Сыни, почитавшие лягушку, принадлежали к фратрии *Мось*³⁰. *Мир-сусне-хум* — младший сын Нуми-Торума, верховного существа, по поверьям обских угров, тоже был одним из предков фратрии *Мось*. Любопытно в связи с этим упоминание Н. Н. Харузиным легенды со ссывинских манси, в которой говорится, что один из сыновей Нуми-Торума имел облик лягушки³¹.

По-видимому, в прошлом это был фратриальный культ, ставший впоследствии культом генеалогических групп, принадлежавших к фратрии *Мось*. На стадии культа предков генеалогических групп изображение лягушки стало играть, вероятно, роль «вместилища души-имени», отсюда впоследствии и особая роль, которую придавали ханты изображению лягушки или самой лягушке при родах и в свадебном обряде. Уже в конце XIX — начале XX в. этот культ стал семейным или домашним, а в некоторых случаях и личным, о чем свидетельствуют куноватские материалы. Примечательна и связь культа лягушки с промысловым культом, о чем говорят данные со Средней Оби (Г. И. Пелих) и куноватские материалы (например, охотничий халат, «пожертвованный лягушке»). Соединение в одном образе духа-предка и духа, покровительствующего промыслу, неудивительно: для хантов и манси характерна тесная связь промыслового культа и культа духов-покровителей генеалогической группы, семьи.

Но это еще не все. Как объяснить сходство в терминологии, относящейся к лягушке, предку фратрии *Мось*, и древним этнонимом угров? В самом деле, нельзя не отметить сходства терминов сопр-ойка, саварки, сапыр-кы с древними этническими самоназваниями угров — *сипыр*, *супра*, *сепыр*, *супыр* (манс.), *себар*, *сопра*, *шабер* (хант.). В то же время *Сипыр* (Сепар, Шапыр, Шабыр) — имя прародительницы фратрии *Мось*³².

Проблема происхождения обских угров давно привлекает внимание ученых финно-угроведов. Она тесно связана с вопросом происхождения угров в целом и западных угров — венгров, переселившихся в середине I тысячелетия н. э. на Дунай, в частности. Как хорошо показал в своих работах В. Н. Чернецов, в культуре обских угров четко прослеживаются два пласта³³. С одной стороны, это культура северных народов, таеж-

²⁸ «Общественный строй у народов Северной Сибири», М., 1970, гл. IV.

²⁹ В. Г. Бабаков, ТERRITORIALLY-ПЛЕМЕННЫЕ общности обских угров и нарымских селькупов (XVII—XIX вв.), Автореф. канд. дис., М., 1973, стр. 19, 20.

³⁰ По данным браков конца XVIII—XIX вв. См. Гос. архив Тюменской области (Тобольск), фонд Духовной консистории, № 156, оп. 20, связки 459—467, 472.

³¹ Н. Н. Харузин, Указ. раб., стр. 55, 56.

³² В. Н. Чернецов, Усть-полуйское время в Приобье, стр. 238, 239.

³³ В. Н. Чернецов, Очерк этногенеза обских угров, «Краткие сообщения Ин-та материальной культуры», IX, 1941.

ных охотников и рыболовов, тесно связанных своим происхождением с аборигенным, так называемым уральским населением, которое легло в основу формирования не только хантов, манси и других финно-угорских народов, но и народов самодийской языковой группы — ненцев, селькупов, энцев и др. С другой стороны, в их культуре мы наблюдаем немало южных черт: большое значение лошади в фольклоре и культуре этих неконеводческих в недавнем прошлом народов, косы в мужской прическе — чисто кочевническая черта, ритуальные танцы с саблями или мечами, аналогии которым мы находим лишь у южных народов, широкое распространение орнаментальных мотивов, восходящих к типам орнаментов южных степных андроновских культур II тысячелетия до н. э., типы распашной одежды, по покрою аналогичные одежду южных народов, и т. п.

В. Н. Чернецов выдвинул гипотезу о том, что угроязычное кочевое степное население в конце I тысячелетия до н. э. двинулось на север Западной Сибири и смешалось с аборигенным таежным населением, дав ему свой язык и некоторые черты культуры. В целом эта гипотеза ни у кого не вызывает возражений, споры идут лишь о том, где и когда жили угры-кочевники: в Южном Приуралье или Зауралье, в степях и лесостепях Западной Сибири, на Верхней Оби. В. Н. Чернецов считал, что угры-савыры (по его мнению, это был их этоним) жили в степном и лесостепном Прииртышье, откуда и ушли частично на север, где смешались с аборигенным населением, а частично на запад, где в дальнейшем сформировались древневенгерские, или мадьярские, племена. Он высказал мнение, что термины *мось-мис* (духи, родственные фратрии Мось) — *манси* — *мадьяр* происходят от одного корня³⁴.

Известный немецкий исследователь В. Штейниц в 1930-х годах работал на Нижней Оби среди хантов и вслед за В. Н. Чернецовым обратил внимание на их дуальное деление. Он выдвинул гипотезу о том, что деление хантов и манси на фратрии Пор и Мось возникло в процессе смешения аборигенного и пришлого угорского населения: основу фратрии Пор составило аборигенное население, фратрия Мось — пришлое из степей кочевое угорское население³⁵.

В пользу этого, как мне представляется, свидетельствует сходство в терминологии, относящейся к древним этнонимам угров, имени прародительницы фратрии Мось и названию лягушки у отдельных групп хантов. Манси Петр Шешкин рассказывал мне, что *порне-махум* — люди Пор — наиболее древнее население Зауралья, так говорят его многочисленные фольклорные записи. Однако следует учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, лягушка — житель болот, а не степей, поэтому естественно предположить, что культ ее возник не в степях, где жили угры-кочевники, а в таежно-болотистых районах Западной Сибири, где проживало аборигенное уральское население (*нарас-махум* — болотный народ). По всей видимости, в отличие от фратрии Пор, полностью автохтонной, фратрия Мось образовалась при слиянии местного «болотного народа» с пришлыми угорскими племенами.

Второе, на что следует обратить внимание, — это сходство в социальной организации народов Западной Сибири — обских угров, ненцев, селькупов, кетов. Еще Б. О. Долгих отметил, что в отличие от других народов Сибири эти народы до недавних пор сохраняли черты дуально-фратриальной системы. Он считал, что «генезис фратрий, образующих дуальное деление» народов Западной Сибири, различен. Но для всех этих народов он подчеркнул общее: значение «традиции древнего дуального деления». Он высказал мнение, что одну фратрию обдорских

³⁴ В. Н. Чернецов, Фратриальное устройство обско-угорского общества, стр. 22.

³⁵ W. Steinitz, Totemismus bei den Ostjaken in Sibirien, «Ethnos», 1938, vol. 4—5, S. 137.

ненцев образовали потомки аборигенов Севера, другую — потомки при-
шельцев-оленеводов³⁶. Этой точки зрения придерживается и В. И. Васильев применительно к азиатским ненцам³⁷. Сходные взгляды на про-
исхождение дуально-фратриальной системы у обских угров и ненцев высказывают В. Штейниц, Б. О. Долгих, В. И. Васильев. Вероятно, правомерно связывать изменения в социальной организации народа с осо-
бенностями его этнической истории. Формы социальной организации развиваются под влиянием внутренних законов развития общества, его производительных сил, но, по всей видимости, могут трансформироваться и в случаях смешения их носителей с населением, в социальном от-
ношении более развитым.

Но если мы обратимся к другим народам Западной Сибири, сохра-
нившим следы дуально-фратриального деления,— селькупам и кетам, то в глаза нам бросится еще одна общая черта, сближающая их с об-
скими уграми и ненцами: их формирование происходило также на осно-
ве смешения местного и пришлого с юга населения. Причем все больше исследователей приходит к выводу о том, что основу аборигенного на-
селения составили уральцы, т. е. народы уральской языковой семьи.

Эти аналогии наводят на мысль о том, что дуально-фратриальное деление западносибирских народов, в том числе и обских угров, имеет глубокую и древнюю традицию, уходящую в прошлое уральских наро-
дов, а может быть (учитывая североамериканские параллели в дуаль-
но-фратриальной системе и гипотезы о заселении Америки из Азии), и более древних — палеосибирских. Под влиянием пришлых, южных пле-
мен дуально-фратриальная организация могла, с одной стороны, пере-
формироваться, изменить терминологию, относящуюся к фратриям, с другой стороны — еще более утвердиться.

Вот к каким размышлениям привела меня находка изображений ля-
гушки в маленьком селении на Оби.

---

³⁶ Б. О. Долгих, Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири, М., 1964,
стр. 7, 8.

³⁷ «Общественный строй у народов Северной Сибири», М., 1970, стр. 185.

НАВСТРЕЧУ X МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ НАУК

В 1978 г. в Индии состоится X Международный конгресс антропологических и этнографических наук (МКАЭН). Его президент, видный индийский ученый Л. П. Видъярхти, написал два письма, освещающие ход подготовки к предстоящему конгрессу. В первом — сообщались общие сведения, касающиеся подготовки МКАЭН, во втором — дается уже более подробная информация.

Проф. Видъярхти сообщает о своем пребывании в Англии и в СССР, где он обсуждал с советскими и английскими этнографами проблематику конгресса и ряд организационных вопросов. В результате была предложена следующая тематика симпозиумов для X МКАЭН:

1. Азия или Африка? — проблема прародины человечества; палеоантропологические, геологические, этнологические и экологические аспекты.
2. Мозг, орудия труда и эволюция человека.
3. Географическая среда и морфофизиологическая дифференциация этно-расовых групп человечества.
4. Влияние эндогенных и экзогенных факторов на процессы роста человека.
5. Биохимический полиморфизм человека и других приматов с антропологической точки зрения.
6. Физическая антропология и спорт.
7. Роль антропологических данных в изучении этногенеза народов мира.
8. Процессы этнической интеграции — некоторые проблемы теории и методологии.
9. Фольклор и этническая история народов.
10. Судьбы малых народов — конкретные исследования.
11. Системы родства у народов мира.
12. Социально-биологические аспекты расизма.
13. Этнокультурные традиции и уровень рождаемости.
14. Неоэволюционизм и марксизм.

Во время консультаций проф. Видъярхти с этнографами ряда университетов и научных учреждений Индии и некоторых других стран было предложено еще несколько тем симпозиумов:

1. Традиционные общества и современное управление.
2. Этноботаника.
3. Медицинская антропология.
4. Сравнительный анализ расовой, этнической, политической и экономической дискриминации в различных частях света.
5. Изучение городов и отдельных регионов стран третьего мира.
6. Межэтнические отношения.
7. Человек и загрязнение окружающей среды.
8. Социальная антропология крестьянства.
9. Сравнительное этнографическое изучение производства и потребления пищи.
10. Системы родства и их современные функции.
11. Этнография и закон.
12. Кочевое пастушество.
13. Этнографическое изучение нищеты и эксплуатации.
14. Этнопсихология, особенно проблемы взаимосвязи культуры и личности.
15. Общины охотников и собирателей во всем мире.
16. Социальные индикаторы отсталости.
17. Миф и история в этнографии.

Проф. Видъярхти предлагает этнографам обсудить целесообразность включения этих тем в работу конгресса.

Предлагается также провести секционные заседания по следующим темам:

1. Антропологические методы оценки роста и развития детей различных популяций.

2. Проблемы и методы картографирования в этнографии и антропологии.

3. Проблемы этнографии циркумполярной зоны.

Проф. Видъярхти сообщает, что в связи с X юбилейным конгрессом намечается подготовка специальной монографии по истории конгрессов, созывавшихся Международным союзом антропологических и этнологических наук (МСАЭН). Помощь в подготовке этого труда оказывают ученые, принимавшие участие в организации конгрессов в разных странах.

В ходе подготовки к X МСАЭН генеральный секретарь МСАЭН проф. Л. Крадер предпринял шаги для установления контактов со следующими родственными организациями:

- 1) Международным советом по народной музыке;
- 2) Международным союзомproto- и доисторических наук;
- 3) Международной ассоциацией по семиотике.

В соответствии с решением Индийской антропологической ассоциации функции Оргкомитета X МСАЭН будет выполнять индийская национальная делегация.

Намечены уже предварительные сроки проведения конгресса — вторая неделя декабря 1978 г. В течение этой недели в Дели состоятся основные заседания, а в течение следующей недели в ряде городов Индии будут проведены дискуссии по специальным темам.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ АСПЕКТАМ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ

10—12 марта 1975 г. в Ленинграде состоялась Всесоюзная конференция «Этнографические аспекты изучения народной медицины», организованная Институтом этнографии АН СССР и Ленинградским химико-фармацевтическим институтом. Конференция на подобную тему проводилась в СССР впервые. Это во многом определило широту тематики докладов и вызвало интерес к конференции у представителей различных наук.

В конференции участвовало более 150 человек, среди них — 85 этнографов, 24 биолога, 25 медиков, специалисты других отраслей науки. Они представляли около 60 различных учреждений (в том числе научно-исследовательские институты и высшие учебные заведения) из 11 союзных и 5 автономных республик нашей страны. Предварительно были опубликованы тезисы большей части докладов, заслушанных на конференции¹.

На вступительном и заключительном пленарных заседаниях были заслушаны доклады обществорецкого характера. Доклады и сообщения по более узкой тематике обсуждались на четырех секциях: I — «Палеомедицина и медицина раннеклассовых обществ»; II — «Восточная медицина»; III — «Медицина народов Европы и Кавказа»; IV — «Лекарственные растения в народной медицине». Всего на конференции было сделано свыше 60 докладов и сообщений.

На первое пленарное заседание было вынесено четыре доклада. Конференцию открыл директор Ин-та этнографии Ю. В. Бромлей (Москва). В его выступлении были раскрыты цели и задачи конференции. Ю. В. Бромлей охарактеризовал народную медицину с этнографической точки зрения как часть традиционно-бытовой культуры. Этим и определяется значение изучения народной медицины для этнографической характеристики народов мира. Одна из важнейших задач — выяснить взаимосвязь народной медицины с другими компонентами традиционно-бытовой культуры и обыденного сознания (верованиями, фольклором, материальной культурой и т. п.).

Ю. В. Бромлей рассмотрел два аспекта народной медицины — историко-стадиальный и пространственно-региональный — и говорил о соотношении основных видов народной медицины на различных этапах всемирно-исторического процесса, основных источниках и методах ее историко-этнографического изучения, о народной и псевдонародной медицине в современных условиях. Было также отмечено, что этнографические материалы о народной медицине — это важнейший источник, который помогает использовать ее методы и средства в современной медицине, что вызывает необходимость кооперации усилий этнографов и медиков в изучении народной медицины.

В докладе Г. П. Яковлева (Ленинград) «О народной, традиционной и научной медицинах» была сделана попытка определить несколько хронологических этапов в истории развития медицины. Докладчик выделил шесть таких этапов: первобытная, магическая, народная, энзарская, традиционная, и научная (экспериментальная) медицина. В реальной деятельности некоторые из этих стадий нередко частично сосуществуют.

Доклад Г. П. Яковлева вызвал оживленные прения. Многие выступавшие высказали мнение, что периоды развития народной медицины выделены недостаточно четко и слишком дробно. Более правильной представляется точка зрения Ю. В. Бромлея, пред-

¹ «Этнографические аспекты изучения народной медицины. Тезисы Всесоюзной научной конференции 10—12 марта 1975 г.», Л., 1975.

ложившего следующие терминологические обозначения этапов развития медицины: народная, т. е. эмпирическая медицина, функционирующая на базе устной традиции, которая в основном соответствует дописьменному периоду развития этноса, но сохраняется и поныне как реликт; традиционная медицина этносов письменного периода, опирающаяся на авторитет письменных медицинских трактатов (она может быть условно названа традиционно-письменной); научная медицина в современном смысле этого слова, базирующаяся на специальных экспериментах и научных теориях.

В докладе А. И. Шретера (Москва) «Использование этнографических и лингвистических материалов при поисках новых лечебных средств растительного происхождения» рассматривались вопросы о возможности применения некоторых методов и средств народной медицины в современной научной медицине.

Были зачитаны тезисы доклада И. И. Брехмана (Владивосток) «Народная медицина в свете теории информации», в которых народная медицина рассматривается как удивительный пример тысячелетнего сохранения информации без центров ее хранения.

В тезисах отмечались сходство и различия народной и научной медицины, выявляющиеся при их синхронном и диахронном рассмотрении. По средствам вещественного закрепления информации И. И. Брехман выделяет три разновидности медицины: народная (незакрепленная), традиционная (относительно закрепленная) и научная. По его мнению, народная и традиционная медицина отличаются от научной механизмом коммуникационного акта: числом звеньев цепи передачи информации, местом и выраженностю, обратной связью и другими признаками.

Причины жизненности народного медицинского опыта докладчик видит в сохранении связей с природой, наличии постоянных обратных связей врача-воздуха и больного в процессе лечения, сочетании лекарственной терапии и психотерапии и т. д.

В докладе Е. И. Николаева (Ленинград) «Медико-биологические аспекты изучения народной медицины» говорилось о возможности использования некоторых методов и средств народной медицины в современной медицине, чем и объясняется возросший в настоящее время интерес к народной медицине.

В прениях по перечисленным докладам выступили И. Б. Курчишили, Э. Г. Базарон, В. С. Соколов, Ю. В. Бромлей и некоторые другие участники конференции.

На секции «Палеомедицина и медицина раннеклассовых обществ» было заслушано 16 докладов и сообщений. Во вступительном докладе «Палеоантропологический материал как источник знаний по народной медицине» И. И. Гохман (Ленинград) дал общий обзор палеоантропологических находок. Большую их часть составляют трепанированные черепа со следами заживления, что свидетельствует об умении древних «хирургов» проводить довольно сложные операции. Это значит, что уже в глубокой древности люди имели определенные медицинские познания.

Доклад Л. Н. Казея (Минск) «Врачевание людей в средневековье на территории Белорусской ССР (по костному материалу археологических раскопок)», как и доклад В. Я. Дэрумса (Рига) «Трепанация черепа в древней Прибалтике», был посвящен главным образом трепанациям черепов.

К. Я. Арон (Рига) в докладе «Использование археологических исследований в изучении народной медицины Латвии» говорил о необходимости различать полностью достоверный археологический материал (например, трепанированные черепа), свидетельствующий о медицинских познаниях и приемах лечения в древности на данной территории, и сомнительный материал (например, специфические инструменты, посуда и другие предметы, которые предположительно могут считаться медицинскими).

В. И. Азаренко (Минск) посвятила свое выступление врачеванию древних людей по палеостоматологическому материалу на территории БССР. Г. А. Третьякова и М. А. Финкельштейн (Ленинград) выступили с сообщением «Некоторые данные о врачебном вмешательстве при травме и отморожении в древности».

Большой интерес у этнографов вызвал доклад Ю. В. Ваникова (Москва) «Медицинские воззрения и терапевтическая практика чилийских арауканов». Докладчик не только описал врачебные средства, используемые арауканами против различных болезней, но также провел сравнительные параллели между врачебной практикой арауканов и некоторыми племенами Сибири. Это дополнительный материал для решения проблемы населения американского континента.

А. К. Зиведре (Рига) прочитала доклад «Народная медицина в экспозициях музея истории медицины им. П. И. Стадиля».

В докладе В. Н. Басилова (Москва) «Некоторые материалы о „шаманской болезни“ у узбеков» был представлен полевой материал о женщинах-шаманах в некоторых узбекских группах. Докладчик высказал соображения о природе шаманства как психического явления.

К. Нурмурадов (Ашхабад) в докладе «О традиционном способе лечения кожных болезней у туркмен-нохурлы» говорил об отмеченном в Туркмении обычии лечить некоторые кожные заболевания заочно при помощи травы отун-чекме. Причем лечение считалось эффективным, если «исцелителем» был представитель рода нохурлы.

Ряд докладов и сообщений был посвящен традиционной медицине малых народов Сибири и Дальнего Востока. И. С. Вдовин (Ленинград) выступил с докладом «К истории исследований народной медицины малых народов Дальнего Востока»; С. В. Иванов (Ленинград) — «Рациональное и иррациональное в лечебной практике нанайцев

(в конце XIX — начале XX в.); Ю. А. Сем (Владивосток) — «Изучение народной медицины в Дальневосточном научном центре АН СССР»; Н. В. Лукина (Томск) — «Народные средства по сохранению здоровья и жизни у восточных хантов»; Р. Г. Япунова (Ленинград) — «Народные медицинские знания у алеутов»; Г. Н. Грачева (Ленинград) — «Некоторые приемы врачевания у чганасан».

На заключительном заседании первой секции И. И. Гохман и И. С. Вдовин подвели итоги работы и высказали некоторые соображения относительно дальнейших перспектив изучения этнографами и антропологами палеомедицины и народной медицины вообще.

Первым на заседании II секции — «Восточная медицина» — был заслушан доклад Н. Н. Ершова (Душанбе) «К вопросу о народной медицине таджиков». Докладчик охарактеризовал представителей таджикской дарвинистической народной медицины лекарей-тайбиров, рассказал об их профессиональной подготовке (включая изучение «Канона Авиценны») и остановился на арсенале лечебных средств, использовавшихся ими.

Среднеазиатской народной медицине был посвящен также доклад Р. Я. Рассудовой (Ленинград) «Этнографические материалы о лечебных свойствах некоторых растений Ферганы», в котором анализировалось народно-традиционное понимание диетических пищевых растений, культивируемых в этом регионе (пшеницы, урюка, перца, лука и т. д.).

В нескольких докладах рассматривалась тибетская традиционная медицина. К. Ф. Блинова (Ленинград) в докладе «Тибетская медицина и ее лекарственные средства» дала общую характеристику тибетской медицины, сложившейся на основе древнеиндийской медицины. Индотибетская медицина, располагающая своеобразными методами лечения, системой теоретических взглядов, философских концепций, пользуется большим арсеналом лечебных средств, выверенных многовековой практикой, и в основе своей является научно-эмпирической системой. Тибетские лекари, практиковавшие на территории нашей страны, применяли свыше 700 лекарств (из них около 500 лекарственных растений, 125 препаратов животного и 25 препаратов минерального происхождения). Главным принципом индо-тибетской медицины является положение о целостности человеческого организма. Поэтому любое заболевание рассматривается ею как болезнь всего организма.

В докладе Э. Г. Базарона (Улан-Удэ) «О древних тибетских хирургических инструментах» рассматривался древнеиндийский трактат «Джуд-ши», во втором томе которого описываются хирургические инструменты, применявшиеся в практике тибетской медицины.

В сообщении В. Э. Назарова-Рыгдылона и др. (Улан-Удэ) «К вопросу об изучении тибетской фармакологии» рассказывалось об изучении тибетской фармакологии и фармакотерапии в Бурятском филиале Сибирского отделения АН СССР. Работа эта ведется комплексно. В ней принимают участие специалисты различного профиля — востоковеды, химики, ботаники, фармакологи, врачи, а также знатоки тибетской фармакологии.

Традиционной медицине народов Дальнего Востока были посвящены доклады В. С. Старикова (Ленинград) «О приоритете тунгусо-маньчжурских народов в использовании женщины и пантов в лечебных целях» и В. В. Ионовой (Ленинград) «Народная медицина в Корее».

О народной медицине зарубежной Азии говорилось еще в нескольких докладах: М. Х. Арифа (Багдад) и Т. Ф. Аристовой (Москва) «Народная медицина у курдов Ирака», М. Н. Серебряковой (Ленинград) «О некоторых видах лечения, наблюдавшихся в турецкой деревне», Н. Г. Краснодембской (Ленинград) «Медицинские знания и виды народного лечения у сингалов (Шри Ланка)» и Я. В. Чеснова (Москва) «Сбор в лесах ритуального и лекарственного вещества галао у горцев Южного Вьетнама».

В сообщении К. Ф. Блиновой и Н. Б. Сыровежко (Ленинград) «О применении мумиё» было рассказано об одном из наиболее популярных лекарственных средств у многих народов Азии. Оно было известно в глубокой древности, и указание на его лечебные свойства встречается уже в трудах Аристотеля и позднее — Авиценны. Докладчик подчеркнул, что термин «мумиё» в настоящее время tolkutyaes весьма расширительно, и это нередко приводит к фальсификации препарата. Точная химическая формула различных видов «мумиё» до сих пор неизвестна, поэтому невозможно достоверно определить его химические свойства и фармакологическое действие. Неоправданное употребление «мумиё» справедливо критиковалось в советской печати.

Е. В. Ревуненкова (Ленинград) выступила с сообщением «О традиционных способах лечения у уйгуров (по материалам летнего полевого сезона 1974 г.); О. Муродова (Душанбе) посыпало сообщение роли внушения и самовнушения в народной медицине таджиков в XIX в.

Вне программы был заслушан доклад Х. А. Аллоярова (Москва) «Народная медицина узбеков Хорезма».

Большой интерес вызвало сообщение Ф. Н. Ромашова (Москва) и Е. С. Велховера (Казань) «Некоторые аспекты древнейшего учения об „окнах тела“». Речь шла об учении врачей и философов Древнего Востока, которые утверждали, что живой организм находится в неразрывном взаимодействии с окружающим миром и воспринимает его влияние через так называемые «окна тела» — глаза, уши, нос, рот и строго-

ограниченные участки кожных покровов. С другой стороны, «окна тела», по представлениям этих древних врачей и философов, находятся в постоянной зависимости от внутренних органов. По состоянию «скон тела» лекари из народа распознавали отдельные заболевания. Авторами доклада была проведена большая исследовательская работа по изучению влияния различных заболеваний организма на характер пигментации отдельных участков радужной оболочки глаза. Слушателям была показана карта участков поверхности радужной оболочки, «ответственных» за заболевание различных органов и систем человеческого организма.

На II секции развернулись оживленные прения. В них приняли участие Э. Г. Базарон, К. Ф. Блинова, М. Х. А. Ариф, И. М. Шептунов, М. Б. Арсеньева, В. Э. Назаров-Рыгдылон, Х. А. Аллояров, Э. Тыкоинская и др. К. Ф. Блинова, подводя итоги работы секции, подчеркнула необходимость изучения рациональных элементов традиционной медицины и внедрения их в современную медицину.

На III секции — «Медицина народов Европы и Кавказа» было заслушано 13 докладов и сообщений.

Доклад Д. С. Ивашина (Донецк) «Народная медицина Украины» в основном носил историографический характер.

В сообщении З. Е. Болтарович (Львов) «Народные средства лечения у украинцев Карпат конца XIX — начала XX в.» упоминались различные продукты растительного, животного и минерального происхождения, которые применялись в качестве народных лечебных средств, нередко в сочетании с магическими действиями. Благодаря живущести традиций народная медицина в Карпатах дожила до наших дней.

В докладе В. А. Меркуловой (Москва) рассматривалось происхождение народных названий болезней в русском языке.

Русской народной медицине был посвящен также доклад В. Г. Николаевой (Рязань) «Народная медицина Рязанской губернии по материалам Государственного областного архива».

Затем было сделано два обзорных доклада: Я. А. Вайчунене и Ю. А. Яскниса (Вильнюс) «Обзор народной медицины Литвы» и В. З. Гумарова (Уфа) «Некоторые данные из народной медицины башкир».

В докладе И. Б. Курчишили (Тбилиси) «Грузинские медицинские манускрипты феодальной эпохи (XI—XVI в.) как источники изучения народной медицины» анализировались специальные медицинские рукописи, в которых собрано большое количество сведений о сущности заболеваний, путях их распространения, лекарственных средствах, хирургических инструментах и т. д. Характерно, что многие описанные в этих древних трактатах методы и средства лечения совпадают с современными приемами народной медицины Грузии. Грузинской народной медицине были посвящены также сообщения Н. Р. Миндадзе (Тбилиси) «Народные методы лечения нервно-психических заболеваний у горцев Восточной Грузии» и Л. В. Беселия (Тбилиси) «Народная гигиена и косметика Грузии».

И. А. Гаджиев (Баку) сделал доклад «О народных способах лечения некоторых болезней в Азербайджане».

В сообщении Т. М. Хабихт (Таллин) «Значение крестьянской бани в эстонской народной медицине» говорилось, как при помощи бани эстонцы лечили в прошлом различные, главным образом простудные, а также детские заболевания. По свидетельству докладчика, в настоящее время медики все шире используют баню в лечебных целях.

А. И. Шретер в сообщении «Опыт расшифровки названий лекарственных растений, упоминаемых в целебной Сенъки Епишева царю Алексею Михайловичу», рассказал об итогах работы по идентификации 19 народных названий растений с научными латинскими названиями.

А. А. Лебедева (Москва) познакомила слушателей с исследованиями Марии Давыдовны Торзен в области народной медицины восточных славян, в том числе русских.

На заседаниях IV секции — «Лекарственные растения в народной медицине» было заслушано 14 докладов и сообщений.

После краткого вступления Е. И. Николаева был заслушан доклад Ф. Н. Ромашова «Методы лечения в народной медицине». Докладчик привел много аргументов в защиту народной медицины, рассматривающей человеческий организм как целостную систему. Ф. Н. Ромашов призывал к внимательному изучению не только лечебных средств, применяемых в народной медицине, но и самого подхода народных лекарей к процессу лечения. По мнению докладчика, синтез научной и народной медицины исключительно перспективен.

Сибирским лекарственным растениям было посвящено два доклада: А. А. Макарова (Якутск) «К изучению ботанического арсенала якутской народной медицины» и Т. П. Бerezовской (Томск) «Лекарственные растения сибирской флоры». Обзоры лекарственной флоры различных регионов нашей страны были даны в докладах И. А. Дамирова (Баку) «Некоторые итоги изучения лекарственных растений Азербайджана»; Ф. И. Андрющенко и др. (Пермь) «Народная медицина коми-пермяков и фармакологическая оценка некоторых лекарственных растений»; Л. Н. Суриной (Тюмень) «Растения, применяемые в народной медицине Тюменской области»; Т. П. Пулатовой (Ташкент) «Некоторые итоги изучения лекарственных растений Узбекистана».

Затем были заслушаны сообщения А. Вийрес (Таллин) «Деревья в эстонской народной медицине», С. Е. Шпелин «Использование лекарственных растений семейства

паслёновых в народной медицине» и Л. И. Минько (Минск) «Средства лечения ревматизма у белорусов».

Два сообщения были посвящены лекарственным растениям, применяемым в индотибетской медицине: С. М. Батаровой и М. Д. Дашиевой (Улан-Удэ) «Описание растений в трактате «Дэйцхар-Мигчжан» и Т. А. Асеевой и Ж. Ц. Цыбенова (Улан-Удэ) «Некоторые вопросы изучения лекарственных растений тибетской медицины».

Лекарственным растениям Средней Азии было посвящено сообщение Р. Сабирова и Х. Алматова (Ташкент) «О лекарственных растениях, описанных в рукописях ученых Хорезма».

На заключительном пленарном заседании был заслушан доклад американского этнолога С. Бенет «Изучение народной медицины в США». С. Бенет особо подчеркнула роль психотерапии в народной медицине при лечении различных болезней, указав, что психический фактор чрезвычайно важен для выздоровления человека.

На этом заседании были заслушаны также доклады Э. Г. Базарона «К методике изучения индо-тибетской медицины» и В. С. Соколова и И. Ф. Сациперовой (Ленинград) «Лекарственные растения народной медицины — на службу научной медицины».

С отчетами о работе секций выступили их руководители: И. И. Гохман, А. М. Решетов, И. Б. Курчишвили, Е. И. Николаев.

Ю. В. Бромлей в заключительном слове подвел итоги конференции; они нашли отражение в резолюции, принятой участниками конференции.

В резолюции отмечалась своевременность созыва конференции, которая показала необходимость объединения усилий специалистов различного профиля в целях всестороннего изучения народной медицины.

Конференция еще раз показала, что в «народной медицине есть как рациональное, так и иррациональное». Поэтому недопустима односторонняя оценка народной медицины — как ее идеализация, так и негативное отношение к ней. Вместе с тем при изучении народной медицины важно учитывать социально-исторические условия ее функционирования. Особое значение имеет сравнительно-историческое изучение народной медицины. Такой подход дает, с одной стороны, возможность глубже понять традиционно-бытовую культуру народов мира, с другой — предоставляет богатый материал для практического использования многовекового народного опыта в фармакологии, фармакогнозии и научной медицине.

В принятой на конференции резолюции было указано, что, поскольку народная медицина в условиях научно-технической революции быстро исчезает из повседневной жизни, ее комплексное изучение особенно актуально. Между тем в настоящее время исследования ведутся еще разобщенно, отсутствует единая программа и методика сбора материала. Поэтому в дальнейшем необходим тесный контакт этнографов с представителями медицинских и биологических дисциплин; особенно важна совместная разработка программ и методик полевых экспедиционных исследований, а также организация совместных экспедиций.

В решении также говорилось о целесообразности проведения конференций по народной медицине не реже одного раза в 3—4 года и высказывалось пожелание в период между конференциями проводить симпозиумы по отдельным проблемам.

А. П. Пестряков

ДИСКУССИЯ В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР О РОЛИ ОБЩИНЫ И ПЕРСПЕКТИВАХ ЕЕ ЭВОЛЮЦИИ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

В Институте востоковедения АН СССР (ИВ АН СССР) в Отделе общих проблем современного развития стран Азии и Северной Африки с октября 1974 г. постоянно работает теоретический семинар «Социологические чтения». Его цель — творческое обсуждение актуальных теоретико-методологических и общесоциологических проблем современного национально-освободительного движения в странах Азии и Африки. В работе семинара принимают участие ученые из ряда других обществоведческих научных учреждений АН СССР.

25 апреля 1975 г. состоялось очередное заседание семинара, на котором с докладом «Традиционные элементы в современной социальной структуре развивающихся стран (на примере Африки южнее Сахары)» выступил немецкий африканист Клаус Эрнст (ГДР). Доклад вызвал оживленную дискуссию. В работе семинара приняли участие

научные сотрудники Института востоковедения, Института Африки, Института философии, Института мировой экономики и международных отношений и других институтов АН СССР.

К. Эрнст в своем докладе прежде всего отметил теоретическое и общественно-политическое значение изучения традиционных элементов в современной экономической жизни и социальной организации развивающихся стран. Затем докладчик кратко информировал участников семинара о состоянии исследований по этой проблематике в ГДР и о дискуссии, состоявшейся летом 1973 г. в Берлине.

По мнению докладчика, исследование традиционных структур охватывает комплекс проблем, среди которых он выделяет четыре: 1) социально-экономическое содержание традиционного общества в доколониальный период; 2) деформацию традиционных структур под воздействием колониальной эксплуатации и становление нового способа производства в рамках своеобразного объединения «метрополия — колония»; 3) влияние и участие традиционных отношений в формировании современных классов и слоев; 4) перспективы традиционных институтов в странах некапиталистического развития.

Давая оценку традиционным структурам Африки как политэкономической категории, К. Эрнст отметил, что среди немецких ученых нет единого мнения о характере социально-экономических отношений в доколониальной Африке. Некоторые исследователи считают, что в Африке южнее Сахары наблюдалось развитие азиатского способа производства, другие — феодального. По мнению самого автора, в доколониальной Африке утверждалась «ранняя ступень развития варианта способа производства, названного К. Марксом „азиатским“». Этот способ производства — первая из трех последовательных стадий докапиталистической классовой формации.

Экономической и социальной ячейкой доколониальной (докапиталистической) «традиционной» Африки южнее Сахары была община с коллективной собственностью на землю, коллективным производством и распределением продуктов среди общинников, с четким естественным разделением труда между мужчинами и женщинами и возрастными группами. Но в отличие от древних азиатских стран, где существовали верховная государственная собственность и восточный бюрократический деспотизм, в древнем африканском обществе преобладали общинная собственность и первобытная демократия.

Остановившись затем на проблеме разложения старого традиционного способа производства под воздействием колониализма, К. Эрнст отметил, что нередко исследователи отождествляют разрушение старого способа производства со степенью «вовлеченностя» африканских стран в систему мирового хозяйства. Но, по мнению докладчика, не следует подобную «вовлеченность» понимать слишком прямолинейно — считать страны Африки либо «традиционными», либо уже «капиталистическими». С одной стороны, генезис капитализма в африканских странах вызывается действием экономических и внешнеэкономических факторов колониальной зависимости; но с другой стороны, закономерности, сопутствующие колониализму (присвоение значительной части национального продукта иностранными монополиями, разобщенность общественно-производственного организма — экспортный сектор производства и докапиталистические формы хозяйства, неравноправное международное разделение труда между метрополией и колонией и т. д.), неизбежно тормозят развитие производительных сил и «революционизацию производственных отношений». Взаимодействие таких противоречивых тенденций не только замедляет, консервирует социально-экономическое развитие в рамках традиционных структур, но и определяет возникновение своеобразных деформированных их форм. Старый способ производства не исчезает, а лишь обедняется, истощается, приспособливается и воспроизводится в уродливом виде; что касается нового, зарождающегося способа производства, то он действует как нечеткий и неорганический элемент симбиотической экономической системы.

Следовательно, традиционные структуры не представляют собой лишь доколониальные пережитки, не существуют в «чистом» виде, а являются прежде всего «деформированным организмом» колониальной эксплуатации, само же постоянное воспроизведение их в искаженной форме — одно из основных и существенных условий для колониальной, а в дальнейшем неоколониальной эксплуатации.

Переходя к характеристике влияния традиционных социальных отношений на процесс формирования современных классов и слоев, К. Эрнст подчеркнул, что на сегодняшний день нельзя свести возможности традиционных структур к укладу, все еще господствующему в деревне. Эти отношения воспроизводятся в современных отраслях хозяйства и пронизывают многие стороны городской жизни. Участие традиционных отношений в процессе классобразования противоречиво.

Традиционные институты в условиях капиталистической эволюции могут быть использованы складывающимися протобуржуазными слоями как орудие бесплатного присвоения чужой рабочей силы. Нередко труд общинников, членов большой семьи в интересах вождей и глав семей способствует концентрации богатства и власти в руках деревенской верхушки. Такие явления, как коррупция и непотизм, свойственные бюрократической буржуазии, свидетельствуют о живучести традиционных установок и ориентаций.

Но нередко выживание и существование огромных масс пауперизированного населения в городах также связано с сохранением традиционных представлений о взаимопомощи в рамках различных общинностей — большой семьи, общины, клана, племени. В современных условиях проявление традиционных коллективистских отношений порой толь-

ко затушевывает, маскирует классовые противоречия, нивелирует социальные процессы. Поэтому процесс классообразования весьма осложняется и сопровождается разделением общества на этнические, территориальные, религиозные объединения, сельские общины, кланы, касты, большие семьи, возрастные группы и т. д. Это соответственно влияет на социальное поведение, психологию индивидуума. Поведение человека скорее диктуется принадлежностью к этим традиционным общностям, их ценностями и нормами, нежеля объективно-материальными (классовыми) интересами.

В связи с этим остро встает вопрос о дальнейших перспективах традиционных институтов в странах социалистической ориентации. По мнению докладчика, преодоление традиционных отношений необходимо. Надежды на то, что традиционные структуры могли бы облегчить путь к социализму, вдвойне являются иллюзией. Во-первых, во всех регионах Африки, независимо от степени их включенности в мировое хозяйство, речь идет не о «чистых» традиционных структурах, а о продукте и даже в определенной мере о «функциональном элементе» системы колониальной и неоколониалистической эксплуатации. Во-вторых, традиционные структуры, даже в нетронутом, первозданном состоянии по сути дела не могут воспроизвести ничего другого, кроме как самих себя. А такие негативные стороны традиционных отношений, как социальный паразитизм общинной верхушки, жесткая регламентация роли и места каждого общинника в хозяйственной и общественной структуре, пресекают личную инициативу отдельного индивидуума, консервируют отсталые производственные и общественные отношения, т. е. закрывают перспективу расширенного воспроизводства, что на современном этапе лишь увеличивает разрыв в уровнях экономического, политического, социального и культурного развития между странами Африки и промышленно развитым миром. Поэтому преодоление традиционных отношений является составной частью общего процесса независимого политического и экономического развития и его не следует рассматривать как изолированный процесс, а лишь в тесной взаимосвязи с развитием всего общества.

А. В. Кива (журнал «Азия и Африка сегодня») в своем выступлении подчеркнул, что община в целом обречена на неминуемую гибель, вырождение, ее распад после достижения африканскими странами независимости ускорился в государствах как капиталистической, так и социалистической ориентации.

Проблема трансформации общины, в частности создания на ее базе производственных кооперативов (на что возлагались большие надежды в ряде африканских стран социалистической ориентации, например в Гвинее), пока нигде не решена, да и вряд ли может быть решена. Дело в том, что община как архаичный социально-экономический институт прошлого содержит в себе позитивные и негативные черты в их неразрывной связи. Часто говорят о таких положительных особенностях общин, как коллективное владение землей, обычай взаимопомощи, взаимовыручки, колLECTИВИЗМА, дух солидарности общинников и т. д. Но при этом забывают, что с этими положительными особенностями связаны, тесно переплетены такие негативные черты, как незаинтересованность общинника в повышении производительности труда (ибо прибавочный продукт обычно присваивался общинной верхушкой), непотизм, трайбализм (питательной средой которого всегда являлась родо-племенная община) и т. д.

Конечно, сохранение общины, низкий уровень развития капиталистических отношений в африканской деревне в целом, с одной стороны, облегчает ее трансформацию на некапиталистическом пути развития, ибо меньше противников социалистического выбора. Но в то же время общинник привержен традиционным структурам и не имеет тех стимулов борьбы за переустройство аграрных отношений, которые имеет малоземельный и безземельный крестьянин.

Действительность показала, что большесемейная община («большая семья») на практике оказалась нежизнеспособной, когда на ее базе пытались создать производственные кооперативы. К тому же общинная верхушка стремится захватить руководство в таких кооперативах и насадить там традиционные социальные отношения, которые губительны для любого современного хозяйства, тем более для кооператива, построенного на некапиталистических началах. Есть еще один аспект проблемы. Известный французский исследователь Ж. Сюрэ-Канала, анализируя развитие сельского хозяйства Тропической Африки, пришел к выводу, что общинная собственность на землю не только не препятствует, но в ряде случаев способствует возникновению сельской буржуазии, или, как он ее называет, «тракторной» буржуазии.

В советской литературе нередко проводят аналогию между аграрными преобразованиями в бывших отсталых районах Советского Союза, с одной стороны, и в современных странах некапиталистического развития — с другой. Такое сравнение представляется не совсем правомерным, так как развитие отсталых районов нашей страны осуществлялось в условиях диктатуры пролетариата и было составной частью социалистической революции в СССР.

Между тем в странах социалистической ориентации (а именно только в них предпринимались серьезные попытки преобразовать общину, очистив ее от «наносов колониальных времен» и создав на ее базе высший тип кооперации), к сожалению, как правило, не вызрели еще материально-технические возможности, нет достаточного числа специалистов для того, чтобы государство могло взять на себя огромные расходы, связанные с массовой кооперацией в деревне. Да это к тому же требует и большой культурно-воспитательной работы среди населения. С учетом всего этого, думается, и африканскую общину ждет судьба русского мира или германской марки. Хотя, безусловно, в

странах социалистической ориентации процесс распада общин может в определенной степени регулироваться и направляться сверху, протекать по возможности наиболее безболезненно.

Ю. М. Кобищанов (Ин-т Африки АН СССР), коснувшись прошедших оживленных дискуссий об азиатском способе производства, заявил, что он не является сторонником теории азиатского способа производства, а поддерживает теорию «большой феодальной формации». Накопленный советскими учеными большой фактический материал о традиционных, доколониальных африканских обществах дает возможность утверждать, что они находились на ранних ступенях перехода от первобытной общественной формации к феодальной (в зависимости от района действия двух типов периферий) и лишь наиболее передовые из них вступили в стадию развитого феодализма. Разным африканским обществам соответствовал неодинаковый тип общин — родовая, территориальная, различные переходные типы. Ю. М. Кобищанов отметил также, что по существу африканская община в основном гетерогенная и кастовая, и в связи с этим привел конкретные данные о структуре общин у различных африканских народов. Далее докладчик сказал, что элементы социальности древних африканских обществ достались колониальной и постколониальной Африке и дополнены кастостью колониального типа. Традиции доколониальной Африки, постоянно деградируя, отчасти сохраняются в современных традиционных обществах этого континента, в которые, однако, входят как важная, но подчиненная составная часть и проявляются в таких неотрадиционалистических явлениях, как непотитизм, кумовство, землячество, различного рода ассоциации, «ложекооперативы», союзы и т. д.

Л. Д. Яблочкин (Ин-т Африки АН СССР) в ходе дискуссии высказал пожелание о более осторожном использовании терминов, считая, что следует оговаривать, какой смысл вкладывается в то или иное понятие. Тема доклада — традиционные структуры, но К. Эрнст совершенно прав, когда, характеризуя традиционные формы отношений, каждый раз подчеркивает, что речь идет не о «чистых самобытных структурах», а деформированных иностранным капитализмом формах доколониальных общественных отношений. В настоящее время в Тропической Африке редкая община абсолютно изолирована от товарно-денежных отношений, редкая семья вовсе не участвует в товарном обмене.

До получения независимости в африканских странах функционировало слабо интегрированное, не монолитное, но все же единое общество, которое справедливо называют колониальным. Так, Д. А. Ольдерогге пишет: «Почти столетнее порабощение народов (Африка) создало особый тип социального развития, который следует называть колониальным обществом»¹. Современное освободившееся общество Тропической Африки — это сложное сословно-классовое общество без господствующего типа отношений, а приспособленные к колониальному режиму общинны проявляют и в нем поразительную устойчивость, объединяя большинство населения. Но общинный уклад все же не является ведущим — он один из отмирающих укладов. Феодальные институты сложились далеко не у всех народов Африки, и они также лишены перспективы. В Африке ширится и укрепляется мелкотоварный уклад, но это еще не капитализм. Буржуазные устои, возникшие под воздействием колониализма, не стали общим базисом. Большую роль в политической жизни Африки играют промежуточные и переходные слои, связывающие своей деятельностью существующие уклады, — это городские средние слои, включающие прежде всего мелкую буржуазию и чиновничество. Следует также учитывать, что на развитие освободившихся стран оказывает влияние не только одна из ведущих противоборствующих социально-экономических систем — империализм, но и социализм, воздействие которого больше всего ощущается в области надстройки.

Поэтому при характеристике классовой борьбы по проблеме выбора пути развития должны учитываться взгляды различных слоев общества на будущее их страны и их место в новой системе отношений. Только родовая знать и комирадоры могут быть заинтересованы в так называемом «зависимом» развитии, они-то и превозносят традиционные (по существу, колониально-общинные в Тропической Африке) институты и ценности. Это традиционалисты. С национально-реформистскими программами, а по сути дела буржуазными, выступают политические деятели из средних слоев. И только революционные демократы, представляющие интересы трудящихся, поддерживают радикальную деколонизацию всех сфер общественной жизни.

В. Г. Раствинников (ИВ АН СССР) отметил, что основные положения доклада К. Эрнста во многом сходятся с выводами советского исследователя В. В. Крылова, изложенными в его кандидатской диссертации. Прежде всего, самой высокой оценки заслуживает подход автора к анализу традиционных структур «третьего мира», в частности его центральный вывод о том, что эти структуры в их современном варианте представляют собой «деформированный продукт» и «функциональный элемент системы колониальной и неоколониальной эксплуатации». Только в рамках такого подхода к проблеме можно понять и объяснить как поразительную живучесть традиционных структур, так и то обстоятельство, что для самих развивающихся стран функционирование этих структур представляет собой «тупиковую ветвь» общественно-экономического процесса.

¹ «Проблемы населения и хозяйства стран Африки», Л., 1973, стр. 4.

В связи с возникшей дискуссией о правомерности использования понятий «традиционные структуры», «традиционные отношения» применительно к странам «третьего мира» В. Г. Растворников отметил, что эти понятия, содержащие термин «традиция», «традиционный», — неотъемлемая часть марксистского понятийного аппарата².

Заслуживает внимания вывод К. Эрнста о том, что некапиталистическое развитие в качестве своего важнейшего элемента включает в себя преодоление традиционных структур. Однако как раз эта, несомненно, наиболее сложная в теоретическом отношении часть доклада была освещена недостаточно. В теоретической разработке проблемы «взлома» (преодоления) традиционных структур, по-видимому, нужно учитывать влияние многих и «внешних», и «внутренних» факторов.

В частности, в нынешнюю эпоху резко усиливающегося и качественно изменяющегося мирового влияния на страны «третьего мира» все более мощное воздействие оказывает «демонстрационный эффект», порожденный прогрессом производительных сил в эпицентрах их развития — странах развитого социализма и странах развитого капитализма. Отсюда формирование новой системы потребностей, разрушающее «гармонию» традиционных отношений и соответственно вызывающее становление новой социальной психологии эксплуатируемого населения в рамках традиционных структур и стимулирующее развитие конфликтных ситуаций на принципиально новой основе — на основе экономических интересов общественных групп. Появление нового общественного сознания эксплуатируемого народа — это уже значительный сдвиг в преодолении традиционных структур. «Зеленая революция» непосредственно «распахивает зелину» традиционных отношений, хотя этот процесс находится еще на начальной стадии и к тому же носит очаговый характер.

На базе медленного, «эндогенного», стихийного развития товарного производства (расложение непосредственных производителей, становление капитала, переход его с доиндустриальной на индустриальную стадию и т. д.) невозможно решить те грандиозные проблемы, которые стоят перед развивающимися странами. И дело здесь не только в длительности сроков, но прежде всего в тех «внешних» условиях (включенность развивающихся стран в мировую капиталистическую систему в качестве подчиненного звена), которые активно препятствуют стихийному процессу размывания традиционных структур. Отсюда вытекает тенденция к резкому повышению роли и интенсивному становлению качественно новых функций государства в экономическом развитии. Качественно новые формы организации общественного труда (внезэкономические методы формирования накопления, государственная собственность, кооперация, жесткий контроль над «свободным» рынком и т. д.) становятся двигателем общественно-экономического прогресса, в частности фактором трансформации традиционных структур, хотя на современном этапе существующие во многих странах внезэкономические формы присвоения государством части продукта, создаваемого производителями в пределах традиционных структур ради ускорения развития более динамичных секторов экономики, могут сдерживать такую трансформацию. Кроме того, нужно иметь в виду возможность значительного притока в развивающиеся страны ресурсов из-за рубежа, часть которых через различные институты государства может превратиться в материальную основу преобразования традиционных форм производства.

В. И. Кирко (Ин-т Африки АН СССР) в своем выступлении говорил о том, что до недавнего времени изучение различных современных процессов в развивающихся странах, как правило, проводилось на гносеологическом уровне познания и лишь в последние годы советские ученые стали применять методы конкретного социологического исследования (опросы, анкетирование, социальный эксперимент и т. п.). Конкретно-социологические исследования, опирающиеся на факты, помогают определить первоочередность задач, выявить интересы и потребности различных слоев населения, готовность крестьян к тем или иным формам кооперирования; определить степень зависимости трудовых масс от традиционного образа мышления, живучесть и действенность традиционных представлений, религиозных верований и социальных взаимосвязей. В связи с этим В. И. Кирко рассказал о работе творческой группы по конкретным социологическим исследованиям Института Африки АН СССР, которая успешно проводила обследования среди студентов, прибывших из африканских стран.

Е. А. Биргауз (ИМЭМО АН СССР) отметила, что как в докладе К. Эрнста, так и в его очень интересной монографии, посвященной тем же проблемам³, предстает

² Эти понятия широко применял К. Маркс в «Капитале». Например: «традиционные придатки», присущие добуржуазным формам собственности; «традиционные отношения земельной собственности»; «решающая роль» «традиций» при господстве такого «общественного производственного отношения», как отработочная рента. См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 167; т. 23, стр. 734; т. 25, ч. II, стр. 356.

³ Е. А. Биргауз высказала пожелание, чтобы книга К. Эрнста «Традиция и прогресс в африканской деревне (социологические проблемы некапиталистического преобразования деревенской общины в Мали)» (K. Ernst, Tradition und Fortschritt im afrikanischen Dorf (Soziologische Probleme der nichtkapitalistischen Umgestaltung der Dorfgemeinde in Mali, Berlin, 1973), содержащая интересный конкретный материал, была переведена на русский язык и издана в СССР.

сложнейшая реальность современной африканской общины. Но в отличие от «классической» европейской ситуации, считает Е. А. Биргауз, перед африканской общиной открывается качественно новая и несравненно более прогрессивная историческая альтернатива. Окончательному разрушению общины в странах социалистической ориентации противостоит процесс становления не частновладельческих отношений, а государственно-кооперативных, т. е. создание кооперативов, контролируемых государством, и постепенная замена частных закупочно-сбытовых организаций государственными. Именно в этом заключена новая историческая альтернатива социального развития африканской деревни, что безусловно должно учитываться революционной демократией при разработке адекватной стратегии и тактики перспективного развития своих стран.

Создание сельских кооперативов в то же время невозможно без перестройки традиционных социальных отношений, но это не должно полностью исключать возможности использования позитивных традиционных, общинно-коллективистских элементов для реализации грандиозных проектов дальнейшей модернизации африканского общества и «государствования» некоторых форм общественно-экономической жизни.

Очень важна, по мнению Ж. Д. Смиринской (ИВ АН СССР), поставленная докладчиком проблема влияния традиционных структур на процессы классообразования и особенностей общественного сознания трудовых слоев населения, включенного в эти структуры. В связи с этим представляется оправданной та осторожность, с которой К. Эрнст подходит к проблеме сохранения и использования некоторых институтов традиционной африканской общины в современную эпоху, ибо такое сохранение может повлечь за собой консервацию огромного комплекса архаических представлений и связей, что в свою очередь может способствовать определенному перерождению (в архаико-эксплуататорском либо буржуазно-эксплуататорском направлении) новых прогрессивных по замыслу институтов.

Ж. Д. Смиринская отметила, что социально-экономическое определение сущности доколониального африканского общества как одного из вариантов азиатского способа производства дано докладчиком несколько односторонне: подчеркнут лишь один важнейший элемент анализируемой системы — община как основная структурная единица общества. При такой характеристике остается как бы «вынесенным за скобки» общественного механизма другой не менее важный компонент — возвышающаяся над общинами централизованная система распределения и перераспределения произведенного в обществе продукта, оформляющаяся со временем в государственный аппарат архаического типа. Кстати, докладчик уделяет внимание этому компоненту, отмечая торговые функции управленческой верхушки архаичных общинностей; но вопрос о роли и месте верхушки в духовной жизни этих обществ требует специальной разработки.

В своем выступлении Б. С. Ерасов (Инт-философии АН СССР) сказал, что представления идеологов «национального социализма» (особенно африканского) о том, что традиционная община может стать основой нового, справедливого общества — всего лишь охранительная реакция на проникновение капиталистических отношений и желание избежать пагубных последствий такого проникновения. Однако в этой реакции еще нет предпосылок действительного сдвига в сторону социализма. Прежде всего сама по себе община не способствует расширению производства и ее возможности в этом отношении весьма ограничены. Как известно еще из указаний К. Маркса, подключение общин к развитому материальному производству потребовало бы значительных материальных затрат, которыми не располагают развивающиеся страны. Ресурсы, заключенные в самой общине, — это сам живой труд, и его кооперированное использование — насущная задача для стран социалистической ориентации. Однако традиционная структура, в которую заключен этот труд, препятствует его эффективному использованию. Поэтому вполне оправдан вывод о «взломе» привычного механизма солидарности и создания новых форм коллективизма. Содержание этого коллективизма должно радикально отличаться от прежних форм, хотя бы они имели черты формального сходства с традиционным коллективизмом.

Не следует идеализировать антикапиталистические и освободительные тенденции, порождаемые общинным укладом. Антикапитализм носит одновременно и «некономический» характер, выражая тенденцию к потреблению, а не к накоплению производимого продукта.

Социалистическое развитие означает создание новых форм трудовой ассоциации, но оно требует вместе с тем решительной перестройки и самих индивидов, и всех их жизненных установок. Оно требует мобилизации трудовых ресурсов ради преобразования всей структуры производительных сил.

Такая радикальная перестройка может быть осуществлена только подлинно революционной партией, осуществляющей на деле идеалы социализма.

В. Г. Хорос (ИВ АН СССР) обратил внимание на ряд интересных идей, содержащихся в докладе. Прежде всего на то, что колониализм и процесс «ущербной» модернизации при колониализме привели, во-первых, к своеобразной консервации традиционных структур; во-вторых, к уродливой их деформации, означающей оживление худших, консервативных потенций общинных структур, использование их коллективистских традиций местной верхушкой для эксплуатации своих соплеменников.

Пафос доклада — в подчеркивании необходимости в ходе национально-демократических и социалистических преобразований решительного преодоления традиционных

структур. Будучи в целом вполне правомерным, это положение, по мнению В. Г. Хороса, иногда у докладчика все же звучит слишком категорично.

Со времен К. Маркса и Ф. Энгельса в марксистской мысли существует постановка вопроса относительно возможности использования коллективистских традиций общины в целях ее социалистического переустройства. Разумеется, дело не в том, чтобы это переустройство совершилось без ликвидации негативных элементов традиционных отношений, так вопрос никогда не ставился и не ставится. Проблема заключается в другом: раз традиционные структуры «дожили» до эпохи социалистических преобразований и их по ряду причин невозможно да и ненецеобразно «ломать», то необходимо найти пути модернизации этих структур в некапиталистическом и социалистическом направлении.

Опыт показывает, что ломка традиционных структур (проводится ли она путем формированного насаждения кооперативов современного типа или, тем более, в буржуазном духе, в плане стимулирования принципов индивидуализма и частной собственности) вызывает нежелательные последствия: острые социальные конфликты, хозяйственную дезорганизацию, социально-психологический разлад. Как свидетельствует практика социалистического преобразования деревни в условиях окраинных республик нашей страны, целесообразно использование традиционных форм (постепенно вливая в них новое содержание), чтобы облегчить крестьянству переход к новым отношениям. Но дело не только в тактической стороне. И по существу некоторые стороны или черты традиционного колlettivизма (например, тот факт, что для члена общины стимулом к работе служит прежде всего общественное мнение его односельчан и т. п.) могут способствовать социалистическому переустройству деревни.

Конечно, община может воспроизводить только самое себя. Но ведь и единоличная крестьянская парцелла способна воспроизводить лишь буржуазные отношения. Вопрос в том, от чего «ближе» к некапиталистическим или социалистическим кооперативам, от какой отправной точки этот переход может быть совершен сравнительно более органично и безболезненно.

Подводя итоги дискуссии, проведенной на заседании теоретического семинара, В. Ф. Ли (ИВ АН СССР) отметил, что в последние годы в мировой науке наблюдается значительная «акселерация» интереса исследователей к проблемам традиционных структур и отношений. Но, как и в других сферах современного обществознания, здесь обнаруживаются диаметрально противоположные, социально-антагонистические методологические направления и ориентации. Так, пятистадийная концепция социально-экономического роста У. Ростоу игнорирует в сущности классовую природу экономического призвания в традиционном обществе. С подобным методологическим подходом перекликается и теория «постиндустриального общества» Д. Белла.

Марксистская методология исследования традиционных структур и отношений базируется на последовательной диалектико-материалистической основе. Методологическая основа комплексного подхода к данной проблематике была сформулирована Марксом и Энгельсом в процессе острой полемики с утопическими воззрениями Сисмонди и других непролетарских и мелкобуржуазных теоретиков прошлого века, которые в той или иной форме ошибочно верили в возможность реставрации исторически отживших способов производства, в возможность их насильтственного «симбиоза» с качественно новыми социально-экономическими отношениями капиталистической формации⁴.

Общетеоретические разработки последних лет открывают перед востоковедами и социологами весьма широкий спектр исследования роли традиционных факторов в связи с практикой современных национально-демократических преобразований в многоукладных странах Азии и Африки.

Прежде всего это относится к «анатомии» традиционного (докапиталистического) общества, в сложной, универсальной системе которого вполне вычленяются для абстрактно-логического и эмпирического исследования следующие основные структурные компоненты: во-первых, материальные факторы, связанные с воспроизводством в докапиталистическом хозяйстве; во-вторых, социально-политические, а именно — общинные, цеховые и т. п. общности и институты; в-третьих, идеологические, обусловленные главным образом религиозно-идеалистическим мировоззрением и мистификацией минувших эпох социальной истории; и наконец, в-четвертых, социально-психологические, фиксирующие передаваемые из поколения в поколение (иногда генетически) традиционные обычаи, нормы, склонности, привычки, оказывающие огромное воздействие на ускорение (или, напротив, замедление) процесса социальной революции в послеколониальном обществе.

Любой структурный компонент традиционного общества может рассматриваться и как объект самостоятельного исследования, тем более, что их значимость в процессе национально-демократических преобразований весьма не равнозначна. Если идеологические, а до некоторой степени социально-политические факторы создают преграды на пути коренной социальной революции, то ряд материально-экономических и социально-психологических аспектов традиционализма может быть частично обновлен и использован в процессах социалистической ориентации. Пожалуй, здесь перед нами социально-исторический феномен, возможность возникновения которого Ф. Энгельс в своих письмах сформулировал как историческую необходимость «опереться на тысячелетнее

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 450.

стихийное стремление народа к колlettivизму еще до того, как оно успеет угаснуть⁵ в результате капиталистической эволюции и научно-технического переворота, размывания общинного землевладения и натурального хозяйства, неуклонной концентрации денежного богатства, усиления власти кулаков и мироедов-ростовщиков.

Стало быть, традиционные структуры послеколониальных обществ не могут быть исследованы на основе каких-либо абстрактно-социологических, формализованных моделей, а лишь в границах той или иной социально-классовой системы, которая и определяет природу и содержание того или иного феномена традиционализма.

З. Н. Галич

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма о «Капитале», М., 1968, стр. 368, 529.

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ ЭТНОГЕНЕЗА, МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ КАВКАЗА, СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ЧАСТИ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР

22 и 24 апреля 1975 г. в Ленинградской части Института этнографии АН СССР были проведены три расширенных научных заседания группы Кавказа, Средней Азии и Казахстана. На них было прочитано 10 докладов, повященных вопросам этнической истории и хозяйства, а также другим аспектам материальной и духовной культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. В основу большинства докладов положены полевые материалы, собранные авторами в разные годы. В работе заседаний принимали участие сотрудники Государственного музея этнографии народов СССР и Государственного Эрмитажа.

С. М. Абрамзон выступил с докладом «О некоторых герминах родства в тюркских языках». Докладчик высказал мнение, что в памятниках древнетюркской письменности отразилась не описательная, а классификационная система родства. Ее черты сохранились до последнего времени у многих современных тюркоязычных народов (об этом свидетельствуют труды Н. П. Дыренковой, Л. П. Потапова, К. Л. Задыхиной и др.). В связи с этим докладчик обратил внимание на то, что в трудах ряда тюркологов, анализирующих древнетюркские тексты, отмечается главным образом членение на «старшее» и «младшее» родство и мужскую линию родства. С. М. Абрамзон рассмотрел такие термины как «племянник» и «дядя», которые нередко трактуются независимо от того, относятся ли они к родству по отцовской или материнской линии, тогда как некоторые из них, бесспорно, имеют групповой характер и связаны родством по материнской линии. С. М. Абрамзон высказал предположение, что в древнетюркском обществе сохранились следы матрилокального брака.

В основу доклада Ф. Д. Люшкевича «Особенности свадебной обрядности таджикоязычного населения Бухарского оазиса» были положены собранные ею полевые материалы. Она убедительно показала, что несмотря на универсальность основного цикла свадебного обряда, в нем отчетливо выделяются локальные варианты, характеризующиеся главным образом деталями проведения различных этапов обряда. Они и являются одним из источников для установления этногенетических и историко-культурных связей. Наибольшие различия отмечены между обрядами, сложившимися, с одной стороны, в Бухаре, а с другой — в Ромитанском, Вабкентском и Гиждуванском районах. Своеобразие свадебного обряда у таджикского населения обследованных районов определяется главным образом различной степенью взаимоотношения ирано-туркских элементов. Свидетельством ранних контактов ираноязычного и тюркоязычного населения на всей этой территории являются такие прочно вошедшие в свадебный ритуал тюркские элементы и термины, как, например, чимильк (свадебная занавеска), таджикско-персидские термины аргус (невеста) и аргуси (свадьба) заменены тюркскими — келин (невеста) и туй (празднество). Процесс проникновения тюркских элементов в обрядность местного таджикского населения шел более интенсивно в районных центрах Бухарского оазиса. Анализ обряда сватовства — румолберды (туркск. «раздача платков») указывает на его общегенетические корни с обрядами некоторых тюркских групп и на различную степень смешения с местным древним обрядом — чоншиканон (преломление хлеба), сохранившимся в г. Бухаре.

В докладе Л. А. Фирштейн «Обряды и поверья, связанные с получением приплода скота и молочным хозяйством у киргизов» приводились материалы, собранные в процессе полевой работы в котловине оз. Иссык-Куль, в долине р. Таласа и в На-

рынской области Киргизской ССР. Докладчица рассказала о некоторых обрядах и поверьях, связанных с появлением на свет молодняка (рождением двойни у кобылицы, коровы или верблюдицы), а также об обрядах, направленных на сохранение и увеличение поголовья скота. Л. А. Фирштейн зафиксированы обряды и представления, относящиеся к молоку и молочным продуктам. Последним приписывали магические свойства, их использовали в качестве лечебных средств. Докладчица указала на то, что с молочными продуктами были связаны различные поверья и запреты, выполнявшие охранные и ритуальные функции. В целом рассмотренный цикл обрядов и поверий отражал культово-магические представления. Дальнейшее их изучение может пролить дополнительный свет на религиозные взгляды киргизов.

Доклад Г. Н. Симакова был посвящен типологии скотоводческого хозяйства у киргизов в конце XIX — начале XX вв. Докладчиком наряду с литературными источниками, которые лишь косвенно затрагивали эту тему, использованы полевые материалы, собранные в Киргизии. Г. Н. Симаков выделил три типа скотоводческого хозяйства. Первый — *кочевое скотоводство*, не связанное с земледелием и со способами пастьбы и содержания скота, характерными для оседлого хозяйства. Второй — *скотоводство смешанного типа*, которое уже входит в скотоводческо-земледельческое хозяйство, где наряду со скотоводством имеется и оседлое земледелие. В последнем случае часть скотоводов уже переходит на отгонно-выгонное и стойловое содержание скота, постепенно сокращая расстояния и продолжительность кочевания. Разная степень связи с земледелием и вытекающая отсюда разная степень использования выгонного, стойлового и отгонного содержания скота позволяет выделить в пределах этого типа три подтипа: полукочевой (скотоводство еще сильно связано с кочеванием); оседло-кочевой (промежуточный) и полуоседлый (кочевание уже носит пережиточный характер). Третий тип — *оседлое скотоводство* — характеризуется полным отмиранием традиций кочевания со скотом. Ему присущи способы выпаса и содержания скота, характерные для оседлого земледельческого населения. Таким образом, автору удалось выделить и охарактеризовать основные типы скотоводства у киргизов и проследить, как в недрах кочевого пастбищного скотоводства сначала зародились, а затем утвердились как основные формы скотоводческого хозяйства, характерные для оседлого земледельческого населения.

Б. А. Афаньев в докладе «Русское и украинское население Приисыккулья» отметил, что первые русские и украинские переселенцы появились на территории Приисыккулья в 60-х годах прошлого столетия. Переселение их было связано с колонизаторской политикой царского правительства. Поселки создавались с учетом хозяйственных и военных потребностей. Заселяли их крестьяне из Центральной России — Воронежской, Курской, Астраханской, Харьковской, Полтавской и других губерний. Устроившись на новом месте, переселенцы начинали заниматься хозяйством — в основном земледелием. Возделывали рожь, пшеницу, просо, гречиху, овес. Для всех селений было характерно общинное владение землей, на праве бессрочного пользования, с периодическими переделами. Земледелие в основном было поливным. Русско-украинским поселенцам приемы искусственного орошения полей известны не были; поэтому поливному земледелию им пришлось учиться у киргизов. Переселенцы занимались также огородничеством. Животноводство имело подсобное значение. Кроме того, переселенцы занимались рыболовством и пчеловодством. На новом месте они не только хорошо обжились, но и оказали прогрессивное влияние на хозяйство окружающего киргизского населения.

Доклад В. П. Курyleva «Петроглифы Тарбагатая, Манрака и Саура» был посвящен наскальным изображениям, обнаруженным в 1973 г. автором в Восточном Казахстане. Изображения нанесены на ровную вертикальную поверхность скальных выходов, обращенных, как правило, на юг и юго-восток. Рисунки выполнены «точечной техникой». Первая группа наскальных изображений находится в ущелье Богутас, расположенному на одном из северных склонов Тарбагатая, в 5—6 км от ближайшего населенного пункта Асусай. Они расположены как правило на высоте 10—15 м. Основной их сюжет — животные, главным образом, горные козлы и архары. Встречаются также изображения оленей, лосей, лошадей, двугорбых верблюдов, волка (или собаки?), а также людей — стрелков из лука, всадников. В. П. Курylevым обследовано только ущелье Тарбагатая (по свидетельству местного населения, здесь имеется не менее 200 мест с наскальными изображениями). В горах Манрака, в урочище Котаншилик, также встречаются изображения диких козлов, архаров, оленей. А на одном камне, по-видимому, изображена даже облава волков на оленей. По имеющимся сведениям петроглифы есть и в других местах Манрака. На восточной стороне ущелья Жабай горной системы Саур также имеются изображения горных козлов и архаров. Сравнение обнаруженных рисунков с уже известными петроглифами Прииртышья, Южного Казахстана, Тувы, Монголии и других районов позволяет высказать предположение о том, что наскальные рисунки Тарбагатая, Манрака и Саура возникли не раньше периода ранних кочевников и не позднее древнетюркского.

В докладе «Сарматские типы одежд на рельефах пантикапейских надгробий и триумфальной колонны побед императора Трояни в Добрудже» Т. Д. Равдоникас сообщила о типе мужского костюма, изображение которого встречается на рельефах пантикапейских надгробий и представляет большой интерес. Это костюм, в состав которого входила наплечная одежда (кафтан) из шкуры парнокопытного животного

(олень, лось). На боспорских рельефах имеется изображение трех вариантов такой одежды: кафтан без нагрудника, который вошел в состав костюма греческих колонистов, кафтан с нагрудником, надеваемым отдельно, кафтан с пришитым нагрудником. Такая одежда могла быть принесена племенами斯基фо-сарматского круга, но могла возникнуть и самостоятельно в Северном Причерноморье, ибо тип ее вначале представлял собой простейшую форму наплечной одежды и определялся конфигурацией самой шкуры, возникновение ее связано с охотой на парнокопытных, и со скотоводством. Описания древних авторов, остеологический и археологический материалы, топонимика свидетельствуют о существовании в Причерноморье многочисленных стад благородных оленей, а сообщения писателей эпохи эллинизма и этноними говорят о наличии охотников на оленей или даже оленеводов. Гезихий, писатель эпохи позднего эллинизма, в своем «Словаре» сохранил для нас местное название такой одежды, а В. И. Абаев, исходя из данных дигорского, более арханичного диалекта осетинского языка, этот термин перевел. Обозначал он, по мнению В. И. Абаева, «кожеду из оленей шкуры».

Таким образом, все приведенные выше факты подтверждают нашу мысль о бытованиях среди обитателей Северного Причерноморья эпохи эллинизма наплечной одежды из шкуры парнокопытного.

Л. И. Смирнова посвятила доклад вопросу, не рассматривавшемуся ранее в литературе — знакам на декоративных блюдах, широко бытовавших в горной Аварии. Изготовление таких блюд приписывается лезгинам селения Испик. Знаки эти представляют собой точечные или продолговатые выемки, нанесенные на сырью глину. Они расположены на наружной стороне дна полукругом или посередине. Количество их варьирует от 4 до 10 и более. Пока не удалось установить закономерность в порядке расположения, форме, количестве знаков и их зависимость от сюжета и от краски блюд. Между тем на другой керамике Дагестана, бытовавшей в XIX—XX вв., подобных знаков пока не обнаружено. Наиболее близкими аналогами рассматриваемых знаков являются знаки на керамике из раскопок Урцекского городища. Урцекские знаки М. Мамнаев относит к албано-сарматскому и раннесредневековому времени и определяет их как ремесленные метки, т. е. гончарные клейма. Учитывая сказанное, а также то, что на остальных видах керамики, бытовавшей в Испике, встречаются знаки рисованные, а не вдавленные, и что последние ставились только на декоративных блюдах, которые материалом, техникой выполнения и сюжетом орнамента резко выделяются среди остальной (рисованной) керамики этой местности, Л. И. Смирнова ставит под сомнение изготовление данных блюд в Испике и предлагает вновь рассмотреть этот вопрос, учитывая то обстоятельство, что декоративные блюда встречались лишь в тех районах Аварии, где была распространена бытовая керамика с вдавленными знаками.

Материалом сообщения М. В. Сазоновой «Водные пути и средства передвижения в Хорезме (конец XIX — начало XX в.)» послужили экспедиционные записи 1946—1949 и 1971 гг., сделанные от старых водителей (*дарга* и *кемачи*) судов. Кроме того, докладчица использовала некоторые архивные данные. В сообщении приводились сведения о судоходности хорезмских магистральных каналов и Амудары, о местных типах судов, давалось их краткое описание. М. В. Сазонова осветила организацию труда судовой команды, вскрыла феодальный характер отношений в ней. В заключение она подчеркнула значение местного судоходства для транспортировки хлопка и других продуктов сельского хозяйства в Центральную Россию и товаров Российской промышленности в Хорезм.

Л. И. Лавров в докладе «Украинско-адыгские (черкесские) этнокультурные связи» привел ряд дополнительных материалов к ранее опубликованной им работе об украинско-кавказских исторических связях. Он показал, в частности, что адыгский обычай «гуляния у постели» раненого (*чапш*) был известен в XIX в. и черноморским казакам. Поскольку в прошлом украинцев и адыгов называли сходными этнонимами «черкас» — «черкес» и «казак» — «казог», докладчик высказал предположение о том, что раньше эти этнонимы имели социальное, а не этническое значение, причем сказанное может относиться и к слову «кыргыз», которое по мнению Л. И. Лаврова, является лишь фонетической разновидностью слова «черкес».

По докладам развернулись оживленные прения. В них наряду с сотрудниками Института этнографии приняли активное участие специалисты из Государственного Эрмитажа и Государственного музея этнографии народов СССР, сделавшие ряд интересных дополнений и замечаний.

Подводя итоги расширенных научных заседаний группы Кавказа и Средней Азии, Л. И. Лавров отметил их результативность и большой научный интерес.

В заключение было высказано пожелание о ежегодном проведении научных заседаний группы и публикации их материалов.

11—12 декабря 1974 г. в Ленинградском государственном институте театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК) состоялись очередные, третьи, «Чтения памяти Петра Григорьевича Богатырева», посвященные взаимодействию различных видов народного искусства.

Открывая Чтения, В. Е. Гусев (Ленинград) отметил, что их тема обусловлена не только близостью ее интересам П. Г. Богатырева, но и особой актуальностью ее в наше время в связи с развитием комплексного изучения фольклора. В. Е. Гусев подчеркнул, что исследование взаимоотношений между словесными, музыкальными, хореографическими и изобразительными элементами не должно ограничиваться обрядовым фольклором, но может быть распространено на все области народного искусства.

В докладе «О характере внутриродовых взаимоотношений в фольклоре» Д. М. Балашов (Петрозаводск) поставил вопрос о пересмотре существующего деления фольклора на эпос, лирику и драму. Он предложил выделить в фольклоре четыре родовые группы: эпос (песенный), прозу, лирику и обрядовую поэзию. Докладчик отметил специфику внутриродовых отношений в фольклоре и показал, что явления разных родовых групп по-разному вступают в межнациональные связи. Особо подчеркнул Д. М. Балашов необходимость учета родовой принадлежности фольклорных явлений, когда рассматриваются «бродячие» сюжеты.

Проблеме синcretизма народных игр был посвящен доклад В. П. Аникина (Москва). Отличая игру от других жанров фольклора, докладчик предлагает считать игрой такой жанр, для которого ведущим является действие, а различные компоненты других видов и форм творчества служат его пояснению и раскрытию.

Понимая под синcretизмом слитность и нерасчлененность, характерные для неразвитых фольклорных явлений, В. П. Аникин рассматривает синcretизм игрового фольклора в трех качественных отношениях: 1) нерасчлененность и слитность народной игры и практической жизни; 2) нерасчлененность и слитность разных видов осознания действительности в народной игре (бессознательно-художественного, естественно-реалистического, правового, религиозного, мировоззренческо-мифологического и пр.) в условиях отделения игры от практической жизни; 3) нерасчлененность и слитность разных видов искусства в условиях отделения художественного творчества от других форм идейного осмысливания реальности. Прочие явления фольклора, для которых игровое действие не является главным, характеризуются не синcretизмом, а соединением разных видов искусства. Учитывая различие трех указанных типов синcretизма, докладчик подчеркнул, что преобладающая роль эстетического начала — следствие распада синcretизма в процессе исторической дифференциации фольклорных жанров.

С. Н. Азбелев (Ленинград), рассматривая взаимосвязь эпоса и зодчества Новгородской земли XIV—XV вв., устанавливает некоторые общие тенденции в отражении исторической обстановки. Внесение новых исторических реалий в эпические произведения связано с выдвижением новгородских персонажей. По мнению докладчика, отрицательное отношение к стремлению московских князей упразднить новгородскую «вольность» привело в архитектуре к появлению специфически новгородского стиля (церковь Дмитрия Солунского и др.).

В докладе Т. Г. Булат (Москва) «Влияние жанров городского фольклора на народную рекламу» был продемонстрирован большой материал и показаны разные принципы взаимосвязи отдельных жанров городского творчества с торговой рекламой. При этом были намечены возможности изучения рекламы как театрализованного явления и рассмотрены художественные приемы, заимствованные рекламой из разных фольклорных жанров.

В. В. Сенкевич-Гудкова (Ленинград) в докладе «Взаимосвязь песенных, танцевальных и драматических элементов в медвежьем празднике северных хантов» рассказала о культовом представлении, записанном ею в 1938 г. Была показана многосторонность обрядового действия, включающего 1) тотемический эпос о небесной и земной жизни медведя; 2) лирические песни о земной жизни медведя и его гибели; 3) промысловые охотничье песни (исполнялись в масках); 4) театральные представления о жизни различных зверей; 5) эrotические песни с элементами сценического действия, где женские роли исполнялись мужчинами; 6) женский танец — поклонение медведю; 7) мужской воинственный танец; 8) подражательный мимический танец.

Отметив сочетание тотемизма, магии и культа предков в рассмотренном представлении, В. В. Сенкевич-Гудкова подчеркнула, что ритуальная функция не является единственной в медвежьем празднике.

Доклад Л. С. Шептакова (Ленинград) «Стих и проза в разинском цикле» представляет собой попытку выявить особенности двух потоков — стихотворного (песенного) и прозаического (повествовательного), а также наметить их связи с остальным

* Чтения памяти П. Г. Богатырева проводятся с 1972 г. ежегодно. О Чтениях 1973 г. см. А. Ф. Некрилова, Чтения памяти П. Г. Богатырева, «Сов. этнография», 1974, № 3.

фольклором. Специфика каждого из них наиболее определена в тех случаях, когда они сталкиваются на одной теме (мотиве, ситуации). Для прозы, по мнению докладчика, характерны более широкие связи с другими жанрами и циклами. Л. С. Шептаев считает возможным говорить о разном характере эволюции песенного и прозаического текстов.

В докладе «Русский лубок и народный театр» В. Е. Гусев рассмотрел три проблемы: а) отражение в народном лубке репертуара и персонажей народного и демократического театра; б) влияние лубка на народный театр и в) соотношение этих двух видов народного искусства как различных форм, рассчитанных на визуальное восприятие. Докладчик обобщил сведения о сюжетах (и персонажах), не зафиксированных собирателями XIX—XX вв. как бытующие тексты, но сохранившихся на народных картинках и в надписях к ним. Наряду с этим в докладе были продемонстрированы мотивы и образы, перешедшие из народных картинок в народную драму и кукольный театр. Особое внимание было уделено сопоставлению лубка и народного театра как близких по изобразительной природе видов народного искусства. В этом смысле лубок можно рассматривать как зафиксированный момент драматического действия, а народный театр, как «ожившую» народную картинку.

В докладе «О методах сравнительного изучения пространственных и временных видов фольклора» Н. М. Бачинская (Москва) указала на необходимость выработки подлинно научной методики, которая дала бы возможность перейти от общих высказываний к более конкретным, основанным на сходных закономерностях различных видов народного декоративного и песенного искусства. К таким сходным закономерностям относятся, например, ритмика, композиция, структура; проявление их в декоративном и музыкальном фольклоре имеет много общих черт.

И. П. Уварова (Москва) рассмотрела наиболее общие элементы в структуре фольклорных театров Молдавии, Украины и России, изолированных друг от друга. Доклад, оснащенный богатым иллюстративным материалом, выявил основные принципы взаимосвязи костюма и пластики в различных национальных театральных культурах.

И. И. Земцовский (Ленинград) в сообщении «О реконструкции былого синкретизма исполнения русских масленичных песен» подчеркнул, что синкретизм — не только в нерасчленимой взаимосвязи разных искусств, но и в неразделимом взаимодействии полиморфности всех функций и полифункциональности всех форм. Отталкиваясь от явно хороводной структуры строфы с припевом масленичных обрядовых песен, танцевальное исполнение которых не зафиксировано, докладчик видит следы их былого синкретичного исполнения в текстах песен (описание ритуального пляса-погребения Масленицы), в плясовых ритмо-формулах мелодий, в свидетельствах исполнителей о рождении масленичных хороводов, а также в аналогиях с карнавальными песне-плясками других народов.

В сообщении «О комплексном изучении фольклора в полевых условиях» И. В. Мациевский (Ленинград) рассказал об экспериментальной комплексной экспедиции, проведенной летом 1974 г. ЛГИТМиК и Ленинградским областным домом народного творчества. Докладчик подробно остановился на принципах создания комплексной партитурной записи произведений фольклора, впервые осуществленной участниками экспедиции.

Н. Н. Велецкая (Москва) в докладе «К вопросу о взаимосвязях разных видов народного искусства» отметила, что сравнительный анализ выявляет общность основы образной природы разных жанров фольклора. Общие устной поэзии и изобразительному искусству образы, сюжеты, мотивы славянского фольклора наиболее явственно пропступают в произведениях, связанных с архаическими формами обрядовой традиции, — притчаниях и надгробных памятниках. Существенное место принадлежит здесь космической идее, особенно отчетливой в притчаниях, волшебных сказках, юнацком эпосе, а также в изобразительной символике рельефов средневековых надгробий Боснии, Герцеговины, Черногории, старинных памятников Словакии и некоторых других местностей.

В прениях по докладам единодушно отмечалось, что конференция продемонстрировала множество возможностей распространения темы Чтений на разные области культуры. При этом была подчеркнута необходимость дальнейшего изучения взаимодействия различных видов народного искусства.

Выступавшие в прениях Б. Н. Путилов, В. П. Аникин, Н. Н. Велецкая, Г. Г. Шаповалова отметили высокий научный авторитет Чтений памяти П. Г. Богатырева, актуальность их тематики, новаторский характер решения многих проблем.

Л. М. Ивлева, Е. М. Рогачевская

В июле-августе 1975 г. сотрудники Сектора восточно-славянских народов Института этнографии АН СССР совершили очередную экспедиционную поездку в города средней полосы РСФСР — Калугу, Елец Липецкой области и Ефремов Тульской области. Эти города в течение длительного времени являлись объектом стационарного изучения. В них исследовались различные стороны культуры и быта городского населения в прошлом и настоящем. Некоторые результаты изучения уже освещались в печати.

В состав отряда входили научные сотрудники сектора М. Н. Шмелева, Д. М. Коган, Г. В. Жирнова и фотограф института С. Н. Иванов.

Цель поездки — продолжение сбора полевых материалов, характеризующих материальную и духовную культуру различных групп русского городского населения, выделенных на базе ранее проведенных исследований. Основное внимание, как и прежде, уделялось занятиям населения, производственному и домашнему быту горожан, их общественной жизни, а также проблеме связи города с окрестными селами и, в частности, маятниковой миграции сельских жителей, вовлеченных в городское производство.

При изучении новых обрядов и праздничных традиций выяснялась роль социально-культурных и социально-психологических ориентаций, оказывающих влияние на их развитие и формы бытования в различных средах. В исследовании материальной культуры упор делался на ее духовные аспекты, т. е. на выяснение представлений и вкусов (как личностного, так и коллективистского порядка), вырабатывавшихся под влиянием различных факторов. Кроме того, изучалось влияние на образ жизни современного городского населения территориального и социально-культурного развития города.

В настоящее время ведется обработка полевых записей и фотоматериалов, которые будут сданы в научный архив Института этнографии.

М. Н. Шмелева, Г. В. Жирнова

* * *

С 15 мая по 1 июля 1975 г. Сектором народов Кавказа Института этнографии АН СССР была проведена экспедиция в Грузинскую ССР, явившаяся продолжением полевых работ 1972—1974 гг. Отряд в составе Ф. А. Бух, Н. Г. Волковой (нач. экспедиции), А. Д. Корноухова и В. Г. Разуваева работал в Ахалцихском, Онеком, Тианетском, Гардабанском, Цителцкарайском, Кварельском районах республики и в Хулойском районе Аджарской АССР.

Цель экспедиции — сбор полевых материалов по теме «Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе». Материал собирался методом наблюдения и путем бесед с информаторами по специально составленному мною вопроснику. Было обследовано 22 селения в горной (Рача, Аджария), предгорной (Кахетия, Месхетия) и равнинной (Картли, Кахетия) зонах. Население этих зон — различные этнографические группы грузинского народа (кахетинцы, карталинцы, рачинцы, аджарцы, переселенцы — хевсуры, мтиулы, имеретинцы и др.), а также армяне, азербайджанцы и удины Грузии.

Собранные материалы отражают различные стороны этнических процессов, протекавших в Грузии в 1920—1970-е годы. Значительное место в полевых исследованиях занимал сбор материалов, дающих представление об изменении хозяйства, материальной культуры, семейного быта горцев (хевсур, мтиул, гудамакарцев, пшавов), переселившихся с гор в предгорья (Тианетский р-н) и на равнину (Цителцкарайский, Гардабанский р-ны), а также азербайджанцев, армян и удин, в разное время переселившихся в Грузию. Как показывают полученные данные, культура и быт названных народов и этнографических групп в новых природных, социальных и этнических условиях претерпели значительные изменения. Это прежде всего относится к хозяйству и материальной культуре. Например, аджарцы, в горах занимавшиеся животноводством, поле-

водством, садоводством и пчеловодством, после переселения в 1950—1960 гг. в прибрежные районы стали выращивать цитрусовые и технические культуры, чай. У рачинцев, в горах занимавшихся животноводством (меньше полеводством) и отходничеством, в равнинных районах получило развитие полеводство, садоводство, а в Абхазии и некоторых районах Кахетии — виноградарство. В корне изменилось направление хозяйства горцев, переселившихся в Самгори (около Тбилиси). Живя в горах, они занимались преимущественно скотоводством и в малых разме-рах — горным земледелием. В Самгори же на орошаемых землях они выращивают фрукты, виноград, овощи, занимаются полеводством. Таким образом, налицо довольно быстрый процесс освоения переселенцами новых форм ведения хозяйства. Подобные факты коренного изменения хозяйственного профиля горцев-переселенцев характерны и для других обследованных в 1975 г. районов Грузии.

Столь же значительны изменения и в жилище переселенцев. Используя местные природные материалы, приспосабливаясь к новым климатическим условиям, они строили жилище, характерное для тех районов, в которые переселялись. Например, мтиулы, имевшие в Гудамакари каменные одноэтажные дома, переселившись в 1930-х годах в Квемо Кеда (Цителцкаорский р-н), стали строить плетеные обмазанные глиной дома, в настоящее время замененные современными каменными одно-двухэтажными постройками. Грузины, переселившиеся из лесистого Боржомского ущелья, и имеретины, строившие прежде деревянные дома, в новых условиях в Ахалцихском районе (села Верхнее Схвилиси и Клде) стали строить дома из камня.

В экспедиции собирался также материал по многоязычию населения Грузии. Выявлялись причины многоязычия, степень

распространения среди различных групп населения второго языка — русского, грузинского (среди негрузин), азербайджанского, локальное двуязычие и др. Собранные полевые материалы показывают, что распространение второго (а нередко и третьего) языка среди населения Грузии в наши дни имеет свои особенности. Усилилась роль русского языка как языка межнационального общения, чему в значительной степени способствуют средства массовой информации, школа, служба в армии, совместная работа на производстве лиц различных национальностей. Русский язык — язык общения в многонациональных селениях Грузии, а также в армянских, азербайджанских, осетинских, греческих, удинских селениях, жители которых вне своего селения общаются преимущественно на русском языке. Следует, однако, отметить, что представители названных национальностей в преобладающем большинстве трехъязычны (это относится в основном к мужчинам, которые владеют, помимо родного и русского языков, еще грузинским).

Полевые данные свидетельствуют о постепенном исчезновении в различных районах Грузии локальных типов двуязычия, известных в прошлом среди населения. Примером тому может служить исчезновение двуязычия, характерное для жителей Сванетии, Хевсуретии и Тушетии, что вызвано ослаблением хозяйственных связей сванов с карачаевцами и балкарцами, хевсур и тушина с кистинами (чеченцами и ингушами). В настоящее время лишь мужчины в возрасте свыше 60 лет знают разговорные языки балкарский, карачаевский и кистинский (т. е. чеченский или ингушский).

Участниками экспедиции заснято свыше 300 кадров черно-белой и цветной пленки, сделаны зарисовки. Полевые материалы после обработки будут сданы в архив Института этнографии АН СССР.

Н. Г. Волкова

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Э. С. Маркарян. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973, 144 стр.

Э. С. Маркарян — автор ряда оригинальных работ в области системного анализа общества, культуры, человеческой деятельности. В них решаются в тесной связи философские проблемы с методологическими вопросами специальных наук, в частности этнографии. Особенно удачно эта связь проявилась в рецензируемой книге.

Насущная задача всех наук, включая и исторический материализм,— разработка основных понятий и их строгое определение. Заслугой автора книги является стремление решить данную задачу по отношению к еще недостаточно философски определенным понятиям «человеческая деятельность» и «культура», дать им целостную, системную характеристику как в общетеоретическом, так и в генетическом плане. Поставленной задаче соответствует и структура книги, состоящей из двух различных по своему характеру, но тесно связанных между собой глав — общетеоретической, в которой дается системный анализ указанных понятий в их взаимосвязи, и собственно генетической.

Первая глава начинается с обстоятельного анализа понятия «человеческая деятельность». Э. С. Маркарян сопоставляет человеческую деятельность с деятельностью биологических систем и вырабатывает общее понятие «деятельность», определяя ее как «информационно направленную активность живых систем, возникающую на основе их отношения к окружающей среде с целью самоподдержания» (стр. 13). Соотношение этого понятия с животной и человеческой деятельностью как низшей и высшей формами ее проявления дает Э. С. Маркаряну возможность показать неправомерность как распространения данного понятия на неорганические процессы, так и сужения его только до человеческой деятельности. Такой подход позволяет раскрыть специфику человеческой деятельности, которая заключается прежде всего в своеобразии механизмов стимуляции, программирования, исполнения и обеспечения человеческой активности, носящих внебиологический характер. Эти механизмы, по мнению Э. С. Маркаряна, интегрированно выражают понятие «культура». Одновременно автор убедительно показывает неоправданность попыток противопоставить человеческую деятельность, как чисто производственную и потому будто бы неадаптивную, деятельности биологической, приспособительной. В книге выдвинуты аргументы, показывающие адаптивную природу и человеческой производственной деятельности.

В связи с анализом данной проблемы можно рекомендовать Э. С. Маркаряну развить те моменты этой концептуальной схемы, которые связаны с соотнесением понятий «активность», «поведение» и «деятельность».

Во втором разделе первой главы Э. С. Маркарян исследует понятие «культура». Правильно подчеркнув его полифункциональность и, следовательно, неоднозначность его определения в различных познавательных ситуациях, автор развивает далее выдвинутую им в предшествующих трудах концепцию культуры. Рассматривая культуру как космический феномен, Э. С. Маркарян говорит о ней как о форме «борьбы материи за негэнтропию» (стр. 37). Автор выступает против узкого, геоцентристического толкования культуры, а также трактовок внеземных цивилизаций как неразумных, внебиологических в своей основе и пр.

Суть культуры Э. С. Маркарян усматривает «в способности живых существ, объединенных в устойчивые коллективы, вырабатывать систему потенциально не заданных биологическим типом организации средств и механизмов для адаптации к среде и поддержания общественной жизни» (стр. 37). Подобное, в сущности функциональное, определение культуры, по нашему мнению, правильно раскрывает один из ее аспектов, позволяет глубже понять природу этой стороны человеческой деятельности, ее принципиальное отличие от биологической. Однако такая трактовка культуры представляется нам односторонней; она требует дальнейшей конкретизации. Правильно акцентируя

внимание на том, что вне деятельности все выработанные человечеством средства и механизмы не являются культурой, Э. С. Маркарян, на наш взгляд, не учитывает, что сама человеческая деятельность базируется на этих средствах и механизмах, представляющих собой потенциальную ее основу. Чем она развитее, тем, естественно, разнообразнее и способы действия людей; без нее нет и этих действий.

Сам системный подход, которым плодотворно пользуется автор, настоятельно требует рассмотрения культуры не только в функциональном, но и в предметном плане. Не случайно К. Маркс подчеркивал решающее значение возникновения материальной культуры и прежде всего «искусственной среды», техники для генезиса и существования общества. Технику он характеризовал не только в функциональном аспекте, но и как самостоятельный существующий результат труда, который представляет собой базу живого труда с его способами действий¹. Нельзя забывать, что именно предметный характер культуры позволяет археологам и этнографам реконструировать виды деятельности давно исчезнувших племен и народностей². Поэтому вряд ли можно считать оправданным отказ автора от его прежнего понимания культуры, в которую он включал «объективированный в различных продуктах результат... деятельности» (стр. 41).

Можно пожелать Э. С. Маркаряну выработать по аналогии с определением деятельности столь же общее и широкое понятие культуры, которое охватило бы как «функциональные эквиваленты» человеческой культуры, существующие уже в животном мире (примеры их приводятся в книге), так и человеческую культуру как ее высший этап развития. Наконец, предстоит еще большая работа по классификации чрезвычайно пестрого состава элементов культуры, в которую Э. С. Маркарян включает такие разнородные явления, как орудия труда и сознание, языки и социальные институты, транспорт и т. д. (стр. 70).

В заключительном разделе первой главы Э. С. Маркарян синтезирует понятия «человеческая деятельность» и «культура» в многомерной модели общества. В обществе он выделяет три основные измерения: субъект деятельности (индивиду, группа индивидов) набор главных родов его деятельности, среди которых выделяется главная — производственная, и способ деятельности. Данную многомерную проекцию можно принять как одну из возможных моделей общества, которая, как показывает содержание книги, помогает по-новому поставить давно обсуждаемые проблемы, наметить новые пути их решения. Но эта модель, как и другие, заранее сужает угол рассмотрения явления, упрощает его. Это, на наш взгляд, выражается в том, что автор соединяет человека как биологическое существо с культурой. С этим связано стремление представить человеческую деятельность как «сложное соединение, сплав биологических и внебиологических компонентов, особый биокультурный процесс» (стр. 56). Но, во-первых, человеческая деятельность, как и сама культура, представляет собой социальное явление, хотя и содержащее в себе в снятом виде природные процессы (вспомним хотя бы определение труда К. Маркса). И сам автор трактует дальнейшую трудовую деятельность только как социальную (стр. 102—107). Во-вторых, освоение этой деятельности происходит у людей не прямым приобщением новорожденного к способам человеческого поведения, а через сложные процессы воспитания, влияния экономических факторов и т. д. т. е. через превращение его в общественное существо, личность.

Во второй главе Э. С. Маркарян ставит важную теоретическую проблему, свойственную всякому генетическому анализу,— проблему обоснования исходных принципов генетического объяснения явлений.

Применительно к генезису общества первым таким принципом автор оправданно, по нашему мнению, считает рассмотрение данного процесса «под углом зрения адаптивного значения происшедшего перехода от животного состояния к человеческому» (стр. 76), другими словами, в неразрывной связи последнего с исходным явлением. Показав бесплодность попыток ряда ученых объяснить социогенез, полностью игнорируя его приспособительный характер, Э. С. Маркарян обосновывает правильное положение о том, что без понятия адаптации «сам генезис общества и выработка качественно особого типа жизнедеятельности, которое характерно для людей, оказываются совершенно непонятными и лишеными реальных оснований» (стр. 77). Результатом этого специфического адаптивного процесса явилось возникновение особой, универсальной по своему характеру «адаптивно-адаптирующей системы», которая приспособливается к среде посредством «ответственно производимой адаптации соответствующих объектов природы к потребностям системы» (стр. 81). Сравнительный анализ биологической и социальной адаптации, осуществленный в книге, позволил автору выявить их специфические черты. Первая характеризуется специализацией и стереотипностью, использованием в основном естественных органов и тем, что она включена в биогенетический круговорот. Вторая же по своей природе универсальна, осуществляется с помощью искусственных средств, бесконечна по своим возможностям. Привлечение внимания специалистов по социогенезу к этой важной проблеме и разработка подходов к ее решению является несомненной заслугой автора.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 189—195.

² С. А. Семенов, Первобытная техника, М.—Л., 1957.

Исходным принципом в исследовании генезиса общества Э. С. Маркаряном является расчленение этого генезиса по трем главным неразрывно связанным между собой аспектам. Он предлагает анализировать процесс возникновения общества по линии становления человека (антропогенез), социальной структуры (социогенез) и культуры (культурогенез). Для обозначения этого сложного процесса автор вводит понятие «системогенез общества».

Данный принцип автор конкретизирует на примере анализа происхождения труда, сознания и речи в их неразрывном единстве при ведущей, определяющей роли первого.

Такой подход к решению проблемы генезиса общества позволил Э. С. Маркаряну убедительно показать несостоятельность попыток объяснения данного процесса равно как идеалистами, считающими, что индикатором возникновения людей служит появление сознания и знаковых систем, так и сторонниками технологического детерминизма, сводящими этот процесс к зарождению орудий труда той или иной формы.

Конкретизацией идеи Ф. Энгельса о роли труда в социогенезе является, на наш взгляд, мысль автора о том, что при исследовании происхождения общества процесс возникновения материально-производственной деятельности надо соотносить «не с сознанием..., а с различными видами духовного производства...» (стр. 95). Такая трактовка позволила показать неправильность постановки известной дискуссионной проблемы о том, что возникло раньше — труд или сознание. В этом случае сопоставляются не различные явления, а сама трудовая деятельность и средство ее осуществления.

Недостатком анализа обоих исходных принципов генетического исследования, по нашему мнению, является то, что Э. С. Маркарян почти не уделил внимания раскрытию процесса генезиса самой производственной деятельности, что ослабляет доказательную силу его правильных положений. Сущность формирования общества, сознания, речи не просто в появлении отдельных орудий труда, которые будто бы разрывают естественные отношения индивидов в среде и друг другу (стр. 100, 101). В экспериментальных условиях антропоиды тоже гомеошают между собой и другими особями и предметами созданные людьми орудия, всецело оставаясь животными. Суть дела, как мы полагаем, состоит в формировании особого вида деятельности — систематического изготовления средств труда и их использования, т. е. в появлении I и II подразделений производства и связанных с ними производственных отношений и общественных материальных потребностей, на базе которых только и могли возникнуть общественная психика и речь. К сожалению, в книге не нашлось места для анализа генезиса экономической структуры общества и ее обратного воздействия на зарождение человеческой деятельности и культуры.

В заключительной части II главы Э. С. Маркарян разбирает некоторые спорные вопросы генезиса общества. Заслуживает внимания критика расширительного толкования человеческого труда авторами концепций «инстинктивного труда» (М. П. Жаков, Б. Ф. Поршнев, П. Ф. Протасеня) и «рефлекторного труда» (Ю. И. Семенов). Если инстинктивный и рефлекторная деятельность, говорит автор, в основном наследственно запограммированы (в том числе и обучение родителями детенышей, величина и характер приобретенного животными опыта), то «специфически человеческая деятельность есть всецело результат многообразной выучки, приобретаемой в процессе социализации личности, ее приобщения к стереотипам культуры, принятым в обществе и в более узких группах, к которым она принадлежит» (стр. 105). Понятие «труд» выражает сущность человеческой деятельности и ни в коем случае не применимо для обозначения какой бы то ни было деятельности животных. Справедливость этого положения становится особенно очевидной при системном подходе. Характер деятельности тех или иных индивидов в принципе определяется той системой, в которую он входит. В связи с этим способ деятельности предлюдей (равно как и современных антропоидов, в том числе и с помощью созданных людьми орудий) даже при систематическом использовании ими естественных орудий оставался в принципе биологическим, так как определялся биологическими потребностями их популяций, стад. И наоборот, деятельность человека будет социальной, производительной, если она является «органом совокупного рабочего». При этом, отмечает К. Маркс, «нет необходимости непосредственно прилагать руки» или использовать орудия труда³. В связи с высказанными выше соображениями трудно согласиться с автором в том, что орудийную деятельность предлюдей можно условно называть трудом. Нет, она безусловно биологична, хотя и содержит в себе предпосылки появления труда.

Э. С. Маркарян в принципе справедливо критикует попытку Ю. И. Семенова объединить указанную деятельность предков с трудом человека в плане понятия «труда вообще». Диалектический метод подсказывает, что именно черты *низшей* стадии развития явления, «снимаясь» высшей, характеризуют его в целом. Как известно, К. Маркс в «Капитале» рассматривал раннее товарное и капиталистическое производство в единстве и трактовал это единство как *товарное* производство вообще, которое проходит в своем развитии низший и высший этапы. И в нашем случае, очевидно, надо обозначать единство деятельности австралопитеков и людей по общему признаку — как орудийную, а не трудовую, ибо, в конечном счете, последняя тоже является орудийной, предметной.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 517.

К недостаткам этой в целом интересной главы можно отнести то, что в ней в определенной мере повторяется содержание предыдущей, а материал ее заключительной части (о локальных и общих исторических типах культуры), хотя и интересен, но сравнительно мало связан с общей темой книги.

В целом, несмотря на некоторые недостатки, в основном объясняемые слабой разработанностью проблемы, книга Э. С. Маркаряна представляет собой серьезное научное исследование, отличающееся логичностью и доказательностью. Ознакомление с ней будет полезным для широкого круга специалистов: этнографов, историков, социологов и философов, занимающихся проблемами культуры и генезиса общества.

Д. В. Гурьев

НАРОДЫ СССР

Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974, 455 стр.

Рецензируемая книга, посвященная Чукотке, представляет собой первый опыт всестороннего освещения истории одного из шести северных национальных округов с древнейших времен до наших дней. Обычно история этих национально-административных подразделений излагается в кратких справках или приложениях к экономическим или географическим очеркам. Чукотка издавна привлекала внимание этнографов, историков, археологов, антропологов и лингвистов как район, через который человек проник в Америку. Исследователей глубоко интересуют также изменения, произошедшие на полуострове после Великой Октябрьской социалистической революции. За советский период Чукотка превратилась из захолустной окраины в один из важнейших золотодобывающих и промыслового-оленеводческих районов страны. Численность населения увеличилась за последние десятилетия более, чем в три раза, и достигла 100 тыс. человек. Величайшие перемены произошли в быту и культуре коренного населения — чукчей, эскимосов, чуванцев. Однако сводных обобщающих исследований по истории этого огромного района до настоящего времени не было.

Рецензируемая работа, восполняющая этот пробел, подготовлена авторским коллективом Лаборатории археологии, истории и этнографии Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института Дальневосточного научного центра АН СССР. Книга представляет собой оригинальную работу. Авторами широко использованы археологические данные, полученные в последние десятилетия на краине Северо-Востока Сибири, привлечены документы местных архивов.

Монография состоит из двух частей, введения и заключения. В первой части рассматривается история Чукотки от эпохи первобытно-общинных отношений до Великой Октябрьской социалистической революции, во второй — история полуострова в эпоху социалистического и коммунистического строительства. В обширном «Введении» дан подробный обзор истории Чукотки. Большое внимание обращено на слабо исследованные и дискуссионные вопросы.

Особый интерес представляет первый раздел книги «Эпоха первобытной общины». На основе новейших археологических открытий, антропологических и этнографических исследований здесь сделана попытка осветить историю древнейшего населения Чукотки, проследить смену культур от палеолита до пережиточного неолита. Привлекает внимание важный вывод, полученный в ходе изучения археологических памятников, — уровень камнеобрабатывающей техники обитателей Чукотки не уступал «общемировым неолитическим стандартам». Лишь в тот период, когда на юге Сибири население перешло к скотоводству и земледелию, полуостров стал обособляться и отставать в развитии производительных сил и производственных отношений.

В разделе изложена гипотеза о том, что первые обитатели Чукотки, верхнепалеолитические охотники на мамонта, были предками американских индейцев, проникших в Новый Свет по «Беринговому мосту». Вторая волна переселенцев в Америку состояла из протоэскимосов-алеутов, охотников, рыболовов, создавших особую послеледниковую арктическую специализированную культуру. Далее, по мнению авторов этого раздела, протоэскимосов-алеутов сменили протоильмены, ушедшие затем с Чукотки на Камчатку. Однако данные о миграции неолитических племен Чукотки на юг весьма неубедительны.

Это положение, так же как и столь четкая этническая привязка отдельных групп древнейшего населения Чукотки, представляется нам преждевременным. Имеющиеся скучные археологические материалы, думается, скорее свидетельствуют о том, что на Чукотке, Берингоморье, Камчатке в период неолита жили предки не только эскимосов и алеутов, но и коряков, ительменов, чукчей. Есть основания полагать, что высоко специализированная эскимосско-алеутская культура сложилась в Берингоморье в ходе дифференциации культур, а сами этиносы образовались в процессе обособления. По-

зутно отметим, что лабретовидные поделки — нагубные украшения, рассматривающиеся в работе как эскимосско-алеутские этнические определятели, были широко распространены в эпоху неолита и использовались различными этническими группами.

Слабо обоснованным и спорным представляется и положение о том, что юкагиры появились на Чукотке сравнительно недавно «в пережиточном неолите», вклинившись между коряками и чукчами и оттесив последних на северо-восток. Топонимика Чукотки, близость чукотских памятников к ленским, конфигурация расселения юкагиров в XVII в. — все это позволяет утверждать, что юкагиры были, как показал еще Б. О. Долгих, древним населением внутриконтинентальных районов Чукотки.

Более осторожно в книге освещен вопрос о распространении оленеводства. «Можно утверждать только,— отмечается в главе II,— что оленеводство возникло здесь позже, чем зверобойный промысел, всего несколько столетий назад, и, во всяком случае, не раньше формирования пунукской культуры» (стр. 70). Заслуживает внимания высказанное в книге предположение о том, что распространению оленеводства способствовал первый малый период оледенения с 1500 по 1850 гг.

Значительный познавательный материал изложен во втором разделе работы «Чукотка в составе Русского государства (середина XVII — начало XX в.)». Здесь освещены бурные события XVII—XVIII вв.—открытие Чукотки, плавания землепроходцев, экспедиции на Камчатку и Аляску, деятельность Русско-Американской кампании. Справедливо подчеркнуто положительное влияние русской культуры на развитие коренного населения северо-восточных окраин России. Много внимания уделено основным чертам общественного строя коренного населения Чукотки в XVII в. и социально-экономическим отношениям в XIX—XX вв. (разложение больших семей, переход к малым семьям, имущественное расслоение). Рассматривая формы эксплуатации в XVII—XIX вв., авторы указали на зависимость слабо обеспеченных оленями семей от зажиточных, отметив ошибочность крайних точек зрения, высказывавшихся в литературе о господстве наемых форм труда или добровольного рабства. По мнению авторов книги, на Чукотке кабальные способы эксплуатации переплетались с патриархальными обычаями взаимопомощи.

Особенно ценно подробное, видимо, с привлечением полевых этнографических материалов, описание традиционного хозяйства чукчей и азиатских эскимосов — оленеводства, морского зверобойного промысла, охоты, рыболовства. Несомненным достоинством раздела является то, что в нем освещены расселение народностей Чукотки, этнические и миграционные процессы.

Третий раздел «Чукотка от Великой Октябрьской социалистической революции до победы социализма в СССР (1917—1937 гг.)» посвящен борьбе за установление Советской власти и социалистическую реконструкцию на крайнем Северо-Востоке нашей страны. Заслуживают внимания данные о первой помощи, оказанной населению Чукотки после окончания гражданской войны, об образовании местных советов, о возникновении промыслово-охотниччьего поселения на о. Врангеля, о колективизации. Подробно освещены особенности культурного строительства в этот период — организация красных яранг, открытие интернатов при школах, создание кочевых школ, медицинских отрядов. Отмечена также большая просветительская деятельность первых чукотских учителей — впоследствии известных лингвистов, этнографов и историков. В разделе приведены материалы по организации Чукотского национального округа, документы о первой окружной партийной конференции и первом окружном съезде Советов, способствовавших подъему активности коренного населения, новые документальные данные о промышленном освоении богатств округа, первых советских геологических экспедициях, деятельности Главного управления Северного морского пути, о строительстве рыбопромышленных предприятий.

Четвертый раздел монографии «От победы социалистических отношений до создания развитого социалистического общества в СССР (1939—1958 гг.)» по существу меняет традиционные представления о Чукотке как отдаленной тундровой окраине. В нем показаны первые этапы развития современной горной промышленности — деятельность Чаунской экспедиции и Дальстроя по организации добычи олова, строительству приисков. Хорошо освещено промышленное развитие Чукотки в период Великой Отечественной войны и в годы послевоенного строительства — открытие промышленных запасов золота, строительство приисков, обогатительных фабрик, рабочих поселков, морских портов — Эгвекинот, Певек. Авторы книги уделили значительное внимание изменениям в области промыслового хозяйства, укрупнению колхозов. Значительный интерес представляют материалы о системе подготовки кадров из числа коренного населения, о перестройке культуры.

В последнем, пятом, разделе «Чукотка в период развитого социализма и постепенного перехода к коммунизму (1959—1970 гг.)» обрисована современная жизнь округа — строительство горнорудных комбинатов, высоковольтных линий, первой заполярной атомной электростанции, монтаж самых северных в нашей стране драг, дальнейшая реконструкция промыслового хозяйства.

Специальные параграфы авторы посвятили культуре и быту народов Севера. Освещены такие вопросы, как рост кадров национальной интеллигенции, развитие народного образования, здравоохранения, рост культурно-просветительных учреждений, возникновение чукотско-эскимосского ансамбля танца и песни «Эргырон», становление чукотской национальной литературы и т. д.

В разделе говорится о прогрессе в развитии производительных сил Чукотки, о сближении и взаимообогащении культур народностей, населяющих полуостров. Авторы отметили изменения в питании, в характере поселений и жилищ.

Однако в этом разделе, как и в предыдущем, очень бегло освещен процесс перестройки быта оленеводов. Между тем он отличается многими особенностями, так, например, на лето оленеводы-пастухи уходят кочевать со стадами оленей к морю или в гольцы, используя механический транспорт, а работники яранг поселяются у тех мест, где рыбачат, там ремонтируют инвентарь и обрабатывают шкуру. Сохраняются многие выработанные в прошлом способы ведения промыслового хозяйства, традиционные трудовые приемы и навыки.

Книга дает связное представление о ходе исторического процесса на крайнем Северо-Востоке Сибири.

Хотя работа посвящена весьма отдаленному и сравнительно малонаселенному региону нашей страны, авторы избежали краеведческого уклона. История Чукотки дана на фоне событий, происходивших в Советском Союзе. Удачно показано воздействие на развитие национального округа большого промышленного строительства, развернувшегося в Магаданской области.

Значительное внимание уделено в книге коренному населению, особенностям его традиционного хозяйства, культуры и быта. Этим она выгодно отличается от многих обобщающих исторических работ, посвященных отдельным регионам.

Книга хорошо иллюстрирована, снабжена обширной библиографией, списком основных дат по истории Чукотки, ценным именным указателем. Аннотация работы и оглавление переведены на английский язык.

Отмечая несомненные достоинства исследования, укажем на имеющиеся недостатки. Если в первых разделах книги этнический состав, этнические и миграционные процессы привлекли внимание авторов, то в последних эти важные темы не рассмотрены.

Отсутствуют сведения о численности отдельных народностей, ничего не сказано о широком распространении в последние десятилетия среди коренного населения двуязычия, смешанных в национальном отношении браков.

Имеются и мелкие недочеты. Отсутствует список иллюстраций, неясно, откуда заимствованы карты расселения. В ряде мест перепутаны подписи под рисунками (стр. 328), странно звучат некоторые подзаголовки — «Насаждение местной власти» (стр. 137), «Курс на буфер» (стр. 156). Едва ли современную одежду городского типа следует именовать «европейской» (стр. 349).

Однако в целом книга заслуживает высокой оценки. Ее выход в свет — знаменательное событие в североведении.

И. С. Гуревич

А. Х. Магометов. Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.). Орджоникидзе, 1974, 366 стр.

Некоторые проблемы общественного строя и быта народов Северного Кавказа затрагивались уже в дореволюционной и современной историко-этнографической литературе, но такие важные вопросы, как сельская и семейная община, формы родственных отношений, некоторые институты родового быта, сохранившиеся в виде пережитков у народов Кавказа даже в начале XX в., до сих пор фактически не изучены.

Между тем, глубокое и всестороннее исследование общественных отношений, сохранивших свои архаические формы, позволяет значительно глубже изучить историю того или иного народа, разобраться в специфических особенностях его развития, проследить его этнокультурные, социально-экономические связи, а также определить его роль в создании общих для народов Северного Кавказа элементов духовной культуры.

В связи с этим нельзя не приветствовать выход в свет новой работы А. Х. Магометова, известного уже рядом своих ценных исследований по истории и этнографии осетинского народа.

Рецензируемая монография имеет прочную источниковедческую базу. Она написана на основе разнообразных архивных и полевых материалов, собранных и тщательно проанализированных автором. Широко привлечены также литературные данные, критически осмыслиенные А. Х. Магометовым.

В исследовании почти исчерпывающе использованы все наиболее ценные известия современников по истории и этнографии осетин, что позволило восполнить пробелы в архивных документальных материалах, касающиеся общественного быта осетин XVII—XVIII и первой половины XIX в. В результате комплексного подхода к синхронным источникам различного вида автор сумел дать яркую и убедительную картину общественной и семейной жизни осетин в эпоху, когда сохранялись еще наиболее архаические и самобытные черты в их общественном строе.

Большое достинство книги заключается в том, что А. Х. Магометов привлекает для сравнительно-исторической интерпретации изучаемых им явлений осетинского быта этнографическую литературу по многим народам мира.

Специфика рассматриваемых в монографии проблем заставила автора выйти за пределы XVII—XIX вв. и обратиться к более отдаленному историческому прошлому осетинского народа, что дало возможность вскрыть генетические корни описываемых в монографии общественных и семейно-бытовых институтов и обычаяев.

В этой связи нам хотелось бы подчеркнуть, что для исследования А. Х. Магометова характерен последовательный историзм в рассмотрении всех социальных учреждений осетинского народа. Эволюция социальных форм, как правило, прослеживается в монографии на протяжении длительных отрезков времени в органической связи с общехistorическим процессом. Социальные учреждения осетин систематически сопоставляются с соответствующими учреждениями других народов Кавказа.

Такой подход как это отмечает сам автор во «Введении», дает возможность «выявить общий характер многих общественных и семейно-бытовых традиций у осетин и у их соседей — других кавказских народов» (стр. 6).

В центре внимания А. Х. Магометова находятся дофеодальные и раннефеодальные отношения, игравшие основную роль в социальном и общественном быте осетин XVII—XIX вв.

Как известно, изучение ранних форм общественного строя народов Кавказа является одной из сложнейших задач. А. Х. Магометов сосредоточивает свое внимание на выяснении наименее изученных вопросов, таких как различные формы кровнородственных объединений, сельская и семейная община, обычное право.

В монографии по существу впервые после работ М. М. Ковалевского дается систематическое и всестороннее освещение кардинальных вопросов социального развития осетин накануне и в период присоединения Осетии к России. Даже читатель, не имеющий специальной научной подготовки, узнает из книги А. Х. Магометова много нового и интересного, много такого, на что исследователи раньше не обращали должного внимания. Поэтому ее познавательная ценность весьма значительна.

Вместе с тем автор решает ряд теоретических проблем, что делает его исследование интересным для ученых, занимающихся не только осетинами, но и другими народами Северного Кавказа.

В данной рецензии мы остановимся лишь на некоторых, наиболее важных вопросах, рассмотренных в монографии.

Говоря об архаических пережитках в общественном строем и быту осетин XVII—XIX вв., А. Х. Магометов особое внимание уделяет пережиткам матрилинейности и материнского права (стр. 93—130). Эта проблема давно уже не привлекает внимания современных осетиноведов, хотя осетинский этнографический материал может дать для ее освещения много пенного. Чтобы выявить корни сохранившихся у осетин пережитков матриархата, А. Х. Магометов анализирует сведения о таких пережитках в нартском эпосе, а также у скифов, сарматов, алан.

А. Х. Магометов рассматривает также патриархальный род, игравший первостепенную роль в общественной жизни не только осетин XVII—XIX вв., но и других горских народов Северного Кавказа. В книге указывается, что у осетин уже к XVIII в. отцовский род в его классическом виде не существовал, сохранились лишь некоторые его пережиточные формы в виде родственных объединений — фамилий (*мыггаг*), братств (*рвад лт*), патронимии. Автор на основе фактического материала описывает социальную структуру этих родственных коллективов и показывает, что из кровнородственные связи, на которых основывались прежде эти объединения, постепенно ослабевают.

Большое принципиальное значение имеет мнение автора, что у осетин в XIX в. «во многих случаях фамилия („мыггаг“) объединяла группы людей, не связанные в прошлом кровным родством» (стр. 141). В связи с характеристикой трансформации родственных отношений у осетин А. Х. Магометов касается и такой в общем малоизученной на осетинском материале формы искусственного родства, как побратимство и посестричество (стр. 150—154).

Особый раздел монографии посвящен семейной общине. Здесь использован новый ценный материал из архивного фонда о бытованиях в Осетии в конце XIX — начале XX в. семейных общин с братской структурой (стр. 162—170). Отмечая вслед за другими исследователями (З. Н. Ванеев, М. О. Косвен, З. Д. Гаглоева) наличие общих черт у семейных общин народов Северного Кавказа, А. Х. Магометов вместе с тем показывает специфические особенности осетинской семейной общины, выражавшиеся в первую очередь в том, что она в значительной мере сохранила свои первобытно-демократические черты. Благодаря этому осетинская семейная община не превратилась в отцовскую и оставалась братской семьей. Это обстоятельство, по мнению автора, и обусловило сохранение и широкое распространение больших семей не только в горной, но и в равнинной Осетии в течение более продолжительного исторического периода по сравнению с другими народами Северного Кавказа.

Большое внимание в монографии А. Х. Магометова удалено сельской общине, которая еще слабо изучена как у осетин, так и у других народов Северного Кавказа. Поэтому обширная глава (стр. 193—246), посвященная этой теме, представляет особый интерес.

Излагая историю возникновения сельских общин в Осетии, автор на ряде конкретных примеров показывает, как на базе однофамильных поселений, где первоначально жили лишь родственники, возникают сельские общины, жители которых связаны главным образом территориальными узами. А. Х. Магометов считает, что переход от родовой к сельской общине в основном произошел в аланский период, т. е. до начала татаро-монгольского завоевания, что отнюдь не исключало длительного сохранения осколков родовых союзов в виде однофамильных осетинских поселений, которые источникификсированы вплоть до капиталистической эпохи (стр. 196, 197).

В книге отмечается, что сельская община, возникшая в условиях распада родового строя, проявила большую жизнеспособность и устойчивость, сохранившись в Осетии до начала XX в. Раскрывая причины этой устойчивости, автор вместе с тем показывает изменения, которые произошли в сложной структуре ее организации в связи с социально-экономическим развитием Осетии на протяжении нескольких веков (в формах землевладения и землепользования, в управлении общиной). Рассматривается также изменение роли общинных традиций и обычного права горцев после введения в Осетии государственно-административного управления.

Характеру сельских общин отвечал и осетинский адатный суд, который был по существу посредническим и основывался на присяге и нормах обычного права, на общинной морали, где гражданский долг и честь играли решающую роль. В монографии подробно описываются обычаи, связанные с функциями и деятельностью общинных судей (принятие присяги, институт доказчиков, установление судебной достоверности, судебный поединок). Автор справедливо указывает, что обычное право, которое в течение веков регулировало традиционное судопроизводство, в связи с развитием социального строя Осетии тоже эволюционировало и в рассматриваемую эпоху отражало уже классовые отношения.

В монографии рассматриваются также обычаи кровной мести и гостеприимства, имевшие у осетин, как и у других народов Северного Кавказа, большое распространение. Характеризуя кровную месть как институт родового строя, А. Х. Магометов подчеркивает пагубные последствия этого древнего обычая, в более позднее время пригревшего к большим жертвам, подчас равносильным народным бедствиям.

Знакомство с разделами, посвященными суду, кровной мести и гостеприимству, даст читателю много новых и интересных сведений, покажет ему исторические корни этих обычаев.

Весьма содержателен и раздел, посвященный ранним формам религии и их пережиткам. А. Х. Магометов считает, что пережитки первобытных религиозных верований в наиболее яркой форме сохранились в магических обрядах и культурах осетин. В быту осетин до XVIII—XIX вв. были широко распространены магические обряды, к которым прибегали при лечении больных, при родах, на свадьбах, для обеспечения урожая, успеха охоты и т. д.

Не имея возможности говорить о всех проблемах, рассмотренных в монографии А. Х. Магометова, мы хотели бы в заключение подчеркнуть, что в ней впервые в нашей научной литературе освещаются все аспекты общественного строя Осетии XVII—XIX вв. в комплексе, во взаимосвязи с общественным бытом и идеологией народа.

Высоко оценивая рецензируемую книгу, мы вместе с тем хотели бы высказать ряд замечаний. Так, например, нам кажется, что автору следовало более полно охарактеризовать родственные коллективы.

В разделе о патронимии теоретически правильно освещено историческое место этого социального института в системе социальных структур, однако здесь не достает фактического материала.

Раздел монографии «Суд и присяга по адату» (стр. 247—262) следовало дополнить хотя бы краткой характеристикой основных норм обычного права Осетии XVIII—XIX вв., используя для этого записи осетинских адатов, сделанные русскими чиновниками в XIX в.

Следует отметить, что книга А. Х. Магометова хорошо издана, с большим вкусом оформлена превосходными рисунками художника У. К. Канукова.

Г. Х. Мамбетов

Б. А. Татаев, Н. Ш. Шабаньянц. Декоративно-прикладное искусство Чечено-Ингушетии. Грозный, 1974.

Изучение декоративно-прикладного искусства народов СССР — одна из важнейших задач, стоящих перед советскими учеными самого различного профиля. На наших глазах исчезают многие драгоценные промыслы. Некоторые трансформируются, приобретая вполне современную окраску и отвечая нуждам и вкусам современного человека. Естественно, что каждая новая книга, посвященная народному искусству, вызывает большой интерес: привлекает внимание сам материал, отобранный авторами из огромного наследия, оставленного мастерами прошлого; методика его изучения; итоги научного осмысливания этого материала, как бы малы они ни были.

Именно с таких позиций и следует рассматривать альбом В. А. Татаева и Н. Ш. Шабаньянца, посвященный декоративно-прикладному искусству народов Чечено-Ингушетии.

Альбом состоит из вводной статьи, снабженной рисунками, сделанными художниками А. Туладзе и И. Даурбековым, несколькими фотоснимками цветных репродукций, воспроизводящих войлочные ковры (акварели художника Б. Степанова). Свою работу авторы считают «первым шагом теоретического осмыслиения процесса развития народного декоративно-прикладного искусства чеченцев и ингушей» (стр. 9). Такое заявление должно быть основано на весьма тщательном отборе материала, детальном изучении литературы вопроса, а также очень серьезному знании всех проблем, связанных с развитием культуры вайнахов (чеченцев и ингушей). К сожалению, работа не вполне отвечает указанным требованиям.

Истоки культуры чеченцев и ингушей уходят в глубочайшее прошлое. Если отбросить слабо изученные периоды, связанные с неолитом и энеолитом, то с III тысячелетия до н. э. и вплоть до современности с разной степенью полноты можно проследить развитие культуры местного населения, а также выявить влияние, которое оказывали на искусство вайнахов различные иноплеменные пришельцы¹. Однако авторы рецензируемой книги взяли для «теоретического осмыслиения» материал, не выходящий за пределы XIX—XX вв. Более раннее, в том числе средневековое искусство, лишь бегло упомянули.

Основное содержание книги посвящено ковроделию. Однако, прочитав ее, читатель так и не познакомится с техникой изготовления аппликационных ковров, способами валяния и окраски шерсти. Авторы не назвали центры ковроделия и их специфические особенности: в книге совершенно отсутствует анализ коврового орнамента. Известно, что войлочные ковры характерны для степных народов. В соседнем с Чечено-Ингушетией Дагестане такие ковры (арбабаш) делают тюркоязычные кумыки, генетически связанные с древними кочевниками — кыпчаками. И вот, просмотрев альбом, приходишь к выводу, что в среде вайнахов-горцев преимущественно бытуют войлочные ковры. Чем это объяснить? К сожалению, перед авторами книги подобный вопрос даже не стоял, хотя он весьма интересен с научной точки зрения.

Анализ ковроделия, данный в работе, сводится к общим словам. Так, В. А. Татаев и Н. Ш. Шабанянц пишут, что вайнахские ковры по цвету «бронзовые и насыщенные», а далее следует лишь суммарное перечисление тонов, без выделения их стойких сочетаний; так же бегло перечислены отдельные элементы орнамента, которыми, по словам авторов, выражается «мечта о мире и счастье». Между тем такие элементы, как полумесяц и звезда, могли появиться на коврах в связи с проникновением мусульманского вероисповедания.

Если рассматривать альбом репродукций, то можно заметить, что ковры расположены бессистемно, а ведь было бы удобно и научно грамотно распределить их по отдельным селениям. Это позволило бы читателю понять, чем же различаются орнаментика и колорит ковров отдельных ремесленных центров.

В книге удалено некоторое внимание изделиям из камня, дерева, кости и серебра. Однако художественная обработка камня сведена авторами к суммарному (с шестью рисунками) описанию надмогильных стел (чуртов). Здесь также много общих и расплывчатых высказываний. Авторы говорят «о конкретных образах» и «конкретной бытовой и исторической обстановке» оформления стел, они утверждают, что «процесс изменения» формы надгробий в разных районах «проходит по-разному». Это, конечно, верно, но ведь в тексте отсутствуют конкретные примеры таких «образов», «изменений» и даже не указано, какие же районы авторы имеют в виду. А указать подобные районы можно — на границе с Дагестаном (бывшее общество Чеберлой) есть различные варианты склепообразных памятников, которыми обрамлены стелы: например, в районе сел. Итум-Кале (по р. Чанты-Аргун) надгробия часто покрыты не орнаментом, а своеобразными петроглифами; в Ингушетии, как и в Северной Осетии, некоторые стелы воспроизводят вполне конкретно человеческие фигуры. Но об этом в книге ничего не сказано. Вместо того чтобы привести факты, авторы пишут «об элементах арабского стиля», не называя их, о «надписях, роднящих их искусство (вайнахов.— В. М.) с искусством византийским», не указывая, где они обнаружены. Орнаментика вайнахских стел, действительно представляющая обширный материал для исследователя, рассматривается авторами книги очень бегло и самым непонятным образом как «развивающаяся в прямом и обратном направлениях» (стр. 6). В. А. Татаев и Н. Ш. Шабанянц не отрицают влияния соседних народностей на «становление» вайнахского орнаментального искусства, но, как это характерно для их повествования, так и не сказано, какие же народы они имеют в виду.

Более квалифицированно написаны страницы, посвященные мастерам-резчикам по дереву и рогу И. Дутаеву и У. Нинциеву. Однако их мастерство, как это вполне справедливо отмечают авторы, находит аналогии в русской объемной игрушке и мало связано с традиционным вайнахским искусством.

Я остановился довольно детально на разборе текста книги-альбома в основном из-за декларативного замечания В. А. Татаева и Н. Ш. Шабанянца о том, что их

¹ См. хотя бы «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР», т. I, Грозный, 1957.

работа является «первым шагом» на пути теоретического изучения местного искусства. Для подобного издания это сказано слишком громко, ведь книга не имеет научного аппарата, написана она mestами беспомощно, авторы плохо знают литературу. В частности, совершенно «забыт» Л. П. Семенов, чьи труды по изучению Ингушетии являются настольной книгой каждого серьезного кавказоведа (они переизданы в Грозном в 1963 г.), а ведь этот разносторонний ученый — филолог, археолог, этнограф во время своих поездок обращал внимание абсолютно на все: на утварь, одежду, надгробия, орнамент, записывал предания и сказки. Забыт также авторами археолог-художник И. П. Щеблыкин, перу которого принадлежит специальный труд «Искусство ингушей в памятниках материальной культуры», очевидно, не знают они и работы П. Л. Лысенкова «Заметки о памятниках материальной культуры и об изобразительном искусстве Чечено-Ингушетии». Этот список можно было бы продолжить. «Первые шаги» в осмыслении искусства вайнахов были сделаны задолго до выхода в свет рецензируемой книги.

Завершая рецензию, хочу сказать, что изучение искусства любого народа не может вестись оторванно от его исторического развития, и любой вывод должен строиться на детальном знании материала, таких знаний авторы книги не показали. И если книга все же порадует читателя, то только публикацией достаточно грамотных зарисовок и хорошими цветнымиrepidукциями.

B. I. Марковин

Jēkabs Vitolins. Latviešu tautas mūzika. Gadskārtu ieražu dziesmas, Rīgā, 1973, 594 lpp.

В конце 1973 г. вышло новое издание латышского музыкального фольклора «Календарные обрядовые песни», подготовленное Е. Витолинем. Это четвертая, самая большая по объему книга из серии «Латышская народная музыка». Три предыдущих книги этой серии также составил и снабдил предисловиями, имеющими теоретический характер, Е. Я. Витолинь¹. В четырех книгах серии «Латышская народная музыка» опубликовано 4675 мелодий с текстами.

Рецензируемый сборник уже получил высокую оценку музыкантов и профессиональных музыкантов², поэтому наша цель — дать общий обзор сборника и определить в основных чертах его фольклористическое и этнографическое значение.

«Календарные обрядовые песни» — наиболее полное научно систематизированное и комментированное издание мелодий латышских календарных обрядовых песен.

Сборник открывается научно-аналитическим очерком Е. Витолина «Мелодии латышских календарно-обрядовых песен», состоящим из двух глав — «Осенние и зимние календарные песни ряженых» и «Весенние и летние песни». Очерк напечатан на латышском и русском языках (стр. 5—76). Далее следует систематизированная публикация 1492 мелодий и текстов народных песен (стр. 79—590). Она также состоит из двух разделов: «Осенние и зимние календарные песни ряженых» (1—235 ном.) и «Весенние и летние песни» (236—1492 ном.). В первом разделе напечатаны песни Микелева, Мартынова, Андреева и других дней, песни зимнего солнцестояния, латгальские и малинские колядки и др. Во второй раздел вошли песни пасхальные, «роташанас» (первые весенние девичьи песни с припевом «рота, рота»), песни «лиго» и др.

Каждая мелодия паспортизована: указаны имя, место жительства, год и место рождения ее исполнителя, имя собирателя и год записи, архивный шифр материала в фондах Сектора фольклора Института языка и литературы им. А. Упита АН Латв. ССР, либо дана ссылка на другие источники. Такова структура сборника.

В вводном очерке даны характеристика опубликованного материала в жанровом, функционально-тематическом и художественном аспектах, а также музыкально-теоретический анализ мелодических типов. Автор исходит из тезиса о том, что латышские календарные обряды, как и аналогичные обряды других земледельческих народов, берут свое начало в глубокой древности, — в трудовой практике и связанных с ней аграрной магии, культурах плодородия и солнца. Анализ песенного материала свидетельствует о древности календарных обрядовых песен. Это подтверждается их специфической жанровой определенностью и своеобразием, преобладанием в них мелодики архангельских типов.

Е. Витолинь подчеркивает тесную связь календарных песен с трудовыми песнями, опубликованными в первой книге серии.

¹ См.: «Darba dziesmas» («Трудовые песни»), Rīgā, 1958; «Kāzu dziesmas» («Свадебные песни»), Rīgā, 1968; *Bērnu dziesmu cikls. Bēru dziesmas* («Цикл детских песен. Похоронные песни»), Rīgā, 1971.

² В. Бендорф, Календарные обрядовые песни (рец.), «Māksla», Рига, 1974, № 2, стр. 53 (на лат. яз.); А. Караклий, Календарные обрядовые песни (рец.), «Literatūra un Māksla», Рига, 10 августа 1974 (на лат. яз.).

Базируясь на функциональной и стилевой общности песен, Е. Витолинь предлагает свою классификацию песен календарного цикла. Он делит их на две большие группы: 1) осенние и зимние песни, сопровождавшие шествия ряженых, 2) весенние и летние, сопутствовавшие обрядам этого периода года. Классификация песенного материала в сборнике основана главным образом, на анализе мелодики, стилевых и художественных особенностей этих двух песенных групп.

В первой части вводного очерка дан обзор обрядов и песен осенних и зимних шествий ряженых (стр. 5—14). Шествия ряженых латыш начинали осенью, во время дожинок. Устраивались они также в дни Михаила (29 сентября), Мартыны (10 ноября) и др. Особенно широко эти шествия проводились на Рождество и Новый год, заканчивались они на масленицу (в феврале). В разных местностях их называли по-разному («кекатас», «будели», «каладас» и др.), что отразилось в названиях песен, сопровождавших эти обряды.

Е. Витолинь определил также место песен зимнего цикла с рефреном «каладо» в системе песенного фольклора латышей.

Следует отметить, что при анализе песен зимнего периода Е. Витолинь уделяет большое внимание так называемым «рефренным песням». Хорошо показано многообразие рефренов в песнях Латгалии и Видземе, начиная с самых популярных припевов «каладо, каладо!» (Латгалия) и «тотары, тотары!» (Видземе) и их преобразований, до своеобразных и редко встречающихся «олило, олило!», «дуйдо, дуйдо!» и др. Мелодика «рефренных песен» характеризована как определенная и постоянная по своей метроритмике и структуре. В результате ее исследования Е. Витолинь делает следующий вывод: «Абсолютное большинство (86%) мелодий рефренных песен ряженых интонационно представлено различного рода узкими тетрахордовыми и терцовыми ладовыми структурами... Это, бесспорно, указывает на весьма глубокую и древнюю традицию песен ряженых и ее преемственность, что отнюдь не может быть истолковано как их примитивизм, а лишь как специфическая особенность жанра» (стр. 46).

Второй раздел вводного очерка посвящен лирическим песням весеннего и летнего периода. Е. Витолинь считает, что в весенних песнях можно выделить две группы: 1) песни, которые тесно связаны с определенными праздничными днями и обрядами (пасхальные, юрьевские и др.); 2) лирические весенние песни общего характера (самые ранние весенние песни — «роташанас», и ликовальные — «гавилеманас»).

Песни летнего солнцеворота — песни «лиго» — наиболее обширный и поэтический цикл латышского песенного фольклора. В рецензируемой книге публикуется 1155 вариантов этих песен. В песнях «лиго» встречаются самые разнообразные типы мелодий — от архаического речитативного до наиболее развитого лирического. Книга дает возможность познакомиться с мелодиями песен этого цикла, записывавшимися на протяжении почти 200 лет, начиная от первой публикации мелодии лиго в 1777 г. и кончая мелодиями, собранными в последние годы экспедициями Сектора фольклора Института языка и литературы им. А. Упита АН Латвийской ССР.

Давая краткую характеристику обряда праздника Лиго в различных местностях, автор вместе с тем показывает различия в песенном репертуаре праздника. Для песен лиго характерен обязательный припев «лиго, лиго!», в котором мелодия, расширяясь ритмически, достигает кульминации. В исполнении подобных песен очень велика роль импровизационной связи текстов с напевами, поэтому для мелодий «лиго» характерна вариативность, и эта черта песен особенно ярко выступает в рассматриваемом сборнике.

Структура сборника, о которой уже сказано выше, удобна и для практических целей, так как она помогает легко ориентироваться в огромном материале и выбрать нужный тип мелодии.

Собрание календарных песен, подготовленное Е. Витолинем, является уникальным как по объему (обилию вариантов), так и по числу первых публикаций (в сборнике широко представлены материалы, хранящиеся в архиве Сектора фольклора Института языка и литературы им. А. Упита АН Латвийской ССР).

Автором была проделана тщательная текстологическая работа и проведено уточнение паспортизации записей. Разнообразную и интересную информацию дают приложенные к сборнику карты: «Распространенность осенних и зимних песен шествий ряженых на территории Латвийской ССР» и «Распространенность рефренов песен лиго на территории Латвийской ССР».

«Календарные обрядовые песни» — это книга, которая не только знакомит нас с уникальными образцами латышского песенного фольклора, но и содержит обширный материал для дальнейших исследований проблем народной музыки.

Я. Дарбинеце

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

ПОЛЬСКИЕ РАБОТЫ О РУССКОМ ИССЛЕДОВАТЕЛЕ СИЛЕЗИИ

E. Kucharska, | A. Nasz |, S. Rospond. Wieś śląska w 1840 r. Relacje z podróży naukowej J. J. Sreżniewskiego po śląsku. «Prace i materiały etnograficzne», t. XXVII, Wrocław, 1973.

Перед нами тщательно, с любовью выполненная и изящно изданная книга, характеризующая этнографическую и лингвистическую деятельность крупнейшего русского филолога-слависта Измаила Ивановича Срезневского.

Книга состоит из трех разделов, написанных польскими учеными: Евгенией Кухарской, ныне покойным Адольфом Нашем и Станиславом Роспондом. В них характеризуется деятельность И. И. Срезневского по изучению культуры и языка жителей Силезии во время его знаменитого путешествия по славянским землям (1839—1842 гг.). Как известно, за три года путешествия ученый посетил земли западных и южных славян, ознакомился с историей, этнографией и фольклором Чехии, Моравии, Силезии, Сербии, Черногории, Далмации и других районов, изучал языки и диалекты жителей, устанавливал контакты с деятелями литературы и науки. Напряженная и плодотворная работа И. И. Срезневского во время путешествия, публикации его отчетов и статей, построенных на собранном материале, имели двоякое значение. Они были началом систематического развития славистики в России и послужили важным стимулом для этнографических, фольклористических и лингвистических исследований славянских ученых.

Деятельность И. И. Срезневского по изучению культуры славянских народов во время его путешествия и впоследствии, когда он был профессором сначала в Харьковском, а затем в Петербургском университете, освещалась в ряде исследований русских дореволюционных и советских ученых¹. В них И. И. Срезневский характеризуется как собиратель и исследователь материалов о быте, поэзии и языке славянских народов. Показано, какое значение имели его работы для формирования новых принципов научного изучения этнографических и фольклорных явлений. Эти принципы получили дальнейшее развитие в 1840—1850 гг., когда И. И. Срезневский стоял во главе научных изданий и был наставником целой плеяды русских ученых — историков этнографов, филологов, педагогов.

Публикации материалов путешествия самим И. И. Срезневским и его учениками дают представление о фриулийских славянах, сербских лужичанах, о литературе западных славян и т. д. Тем более важно, что авторы рецензируемой книги сконцентрировали свое внимание на одном не изучавшемся ранее вопросе: они поставили перед собою цель показать значение пребывания Срезневского в Ополе для изучения культуры народа этой части Польши. В Ополе Срезневский пробыл недолго (июль — август 1840 г.), в начале путешествия, когда, как он сам с горечью замечал, со всей полнотой познакомиться с культурой жителей, особенно с их фольклором, ему еще мешало недостаточное знание языка. Тем более важно признание авторами книги большого научного значения собранных ученым этнографических, языковых материалов и стимулирующей роли его работы для развития национальной науки о языке и культуре Опольщины (исследования Яна Малиновского и др.).

Работа Е. Кухарской «И. И. Срезневский (1812—1880) и его рукописи» (стр. 9—95) состоит из двух частей. Во второй части публикуются статьи И. И. Срезневского, рукописи которых хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве (ф. 436, оп. 1). Первая статья «В Ополе и окрестностях» (ед. хр. 438) представляет собой этнографический очерк об одежде «силезского поляка»; в ней имеются заметки об особенностях наречия и приведено несколько текстов песен, записанных на местном диалекте. Во второй статье «Народные sprjewki горных слезаков» (ед. хр. 447) характеризуются типы жителей Ополя (мужской и женский), подробно описаны предметы женской и мужской одежды, силезская деревня, внешний и внутренний вид жилища, сообщаются сведения о сохранившихся старинных обрядах и песнях «горных слезаков», высказываются суждения о степени сохранности их в народной традиции и об их значении как памятников народной культуры. Пишет И. И. Срезневский и о бедственном материальном и социальном положении силезских крестьян. В третьей статье «Записка о наречиях слезских» (ед. хр. 441) Срезневский характеризовал наречия «польско-слезское» и «мораво-слезское». Все три статьи воспроизведены по рукописи на русском языке и в переводе на польский. Тексты песен

¹ В. А. Францев, И. И. Срезневский и славянство, в сб. «Памяти И. И. Срезневского», Пг., 1916; стр. 94—168; Н. Ф. Сумцов, Харьковский период научной деятельности И. И. Срезневского, там же, стр. 69—94; А. Пыпин, Новые данные о славянских делах, «Вестник Европы», 1893, кн. 7; М. К. Азадовский, История русской фольклористики, т. I, М., 1958, стр. 266—278, 322—327; И. М. Колесницкая, И. И. Срезневский как фольклорист (1840—1850 годы), «Русский фольклор», т. VIII — «Народная поэзия славян», М.—Л., 1963, стр. 296—328.

(25 номеров) приложены ко второй статье на польском языке (на диалекте), песни главным образом лирические. Публикация этих материалов представляет интерес не только для польских, но и для русских этнографов.

Первая часть работы Е. Кухарской содержит сведения о самом путешественнике. На основании изученной ею русской литературы о И. И. Срезневском (статья В. А. Францева, А. Н. Пыпина), «Путевые письма И. И. Срезневского из славянских земель»² автор дает общую характеристику маршрута путешествия, научных интересов исследователя и установленных им научных связей. В специальном разделе, главным образом на основании писем к матери и архивных материалов из ЦГАЛИ, характеризуется деятельность ученого в Ополе и его окрестностях. Первая статья завершается публикацией писем И. И. Срезневского к матери из Вроцлава; Ополя и Легницы (с 28 июля по 23 августа 1840 г.), переведенных на польский язык; перечнем имен деятелей культуры славянских земель, с которыми встречался и сблизился ученый за время путешествия, а также библиографией его трудов о славянах (32 номера). Таким образом, деятельность ученого в Ополе рассматривается не изолированно, но в тесной связи с его интересом к славянской культуре вообще.

Автору удалось уловить в изученных материалах и передать в статье черты человеческого облика молодого ученого: его открытый характер, взаимоотношения с новыми друзьями, дружбу с матерью, романтическую настроенность, отразившуюся в сделанных им описаниях и характеристиках. Все это делает статью Е. Кухарской не только содержательной, но и живой по форме.

Возражение, однако, вызывает интерпретация научных интересов И. И. Срезневского и деятельности его в славянских землях в связи со славянофильством (стр. 10 и др.). Думается, что Срезневский, научные интересы которого формировались в 1830-е годы, испытывал горячее сочувствие к славянским народам в связи с их зависимым положением, выражал надежду на возрождение их национальных культур, стремился сам и побуждал других содействовать этому возрождению, но был далек от политических доктрин славянофилов как особого течения в России 1840—1850-х годов. Еще А. Н. Пыпин, как справедливо пишет автор статьи, указывал, что И. И. Срезневский избегал политики. Ироническое отношение к теориям русских славянофилов, которых И. И. Срезневский называл «славяноманами», критические замечания об ограниченности их взглядов и печатных органов встречаются в его лекциях и переписке 1840—1850-х годов. Так, в письмах к В. Ганке, написанных в конце 1840-х годов³, И. И. Срезневский резко осуждал русских славянофилов и радовался размежеванию между учеными, занимающимися изучением славянской культуры, и славянофилами.

Статьи А. Наша и С. Рospонда дополняют работу Е. Кухарской. В статье А. Наша этнографические материалы, собранные И. И. Срезневским, комментируются на основании работ об Ополе польских историков и этнографов — предшественников и современников исследователя (Ю. Бандтке, Ю. Ломпе); а также ученых позднейшего периода. Автор детально рассматривает, проверяет, оценивает и дополняет каждый тезис статьи И. И. Срезневского: о положении польских крестьян Силезии в XIX в., об их антропологическом типе, о костюме, жилище, песнях и приходит к выводу о точности, а в ряде случаев и большей полноте сведений, сообщенных русским ученым, по сравнению с другими работами об Ополе.

Подготавливая к публикации тексты песен, собранных И. И. Срезневским, А. Нашательно прокомментировал каждый текст, определив для некоторых песен источники, из которых они могли быть porчерпнуты (рукописи польских собирателей во Вроцлаве). 16 песен И. И. Срезневский записал непосредственно от исполнителей.

Подробно рассматривая общую характеристику репертуара силезских песен и темы о значении песенной традиции для национальной культуры, содержащиеся в работах И. И. Срезневского, А. Наш полемизирует с исследователем, объяснявшим исчезновение исторических песен в Силезии процессом денационализации населения. Он объясняет их отсутствие тем, что для народа чужда была история шляхты.

В связи с этим нам представляется верным объяснение хорошей сохранности эпоса у русских и на Балканах не отсутствием литературы письменной (которая в период создания эпических песен уже существовала, обслуживая ограниченный круг читателей), а интенсивностью общественной жизни народов, боровшихся на протяжении нескольких веков против татарского и турецкого ига.

В статье С. Рospонда дается глубокий анализ работы Срезневского о наречиях.

В целом книга трех польских ученых интересна не только для польской и русской науки, но и для всех интересующихся исследованиями в области славянской этнографии, фольклористики и лингвистики. Обращение авторов к наследию русского ученого-слависта — отрадное свидетельство плодотворно развивающегося сотрудничества польских и советских фольклористов и этнографов.

И. М. Колесницкая

² «Путевые письма И. И. Срезневского из славянских земель (1839—1842)», СПб., 1895.

³ В. А. Францев, Материалы для истории славянской филологии. Письма В. Ганке из славянских земель, Варшава, 1905, стр. 1061.

В Румынии вышла книга «Румынская этнография», написанная известным ученым И. Влэдуциу. Она состоит из «Введения» и двух частей: «История этнографических исследований» и «Материальная культура. Обычаи».

Во введении автор высказываеться против определения этнографии как науки описательной. В ее задача, считает он, входит анализ и синтез фактов, определяющих этническую специфику. И. Влэдуциу рассматривает далее соотношение этнографии, науки прежде всего исторической, с культурной и социальной антропологией и т. д. Рассказано также об источниках, которые используются в этнографическом исследовании: полевом материале, музейных коллекциях, иконографических данных, архивных документах, сведениях, содержащихся в записках путешественников.

Первая часть книги посвящена истории этнографии в Румынии, в ней автор выделяет несколько этапов. На начальном этапе (XVII — первая половина XIX в.) подлинные научные исследования еще только зарождались. Следующий этап (1840—1860 гг.) характеризуется ростом интереса к народной культуре, что связано с развитием национального самосознания. Третий этап автор подразделяет на два периода: 1) 1870—1910 гг., когда появились систематические исследования и расширилась собирательская деятельность. В сборах принимали участие выдающиеся румынские ученые (не только этнографы). Из их числа первым автор называет Б. П. Хаджэу, 2) 1910—1940 гг., когда этнография в Румынии сформировалась как самостоятельная наука. Здесь рассматриваются различные направления этнографических исследований, отмечается роль географии, филологии, истории и социологии в становлении румынской этнографии.

Современный этап развития этнографической науки в Румынии, выделенный И. Влэдуциу, характеризуется тем, что в исследовательской работе безраздельно господствует методология марксизма-ленинизма.

Вторая часть книги И. Влэдуциу посвящена материальной культуре и обычаям румын. Сначала он рассматривает основные типы традиционных поселений и усадеб, а также факторы, влияющие на их развитие. И. Влэдуциу прослеживает те изменения, которые поселение и усадьба претерпевают в наши дни. Автор анализирует терминологию, обозначающую эти явления народной культуры, что помогает ему проследить их эволюцию, зональные отличия, зафиксировать влияние других народов. Отметим, кстати, что И. Влэдуциу анализирует семантику и происхождение терминов, обозначающих этнографические явления, рассмотренные им в книге.

Далее автор детально классифицирует и анализирует типы традиционного дома и основные этапы их развития. Основным признаком при классификации он обоснованно считает планы этих сооружений. И. Влэдуциу полагает, что на территории Румынии наземные и углубленные (землянки и полуземлянки) жилища развивались параллельно, начиная с неолита. Но в XVIII—XX вв. углубленное жилище было распространено лишь в ограниченных зонах Олтении и Мунтении. К сожалению, автор не развертывает аргументации в пользу выдвинутого им положения о непрерывной параллельности развития наземных и углубленных жилищ. Между тем, например, на поселениях культуры Буков-Дриду IX—XI вв. н. э., которая на территории Трансильвании убедительно связывается с предками румын, господствовали углубленные жилища, а наземные почти отсутствовали. В книге показана эволюция наземных, наиболее распространенных в XVIII—XIX вв. жилищ: однокамерное, двухкамерное (комната+кладовая или сени), трехкамерное (сени и два боковых помещений, одно из которых предназначалось для жилья, а второе было горницей). Подобная эволюция, справедливо отмечает И. Влэдуциу, характерна для балканских, восточнославянских и многих других народов. В отопительных сооружениях жилищ Молдовы и Трансильвании автор также выделяет признаки влияния балканских и восточнославянских народов.

Типов жилищ XVIII — начала XIX в., показанных на карте, публикуемой И. Влэдуциу, много. Иногда они выделены по несущественным признакам. Если исходить из плана как основного критерия для выделения типов, то можно, например, заключить, что планы домов 11 (Арад) и 44 (Вранча) почти идентичны. Эти «типы» лучше называть локальными вариантами.

В заключительной части раздела, посвященного жилищам, внимание читателя привлекает описание традиционных элементов, вошедших в конструкции современных жилищ.

Тщательно изучено традиционное хозяйство румын. Прежде всего автор обосновывает положение о древности возникновения и непрерывности развития земледелия. Он детально рассматривает системы обработки почвы, культивируемые злаки, типы орудий труда, циклы сельскохозяйственных работ, способы и средства обработки продукции (ручные мельницы, печи и т. д.).

Анализируя румынскую аграрную терминологию, И. Влэдуциу заключает, что при сохранности в ней фракийских, древних обозначений в основном она латинская. Это, по мнению автора, указывает на восприятие от римлян основных способов обработки земли. Хотя происхождение термина *plugul* славянское, но обозначения его основных

частей опять-таки латинского происхождения. Автор приходит к правильному выводу, что наличие в аграрной терминологии слов славянского происхождения свидетельствует о «славянском влиянии на обработку земли после расселения славян на территории нашей страны» (стр. 197).

И. Влэдуциу рассматривает различные отрасли земледелия: выращивание зерновых и технических культур, виноградарство, овощеводство, садоводство.

Переходя к животноводству, автор применяет принцип этнографической типологизации. Детально классифицируются системы выращивания животных, формы собственности и разделение труда среди скотоводов, их производственные ассоциации. «У румын,— справедливо замечает И. Влэдуциу,— животноводство исторически развивалось в тесной связи с земледелием» (стр. 251).

К сожалению, автор не касается вопроса о том, какова в разные периоды истории румын относительная роль этих отраслей хозяйства. И. Влэдуциу уделяет немало внимания отгонному скотоводству, которое, как известно, сопровождалось колонизацией волошским населением отдаленных от Румынии земель. Автор полагает, что оно возникло в XIV в. и не привело кnomадизму, ибо, как справедливо отмечает И. Влэдуциу, женщины (т. е. семья) не участвовали в отгонной пастьбе скота.

В книге И. Влэдуциу большое внимание уделено эволюции крестьянских ремесел и домашних производств: обработка дерева, кожи, кости и рога, горного дела. Особенно подробно рассказано о домашнем текстильном деле (ткацких станках, сырье, самой технике работы, продукции), о крестьянских сукновальныхнях и т. д.

Характеризуя производство глиняной посуды, И. Влэдуциу отмечает, что в Румынии кое-где еще сохранилась лепная керамика, изучение которой способствует уяснению происхождения гончарства в этой стране. Круговую посуду автор делит на три категории: черную, красную неглазированную и красную глазированную. Черная лощеная посуда, по мнению автора, появляется еще в бронзовом веке. Каждый центр гончарства производил и производит керамику, обладавшую своими стилистическими особенностями.

Анализируя крестьянское производство, И. Влэдуциу рассматривает даже такие его отрасли, которым другие исследователи в Румынии обычно уделяют мало внимания: развитие лесных работ, в частности лесосплава, формы их организации, орудия труда. При изучении современных крестьянских производств автор обращает особое внимание на разделение традиционных и современных форм продукции и техники труда.

Обстоятельно изучена в книге народная одежда: ее развитие, общерумынские черты и областные варианты. Уделено внимание даже профессиональной одежде пастухов, плотников и лесоводов.

В народной одежде автор видит показатель этнической и культурной специфики, источник для изучения этногенеза. И. Влэдуциу устанавливает связь между обычаями и занятиями народа и характером его одежды. Так, моканские шапки, пишет он, были распространены именно там, где практиковалось отгонное скотоводство. Миграция населения вызывает появление на новом месте новых типов одежды. Так, население Олтении и Мунтении, переселившись из Трансильвании, принесло с собой оттуда и свои формы одежды. Ассамбль народной одежды из исторически сложившихся румынских регионов обладает локальными особенностями, но в то же время вырисовывается общий стиль одежды для всех этих регионов.

От изучения народной одежды И. Влэдуциу переходит к рассмотрению народного искусства. Здесь его внимание привлекает прежде всего форма народных произведений искусства, роль художественного наследия в их создании. Однако надо сказать, что глава о народном искусстве и следующая — об обычаях — несколько менее разработаны, чем главы о материальной культуре.

В шестой главе анализируются родильные и погребальные обряды; зимний, весенний, летний, осенний свадебные ритуалы; обычай, связанные с трудом, взаимопомощью, посиделками, а также большие народные современные праздники. Автор не касается народного театра, народной медицины и ряда других областей традиционной культуры румын.

В последней главе книги И. Влэдуциу останавливается на задачах будущих этнографических исследований в СРР.

Из сказанного следует, что рецензируемая книга представляет собой обширный свод конкретных данных о традиционной культуре румын, прежде всего материальной. Духовной культуре посвящены две небольшие главы второй части книги — «Народное искусство» и «Обычаи» (стр. 378—432).

Книга И. Влэдуциу глубоко исторична. Автор последовательно обосновывает древнее местное происхождение большинства явлений народной культуры, отмечая вместе с тем влияние на нее соседних народов. Автор показывает, как элементы различных отраслей традиционной народной культуры творчески усваиваются социалистической румынской культурой.

Книга И. Влэдуциу — новое принципиально важное достижение румынской этнографии.

Э. А. Рикман

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Данг Фонг. *Первобытная экономика Вьетнама*. Ханой, 1970, 490 стр. (на вьетнамском языке).

Археологическая наука в ДРВ, бесспорно, самая развитая в странах Юго-Восточной Азии. Накопив большой фактический материал, она уже вышла на этап широких обобщений социально-экономического и культурно-исторического плана.

Вклад археологии в реконструкцию истории Вьетнама традиционно велик ввиду плохой сохранности письменных источников по древней истории. Поэтому естественен тот большой интерес, который проявляет экономическая и историческая наука в целом к обобщению археологического материала. При этом для вьетнамской науки нехарактерно поспешное включение отдельных археологических фактов в систему исторических интерпретаций. Наоборот, достоинством исторической науки соответствующие факты становятся только после тщательного анализа и сопоставления с данными других наук. В первую очередь это относится к этнографической науке: для древней истории Вьетнама этнографические данные имеют особое значение, ибо специфика Вьетнама — в сохранении в наименее развитых горных районах массы реликтов, относящихся к различным этапам развития человеческого общества. Соответствующие данные с успехом могут быть использованы при исторической реконструкции еще и потому, что среда обитания изменилась сравнительно слабо и можно проследить влияние на общество тех же факторов среды, что и в далекой древности.

Среди работ обобщающего плана заметное место занимает книга известного вьетнамского экономиста Данг Фонга «Первобытная экономика Вьетнама». Опираясь на конкретные исследования и обобщающие работы археологов и этнографов, а также на достижения советской исторической науки, критически используя данные западных ученых, автор впервые во вьетнамской исторической науке сделал попытку общей реконструкции экономической и социальной структуры обществ, существовавших на территории Вьетнама.

Чрезвычайно интересен именно такой аспект рассмотрения истории первобытного общества в отличие от наиболее распространенных попыток описания первобытных обществ на каком-то одном этапе, чаще всего на последнем. Данг Фонг не только характеризует основные элементы социальной и экономической структуры такого общества на всех его этапах, но также пути и темпы его развития.

Опираясь на положения классиков марксизма, автор рассматривает первобытную экономическую и социальную структуру во взаимодействии с окружающей средой, которая на ранних этапах развития общества во многом определяла те или иные черты социальной организации. Такого рода подход обусловил композицию книги. Ее первая часть посвящена «земле, человеку и орудиям производства». Следующую главу автор отводит более сложным аспектам экономической жизни общества, а именно комплексному описанию основных отраслей производственной деятельности первобытного человека. Это основная и наиболее интересная глава книги. Только после подробного исследования производственной деятельности в древнем обществе автор переходит в третьей главе к анализу наиболее сложной проблематики — производственных отношений, среди которых он закономерно выделяет отношения обмена, лучше документированные археологическим материалом.

Первую главу автор начинает с описания природной среды, обусловившей многообразие человеческой деятельности, и подчеркивает, что природные факторы способствовали тому, что в непосредственной близости жили коллективы, относящиеся к различным хозяйственно-культурным типам и находящиеся на различных ступенях общественного развития. Указав, что Вьетнам — издревле заселенный человеком район земного шара, автор обосновал важное для него положение о том, что на территории этой страны представлены и генетически взаимосвязаны основные этапы истории первобытного общества. Нам представляется необоснованным упрек Данг Фонгу в рецензии А. И. Мухлинова в том, что Данг Фонг тем самым «вольно или невольно становится на рискованный путь утверждения этнической изначальности» (вьетнамцев)¹. Известно, что советская наука начинает историю Узбекистана (но не узбеков) с неандертальца грота Ташик-Таш. И когда Данг Фонг говорит о том, что «история Вьетнама насчитывает не 2000 иди 4000 лет, а несколько сот тысячелетий» (стр. 23), то он совершенно прав. Историю Вьетнама (но не вьетнамцев) мы начинаем теперь с таких палеолитических памятников, как гора До.

Автор рассматривает этапы развития первобытного общества в соответствии с археологической периодизацией. Каждый период изучается под определенным углом зрения, выявляются характерные особенности хозяйства, в первую очередь общие черты орудий производства. Пожалуй, автор сумел дать одно из лучших обобщенных описаний эволюции орудий производства на территории Вьетнама. Уже в этой главе, обращаясь к характеристике особенностей жизни и быта, автор широко и обоснованно использует этнографические параллели. Не содержа в целом крупных новых

¹ «Сов. этнография», 1972, № 6, стр. 183.

положений, этот раздел обосновывает принятую автором периодизацию, а также содержит информацию по ряду сторон хозяйства и быта, которые не относятся прямо к основной теме исследования, но необходимы для дальнейших выводов автора.

Недостаток главы — нечеткость некоторых важных формулировок. Так, на стр. 26 говорится: «Первобытную эпоху обычно называют эпохой каменного века». В действительности же «первобытная эпоха» — понятие гораздо более широкое и археологически охватывает не только каменный век, но и бронзовый, а также период раннего железа. Поэтому прав вьетнамский археолог Фам Ван Кинь², указавший на нечеткость этой и некоторых других формулировок.

Начиная вторую главу, автор говорит о двух основных типах хозяйства в первобытную эпоху — присваивающем (собирательство, рыбная ловля и охота) и производящем (земледелие, скотоводство и различные виды ремесел).

В разделе «Собирательство» на основании анализа письменных источников, археологического и этнографического материалов Данг Фонг дает подробный список продуктов собирательства.

Прав автор, когда говорит, что едва ли еще где-либо найдется такое видовое богатство мелких животных, как в Индокитае. Например, одних только лягушек встречается 171 вид, черепах 54 вида, огромное количество моллюсков, ракообразных, насекомых и т. д. Данг Фонг приходит к выводу, что «во Вьетнаме, так же как и во всей Юго-Восточной Азии, собирательство представляется областью труда, занимавшей особо важное место в экономической жизни в эпоху первобытности» (стр. 103).

В большинстве случаев исследователи археических собирательских коллективов выросли в совершенно чуждой этому обществу среде; а потому не имели возможности в полной мере оценить ее экономический потенциал. В данном же случае исследователь четко представляет себе роль разновидностей мелких животных и растений в собирательском хозяйстве.

В разделе «Охота» Данг Фонг справедливо обращает внимание читателя на то обстоятельство, что во Вьетнаме крайне немногочисленны или полностью отсутствуют те виды животных, которые были основным объектом охоты первобытного человека.

Автор не согласен с К. Линднером, крупнейшим специалистом в области истории охоты, который считает охоту в эпоху позднего палеолита и мезолита ведущей отраслью хозяйства. Возможно, пишет вьетнамский ученый, это правильно по отношению к некоторым районам Сибири, Европы, Африки и других мест, но что касается Юго-Восточной Азии, в частности Вьетнама, то здесь охота никогда не была основным занятием первобытного человека. Из 67 стоянок хоабиньской культуры лишь в 27 найдены явные следы охоты. Данг Фонг приводит сравнительную таблицу (на стр. 110), в которой показывает, что во Вьетнаме число крупных животных по сравнению с другими странами было невелико. В то же время в хрониках ханьской эпохи есть сведения о том, что население Кыутян (современные провинции Тханьхса, Нгеан и Хатинь) занималось охотой. В связи с этим автор указывает, что лишь в некоторых районах Вьетнама в определенную эпоху охота играла важную роль.

Кроме того, необходимо, на наш взгляд, учесть, что если древнекитайские авторы писали о том, что население занималось охотой, то это означало отсутствие земледелия, а не преобладание охоты над собирательством.

Таким образом, Данг Фонг вносит существенную поправку в общетеоретические представления о типах хозяйства в верхнем палеолите и мезолите; без учета этой поправки вряд ли можно формулировать общие заключения по первобытной экономике. Есть основания полагать, что указанная закономерность (некоторое преобладание собирательства над охотой в палеолите и мезолите) не ограничивается муссонной Азией (в частности Вьетнамом), а, скорее всего, в той или иной мере проявлялась и в других местах во влажных тропиках.

Раздел «Рыболовство» знакомит читателей со способами и орудиями рыбной ловли во Вьетнаме, особо подчеркивается значение рыболовства в хозяйственной деятельности вьетнамцев. Это и неудивительно, если учесть густоту речной сети в стране. Во Вьетнаме насчитывается более 200 видов рыб, а по подсчетам известного специалиста А. Томази, в Индокитае в водоемах площадью в 1 км² вылавливается в 30 раз больше рыбы, чем на такой же площади в водоемах Северной Европы (стр. 144). Исключительная роль рыболовства снижала потребность в охотниччьем хозяйстве. О значении рыбной ловли в жизни вьетнамского населения говорят и приведенные в книге интереснейшие этнографические данные. Важно подчеркнуть еще одно обстоятельство: возникнув очень рано, рыболовство распространилось по всей стране, во все ее районы без исключения, как у горных, так и равнинных народов.

Один из интересных разделов второй главы посвящен земледелию. Данг Фонг рассматривает здесь такие важные вопросы, как время и основные причины возникновения земледелия, способы обработки земли и выращиваемые земледельческие культуры, роль земледелия в первобытном хозяйстве Вьетнама и его особенности.

Существует мнение о том, что земледелие возникло в III—II тысячелетии до н. э. (т. е. в конце неолита). Но некоторые ученые полагают, что оно появилось здесь на-

² Фам Ван Кинь, Некоторые соображения по археологическим вопросам в книге «Первобытная экономика Вьетнама», «Исторические исследования», 1971, № 136, стр. 45—53 (на вьет. яз.).

много раньше — в мезолите. Как указывает автор, аргументов в пользу второй точки зрения пока мало, но он выражает уверенность, что в будущем они будут найдены, ибо в соседней с Вьетнамом стране — Таиланде — уже обнаружены следы культурных рас坦ей в стоянке хоабиньской культуры. Данг Фонг считает, что во Вьетнаме первым земледельческим орудием была не мотыга, а сажальный кол, применяемый ныне для суходольных участков (после предварительной подготовки земли с помощью «ножа и огня»). Заливные участки обрабатывались, по его мнению, способом замеса (который в современном Вьетнаме производится обычно при помощи скота). На вопрос, когда же появились во Вьетнаме земледельческие орудия, автор отвечает, что достоверные данные подтверждают лишь, что мотыга стала распространенным орудием с неолитической эпохи (более ранних данных вообще нет). Говоря о возникновении плуга, Данг Фонг приводит данные в пользу его автохтонности, а не заимствования у китайцев (как считали некоторые исследователи раньше).

Последовательность развития земледелия и скотоводства автор предлагает проследить на материале недавно открытой стоянки Донгдау, где в самом нижнем, неолитическом слое, найден рис, но остатков домашних животных найдено мало (здесь в основном были найдены кости диких животных — кабана, оленя, лани), а в III слое и особенно во II и I слоях, относящихся к ранней бронзе, уже много костных остатков одомашненных животных и птиц — собаки, свиньи и курицы (стр. 218). Автор делает вывод, что первыми были одомашнены свинья и курица, а затем уже буйвол и бык. Данг Фонг подчеркивает, что до сих пор во Вьетнаме нет ни одной общины, которая занималась бы только земледелием либо только разведением скота. По мнению автора, во Вьетнаме скотоводство не выделилось в самостоятельную отрасль, и поэтому нет четкого разделения труда в сельском хозяйстве (стр. 232).

Говоря о ремеслах, вьетнамский ученый отмечает, что ни один их вид в первобытнообщинную эпоху еще не отделился от земледелия (стр. 232).

Следы ткачества найдены уже в позднем неолите. Сырье для него, по Данг Фонгу, были кора дерева, конопля, джут и хлопок (последний известен по письменным источникам с начала нашей эры). По данным китайских ученых, хлопчатник в Китай завезли из Вьетнама и других стран Юго-Восточной Азии. Издавна во Вьетнаме знали и шелководство. Появление металла связано уже с последним этапом первобытной истории. Предметы из бронзы, в частности бронзовы барабаны, высокая техника их изготовления говорят в пользу высокого уровня специализации.

Нам понятны трудности, стоявшие перед автором книги при написании третьей, последней главы, в которой исследуются отношения собственности и зарождение товарно-денежных отношений. Действительно, нет сложнее вопроса, чем вопрос об имущественных отношениях в дописьменных обществах. В данном случае автор прибегает к сравнительному методу и использует для реконструкции прошлого наблюдения этнографов над жизнью народностей, сохранивших в той или иной степени черты первобытнообщинного слоя, подчеркивая при этом, что ученый далеко не во всем может проводить аналогии между этими народностями и первобытными племенами.

Данг Фонг подробно останавливается на проблеме собственности в первобытном обществе, на владении и пользовании, а также распределении продуктов природы и продуктов труда. Он пишет, что сначала не было отношений собственности, а были отношения стихийного пользования. Только потом, постепенно основные средства производства становились принадлежностью какого-нибудь коллектива (стр. 278). Идея общественной собственности на землю является естественной и выражается, например, у эдэ в обычном праве так: «Землю, воду, лес никто не имеет права присвоить и сделять своей собственностью, каждый имеет право обработать участок в любом месте,ловить рыбу в любой реке, братъ мед с любого дерева, свободно собирать хворост, братъ строительный материал и т. д.» (стр. 281).

Вьетнамский ученый подробно описывает типы общественной организации на разных этапах развития общества и связанные с ними формы собственности. Автор приводит интересный материал о пережитках материнского рода у эдэ, джарай, би, ма, у некоторых групп мёнгов и тямов. Например, у эдэ и джарай сохранились дома длиной в 70—80 м, иногда в 200 м. Здесь проживало по несколько сот человек. Эти домовые общины составляли женщины одного рода, их мужья и дети. До сих пор не установлено, что здесь было производственной единицей — род или большая семья. Известно только, что охотой, рыбной ловлей, выжиганием участка, его обработкой, сбором урожая и откором большого числа домашних животных занимались сообща, а ремесло, рыбная ловля, собирательство были более индивидуализированными. Производственная единица в то же время, была имущественной единицей и единицей потребления. Интересна эта часть главы, где разбираются формы землевладения и земельной собственности. У земледельческих народов, к которым принадлежит большинство населения Вьетнама, земельные отношения являются основой производственных отношений. Например, раньше в Тэйнгуне вся земля была поделена на несколько «округов». Землей «округа» владело много родов; много общин, обычно на ней располагались по 3—4 или более деревень. Такая территория называлась *клинг* у эдэ или *чинг* у седанг и банар и охватывала несколько тысяч квадратных километров. Горная цепь, река, водоем были границами таких владений. В их пределах земля в древности считалась общей собственностью членов коллектива. Каждый мог пользоваться ею как хотел. В настоящее время право собственности закреплено за большими семьями. Автор подчеркивает, что

обработка участка земли — необходимое условие для пользования им (стр. 361), имея в виду, что первоначальное право собственности давалось возделыванием почвы. Например, право на суходольный участок имеют до тех пор, пока его обрабатывают. Причем право собственности тесно связано с вложенным трудом. Очень интересен материал о земельной собственности на зуонг (заливные участки). До Августовской революции во Вьетнаме у многих народов сохранялась общинная собственность на зуонги (в Бакбо 20% от общей площади земли, в Чунгбо 25% и в Намбо 30%). Общинная земля делилась среди членов общины по-разному. В одних районах — по числу общинников (включая малых детей и еще непогребенных покойников), в других местах наделяли землей только мужчин, достигших 18-летнего возраста. У кинь, например, были обязательные периодические переделы, а у тхай и мыонг они не практиковались (стр. 385).

В разделе «Зарождение товарного производства и товарного обмена» Данг Фонг пишет, что неопровергимые данные о товарном производстве во Вьетнаме существуют лишь из эпохи железа (стр. 395). До сих пор у народов Вьетнама сохранилось несколько типов обмена, причем «молчаливый» обмен, по мнению автора, — одна из древнейших форм. Более высокая форма — меновая торговля через посредников; очень часто в этой роли выступали вожди.

В целом исследование Данг Фонга свидетельствует о том высоком научно-теоретическом уровне, которого достигла наука ДРВ. Сделанные автором обобщения существенно расширяют наши представления об экономике и социальном устройстве древних обществ.

Д. В. Деопик, А. Н. Лескинен

И. В. Подберезский. Сампагита, крест и доллар. М., 1974, 336 стр.

В советской этнографической литературе книг и статей, посвященных проблемам этнопсихологии, пока не очень много. Исследований же монографического характера, посвященных этнопсихологии отдельных народов, практически нет совсем. Работа И. В. Подберезского может, пожалуй, быть названа первой в советской литературе книгой, в которой предпринята попытка провести исследование такого типа.

От обычной монографии ее отличает несколько внешних признаков: в ней нет ссылок и подстрочных примечаний, обзора литературы, историографии вопроса. Однако обширная библиография и целый ряд мест в тексте свидетельствуют, что автор базируется в своих суждениях не только на материалах личных наблюдений, но и на всесторонне изученной им литературе проблемы. Книга написана живым, общедоступным языком, и ее интересно читать не только специалисту, но и любому читателю, интересующемуся жизнью современных Филиппин.

Исследование И. В. Подберезского посвящено в первую очередь тагалам, жизнь которых он мог длительное время изучать непосредственно в стране, и основным материалом ему послужили все-таки именно наблюдения, сделанные им лично. В ряде случаев эти наблюдения касаются и других народов Филиппин, в особенности равнинных, для которых тагалы являются ядром национальной консолидации, так что книга эта в какой-то мере и о филиппинцах вообще.

В названии символически отражены три пласти филиппинской этнической психологии и национальной культуры. Сампагита, «национальный цветок» Филиппин, напоминающий жасмин, олицетворяет исконные, традиционные особенности филиппинской культуры, крест — это символ влияния испанских колонизаторов, выразившегося прежде всего в христианизации основных народов архипелага, и, наконец, доллар должен обозначать изменения в жизни и психологии народа, произшедшие в период развития капиталистической экономики, когда страна находилась не только в политической и экономической, но и в сильнейшей культурной зависимости от США.

Наибольший интерес, с этнопсихологической точки зрения, представляет первый раздел книги, «Сампагита», хотя он и занимает всего одну четверть объема книги. Надо отметить, что и во введении, и в этом разделе автор сумел сформулировать и обосновать свое вполне правомерное критическое отношение к ряду литературных произведений, основанных на наблюдениях и тестовых экспериментах социологов и этнографов преимущественно американской школы, а также к общим методологическим установкам этой школы. Так, например, очень важно и верно его замечание о том, что не обстановка, в которой протекает детство индивида, ответственна за формирование характерных установок общества в целом, а напротив, общество обуславливает обстановку детства индивида и тем осуществляет воспроизведение общественной психологии. Это сказано очень верно. В книге хорошо показано, как специфические черты этнической психологии тагалов и вообще филиппинцев ставятся на службу обществу, точнее его олигархической эксплуататорской верхушке, и способствуют амортизации и приглушению классового антагонизма и классовой борьбы.

Автор разбирает основные поведенческо-психологические категории, глубоко закрепленные воспитанием в каждом филиппинце и по существу являющиеся для него, с точки зрения традиционной этики, социально обязательными.

Это *утанг на лооб*, *хийа* и *пакикисама*. *Утанг на лооб* — это неоплатный моральный долг, в котором оказывается каждый, получивший помощь, услугу, одолжение, перед лицом, оказавшим их. Долг этот обязывает к вечной и всесторонней лояльности по отношению к оказителю услуги, и нарушение этой лояльности рассматривается обществом как поведение некорректное и аморальное.

Комплекс *хийа*, обуславливающий, помимо прочего, и функционирование *утанг на лооб*, охватывает сложный набор таких понятий, как честь, достоинство, стыд, т. е. весьма близко соответствует близневосточному комплексу *намус*. *Хийа* подразумевает высокую ранимость, и реакция на ущемленный комплекс может выразиться либо в подавленности, либо в вспышке агрессивности, крайним случаем которой является «амок» — истерический порыв к уничтожению и самоуничтожению.

Пакикисама — еще более широкая категория, включающая и *хийа*, и *утанг на лооб*, и выражаясь в компромиссном, бесконфликтном поведении, умении ладить с людьми, не оскорбляя ничьих чувств.

Сравнительные материалы (помимо европейской и американской реальности, которая дает в основном контрастирующие примеры) автор привлекает в основном из китайской этнической психологии.

Действительно, ранимость *хийа* и китайская «потеря лица» — явления весьма похожие. Но еще более разительные соответствия можно было бы получить, привлекая для сравнения японские реалии. *Утанг на лооб* имеет абсолютное соответствие в японских понятиях *он*, *гири*, *онгэси*; *харакири* можно рассматривать как крайнюю реакцию на ущемление *хийа*; неоднократно проанализированная этнопсихологами японская модель дискуссии и принятия согласованного решения полностью соответствует принципам *пакикисама*; растрвримость детей в семье, склонность прибегнуть к помощи близка японскому понятию «камаз»; подобный перечень можно было бы продолжить.

Из этих соответствий можно сделать два существенных вывода. Первый тот, что этнопсихологические категории, как и другие этнографические категории из области духовной и материальной культуры, в принципе могут быть прослежены и очерчены в виде изопрагматических ареальных общностей, совокупность которых обрисовывает границы историко-этнографических областей, подобно тому как в геолингвистике диалектальные области оконтуриваются изоглоссами. Второй вывод, по существу делающий самим И. В. Подберезским, тот, что сама по себе этнопсихологическая характеристика народа никак не может предопределить, как то нередко можно слышать от буржуазных этнопсихологов, его способность или неспособность к экономическому и политическому развитию: ведь не помешали же индустриализации Японии этиологические категории, идентичные с филиппинскими. Более того, сами по себе эти категории не являются категориями аксиологическими, нельзя их называть хорошими или дурными сторонами народной психологии.

В зависимости от конкретных исторических, социально-экономических, политических условий одни и те же этнопсихологические категории могут играть как полезную, положительную, так и реакционную, или консервативную роль. Подобные социальные функции этих категорий в рамках буржуазного филиппинского общества прослежены автором очень детально. Большой интерес представляет, в частности, проецирование на деформации в этнопсихологии в процессе урбанизации Филиппин выводов, сделанных в свое время Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» о пережитках традиционного, кланового сознания среди ирландских крестьян, легкости их деморализации в ходе урбанизации. С точки зрения филиппинской системы ценностей, урбанизация разрушает систему *хийа*, которая ничем иным не компенсируется. Хочется процитировать очень удачную мысль автора (стр. 68): «Часто приходится слышать, особенно от образованных филиппинцев, что принцип *хийа* есть проявление «колониального мышления» и как таковой служит главным тормозом на пути развития страны. С этим едва ли можно согласиться. Данная система сложилась задолго до колониального периода. Колониализм не породил, а лишь использовал ее. Она следствие определенного уклада жизни, никак не его причина, и только изменения в укладе могут изменить саму систему. Пока же она выполняет вполне определенную защитную функцию, что отмечалось ранее, и в рассматриваемых конкретных условиях играет реакционную роль. В каких-то иных условиях она могла бы содействовать воспитанию скромности и человеческого достоинства. Основное препятствие развитию страны заложено не в системе *хийа*, и вообще не в сфере морали и нравственности, где лишь отражается социальная действительность, а в самой этой действительности».

Нам представляется, что вообще нельзя говорить о формировании «колониального мышления» применительно к трудящимся массам. Оно реально существует, но в основном среди национальной интелигенции, что, кстати, хорошо показано автором в разделе «Доллар».

Если в разделе «Сампагита» история Филиппин до испанского завоевания и социальная обстановка накануне этого события изложены на двух страницах, и этого для целей, поставленных автором, вполне достаточно, то в разделе «Крест» содержится весьма подробное популярное изложение истории испанского господства на Филиппинах с момента его установления и вплоть до падения. Это тоже оправданно, принимая во внимание то, что книга рассчитана на широкого читателя, с конкретной историей Филиппин подсобно не знакомого. Но остается впечатление, что испанское

влияние описано автором неполно и несколько недооценено. Помимо нескольких замечаний о внешних следах испанского и мексиканского влияния (Филиппины до 1821 г. были связаны с метрополией не непосредственно, а через вице-королевство Новая Испания в Мексике), здесь говорится почти исключительно о религиозных аспектах жизни и сознания. Основное внимание уделено религиозному синкретизму, показу живучести дохристианских представлений и верований, наличию двух уровней сознания — поверхностного христианизированного и глубинного традиционного. Ценно наблюдение автора, что они сосуществуют, не пересекаясь, и пересечение их может приводить к весьма болезненным последствиям. Как точно определяет их различия автор, верхний уровень активно вербализуется, но не актуализируется, глубинный же слабо или совсем не вербализуется, но постоянно актуализируется.

Раздел «Доллар» излагает историю Филиппин на протяжении XX в. и главным образом посвящен очень яркому изображению функционирования буржуазной «демократии» в обществе, в значительной мере построенному на личностных связях и взаимоотношениях. Красочно нарисованная автором система действовала до 1972 г., до введения президентом Маркосом чрезвычайного положения. Здесь же описаны система образования, характер и роль средств массовой коммуникации, их место в формировании сознания. В стране, как показывает автор, сосуществуют две системы институционализации социального поведения — формальная (официальная) и неформальная (традиционная), и хотя вторая является основной и решающей, но первая в известной степени ориентирует вторую и накладывает на нее известные ограничения, в чем и состоит ее действенность.

Конечно, книга И. В. Подберезского не лишена некоторых частных недостатков. Основной из них в том, что наблюдения, сделанные исключительно на тагалах, иногда неправомерно экстраполируются на другие народы Филиппин. В особенности там, где автор говорит о горных народах, о негрито, о мусульманах юга Филиппин, чувствуется, что он знаком с ними далеко не так хорошо, как с населением района Манилы и ее окрестностей. Однако таких страниц в рецензируемой книге сравнительно немного.

Из сказанного ясно, что на конкретном примере Филиппин И. В. Подберезским сделана удачная попытка поднять и наметить пути решения важнейших проблем этнопсихологии общества, находящегося в процессе модернизации традиционных норм.

Книга И. В. Подберезского полезна не только широкому читателю, интересующемуся жизнью современных Филиппин. Она должна быть рекомендована каждому специалисту-этнографу, который заинтересован в проблемах этнической психологии, независимо от того, каким конкретным народом или регионом он занимается.

C. A. Арутюнов

PERSONALIA

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК С. М. АБРАМЗОНА *

(К 70-летию со дня рождения)

Комсомольская деревня. В сб.: «Комсомол в деревне», Л., 1926, стр. 7—21.
Современное манапство в Киргизии. «Сов. этнография» (далее — СЭ), 1931, № 3—4, стр. 43—59.

Манапство и религия. СЭ, 1932, № 2, стр. 82—97.

К вопросу об изучении населения Таджикистана. В сб.: «Проблемы Таджикистана», Л., 1934, т. II, стр. 169—176.

Творчество киргизского народа. Сб. «Сов. этнография», 1940, т. III, стр. 77—88.

Черты военной организации и техники у киргизов (по историко-этнографическим данным и материалам эпоса «Манас»). «Труды Ин-та языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР» (далее — ТИЯЛИ), вып. I, Фрунзе, 1944, стр. 167—180.

* Полный список опубликованных работ С. М. Абрамзона включает 105 названий.

Программа для сбора этнографических материалов. Фрунзе, 1946, 24 стр.

Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946, 123 стр.

Этнографическое изучение Киргизии за 20 лет. 1926—1946 гг. Сб. «Наука в Киргизии за 20 лет», Фрунзе, 1946, стр. 179—186.

К семантике киргизских этнонимов. СЭ, 1946, № 3, стр. 123—132.

Этнографические сюжеты в киргизском эпосе «Манас». СЭ, 1947, № 2, стр. 134—154.

По поводу одной рецензии (о рецензии Л. Клиновича на книгу «Манас» в ж. «Советская книга», 1946, № 12). СЭ, 1947, № 3, стр. 168—173.

Этнографические экспедиции в Киргизской ССР в 1946—1947 гг. «Изв. Всесоюзного географического общества», т. 80, вып. 4, М., 1948, стр. 373—383.

Тянь-Шаньская этнографическая экспедиция. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее — КСИЭ), вып. IV, М.—Л., 1948, стр. 66—73.

Об обычаях усыновления у киргизов (по материалам эпоса «Манас»), ТИЯЛИ, вып. II, 1948, стр. 149—151.

Рождение и детство киргизского ребенка (из обычаем и обрядов тянь-шаньских киргизов). «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР» (далее — Сб. МАЭ), т. XII, 1949, стр. 78—138.

В киргизских колхозах Тянь-Шаня, СЭ, 1949, № 4, стр. 55—74.

Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. Сб. «Родовое общество», «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. XIV, М., 1951, стр. 132—156.

Об этнографическом изучении колхозного крестьянства. СЭ, 1952, № 3, стр. 145—150.

Этнографический альбом художника П. М. Кошарова (1857). Сб. МАЭ, т. XIV, 1953, стр. 147—193.

Опыт монографического изучения киргизского колхоза. СЭ, 1953, № 3, стр. 38—60.

Прошлое и настоящее киргизских шахтеров Кызыл-Кия (Материалы к изучению быта киргизских рабочих). СЭ, 1954, № 4, стр. 58—78.

Предварительные итоги полевых этнографических исследований в Киргизской ССР в 1954 году. КСИЭ, вып. XXV, М., 1956, стр. 19—25.

В кн. «История Киргизии» т. I, Фрунзе, 1956, разделы: Социально-экономический строй и культура киргизов в первой половине XIX века (стр. 202—251); Начало сближения киргизского и русского народов; Устное народное творчество и первые акыны-письменники (стр. 330—353).

Научная сессия по этногенезу киргизского народа. СЭ, 1957, № 1, стр. 151—157.

Киргизская семья в эпоху социализма. СЭ, 1957, № 5, стр. 135—145.

К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии, КСИЭ, вып. XXVIII, М., 1958, стр. 28—34.

К характеристике шаманства в старом быту киргизов. КСИЭ, вып. XXX, М., 1958, стр. 143—150.

В кн. «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан», ТИЭ, т. XXXVII, М., 1958, разделы: Введение (стр. 5—12); История селений Дархан и Чичкан и колхоза им. Ворошилова (стр. 13—58); Рост материального благосостояния колхозников и их личное хозяйство (стр. 113—137); Семья и семейный быт (стр. 208—256). Общественная и культурная жизнь (стр. 251—261); Послесловие (стр. 314—323).

Киргизское население Синьцзян-Уйгурской автономной области Китайской Народной Республики, «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции» (далее — ТКАЭ), вып. II, М., 1959, стр. 332—369.

Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии. ТКАЭ, т. III, Фрунзе, стр. 31—43.

Свадебные обычаи киргизов Памира. Сб. «Памяти М. С. Андреева». «Труды АН Таджикской ССР», т. СХХ, Сталинабад, 1960, стр. 31—37.

Этногенетические связи киргизов с народами Алтая. «Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов», М., 1960, 12 стр.

Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии. ТКАЭ, т. IV, М., 1960, стр. 3—137.

Преобразования в хозяйстве и культуре казахов за годы социалистического строительства. СЭ, 1961, № 1, стр. 54—71.

- Киргизы Китайской Народной Республики. «Изв. АН Киргизской ССР. Серия общественных наук», т. III, вып. 2 (история), Фрунзе, 1961, стр. 119—132.
- О некоторых типах погребальных сооружений у киргизов. «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та археологии АН СССР», М., 1961, вып. 86, стр. 113—116.
- Die Stammesgliederung der Kirgisen und die Frage nach ihrer Herkunft. «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», t. XIV, fasc. 2, Budapest, 1960, S. 197—206.
- Отражение процесса сближения наций на семейно-бытовом укладе народов Средней Азии и Казахстана. СЭ, 1962, № 3, стр. 18—34.
- Ethnogenetic Ties of the Kirghiz with the Altaic Peoples. «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», М., 1963, т. III, стр. 301—309.
- В кн. «Народы Средней Азии и Казахстана», т. II (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1963, раздел — Киргизы (стр. 154—320).
- Патриархально-общинный уклад и пути его изживания у народов среднеазиатских республик и Казахской ССР. Доклад на VII МКАЭН (Москва), М., 1964, 10 стр.
- В кн. «Народы Восточной Азии» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1965, разделы: Казахи (стр. 630—636) и Киргизы (стр. 636—640).
- The Impact of sedentarisation on the social structure, family life and culture of former nomads and semi-nomads (An example: the Kazakhs and the Kirghiz). В кн.: «Inter-regional study tour and seminar on the sedentarisation of nomadic populations in the Soviet Socialist Republics of Kazakhstan and Kirghizia. Texts of Lectures». International Labour Organisation, Geneva, 1966; p. 9—26.
- Программа сбора материалов по теме «Животноводство» к Историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. Сб. «Региональное совещание по вопросам подготовки Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. Методические материалы», М., 1967, стр. 43—65.
- О пережитках древних форм брака у киргизов (к генезису институтов левирата и сорората). В кн. «История, археология, и этнография Средней Азии», М., 1968, стр. 282—292.
- Киргизский героический эпос «Манас» как этнографический источник (к постановке проблемы изучения). В кн.: «„Манас“ — героический эпос киргизского народа», Фрунзе, 1968, стр. 203—211.
- Значение идеино-теоретического наследия В. И. Ленина для советской этнографии. СЭ, 1970, № 2 (в соавторстве с Л. П. Потаповым), стр. 3—21.
- В. И. Ленин и проблемы изучения современной семьи. В сб. «Краткое содержание докладов годичной научной сессии ИЭ АН СССР», Л., 1970, стр. 16—20.
- Некоторые вопросы общественного строя кочевых обществ. СЭ, 1970, № 6, стр. 61—72.
- Добыча золота — один из древнейших промыслов горных таджиков. СЭ, 1971, № 2 (в соавторстве с Н. А. Кисляковым), стр. 114—122.
- Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, стр. 403.
- Народные предания как источник для изучения этнической истории киргизов Центрального Тянь-Шаня. В кн. «Этническая история народов Азии», Л., 1972, стр. 67—82.
- Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье. В кн. «Тюркологический сборник, 1972», М., 1973, стр. 286—305.
- Влияние перехода к оседлому образу жизни на преобразование социального строя, семейно-бытового уклада и культуры прежних кочевников и полукочевников (на примере казахов и киргизов). «Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана», ТИЭ, т. 98, стр. 235—248.
- Об обычаях левирата и сорората у киргизов и казахов. В сб. «Основные проблемы африканистики. Этнография, история, филология (К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге)», М., 1973, стр. 58—65.
- Категории семейно-групповой, семейной и индивидуальной собственности у кочевников (казахи, киргизы, алтайцы, тувинцы, монголы). МКАЭН (Чикаго, сентябрь 1973), Доклады советской делегации, М., 1973, стр. 1—20.
- Новь киргизского села. СЭ, 1974, № 5, стр. 29—45 (в соавторстве с Г. Н. Симаковым и Л. А. Фирштейн).

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА Л. П. ПОТАПОВА *

(К 70-летию со дня рождения)

- Охотничий поверъя и обряды у алтайских тюрков. «Культура и письменность Востока», кн. V, Баку, 1929, стр. 123—149.
- Материалы по семейно-родовому строю узбеков-кунград. «Научная мысль», Ташкент, 1930, стр. 37—52.
- Поездка в колхозы Чемальского аймака Ойротской Автономной области. Л., 1932, 48 стр.
- Очерк истории Ойротии. Алтайцы в период русской колонизации. Новосибирск, 1933, 303 стр.
- Лук и стрела в шаманстве у алтайцев. «Советская этнография» (далее — СЭ), 1934, № 3, стр. 64—76.
- Die Herstellung der Samanentrommel bei den Sor (в соавторстве с К. Menges). «Mittellungen des Seminars für Orientalische Sprachen. Ostasiatische Studien» (далее — MSOS), Berlin, 1934, S. 53—73.
- Volkskundliche Texte Sor Kizi (в соавторстве с К. Menges). MSOS, Bd. XXXVII, S. 73—105.
- Разложение родового строя у племен Северного Алтая. Материальное производство, М.—Л., 1935, 122 стр.
- Следы тотемистических представлений у алтайцев. СЭ, 1935, № 4—5, стр. 134—152.
- Очерки по истории Шории. М.—Л., 1936, 258 стр.
- Пережитки родового строя у северных алтайцев (По материалам экспедиции в Ойротию в 1936 г.). Л., 1937, 18 стр.
- Возрожденный народ. Краткие очерки по истории алтайцев. 1942, 50 стр.
- Культ гор на Алтае. СЭ, 1946, № 2, стр. 145—160.
- Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая. «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. I, М.—Л., 1947, стр. 159—182.
- Этнический состав сагайцев. СЭ, 1947, № 3, стр. 103—127.
- Краткий очерк культуры и быта алтайцев. Горно-Алтайск, 1948, 64 стр.
- Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948, 504 стр.
- Героический эпос алтайцев. СЭ, 1949, № 1, стр. 110—132.
- Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни. «Сборник Музея антропологии и этнографии» (далее Сб. МАЭ), т. XII, М.—Л., 1949, стр. 43—70.
- Черты первобытнообщинного строя в охоте у северных алтайцев. Сб. МАЭ, т. XI, М.—Л., 1949, стр. 5—41.
- Шорцы на пути социалистического развития. СЭ, 1950, № 3, стр. 123—136.
- Древний обычай, отражающий первобытнообщинный быт кочевников, «Тюркологический сборник», т. I, М.—Л., 1951, стр. 164—175.
- Одежда алтайцев. Сб. МАЭ, т. XIII, М.—Л., 1951, стр. 5—59.
- Основные вопросы этнографической экспозиции в советских музеях. СЭ, 1951, № 2, стр. 7—14.
- Краткие очерки истории и этнографии хакасов. XVII—XIX вв., Абакан, 1952, 217 стр.
- Народы Южной Сибири. Новосибирск, 1953, 190 стр.
- Очерки по истории алтайцев (2-е издание). М.—Л., 1953, 442 стр.
- Пища алтайцев. Сб. МАЭ, т. XIV, М.—Л., стр. 37—71.
- Социалистическое переустройство культуры и быта тувинцев. СЭ, 1953, № 2, стр. 76—102.
- О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 73—89.
- Основные проблемы изучения народов Алтая в советской исторической науке. «Доклады советской делегации на 23-м Международном конгрессе востоковедов», М., 1954 (на русском и английском языке), 15 стр.

* Полный список опубликованных работ Л. П. Потапова за период 1928—1965 гг. в количестве 150 названий, см.: «Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук», № 9, вып. 3, Новосибирск, 1966, стр. 149—154.

- О национальной консолидации народов Сибири. «Вопросы истории», 1955, № 10, стр. 59—67.
- Применение историко-этнографического метода к изучению памятников древнетюркской культуры. «Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов», М., 1956, 28 стр.
- В кн. «Народы Сибири» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М.—Л., 1956, разделы: Историко-этнографический очерк русского населения Сибири в дореволюционный период (в соавторстве с С. В. Ивановым, Г. С. Масловой и В. К. Соколовой, стр. 115—214); Алтайцы; Тувинцы; Хакасы (стр. 329—472); Шорцы (стр. 492—529).
- Происхождение и этнический состав койбалов. СЭ, 1956, № 3, стр. 35—51.
- Новые данные о древнетюркском *Ötükän*. «Советское востоковедение», 1957, № 1, стр. 106—117.
- Ленинская национальная политика в действии. СЭ, 1957, № 5, стр. 10—30.
- Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, 305 стр.
- Zum Problem der Herkunft und Ethnogenese der Koibalen und Motoren. «Journal de la Société Finno-ougrienne», 59. Helsinki, 1959, p. 3—104.
- К изучению шаманизма у народов Саяно-Алтайского нагорья. «Филология и история монгольских народов». Сб. «Памяти академика Б. Я. Владимирцова», М., 1958, стр. 314—322.
- Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений (Обычай дарения убитого лебедя у хакасов). СЭ, 1959, № 2, стр. 18—30.
- В кн. «История Тувы», т. I, М., 1964, разделы: Введение (стр. 5—17); Тува в составе Тюркского каганата (стр. 55—115); Хозяйство, быт и культура (в соавторстве с А. Д. Грачев — стр. 83—111); Тува в составе государств Алтын-ханов и Джунгарии (стр. 198—238). Культура и быт (в соавторстве с В. П. Дьяконовой — стр. 223—238); Этнический состав и расселение (стр. 250—256); Культура и быт (в соавторстве с В. П. Дьяконовой, стр. 300—337).
- Введение в кн.: «Историко-этнографический атлас Сибири» (в соавторстве с М. Г. Левиным), М.—Л., 1961, стр. 3—11.
- Очерк социалистического строительства у алтайцев в период коллективизации. Горно-Алтайск, 1961, 84 стр.
- Этнографическое изучение социалистической культуры и быта народов СССР. СЭ, 1962, № 2, стр. 3—19.
- Задачи этнографии и этнографического музееведения. СЭ, 1963, № 2, стр. 3—6.
- О народе Бёклийской степи в кн. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 282—291.
- Die Schamanentrommel bei den altaischen Völkern. В кн.: «Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker». Budapest, 1963, S. 223—256.
- Тюркские народы Южной Сибири. «История Сибири с древнейших времен», т. I, Л., 1968, стр. 266—284.
- Shamans' Drums of Altaic Ethnic Groups. «Popular Beliefs and Folklore Tradition in Siberia». Budapest, 1968, p. 205—234.
- Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969, 196 стр.
- Очерки народного быта тувинцев. М., 1969, 402 стр.
- К семантике названий шаманских бубнов у народностей Алтая. «Советская тюркология», Баку, 1970, № 3, стр. 86—93.
- Этнографическое изучение народов СССР за 50 лет Советской власти. «Тюркологический сборник», 1970, М.—Л., 1971, стр. 163—175.
- Тубалары Горного Алтая. Сб. «Этническая история народов Азии», М., 1972, стр. 52—66.
- Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных. «Тюркологический сборник», 1971, М., 1972, стр. 265—286.
- Некоторые аспекты изучения сибирского шаманства. Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1973, 16 стр.
- Тюльберы енисейских runических надписей. «Тюркологический сборник», 1972, М., 1973, стр. 145—167.
- Заметки о происхождении челканцев — лебединцев. В кн. «Бронзовый и железный век Сибири». Новосибирск, 1974, стр. 304—313.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1975 ГОДУ

Статьи

	№ стр.
Абрамзон С. М., Потапов Л. П. Народная этногенезия как один из источников для изучения этнической и социальной истории (на материале тюркоязычных кочевников)	6 28
Андранинов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Историко-этнографические области (Проблемы историко-этнографического районирования)	3 15
Андранинов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Опыт историко-этнографического районирования некоторых регионов Африки и зарубежной Азии	4 33
Бессмертный подвиг советского народа	3 3
Богина Ш. А., Козлов В. И., Нитобург Э. Л., Фурсова Л. Н. Национальные процессы и национальные отношения в странах Западной Европы и Северной Америки	5 3
Бромлей Ю. В., Козлов В. И. К изучению современных этнических процессов в сфере духовной культуры народов СССР	1 3
Брук С. И., Губогло М. Н. Двуязычие и сближение наций в СССР (По материалам переписи населения 1970 г.)	4 18
Брук С. И., Губогло М. Н. Факторы распространения двуязычия у народов СССР (По материалам этносоциологических исследований)	5 17
Васильева Г. П. Женщины республик Средней Азии и Казахстана и их роль в преобразовании быта сельского населения	6 17
Володина В. Н. Языковая ситуация в Гане	3 54
Грачева Г. Н. К методике изучения ранних представлений о человеке (на ингасанском материале)	4 51
Григулевич И. Р. Социальная антропология: есть ли у нее будущее?	2 37
Губогло М. Н.— см. Брук С. И.	4 18
Губогло М. Н.— см. Брук С. И.	5 17
Европа: мир, безопасность, дружба народов	6 3
Жорницкая М. Я. Отражение в современном хореографическом искусстве этнокультурных связей в СССР	3 26
Кабо В. Р. Айнская проблема в новой перспективе	6 42
Козлов В. И.— см. Богина Ш. А.	5 3
Крылова Н. Л., Сванидзе И. А. Сельское хозяйство народов Эфиопии	1 31
Лавров Л. И. В осажденном Ленинграде	4 3
Липинская В. А. Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири	5 31
Логашова Ж. Б. Международный год женщины	6 8
Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник	3 34
Митков Г. Н., Миткова Е. С. Традиционные компоненты в современной семейной обрядности болгар (Методика и методология регионального социологического исследования в Великотырновском округе Болгарии)	2 12
Нитобург Э. Л.— см. Богина Ш. А.	5 3
Петрухин В. Я. К характеристике представлений о загробном мире у скандинавов эпохи викингов (IX—XI вв.)	1 44
Потапов Л. П.— см. Абрамзон С. М.	6 28
Путилов Б. Н. Основные аспекты связи фольклора с традиционно-бытовой культурой	2 3
Путилов Б. Н. О современной фольклористике Югославии	4 60
Пучков П. И. Современная конфессиональная ситуация в Океании и ее влияние на этническое развитие океанийских стран	5 53
Рабинович М. Г., Токарев С. А. Институт этнографии в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы	4 7
Сванидзе И. А.— см. Крылова Н. Л.	1 31
Соколова В. К. Современная болгарская фольклористика	2 24

Соколова В. К. Из истории изучения фольклора Великой Отечественной войны	3	7
Соколова З. П. Наследственные, или предковые, имена у обских угров и связанные с ними обычай	5	42
Сухачев Н. Л. Лингво-этнографические атласы романских языков	3	45
Токарев С. А.—см. Рабинович М. Г.	4	7
Фурсова Л. Н.—см. Богина Ш. А.	5	3
Чебоксаров Н. Н.—см. Андрианов Б. В.	3	15
Чебоксаров Н. Н.—см. Андрианов Б. В.	4	33
Юхнова Н. В. Производственная жизнь рабочих как предмет этнографического изучения	1	18

Из истории науки

Комиссаров Б. Н. Этнографические исследования академика Г. И. Ландсдорфа	3	83
Липец Р. С. О значении сводных фольклорно-этнографических собраний (Создание единого фонда И. В. Костоловского)	1	72
Мелик-Пашаян К. В. Жизнь и деятельность Хачика Самуэляна	2	51

Дискуссии и обсуждения

Журов Р. Я. Об одной из гипотез происхождения искусства	6	51
Мордасова И. В. Разложение родового строя и формирование фаталистических представлений (социально-психологический аспект)	3	63
Семенов Ю. И. Еще раз о материальном роде и брачных классах	1	55
Чернецов А. В. К изучению генезиса восточнославянских пахотных орудий	3	72

Сообщения

Арутюнян С. Б., Саакян А. Ш. Новые записи эпоса «Давид Сасунский» (К 100-летию первой записи и публикации армянского народного эпоса)	2	80
Афанасьев Г. Е., Рунич А. П. Рисунки в пещере близ Хумары	2	106
Брегадзе Н. А. К вопросу о локализации ареала первичных очагов землемерия в Грузии	4	72
Вишняускайте А. Надписи на орудиях обработки льна у литовцев как исторический памятник	6	86
Гавриленко В. А. Столетие Государственного музея этнографии и художественного промысла АН УССР	2	57
Гоцко Г. Н. К вопросу о женском образовании в Танзании (по суахилийским источникам)	6	129
Давыдова Г. М. Антропологические особенности некоторых финно-угорских народов и вопросы их этногенеза	6	114
Джаконов У. Пахотные орудия у таджиков Соха в конце XIX—начале XX века (К историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана)	6	109
Евсюгин А. Д. Свадебные обряды европейских ненцев в XIX—начале XX века	1	85
Ершов Н. Н. Собрание этнографических коллекций Института истории им. А. Дониша Академии наук Таджикской ССР	4	89
Жолтовский П. Н. О пропорциях в народном зодчестве Украинских Карпат	6	79
Ибрагимов М.-Р. А. Численность и расселение лакцев (1870—1970 гг.)	6	101
Киуэр Э. Отражение матрилинейного счета родства в ижорских причитаниях	4	103
Коган Д. М. Особенности быта сельского населения, работающего в городе (по материалам городов средней полосы РСФСР)	6	71
Крушё Р. Неопубликованные материалы по этнографии района верхнего течения Шингу (Мато Гросо, Бразилия)	6	137
Курылев В. П. Материалы по земледелию казахов Мангышлака в конце XIX—начале XX в. (К историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана)	3	98
Ладария И. П. К изучению дерматоглифики населения Западного Кавказа	4	121
Маруневич М. В. Некоторые особенности развития народного жилища гаулов в XIX и начале XX века	5	82
Мокшин Н. Ф. Вторые имена у мордвы	3	115
Мологин М. Н. Бурунди. Исследования в области этнографии, права, истории и языка	2	117
Муродов О. Традиционные представления таджиков об аджина	5	96
Мухидинов И. Традиционная ирригация памирских таджиков в XIX—начале XX века (К историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана)	4	77
Намсарайнайдан Л.—см. Хить Г. Л.	2	112
Нестерова С. Л. Двуязычие и культура населения Молдавии (По материалам этносоциологического исследования в Молдавской ССР)	5	71

Никкуль К. Некоторые особенности оленеводства у саамов (по материалам района Суенелья)	4	131
Пестряков А. П. Антропологическое исследование некоторых групп населения Таджикистана и Узбекистана	1	102
Покшишевский В. В. Новейшие данные о миграционной подвижности населения Индии	1	113
Рехвиашвили С. И. Рачинские кузнецы	2	94
Романовская Т. Н. Некоторые особенности урбанизации и демографических процессов в Марокко	6	121
Рунич А. П.—см. Афанасьев Г. Е.	2	106
Сазонова М. В. Новое в изучении социально-экономических отношений в Кокандском ханстве XIX в.	2	108
Самойлов Ю. Г. Изделия из кованого железа в архитектуре русского народного жилища (По материалам Горьковской области)	2	68
Станюкович Т. В. Этнографические музеи в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы	5	63
Таубе Э. Изучение фольклора у тувинцев Монгольской Народной Республики	5	106
Ташбаева Т. Из истории аренды (ижора) и товарищества (широкат) в сельском хозяйстве дореволюционного Узбекистана	3	109
Титова З. Д. Дневник Т. Кенигсфельда—этнографический источник первой половины XVIII в. по народам Сибири	6	94
Троицкий В. А. Русские поселения на севере полуострова Таймыр в XVIII веке	3	120
Шавкунов Э. В. Антропоморфные подвесные фигурки из бронзы и культ предков у чжурученей	4	110
Ширяева П. Г. Из истории развития некоторых революционных традиций (по материалам газет «Вперед» и «Пролетарий»)	6	63
Хачатрян Ж. К. Традиционные свадебные пляски армян	2	87
Хить Г. Л., Намсарайнайдан Л. Новые данные по дерматоглифике монголов	2	112
Хокконен А. П. Карельская народная вышивка второй половины XIX—начала XX века	1	92
Цулая Г. В. Обезы по русским источникам	2	99

Поиски, факты, гипотезы

Басилов В. Н. Ташмат-бола	5	112
Вельгус В. А. Александийские фокусники в древнем Китае (из истории культурных связей народов Средиземноморья и Восточной Азии)	4	138
Гусева Н. Р., Потабенко С. И. Находка в Верхней Сванетии	1	119
Джарылгасинова Р. Ш. Сокровища Никко	1	125
Линдер И. М. У порога открытия	2	125
Померанцева Э. В. Ярилки	3	127
Потабенко С. И.—см. Гусева Н. Р.	1	119
Соколова З. П. Находки в Шишингах (Культ лягушки и угорская проблема)	6	143

Хроника

Басилов В. Н. Работа Института этнографии АН СССР в 1974 году	2	139
Бурнацева З. Ф. Работа Ученого совета и Дирекции Института этнографии АН СССР в 1974 году	2	149

Научная жизнь

Аверкиева Ю. П. Проблемы межэтнических и межрасовых отношений на VIII Международном социологическом конгрессе и ежегодном съезде Американской социологической ассоциации в 1974 г.	1	133
Ананьев Б. А. Обсуждение проблем этногенеза, материальной и духовной культуры народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана в Ленинградской части Института этнографии АН СССР	6	167
Березкин Ю. Е. Конференция, посвященная 200-летию со дня рождения Г. И. Лангсдорфа	3	131
Галич З. Н. Дискуссия в Институте востоковедения АН СССР о роли общины и перспективах ее эволюции в развивающихся странах	6	160
Дробижева Л. М. Международный симпозиум по методологическим проблемам этнографического изучения современного социалистического быта и культуры	1	141
Ивлева Л. М., Рогачевская Е. М. Чтения памяти П. Г. Богатырева	6	170
Каменецкая Р. В. Заседание памяти Д. К. Зеленина	2	157

Кожановский А. Н. Симпозиум «Культуроценностные аспекты археологии и этнографических исследований»	3	138
Коротко об экспедициях	1	151
Коротко об экспедициях	2	161
Коротко об экспедициях	3	147
Коротко об экспедициях	4	151
Коротко об экспедициях	5	136
Коротко об экспедициях	6	172
Крюков М. В. Симпозиум по этнической истории китайцев	4	148
Лейнасаре И. А., Меркене Р. Р., Терентьева Л. Н. Советско-финляндский симпозиум по этнографическому картографированию	1	142
Меркене Р. Р.—см. Лейнасаре И. А.	1	142
Мурзина Е. И. Всесоюзный семинар молодых фольклористов	1	150
Навстречу X Международному конгрессу антропологических и этнографических наук	6	155
Пестряков А. П. Всесоюзная конференция по этнографическим аспектам изучения народной медицины	6	156
Полищук Н. С. Научная конференция, посвященная столетию Государственного музея этнографии и художественного промысла АН УССР	2	154
Полищук Н. С. Всесоюзная конференция, посвященная этнографическому изучению современности	5	125
Путилов Б. Н. Встреча славистов в Югославии	3	144
Рогачевская Е. М.—см. Ивлева Л. М.	6	170
Старовойтова Г. В. Научная конференция по проблемам этнографии Северо-Запада СССР	1	146
Старостин П. Н., Уразманова Р. К. Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание	4	145
Терентьева Л. Н.—см. Лейнасаре И. А.	1	142
Тумаркин Д. Д. Шестая всесоюзная конференция океанистов и австралиеведов	3	136
Уразманова Р. К.—см. Старостин П. Н.	4	145
Файнберг Л. А. Научно-теоретическая конференция «Атеизм и проблемы происхождения человечества»	3	142
Чистов К. В. VI Конгресс Международного общества исследователей фольклора	2	158
Чистов К. В. Конференция «Этнография славянских стран» в Варшаве	5	134

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Ариф М. Х. А. Литература на арабском и курдском языках по этнографии курдов Ирака (историографические заметки)	3	156
Васильева Г. П. Новые публикации о традиционных формах хозяйства населения Туркменской ССР	1	153
Королева Э. А. Танец, его происхождение и методы исследования (по работам зарубежных ученых XX века)	5	147
Леонтьев А. А. О начале человеческой истории. Размышления над книгой Б. Ф. Поршнева	5	138
Семенов Ю. И. Марксизм и первобытность (о книге Э. Террея «Марксизм и примитивные общества»)	4	154
Чеснов Я. В. Новые работы вьетнамских этнографов	3	150

Общая этнография

Бонгард-Левин Г. М., Окладников А. П. Первобытное общество. Основные проблемы развития	5	156
Гурьев Д. В. Э. С. Маркарян. О генезисе человеческой деятельности и культуры	6	174
Журков Р. Я. A. Marshak. The roots of civilisation. The cognitive beginnings of man's first art, symbol, and notation	2	164
Коган М. А. Материалы экспедиций академика Георгия Ивановича Лангдорфа в Бразилию в 1821—1829 гг. Научное описание	3	167
Козинцев А. Г. A. Basu, A. K. Ghosh, S. K. Biswas, R. Ghosh (eds). Physical anthropology and its extending horizons	4	165
Кубель Л. Е. В. Б. Мириманов. Первобытное и традиционное искусство	4	163
Окладников А. П.—см. Бонгард-Левин А. П.	5	156
Свет Я. М. Th. Vaughan, A. A. St. C. M. Murray-Oliver. Captain Cook, R. N., the resolute mariner. An international record of Oceanic discovery	3	168
Тер-Акопян Н. Б. Ю. И. Семенов. Происхождение брака и семьи	5	159

Токарев С. А. <i>Raoul et Laura Makarius. Structuralisme ou ethnologie. Pour une critique radicale de l'anthropologie de Lévi-Strauss</i>	1	163
Токарев С. А. А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев. История первобытного общества	3	163
Тумаркин Д. Д. И. Л. Андреев. Общинные структуры и некапиталистический путь развития	1	158
 Народы СССР		
Александров В. А. Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, Е. В. Михайличенко. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование (середина XIX — начало XX в.)	1	169
Бостан Г. К. И. Л. Чебан. Молдавская народная лирическая поэзия	5	179
Васильев В. И. Самодийский сборник	5	168
Велюс Н. В. <i>Kerbelyte. Lietuvių liaudies padavimų katalogas</i>	3	176
Вдовин И. С. <i>North/Nord. A special issue on the Soviet North. March/April, 1973 (Un numéro spécial sur le Nord Soviélique. Mars/Avril, 1973)</i>	4	173
Виноградов В. Б. Н. Г. Волкова. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века	3	172
Власова И. В., Логашова Ж. В. <i>Ономастика Поволжья</i> , вып. 3	2	174
Власюк П. А. Капитанчук В. А. Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири	5	165
Гашпарикова В. Новые работы грузинских фольклористов	1	175
Гурвич И. С. <i>Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней</i>	6	177
Дарбинице Я. <i>Jēkabs Vičolins. Latviesu tautas mūzika. Gādskartu ieražu dziesmas</i>	6	183
Золхоев В. И., Цыдендамбаев Ц. Б. <i>Бурятские народные сказки. Волшебно-фантастические</i>	3	177
Инал-Ипа Ш. Д., Малия Е. М. Б. А. Калоев. Материальная культура и прикладное искусство осетин	3	175
Капитанчук В. А.—см. Власюк П. А.	5	165
Кочешков Н. В. Д. В. Сычев. Из истории калмыцкого костюма	4	170
Курылев В. П. <i>Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана</i>	1	171
Лебедева А. А. <i>Художественные промыслы РСФСР. Справочник</i>	1	173
Логашова Ж. Б.—см. Власова И. В.	2	174
Малия Е. М.—см. Инал-Ипа Ш. Д.	3	175
Мамбетов Г. Х. А. Х. Магометов. Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.)	6	179
Марковин В. И. В. А. Татаев; Н. Ш. Шабаньянц. Декоративно-прикладное искусство Чечено-Ингушетии	6	181
Окладников А. П. С. И. Вайнштейн. История народного искусства Тувы	2	168
Покшишевский В. В., Пучков П. И. В. И. Наулко. Развитие межэтнических связей на Украине (историко-этнографический очерк)	5	162
Полевой Б. П. <i>Советские историки-якутоведы. Библиографический справочник</i>	2	180
Пучков П. И.—см. Покшишевский В. В.	5	162
Пушкин Л. Н. <i>Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии</i>	3	170
Решетов А. М. <i>Маски народов Сибири</i>	4	172
Розенфельд А. З. Новые работы таджикских фольклористов (1969—1973 гг.)	2	177
Смоляк А. В. Е. А. Крейнович. Нивхги	2	171
Цыдендамбаев Ц. Б.—см. Золхоев В. И.	3	177
Юхнева Н. В. Л. Н. Семенова. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века	4	166
 Народы зарубежной Европы		
Бараг Л. Б. <i>Українські народні казки Східної Словаччини</i>	3	182
Гусев В. Е. <i>Slovenské národné pôdžanie v Ľudovej tvorbe. Kolektívnu prácu pripravil Národopisný Ustav Slovenskej Akadémie Vied</i>	4	176
Колесницкая И. М. Польские работы о русском исследователе Силезии	6	185
Померанцева Э. В. <i>Венгерские народные сказки</i>	2	181
Померанцева Э. В. <i>Siegfried Neumann. Eine Meklenburgische Märchenfrau</i>	5	171
Рикман Э. А. <i>J. Vlăduțiu. Etnografia românească</i>	6	187
Фрейденберг М. М. Н. Ф. Рајкović. Pravo preče kipovine u običajnom pravu Srba i Hrvata	1	176
Шлыгина Н. В. J. U. E. Lehtonen, Matti Räsänen. Kuopion Naapaniem	3	179

Народы зарубежной Азии

Арутюнов С. А. <i>Н. А. Иофан</i> . Культура древней Японии	5	173
Арутюнов С. А. <i>И. В. Подберезский</i> . Сампагита, крест и доллар	6	192
Викторова Л. Л. <i>Культура народов зарубежной Азии</i>	6	178
Деопик Д. В., Лескинен А. Н. <i>Данг Фонг</i> . Первобытная экономика Вьетнама	6	189
Джарылгасинова Р. Ш. <i>Высокоученый Куинь и другие забавные истории</i>	5	175
Королев С. И. Г. М. Бонгард-Левин. Индия эпохи Маурьев	1	179
Кочнев В. И. Э. Д. <i>Талмуд</i> . История Цейлона	3	185
Лескинен А. Н.—см. Деопик Д. В.	6	189
Ревуненкова Е. В. А. Д. <i>Бурман</i> . Бирманская драма середины XIX века	4	180

Народы Америки

Башилов В. А., Серов С. Я. Новые книги по истории культуры инков	4	184
Березкин Ю. Е. S. <i>Varese. The forest Indians in the present political situation of Peru</i>	4	182
Ильина Н. Г. С. А. <i>Гонионский</i> , Колумбия: Историко-этнографические очерки	1	184
Козлов В. И. Национальные процессы в США	1	181
Серов С. Я.—см. Башилов В. А.	4	184
Файнберг Л. А. Ю. П. <i>Аверкиева</i> . Индейцы Северной Америки: От родового общества к классовому	2	182
Файнберг Л. А. <i>Völkerkundliche Abhandlungen (Niedersächsisches Landesmuseum, Abteilung für Völkerkunde), Bd I—V</i>	5	177

Народы Африки

Андреанов Б. В. С. Ф. <i>Кулик</i> . Современная Кения (справочник)	2	186
Гоцко Г. Н. Н. Н. Чижов. Танзания. Экономико-географическая характеристика	1	187
Иванов Ю. М. Д. Б. <i>Малышева</i> . Религия и политика в странах Восточной Африки	2	184

Народы Океании

Бутинов Н. А. <i>Man in New Guinea, vol. I—V</i>	3	188
--	---	-----

Personalia

Список основных трудов доктора исторических наук С. В. Иванова (к 50-летию научной деятельности)	4	188
Список основных работ доктора исторических наук С. М. Абрамзона (к 70-летию со дня рождения)	6	194
Список основных работ доктора исторических наук, профессора Л. П. Потапова (к 70-летию со дня рождения)	6	197

[Семен Александрович Гонионский]	2	188
---	---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Европа: мир, безопасность, дружба народов	3
Ж. Б. Логашова (Москва). Международный год женщины	8
Г. П. Васильева (Москва). Женщины республик Средней Азии и Казахстана и их роль в преобразовании быта сельского населения	17
С. М. Абрамzon, Л. П. Потапов (Ленинград). Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории (на материале тюркоязычных кочевников)	28
В. Р. Кабо (Ленинград). Айнская проблема в новой перспективе	42
Дискуссии и обсуждения	
Р. Я. Журов (Москва). Об одной из гипотез происхождения искусства	51
Сообщения	
П. Г. Ширяева (Ленинград). Из истории развития некоторых революционных традиций (по материалам газет «Вперед» и «Пролетарий»)	63
Д. М. Коган (Москва). Особенности быта сельского населения, работающего в городе (по материалам городов средней полосы РСФСР)	71
П. Н. Жолтовский (Львов). О пропорциях в народном зодчестве Украинских Карпат	79
А. Вишняускайтэ (Вильнюс). Надписи на орудиях обработки льна у литовцев как исторический источник	86
З. Д. Титова (Ленинград). Дневник Т. Кенигсфельда — этнографический источник первой половины XVIII в. по народам Сибири	94
М.-Р. А. Ибрагимов (Дербент). Численность и расселение лакцев (1870—1970 гг.)	101
У. Джаконов (Ленинабад). Пахотные орудия у таджиков Сохи в конце XIX — начале XX века (К историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана)	109
Г. М. Давыдова (Москва). Антропологические особенности некоторых финно-угорских народов и вопросы их этногенеза	114
Т. Н. Романовская (Москва). Некоторые особенности урбанизации и демографических процессов в Марокко	121
Г. Н. Гоцко (Ленинград). К вопросу о женском образовании в Танзании (по сухумийским источникам)	129
Р. Круше (Лейпциг). Неопубликованные материалы по этнографии района верхнего течения Шийгу (Мато Гросо, Бразилия)	137
Поиски, факты, гипотезы	
З. П. Соколова (Москва). Найдки в Шишингах (Культ лягушки и угорская проблема)	143
Научная жизнь	
Навстречу X Международному конгрессу антропологических и этнографических наук	155
А. П. Пестряков (Москва). Всесоюзная конференция по этнографическим аспектам изучения народной медицины	156
З. Н. Галич (Москва). Дискуссия в Институте востоковедения АН СССР о роли общины и перспективах ее эволюции в развивающихся странах	160
Б. А. Ананьев (Ленинград). Обсуждение проблем этногенеза, материальной и духовной культуры народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана в Ленинградской части Института этнографии АН СССР	167
	205

Л. М. Ивлева, Е. М. Рогачевская (Ленинград). Чтения памяти П. Г. Богатырева	170
Коротко об экспедициях	172
Критика и библиография	
Общая этнография	
Д. В. Гурьев (Москва). Э. С. Маркарян. О генезисе человеческой деятельности и культуры	174
Народы СССР	
И. С. Гурвич (Москва). <i>Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней</i>	177
Г. Х. Мамбетов (Орджоникидзе). А. Х. Магометов. Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.)	179
В. И. Марковин (Москва). В. А. Татаев, Н. Ш. Шабаньянц. Декоративно-прикладное искусство Чечено-Ингушетии	181
Я. Дарбиниене (г. Огре Латвийской ССР). <i>Jēkabs Vitolins. Latviesu tautas mūzika. Gadskārtu ieražu dziesmas</i>	183
Народы зарубежной Европы	
И. М. Колесницкая (Ленинград). Польские работы о русском исследователе Силезии	185
Э. А. Рикман (Москва). <i>J. Vladuțiu. Etnografia românească</i>	187
Народы зарубежной Азии	
Д. В. Деопик, А. Н. Лескинен (Москва). <i>Данг Фонг</i> . Первобытная экономика Вьетнама	189
С. А. Арутюнов (Москва). <i>И. В. Подберезский</i> . Сампагита, крест и доллар	192
Personalia	
Список основных работ доктора исторических наук С. М. Абрамзона (К 70-летию со дня рождения)	194
Список основных работ доктора исторических наук, профессора Л. П. Потапова (К 70-летию со дня рождения)	197
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1975 году	199
<i>На первой странице обложки: Праздничная демонстрация в Ташкенте</i>	

SOMMAIRE

L'Europe: paix, sécurité, amitié des peuples	3
J. B. Logachova (Moscou). L'Année Internationale de la Femme	8
G. P. Vassilyeva (Moscou). Les femmes des Républiques de l'Asie Centrale et du Kazakhstan et leur rôle dans la transformation du mode de vie de la population rurale	17
S. M. Abramzon, L. P. Potapov (Leningrad). Ethnogenie populaire en tant qu'une des sources pour l'étude de l'histoire ethnique et sociale (d'après les matériaux en rapport avec les nomades turcophones)	28
V. R. Kabo (Leningrad). Le problème d'Ainou: nouvelles perspectives	42
Discussions et délibérations	
R. Ya. Jourov (Moscou). De l'une des hypothèses de l'origine de l'art	51
Communications	
P. G. Chiriaieva (Leningrad). De l'histoire de l'évolution de quelques traditions révolutionnaires (d'après les publications des journaux «Vpériod» et «Prolétariy»)	63

D. M. Kogan (Moscou). Traits spécifiques du mode de vie des populations rurales travaillant en ville (d'après les matériaux des villes de la bande centrale du territoire de la R. S. F. S. de Russie)	71
P. N. Joltovski (Lvov). Sur les proportions dans l'architecture populaire des Carpates ukrainiens	79
A. Višnjauskaitė (Vilnius). Inscriptions sur les outils de traitement du lin chez les Lithuaniais en tant que source historique	86
Z. D. Titova (Leningrad). Le journal de T. Koenigsfeld, une source ethnographique de la première moitié du XVIII ^e s. sur les peuples de la Sibérie	94
M.-R. A. Ibragimov (Derbend). Nombre et établissement des Laktsi (1870—1970)	101
Ou. Djakhanov (Léninabad). Outils aratoires des Tadjik du Sokh, fin XIX ^e —début XX ^e siècles (pour un Atlas historico-ethnographique de l'Asie Centrale et du Kazakhstan)	109
G. M. Davydova (Moscou). Particularités anthropologiques de quelques populations finno-ougriennes et les problèmes de l'ethnogenèse de celles-ci	114
T. N. Romanovskaya (Moscou). Quelques traits spécifiques de l'urbanisation et des processus démographique au Maroc	121
G. N. Gotsko (Leningrad). Contribution au problème de l'éducation féminine en Tanzanie (d'après les sources swahiliennes)	129
R. Krusche (Leipzig). Matériaux non-publiés pour l'ethnographie de la région du cours supérieur du Xingú (Mato Grosso, Brésil)	137
 Recherches, faits, hypothèses	
Z. P. Sokolova (Moscou). Les trouvailles à Chichingui (le culte de la grenouille et le problème ougre)	143
 Vie scientifique	
Vers le Xe Congrès International des Sciences anthropologiques et ethnographiques	
A. P. Piestriakov (Moscou). Conférence nationale pour les aspects ethnographiques de l'étude de la médecine populaire	155
Z. N. Galitch (Moscou). Du rôle de la communauté et des perspectives de l'évolution de celle-ci dans les pays en voie du développement — une discussion à l'Institut d'études orientales, Académie des Sciences de l'U. R. S. S.	156
B. A. Ananiév (Leningrad). Débats sur les problèmes de l'ethnogenèse et de la culture matérielle et spirituelle des peuples du Caucase, de l'Asie Centrale et du Kazakhstan à la division de Leningrad, Institut d'Ethnographie, Académie des Sciences de l'U. R. S. S.	160
L. M. Ivleva, Ye. M. Rogatchevskaya (Leningrad). Conférences à la mémoire de I. G. Bogatyrov	167
Missions en bref	170
	172
 Critiques et bibliographie	
Ethnographie générale	
D. V. Gouryev (Moscou). E. S. Markarian. Du genèse de l'activité et de la culture humaines	174
 Peuples de l'U.R.S.S.	
I. S. Gourvitch (Moscou). <i>Essais d'histoire de la Tchoukotka, des époques les plus anciennes jusqu'à nos jours</i>	177
G. Kh. Mamchetov (Ordjonikidzé). A. Kh. Magométov. Régime social et mode de vie des Ossètes (XVIII ^e —XIX ^e siècles)	179
V. I. Markovine (Moscou). V. A. Tataiev, N. Ch. Chabaniants. L'art décoratif appliqué de la Tchéetchéno—Ingouchie	181
J. Darbiniece (Ogre, R. S. S. de Lettonie). Īekabs Vitolins. Latviesu tautas mūzika. Gadskārtu ieražu dziesmas	183
 Peuples de l'Europe hors l'U.R.S.S.	
I. M. Kolésnitskaya (Leningrad). Travaux polonais sur un chercheur russe étudiant la Silésie	184
E. A. Rikman (Moscou). J. Vladuțiu. Etnografia românească	186
	207

Peuples de l'Asie hors l'U.R.S.S.

D. V. Déopik, A. N. Leskinen (Moscou). <i>Dang Fong</i> . Economie préhistorique du Vietnam	189
S. A. Aroutiunov (Moscou). <i>I. V. Pobierézski</i> . Le Sampaghita, la croix et le dollar	192
Personalia	
Liste des œuvres principales de S. M. Abramzon, docteur ès sciences historiques (pour le 70e anniversaire)	194
Liste des œuvres principales du Professeur L. P. Potapov, docteur ès sciences historiques (pour le 70e anniversaire)	197
Index des articles et matériaux publiés par la revue en 1975	199

Sur la couverture: Manifestation de fête à Tachkent.

Технический редактор Л. И. Глинкина

Сдано в набор 11/IX-1975 г. Т-18374. Подписано к печати 8/XII-1975 г. Тираж 2605.
Заказ 4685 Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 18,2. Бум. л. 6¹/₂. Уч.-изд. л. 20,9.

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10

СРИЯ

Цена 1 р. 80 к.

Индекс 70845

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Готовится к печати книга:

Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. 25 л. 1 р. 95 к.

Работа посвящена изучению особенностей культуры и быта городского населения трех городов — Калуги, Ельца и Ефремова. Конкретный этнографический материал показан в связи с историей формирования городского населения, его социальной структурой, уровнем образования и т. д. Авторы прослеживают развитие городского быта на протяжении последнего столетия, определяют главные факторы, воздействующие на него, показывают качественные различия изменений в быту горожан в прошлом и за годы социалистического строительства, освещают перспективы развития национальных форм культуры и быта в условиях современности.

Книга рассчитана на этнографов, историков, социологов, а также на широкий круг читателей.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

117464 МОСКВА, В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197110 ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»:

480391 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13; 320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 664033 Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; 252030 Киев, ул. Ленина, 42; 277012 Кишинев, ул. Пушкина, 31; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; 199164 Ленинград, Университетская наб., 5; 199004 Ленинград, 9 линия, 16; 103009 Москва, ул. Горького, 8; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 630076 Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700029 Ташкент, Ц-15, ул. 50 лет Узбекистана, 11; 700029 Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18; 450075 Уфа, Коммунистическая ул., 49; 450075 Уфа, проспект Октября, 129; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.